

Остин Марс

ДВОЕ
В ЛОДКЕ

Двое в общаге, или весёлые приключения хама и истерички. (начало)

Лежать на куче маленьких тугих пакетов жутко неудобно, даже если ты просто лежишь. Мне же приходилось ещё и стрелять, причём с двух рук, а эта дура вопит в самое ухо и периодически толкается острым локтем. Последний патрон выбил крошки из кирпичей над головой моих противников, я выщелкнул обойму, зашарил в кармане, неужели последняя, блин...

Девчонка, не прекращая скулить, нашарила между пакетами с наркотой пустую обойму, сунула в рюкзак. Хоззззяйственная, ёлки зелёные. Я с прискорбием убедился, что карманы пусты и спрятал пистолеты сзади за пояс — поиграли в крутых и хватит, пора вспомнить, кто мы есть и как нас звать. Подхватив девушку под локоть, я толкнул её в коридор, перекатился следом, вздрагивая от звякающих вокруг пуль. Это я везучий или они косые? Да какая, к чёрту, разница? Не сейчас, так через час. Мы слишком много видели, после такого не живут.

Я нашарил в карманах две последние «лимонки», рванул кольца и бросил за дверь, понёсся следом за девушкой, за спиной грохнуло, ударило жаром.

Перед глазами мелькали худенькие лопатки моей спутницы, облепленные мокрой от пота майкой, но всё равно бежит, не жалуется, не предлагает бросить тяжёлые сумки... Молодец она.

А я — дрянь распоследняя. Втянул очкастую ботаничку в бандитские разборки, ещё и ору постоянно, как закомплексованный сержант. Девчонка споткнулась о торчащую из старого бетона арматуру и чуть не грохнулась прямо мне под ноги, взвизгнула, я схватил её за руку, удержал и подтолкнул:

— Двигайся давай!

Господи, если бы я знал, что всё так закончится... Ну зачем, зачем мне нужна была эта грёбаная магистратура?!?

Ночь — волшебное время. Тихонько поскрипывают от ветра деревья, отбрасывая косматые тени, фонари подмигивают загадочно и расслабляюще, выстраиваются в длинные светящиеся дорожки до самого горизонта. Вывески и рекламные щиты заливают улицу нереальным синеватым светом, в мокром асфальте отражается перевернутый сияющий город. Мигают оранжевыми светофоры, молчаливо намекая поздним гулякам: «Эй, сейчас не наше время, мы ни за что не отвечаем. Можешь пренебрегать правилами и творить нелепости, никто не увидит». Город дремлет, укутанный в мягкий осенний туман, ему снятся шумные парады и концерты, отголоски которых можно услышать на его улицах даже в самую тихую ночь... если уметь слушать.

Я умею слушать. В спортзале я всегда слышу глухие удары о татами и топот множества босых ног, даже когда там темно и пусто. Ауру места формируют люди.

Я шёл неспеша, уже всё равно поздно, куда торопиться? Последний трамвай уехал баиньки ещё часа полтора назад, теперь единственный мой транспорт — собственные ноги, изрядно гудящие после тренировки, но всё ещё функционирующие, до общаги дотянут.

Жутко непривычно осознавать, что я теперь живу в общаге. Опять. После года информационной лафы, в течение которого из моей головы систематически выбивали знания, которые я до этого вбивал в неё четыре года. Армия — вещь, может, и неплохая, но уж слишком она отрывает от мира.

Я успел забыть, что стипендия мне теперь не полагается. Еле удалось устроиться посреди лета в общагу, и то пришлось взятку дать нехилую, но осмотрев комнату, я остался доволен — отель, ёлки зелёные, а не общежитие! Вот только платить за него... как за отель, именно. Да и есть что-то нужно, хотя бы иногда. А просить деньги у родителей — двадцатидвухлетнему лбу уже не рулит. Пришлось вертеться, и я занялся тем единственным, что умел хорошо и почти всегда — каратэ. Снял маленький зал в районном дворце культуры и спорта, набрал людей, стал проводить две тренировки каждый вечер, а после ещё и мыть полы, потому что платить уборщице зажался.

Вроде, дело пошло, по крайней мере, выручка за июнь-июль позволила мне оплатить зал и общагу, ещё и на пельмени осталось — что ещё нужно для счастья?

И вот теперь я вышагивал по пустынным улицам, то ли страдая, то ли получая наслаждение от налитых мышцы разглядывал розовато-грязное смоговое небо родного города.

Общагу ещё не закрыли, сквозь стеклянные двери светился холл и лестница, за столом дремала, положив голову на недовязанный свитер, вахтёрша. Я на цыпочках прошмыгнул мимо неё, прошёл по лестнице и темному коридору до своей двери, достал ключ. Теперь нужно исполнить сложную комбинацию вставил — толкнул коленом — провернул два раза — толкнул бедром — провернул в обратную сторону — вынул ключ, всё.

Я хлопнул ладонью по выключателю, глаза стремительно расширились, дивясь неожиданным переменам в моей конуре, самой яркой из которых было спящее тело на ранее свободной кровати. Парень забурчал что-то протестующее, натянул одеяло на голову, я пробормотал:

— Сорри, не ожидал, — и выключил свет. Стал на ощупь пробираться к своей кровати,

наступил на что-то, оно жалобно хрустнуло под ногой. Поморщившись, я про себя понадеялся, что это был не айфон последней модели, иначе я за этот шаг вовек не расплачусь. Сбросив с кровати покрывало, а заодно и кучу каких-то тряпок, я быстро разделся и забрался под одеяло, расслабил спину, вытянул ноги... Как же хорошо!

Задумался. Значит, коменда всё-таки выполнила свою угрозу подселить ко мне в начале семестра первокурсника. Видимо, размер сунутой ей взятки не давал мне права на блаженное уединение. Ну, хорошо хоть только одного. Я покосился на сопящее в темноте тело, вроде показалось, что патлатый... Рокер, что ли? Да ладно, хрен с ним, как-нибудь уживёмся, один первак — не сорок спецназовцев. Я успокоено отвернулся к стене и провалился в крепкий здоровый сон.

***

А разбудил меня дикий визг.

Я скатился с кровати, ошалело пытаюсь понять, во что вчера вляпался. По всему выходило, что, вроде, ни во что — самый мирный день в моей жизни, даже не задирали никого. Так за что ж мне такое с самого утра?

Орала девчонка, худая, очкастая и растрёпанная, в длинной футболке, доходящей почти до колен. Что за чёрт на мою трезвую примерную голову?

— Чё орёшь? — хриплым со сна голосом пробасил я, она на миг ошалело застыла с открытым ртом, потом схватила одеяло с кровати и прикрыла свои тощие коленки, продолжая смотреть на меня дикими глазами. Ну да, зрелище я ещё то, особенно сутреца — почти двухметровый, почти голый, с гнездом на голове и отпечатком подушки на полфэйса. Только вот чего она на мою грудь уставилась, непонятно — наколок на мне нет, шрамов тоже, бог миловал. Да и повышенной волосатостью не обладаю, разве только ноги... Я непроизвольно опустил глаза на грудь — может, там прилипло что-то? Вроде, нет. Хрен их поймёт! Протёр глаза и поднялся с пола, сел на кровать, накинул на ноги одеяло:

— Ты откуда взялась? — мой голос прозвучал уже дружелюбней, но малявка всё равно не ответила, продолжая тарашить на меня глаза, я фыркнул, — ну спасибо, хоть орать опять не начала.

Отвернулся, встал и начал перебирать шмотки на полу, ища, во что бы одеться. Штанов нашел двое, футболки ни одной, м-да... Сосед, что ли, уже успел похозяйничать, пока я спал? По ходу дела, успел. Ещё и девку притащил как-то. Надо же, ловкий какой, вчера заселился, а уже утром в комнате девчонка. А сам он, интересно, куда смылся? Хоть поздороваться бы.

Я натянул джинсы, ещё раз поворошил ногой кучу тряпья возле кровати. Ни одной майки. Ну и фиг с ними, буду так ходить. Боковым зрением заметил, что девушка поднялась с кровати и медленно пошлепала босыми ногами к двери, я вздохнул с облегчением — щас вернётся мой, так его, сосед, я ему выскажу... Но девчонка не спешила уходить, а просто открыла дверь, посмотрела на неё со стороны коридора и закрыла. Изнутри. Облокотилась о неё спиной, поправила очки и упёрлась в меня недобрым взглядом:

— Что вы здесь делаете?

У меня отпала челюсть.

— Я что здесь делаю?! Это ты что здесь делаешь?! Это моя комната! — девочка вздрогнула от моего резкого тона, я смутился, сказал уже тише, — ну и этого... твоего. Я не успел ещё с ним познакомиться. Как его зовут хоть?

— Кого? — нахмурилась она.

— Его, — я указал глазами на кровать соседа. Она подняла брови под самые волосы, перевела взгляд на кровать, потом на меня. Произнесла медленно, будто говорила с клиническим идиотом:

— Здесь принято давать имена кроватям?

То, что я выдал в ответ, в историю не попадёт, по причине крайней грубости и непечатности. Она скривилась, я схватился за голову, сел на свою кровать, прошипел сквозь зубы, старательно сдерживая трёхэтажный мат:

— Какого... ты тут... вообще делаешь? Вали в свою комнату! Я ему передам, что ты ушла, он сам зайдёт.

Она решительно прошагала ко второй кровати, села напротив меня и сложила руки на груди:

— Я здесь живу! И никуда я отсюда не пойду. И вы тут не командуйте! Я не знаю, что тут творилось раньше, но такого больше не будет. Чувствую, мне придётся серьёзно со своей соседкой поговорить по поводу парней.

Ответить я не смог. По одной простой причине — моя челюсть лежала на ковре, а говорить без одной челюсти довольно проблематично. На лице девушки светилось выражение великомученицы, настроенной мужественно пройти через все круги ада, но с места не сдвинуться. Внутри заскреблось предчувствие большого шухера, я медленно поднялся и очень вежливо попросил:

— Пропуск покажи... пожалуйста, — она вздохнула, вытащила из-под кровати сумку, из сумки кошелёк, из кошелька тонкий временный пропуск, протянула мне. Я взял, уставился в номер комнаты, потёр глаза, достал из кармана уже измятый собственный пропуск, поставил рядом, чтобы не ошибиться уж точно. Цифры были одинаковые. Все.

Мы одновременно оторвали взгляды от номера комнаты и уставились друг на друга. И слово мы сказали одно и то же. Короткое, эмоциональное и очень непечатное.

Она забуцнула сумку под кровать, быстро застелила постель, буркнула:

— Отвернись! — и стала стаскивать футболку, я сделал вид, что заправляю кровать, не успел поправить одеяло, как она уже загремела туфлями у дверей, крикнула, — идём!

Я бросил всё на кровати как было, захлопнул дверь и вслед за ней сбежал по ступенькам на первый этаж. Каморка коменды была закрыта, мы полomились туда с полминуты, потом я рванул к дежурной, упёрся в стол, с трудом выдавил из себя «доброе утро».

— Где можно найти коменданта?

Бабка отшатнулась от моей нависшей туши, прижала ладони к груди:

— Так в больнице же, прихватило, — она часто заморгала, закивала, — прямо ночью, да. И больше не появлялась.

Я глухо зарычал, девчонка отпихнула меня бедром, почти искренне улыбнулась дежурной:

— А кто её заменяет?

— Так не оставила она никого, сказала, скоро вернётся, селить ещё всё равно рано.

Мы недоброжелательно переглянулись, я тоже попытался улыбнуться:

— А телефончик вы её не дадите? — тётка неистово замотала головой, я сложил ладони в молитвенном жесте, — пожалуйста, очень надо! Нас поселили по ошибке вместе, мы хотим расселиться, ну вы же понимаете!

— Ну хотя бы наберите её сами, а мы поговорим, всего одну минуточку! — девушка сделала умильное личико, тётка заколебалась. — Ну пожалуйста-пожалуйста!

Дежурная переводила взгляд с одного несчастного лица на другое, наконец сдалась:

— Как же так получилось, а? — полезла в сумку за телефоном, потом стала искать очки, продолжая бормотать, — как же так-то? Ошиблась она, что ли? Или вы сами просились, а потом передумали? — она подозрительно прищурилась поверх очков, мы синхронно замахали руками:

— Ну что вы, конечно нет, мы и не знаем друг друга!

— Да? Ну ладно, — она медленно перепечатала номер из блокнотика в телефон, нажала вызов. — Алло, Маргарита Ильинична? Тут вам студенты очень хотят что-то сказать, давать? На, — она протянула трубку девчонке, я коротким броском кобры выхватил телефон, прижал к уху:

— Доброе утро, Маргарита Ильинична! У нас тут такая проблема, вы тут случайно к мне подселили одного человека по ошибке...

Визгливый голос старого фельдфебеля перебил меня на полуслове:

— Никаких «по ошибке»! Нашлись тут мне! Кого надо, того подселила, нечего! Ишь! Это невозможно прямо, в больнице и то достали, того не туда подселила, другого ни за что выселила! Придумываете! Подселила, значит — живи! И нечего мне звонить! Выйду — разберусь! Вообще офанарели...

В трубке раздались гудки, я нажал отбой и стусевавшись, вернул телефон. Девушка смотрела на меня волком, дежурная посмеивалась:

— Получил? Вот так. Если поселила, значит надо так.

— Ну а как же мы... будем? — сделал несчастное лицо я. — Может, мы с вами как-нибудь договоримся?

Тётка скривилась, зашипела на меня:

— Не хватало! Иди уже в комнату, расстоялся, поселили — всё! Нечего теперь договариваться. Блатные одни кругом...

Я хотел огрызнуться, но меня ощутимо пнули в ботинок каблуком, девчонка беззвучно прошипела «заткнись» и потянула меня к лестнице. Поднимались мы молча, возле двери она достала ключи, долго возилась, я отодвинул её, показал магическую комбинацию из толчков и поворотов и даже пропустил вперёд себя. Оказавшись в комнате, мы остановились друг напротив друга, она смотрела на заваленный посудой стол, я смотрел на неё. Помявшись с полминуты, девушка тяжело вздохнула и протянула мне ладонь:

— Евгения.

— Алексей, — я обреченно пожал её лапку двумя пальцами, отвернулся и с грохотом увалился на кровать. Будущее мрачнело с каждой минутой.

***

В комнате с ней я выдержал не больше часа, наблюдение за тем, как новая соседка распаковывает вещи, немилосердно сдвигая мои собственные, меня бесило. Собрал сумку для тренировки и книжки, хмуро бросил «пока» и ушёл в библиотеку. До начала занятий в универе хотелось вспомнить хоть что-то, а у меня как раз было несколько часов до первой тренировки.

На улице жарко и душно, в библиотеке душно и пыльно, а читальный зал выходит окнами на восток, там было почти пусто. Библиотекарша-стажёрка состроила глазки, я на автомате ей улыбнулся и отвернулся — не надо мне новых девок, со старыми бы разобраться. Не понимаю, что они ко мне липнут? Во мне кроме роста да здоровых зубов и нет ничего. Я ж никакой. Серый, как мышь такой же невзрачный. Волосы серые, глаза

серые, кожа — и та серая! Переболел в детстве какой-то фигнёй, теперь на лице ещё и шрамы мелкие, на висках и на щеках с краю... Не красавец, короче. Да и фигура не выдающаяся — если одетый, вообще ничего не видно, просто высокий худой парень. Конечно, если снять майку и напрячься, вырисовываются все мои долгие годы тренировок, но я же не буду это постоянно делать. Спрашивал у своих девок, они говорят, я обаятельный. Сомнительный комплимент, видал я обаятельных — на педиков похожи и ведут себя, как дурачки. Непонятно, короче, ну и ну его на фиг, зачем разбираться, если можно брать и пользоваться?

Я выбрал более-менее затенённый стол, открыл механику... Помучился с полчаса и закрыл. В голове было что угодно, кроме опор и моментов. Мысли мелькали, перед глазами появлялись то квадраты татами, то камуфляжная спина бегущего впереди друга, то ножки молодой библиотечарши... Мысли как-то плавно перескочили на другие ножки, постройнее, но их тут же прикрыло одеяло в пододеяльнике весёлой расцветки. И как я вчера не заметил, что нормальный пацан такое постельное никогда не купит? То ли в слониках, то ли в бегемотиках — смех один. Вот у меня, например, серьёзное, с цветочками.

На мой приглушённый ржач обернулась пара бледных ботаников, я прикусил губу и прикрыл лыбу механикой. Фермы, нагрузки... Если б это ещё имело смысл!

А может, жить в одной комнате с девчонкой не так уж и плохо. Она готовить будет, убирать там... Я ж чистоту очень люблю, правда она меня, по-моему, ненавидит. Стоит сделать уборку, как уже через пару месяцев опять грязно, а посуда вся в еде и воняет на всю комнату. Слава тому великому человеку, который придумал одноразовые тарелки и растворимую лапшу в стаканчиках! Если б не это дивное изобретение, я бы ел только бутерброды.

Я немного расслабился, представляя, как прихожу в чистую комнату, в которой пахнет жареной картошечкой... Моя лыба расплылась ещё шире, выйдя далеко за пределы размеров учебника. Схема на страничке даже обрела на минутку смысл, вытеснив из головы гастрономические грёзы.

После сражения с механикой и геодезией, обессилев окончательно, мой мозг пал в неравной битве с английским и я решительно собрал учебники. Тем более, что есть хотелось уже по-серьёзному. До первой тренировки время есть, как раз перекушу и неспеша прогуляюсь до спортзала.

Жара дохнула с улицы как из приоткрытой духовки, я мгновенно вспотел и захотел пить, двести метров до ларька показались марафоном, а холодная минералка — живой водой. Я переборол хомячье желание купить две бутылки, убеждая себя, что пока дойду, всё равно нагреется, лучше купить на месте. С удовольствием выхлебав почти литр воды, проложил маршрут через тенистые дворики и быстрым экономным шагом двинулся на тренировку. Возле дворца спорта купил здоровенную пиццу и ещё воды, бросил в раздевалке вещи, прошлёпал в зал и влез с ногами на высокую стопку новых матов в углу. Кланяться на входе не стал — нелепо кланяться с пиццей в руках, лучше поклонюсь когда буду выходить, это будет гораздо искреннее. А сейчас я удобно устроился у стены, поставил сбоку воду, на колени положил книжку и вгрызся в пиццу. Блаженные минуты абсолютного умиротворения...

Не успел облизать пальцы, как внизу зашумели ученики — пора вставать и идти тренировать худых и упёртых мальчишек, из которых со временем, я очень надеюсь, получатся сильные спортсмены. Время полетело вприпрыжку, я объяснял и показывал,

шутил, ругал, хвалил, наконец проводил всех, домыл полы и вышел на улицу, выжатый и довольный.

Фонари качали мир теней, где-то бухала музыка, где-то били стекла... А совсем рядом из-за угла вырुливалась местная быкота. Знакомые лица, пару раз они меня уже задирали, до драки не дошло, но было близко. Я подобрался, в который раз пожалел, что до сих пор не организовал себе не то что газовый пистолет, а даже банальный кастет. В кармане обнаружился только мобильник, ну да он у меня такой противотанковый, что можно и им вместо кастета поорудовать. Толпа двигалась навстречу, вела себя нагло и шумно, но сходить на другую сторону дороги я не стал — не хватало. Почти поравнявшись со мной, самый крупный и взрослый парень резко остановился и перегородил мне дорогу. Я автоматически подсчитал — шесть человек, двумя можно пренебречь по причине исчезающе малого веса и возраста, а вот главного будем считать за полтора. Я нахально ухмыльнулся и двинулся на него:

— Чё надо? — ну, такого они не ожидали, даже растерялись слегка. Я шагнул ещё ближе, выпрямил спину, надул грудные мышцы насколько смог, посмотрел с высоты своих метр девяносто семь. Пацаны как-то незаметно ступшевались и отступили, я расправил плечи и прошёл сквозь толпу, старательно пихнув твёрдыми дельтами всех, до кого смог достать.

Выдохнуть я решился только завернув за угол, в голове шумело, то ли от адреналина, то ли из-за того, что так долго напрягал мышцы, пытаюсь казаться больше. Хреновая картина вырисовывается, в следующий раз такой ход конякой не прокатит, драка будет — сто процентов. А я хоть и мастер спорта, и вообще супергерой супердесанта, но сдаётся мне, соблюдать рыцарский кодекс пацаны не будут, а просто навалятся на мою тушку толпой, с обрезками труб и кирпичами весь мой почти центнер веса тупо отпинают ногами. Против банального ножа под ребро никакой дан не спасёт. Так что пора прекращать ходить самому. Перебрав поименно обе свои группы, я отбросил всеи решил, что завтра позвоню старому другу и напарнику и приглашу потренироваться у меня бесплатно. Не особенно смело и гордо, конечно, но умирать молодым почему-то ни разу не хочется.

Когда я ввалился в комнату и по привычке врубил свет, глаза у меня чуть не выпали из орбит. Похоже, это уже становится доброй традицией... Я вспомнил, как мечтал об убранной комнате и запахе еды и пожалел себя за наивность. Тот бардак, что устроила она, мне и в страшном сне не снился. Стол был завален посудой и банками с каким-то стрёмным содержимым, прямо на полу в несколько кучек громоздилось разнокалиберное барахло, а на кровати собиралась торосами моя одежда. Очкастая же мирно спала, завернувшись в бегемотистое одеяло. Я подавил жгучее желание выдернуть её из постели и хорошенько потрясти за шею.

Сумка с пинка улетела в угол с грохотом, способным поднять весь этаж, девчонка дернулась, заморгала и протёрла глаза, нашарила под кроватью очки:

— Ты чего?

— Я чего?! — задыхаясь от злости, указал трясущимся пальцем на кровать, — что это такое?!

— Твои вещи, — сложила руки на груди она. — Я освободила для себя левую половину шкафа, хотела переложить их в правую, но не смогла открыть двери. То есть, я приоткрыла, но оттуда стали вещи вываливаться и я решила — сам положишь.

И личико такое невинное, что даже убивать расхотелось... быстро. Я перевёл взгляд на стол:

— А это откуда?

— Из холодильника, — фыркнула Женя, — ты туда сколько лет не заглядывал? Пропало всё что можно, я его вымыла, а ты завтра разберёшься с посудой.

Офигел я конечно сильно, но возражать почему-то не стал. А она помолчала и заговорщицким шёпотом добавила:

— А ещё я нашла в холодильнике змею. Ты их что, ешь?

— ...! — я хлопнул себя по лбу. Идиот, как я мог забыть?! — Она меня убьёт...

— Кто? — сострадательно скривилась соседка.

— Катька, это моя... типа подружка. Это её змея, — я схватился за голову и присел на гору вещей, девушка бросала на меня взгляды, полные брезгливой жалости. Я понял, что меня только что записали в пациенты дурдома. — Ты её не выбросила? Надо её длину измерить, что ли... Сфотографировать там. Такую же купить. Она меня прибьёт... — я закрыл лицо руками, мысленно избивая себя кувалдой за раздолбайство.

— Не выбросила, вон лежит, в пакетике. — Я вздохнул, она нервно хихикнула, — слушай, это конечно может прозвучать нескромно, но... у тебя больше живности нет? Пауки в баночке, или там хомячок какой мумифицированный? Ты лучше скажи сразу, а то вдруг я найду подозрительные трупки, чтоб случайно не выбросила, оставила тебе, это, измерить...

Под конец фразы она уже откровенно ржала, рыдая в одеяло, я взбесился, гаркнул:

— А на полу что валяется?

— А это сборная солянка, — она пренебрежительно махнула рукой. Конечно, что ей этот хлам после змеи. — Это я выгребла из-под кровати, стола, шкафа и тумбочек. Окаменелые носки в отдельной кучке, вон там. Завтра разберёшь и лишнее выбросишь.

— Ага, — я сам не понял, сарказм это был или полная капитуляция, стал аккуратно связывать одежду в тюк покрывалом, положил на пол, с трудом найдя место между кучами барахла, стянул футболку, забормотал уже сдаваясь, но не желая признавать поражение, — нафига было их трогать... Лежали себе и лежали. Они тебе что, мешали под кроватью, что ли?

— Конечно! — в негодовании воскликнула соседка, — вещи под мебелью мешают равномерному течению энергии Ци! Не вздумай их опять туда запихнуть. Спокойной ночи и потуши свет.

Она отвернулась к стене, на меня уставились фиолетовые бегемоты. Я бросил в выключатель свёрнутыми носками, не попал, пошёл поднимать и бросил ещё раз, прицельнее. Свет погас, по кучам хлама поползли блики от уличного фонаря. Я забрался под одеяло, убеждая себя, что большие мальчики должны стойко сносить тяготы жизни и незаметно уснул.

***

А разбудил меня визг. Я потянулся и открыл глаза, надо же, почти привык. Что на этот раз?

Соседка стояла в углу возле двери, без очков, без одеяла и без... ммм... футболки. Короткая маечка и шорты выгодно подчеркнули некоторые детали её фигуры, незамеченные мной ранее, и теперь я с удовольствием убеждался, что не такая уж она и тощая, а совсем даже округлая где нужно. А эффект тощести создают худые ноги и высокий рост. Не метр восемьдесят, конечно, но больше метра семидесяти точно. Она перестала вопить, нагло оторвав меня от созерцания:

— Алексей, мать твою, сделай что-нибудь!

Хм, Алексей — это я. Узнать бы теперь, что она от меня хочет.

— Чё случилось?

— Там, — она указала трясущимся пальцем на свою кровать, — там что-то...

— Что? — лениво пробурчал я, не спеша вылезать из-под одеяла.

— Не знаю! Встань и посмотри! — она сжала ладони перед грудью, топчась босиком по голому полу. Я сжалился и встал, приподнял её одеяло... матюгнулся и отбросил, отскочив на середину комнаты.

— Что там? — свела бровки домиком она, я опять подошёл к кровати, уже медленнее отвернул одеяло, присвистнул:

— Жень, куда ты, говоришь, дохлую змею положила?

— В п-пакетик...

Я обернулся, пытаюсь разглядеть в неверном свете утра гору пакетов на полу. Прочистил горло:

— Жень, ты только не пугайся и не ори опять, ладно? Змея уже не дохлая, и не в пакете. У тебя в постели ей, по ходу, больше нравится.

Девчонка тихо заскулила, кусая губы:

— Что она там делает?! Убери её оттуда. П-пожалуйста...

— Что делает? Греется! — я хохотнул, подцепил упругое тельце возле головы, открыл ногой холодильник и с грохотом швырнул змеича в нижний ящик. Захлопнул дверцу коленом, отряхнул руки, оскалился, — порядок. Иди досыпай.

Она подошла, достала очки, внимательно осмотрела каждого бегемотика и порывисто схватила меня за руку:

— Спасибо!

Сразу же смутилась, опустила голову и влезла под одеяло. Я польщённо пожал плечами:

— Да чего там... Это ужик, он не кусается.

Сзади раздалось яростное:

— Что?!?

И на меня обрушилась подушка, всеми своими грёбаными бегемотами, потом ещё раз сбоку, потом с другого. Она метелила меня, одаривая воплями на каждый удар:

— Ты — раньше — сказать — не мог?! Урод!!! Так тебе! Так тебе!

Я нырнул под одеяло с головой и тихо гнусно ржал, пока она не запыхалась и не ушла на

свою кровать. Часы показывали "скоро вставать", под одеялом было тепло и смешно.

В общем, день начинался на удивление хорошо!

***

Когда я проснулся спустя полтора часа, соседки уже не было. Её аккуратно застеленная кровать выглядела безобразно чистой на фоне всей остальной комнаты. Да, сутреца идея «разобраться» с мусором и посудой уже не казалась мне такой уж блестящей. Я натянул первое же, что на ощупь досталось из тюка с одеждой и потопал к холодильнику. Ну и что, что я туда уже месяц ничего не ложил? А вдруг там что-то всё-таки есть?

Моя логика была железна и неоспорима — в холодильнике стояла початая банка йогурта, молоко и три яблока. М-да, на её месте я б тоже похудел... Многострадального змеича в ящике для фруктов уже не было. И куда она его дела? Я осмотрелся, вроде, вот этой коробки тут вчера не было. Точно — картонная коробка от чего-то непонятного, сверху закрытая разрезанным пакетом с симметричными дырками. Что б не задохнулся, надо полагать. Внутри стоит пустое блюдце, она что его, ещё и кормила? По ходу, да. И он поел. Ззаботливая, блин...

Я подавил недостойное чувство зависти к ужику, который, в отличие от меня, уже поел, и осмотрел заваленный стол и пол. Чувство, которое я при этом испытал, последний раз посещало меня при созерцании двенадцати соток бабушкиного огорода, которые надо вскопать. Мантра о том, что большие мальчики не плачут и не бегают от проблем, пригодилась мне ещё не раз в течение следующих трёх часов, по истечении которых в комнате почти ничего не изменилось.

Я был в бешенстве. Это всё равно что проработать полдня на огороде, а потом поднять глаза от лопаты и понять, что вскопал всего три ряда. И что «от этого столбика и до вечера» — это нифига не иносказание. По комнате всё ещё валялась одежда, на столе всё ещё была посуда, хоть и чистая, а на полу был хлам, хоть я и рассортировал кучи и подвигал их к стенам.

Я в остервенении тёр полотенцем очередную тарелку, всерьёз подумывая о более радикальном методе уборки — в окно, когда в замке заскрежетал ключ. С полминуты послушав её жалкие попытки открыть дверь, я провернул замок изнутри и хмуро кивнул вместо приветствия. Она вошла вся такая радостная, что замученному мне с порога захотелось её прибить, но девушка, ничего вокруг не замечая, сбросила туфли и пробежала к ящику:

— Привет, мой хороший! — откинула верх коробки, взяла обеими руками змея и нежно потёрлась носом о его нос, рептильчик в ответ только язык высунул, но и это вызвало у моей ненормальной соседки море умиления. — Ты моя зайнька! Правда он хорошенький?

Это она уже у меня спросила, показав несчастное животное на вытянутых руках, как будто я его никогда до этого не видел. Не знаю, что было написано на моей ответной физиономии, но девчонка надула губки и отвернулась:

— Грубый ты, — погладила змея, осторожно уложила в коробку и налила ему молока. Когда мини-террариум был максимально облит вниманием, очередь дошла наконец и до меня, убогого. — А ты как? Как продвигается уборка?

— А то ты не видишь, — буркнул я, она пожала плечами, окинула взглядом мою работу. — Ты бы тарелки и кастрюли расставил по местам, освободился бы стол. Стало бы удобней и быстрее.

Я чуть не разорался по поводу того, где я видел всяких советчиц и куда они могут идти.

Глядя на мою перекошенную физиономию, девушка буркнула «делай как хочешь», подобрала сумочку, бросила туда два яблока из холодильника и ушла не прощаясь.

Подавив соблазн швырнуть тарелку ей вслед, я бросил полотенце и сел на кровать, чуть не лопаюсь от усталости, злости и раздражения. Какие ж мы, ёлки зелёные, правильные! Вымой, вытри, убери, расставь по местам!

Я открыл её сторону шкафа, маниакальный порядок просто резал глаза — отдельно свитера, брюки, джинсы и блузки, всё разложено по цвету от тёмного к светлому. Интересно, у неё бельё днями недели не подписано? С неё станется. На книжной полке царил тот же архивный порядок, книги по алфавиту, конспекты соответственно книгам на полке ниже. На тетради по английскому — Биг Бен и здание парламента, по немецкому — колонна и какая-то арка, по макроэкономике — карта мира и диаграмма... Интересно, ей с самой собой не скучно, нет? Открыл я только английский, скривился и закрыл — идеальный почерк, тема занятия выделена красным, определения — зелёным.

Сунув тетрадь куда-то между книгами, я хотел уже вернуться к своей бесконечной посуде, как меня озарило мерзко привлекательной мыслью... Я обернулся. Ужаснулся тому, как кощунственно смотрится осквернённая мной тетрадка не на своем месте... и жажда сделать гадость ближнему обуяла меня с неистовой силой.

Тарелки были забыты, я вооружился ножом и с мерзкой улыбкой выгреб её конспекты с полки.

***

Когда грязная и неблагородная подлость была уже совершена, я осторожно поправил последнюю тетрадь, восхитился — как так и было! — и растянулся на кровати. До тренировки времени не так уж много, грёбаная уборка сожрала полдня и не подавилась, пора звонить Саньку, пока не забыл.

Мой старый друг жил буквально в паре кварталов отсюда, когда-то мы ходили с ним на борьбу, потом перевелись в пятый класс, резко поумнели и решили вместе перейти на каратэ. Дорожки наши разошлись после девятого класса, когда он ушёл, а я остался, но мы продолжали иногда видеться, хоть он и бросил тренировки через пару лет. Мой старый тренер говорил, что Саня всё ещё где-то тренируется, но на соревнованиях не выступает. А жаль. Такого талантливого бойца я за свою жизнь больше не встречал, он мог бы стать великим, это все видели. Ему периодически приходили приглашения на международные турниры и серьёзные чемпионаты, но он отмахивался — какой спорт, когда семью кормить надо?

Его городской номер я помню до сих пор, как и голос его мамы, который с годами ничуть не изменился:

— Алло.

— Добрый день, тётя Лена. Это Лёха. А Санька можно?

— Лёша? С тренировки? — о, меня тоже помнят, как приятно! — А Саша на работе сейчас я тебе его мобильный дам.

Я записал телефон, немного поболтал с приятной, как всегда, женщиной, тепло попрощался и сразу же набрал Саньку. Тот меня тоже сразу узнал, обрадовался, как родному и без вопросов пообещал прийти за полчаса до тренировки.

Настроение поднялось под потолок, я даже на одном дыхании домыл и расставил по местам посуду, получил две секунды удовольствия от созерцания чистого и пустого стола и

стал собираться на тренировку.

В коробке ужик, сволочь, с аппетитом пил молоко. Я забрал из холодильника последнее яблоко и вышел из комнаты.

***

Первая тренировка прошла, до второй полчаса перерыва, я закрыл зал изнутри и растянулся на татами, кайфово похрустывая каждым суставом. Зазвонил телефон, я перекатился к лавочке и взял трубку:

— Да.

— Лёх, я пришёл к дворцу. Куда заходить?

— Наверх поднимайся, — я радостно вскочил, — прямо в зал, он тут один.

Уже через пару минут мы валялись и дурачились на татами, болтали.

Он почти не изменился, темноволосый, невысокий и крепкий, как гранит. Физиономия добродушная и открытая, как часто бывает у людей, которых очень сложно обидеть... и опасно. Из таких с огромной лёгкостью вьют верёвки женщины и дети.

Я рассказал о своей учёбе и армии, он посокрушался, что как раз в том году женился, а меня на свадьбе не было, потихоньку разговор дошёл и до причины его пребывания здесь.

— Понимаешь, малолетки почти все, — сжал кулаки я, — по одному их можно плевком зашибить, но толпой как-то стрёмно. Если кого-то ненароком поломаешь...

— Ясно, — понятиливо закивал Санёк, — и отбиться надо, и убивать нельзя. А когда их много, это сложно. С чем ходят?

Вот за что его люблю, так это за практичность!

— У одного выкидуху видел, но обращаться не умеет, — задумался я, — остальные вроде с голыми руками, даже пиво в банках, а не в бутылках.

Друг обаятельно полуулыбнулся, подмигнул:

— Разберёмся. Давай запускай своих, время уже, — встал, поправил кимоно, отвесил мне шуточный поклон, — учитель!

Я фыркнул и начал тренировку.

***

Когда все ушли, он даже помог мне со шваброй, потом мы закрыли зал и спустились на тёмную улицу. С напарником под боком я чувствовал себя гораздо увереннее, мы болтали и смеялись, и чуть не проморгали своих встречающих. Сегодня их было больше десятка, малолетки в начале квартала тихонько отстали от основной группы и теперь просто глушили пиво и пялились с безопасного расстояния. Я чуть не зарычал — подготовились, заразы. Краем глаза заметил, что Санёк сунул левую руку в карман сумки, скорее всего, за кастетом или парой крупных шариков от подшипников, он любитель такого дела.

То, что мой напарник — левша, на тренировках было дико неудобно, зато заставляло меня хорошо отрабатывать защиту с обеих сторон, да и нападение тоже. А как удобно с ним драться плечом к плечу! Я автоматически развернулся в привычную стойку для драки вдвоём с толпой, пацаны обошлись даже без просьбы закурить, просто вытащили кто на что горазд и кинулись. И началось!

В этот раз быки подобрались почти все взрослые, можно не жалеть, я резво раздавал синяки во все стороны, под костяшками хрустело, очередной курильщик давился вдохом. Иногда я ловил в поле зрения Санька, красиво взлетающего в очередном ударе и уже бьющего нового противника, пока первый ещё не долетел до земли. Потом в какой-то момент резко бить стало некого. Мы стояли спиной к спине в одинаковых стойках, вокруг

копошились и стонали безмозглые тела.

— Ты как? — спросил друг. Зараза, он даже с дыхания почти не сбился! Завидно, блин.

— Нормально, — опустил руки я. — Вроде, никого не сломал. А ты?

— Есть сомнения, — вздохнул он, подошёл к одному из неподвижных тел, взял за подбородок, повертел несимметрично распухшую голову. — Не, нормальный, показалось. Идём?

Мы подняли сумки и зашагали дальше, малолетки куда-то испарились ещё во время драки, так что путь нам никто не преграждал. Я старательно не хромал, наступая на подвёрнутую ногу, что самое обидное — сам виноват! Неудачно повернулся, учитель хренов. Санёк, по-видимому, чувствовал себя вообще отлично, улыбается идёт, только лицо чуть разругалось.

— Не зацепили? — поинтересовался я.

— Один раз, — скорчил рожицу он, потёр плечо, — не сильно. А тебя?

— Два, — уязвленно буркнул я, Сашка всегда был техничнее, но я всегда упорно пытался это изменить.

— Да ладно тебе, — пихнул меня плечом он, — отбились же. Расслабься.

Я вздохнул и отогнал мрачные мысли.

***

Возле общаги заглянул в ночной магазинчик, куплю Женьке яблок, а то если она меня сама не убьёт, то совесть замучает точно. Я хоть и прожил всю учёбу в общаге, но наглым пожирателем всего, до чего могу дотянуться, не стал. К счастью. Потому что в армии за такое били нещадно, там принято было посылками делиться самому все почему-то честно делились.

К яблокам я, немного подумав, купил большой батон и колбасу. А что? Комплект — белки, жиры, углеводы и витамины. А сгущенку я купил просто так, без логики, захотелось.

Дверь немного повывелывалась и открылась, я на ощупь добрался до холодильника, стал тихонько выкладывать продукты. Желудок отреагировал на открывание волшебной дверцы вполне предсказуемо, я думал, от его выражения возмущения соседка проснётся. Нет, пронесло — только задышала громче. Я успокаивающе погладил пузо ладонью и пошёл за ножом. Подсветив себе открытым холодильником, косо отрезал кусок батона и сварганил огромный бутерброд, с удовольствием откусил, глядя на освещённый край Женькиной кровати. Прямо на меня смотрел сиреневый бегемот, складка ткани придавала его морде выражение наезда. Я приблизил к нему лицо и прошептал:

— Ты чё, пацан, рамсы попутал?

Со стороны подушки донёсся сдавленный фырк, девушка повернула голову в мою сторону и прошептала:

— Это кому ты только что сказал?

— Бегемоту твоему, — у меня запылало лицо, я быстрее закрыл холодильник, чтобы она, не дай бог, не заметила. В комнате потемнело, уличный фонарь обрисовывал только тёмные силуэты. Девушка хихикнула, поднялась на локте:

— А почему «пацан»?

Я угрюмо откусил ещё кусок, буркнул, понимая, что хуже уже не будет:

— А чё он, не пацан?

— Дурак, это девочка! — засмеялась она. — Она же с ресничками!

Я пожал плечами:

— Ну тогда ладно, пусть пялится. Я девочек не бью, — я стал подниматься с пола, собираясь доест в постели, когда Женья вдруг села и потянулась за очками:

— А что ты лопаешь? — вкрадчиво поинтересовалась она.

— Бутерброд, — я сел назад на пол, ожидая выволочки за последнее яблоко, но её не последовало.

— Я тоже хочу.

— Сделать? — неожиданно предложил я, удивляясь, чего это я сегодня такой добрый.

— Ага, — улыбнулась она, лица я не видел, но по голосу было понятно. Я опять полез в холодильник, заработал ножом, вручил ей бутерброд. Не такой здоровенный, как у меня, но всё равно немаленький.

— Ого! — уважительно воскликнула она. — Спасибо.

— Да не за что, — я положил свой бутерброд, быстро разделся и сел на кровати, завернувшись в одеяло. Комнату наполнило сдвоенное чавканье, я тихо засмеялся с набитым

ртом, она тоже. Я дожевал кусок, пробормотал:

— Я там это, яблок принёс. С процентами.

— Хм, не ожидала, — она склонила голову на бок. — Стыдно стало, что ли?

— Просто не люблю быть должным.

Мы помолчали, потом она тихо спросила:

— А ты на кого учишься?

— Инженер-строитель, — фыркнул я. — Только не спрашивай, ладно? Я сам не знаю, зачем я туда поступил. Методом исключения, отбрасывая те специальности, которые уж точно не хочу. А ты куда поступила?

— Международные отношения, — вздохнула она. — Только я не первокурсница, я сразу на третий пошла. Сейчас хожу на курсы, что бы ознакомиться с вашей программой.

— Нашей? — наморщил лоб я.

— Я раньше училась в Дании.

Я чуть не подавился колбасой — в Дании? И что она тогда здесь делает? Она улыбнулась:

— Мои родители захотели, чтобы я прошла учёбу по обе стороны. Просто, папа работает дипломатом и хочет меня пристроить туда же, но не хочет, чтоб это было по блату. То есть, я должна заслужить. Вот и... — она развела руками, очерчивая то ли мою захламлённую комнату, то ли нашу безалаберную страну. Я покачал головой:

— Фигасе. И давно ты в Дании была?

— С четырнадцати лет. Там такая школа-интернат, закрытая... Мы там жили весь год, кроме двух каникул, на зимние ездили всей группой куда-нибудь на лыжах кататься, а летом к родителям.

Я офигевал всё больше, мне как-то казалось, что мир, в котором живут в закрытых школах и ездят на каникулы в горы, находится где-то в другом измерении, там, где снимают зарубежные фильмы и слезливые женские сериалы. Что делает девочка из заэкранного мира в моей комнате в раздолбанной общаге, мне было неясно всё сильнее.

Я молчал, девушка вздохнула, поплотнее закуталась в одеяло:

— Думаешь, я мажорка? — Я промолчал, она упрямо вздёрнула подбородок, — я никогда не платила за оценки и папиным положением не пользовалась!

— Верю, — ответил я. — Уж если ты здесь, — я развёл руками, демонстрируя комнату, она хихикнула:

— Да, я конечно знала, что в отечественных общагах что только не творится, но чтоб такое!

Мы посмеялись, я дожевал, облизал пальцы. Она спросила:

— А ты почему летом в общаге?

Я задумался, которую из многочисленных причин ей назвать.

— Не хочу сидеть на шее у родителей.

— Так ты не учишься? — удивилась она.

— Учусь, точнее, начну с сентября. А сейчас просто живу.

— А куда ты тогда так регулярно ходишь? Работаешь?

— Я каратэ преподаю, — скромно потупился я.

— Круто, — восторженно протянула девушка, я мигом почувствовал себя здоровенным, блестящим от пота и с боевой раскраской, как у командос. Вот ради таких мгновений весь наш немногочисленный пол и потеет в спортзалах, а совсем не ради медалей и поясов. Но

мы не признаёмся.

Я пожал плечами, не зная что ответить, девушка, похоже, смутилась и перевела разговор на другую тему:

— А ты ужика будешь возвращать?

Я спустился с небес на землю, почесал репу:

— А надо?

Она фыркнула:

— Ну, ты же сам говорил! Сфотографировать хотел, чтоб такую же купить, а то убьёт...

Аесли он проснулся, то теперь можно ничего не покупать, а отдать его, — она вздохнула так тяжело, как будто ей предстояло отдать под снос любимый дом, я не смог сдержать улыбку:

— Он что тебе, так понравился?

— Он классный. — Женька помялась, потом решила, — а как его зовут?

— Понятия не имею, — честно ответил я, — при мне она к нему не обращалась. —

Соседка покосилась на коробку со змеиком, опять вздохнула, я не выдержал, — ну хочешь, оставим? Я ей другого куплю, вряд ли она заметит.

Если честно, то сначала я лучше Катьке позвоню, спрошу, хочет ли она всё ещё вернуть несчастного рептильчика, а то как мне помнится, чаще всего она говорила об ужике в качестве аксессуара, как он будет смотреться с каким платьем и всё такое. И сдаётся мне, если я скажу, что змей сбежал, она не расстроится.

— Хочу, — тихо ответила она, я расправил одеяло и улёгся, взбил подушку:

— Тогда можешь придумывать ему имя. А я спать.

— Спокойной ночи, — она тоже стала укладываться, я представил, как зашевелись на её одеяле бегемотики с ресничками, улыбнулся и отрубился.

***

Проснулся я от того, что по лицу бегал солнечный зайчик, горячий и щекотный. Я чихнул, потёр глаза и посмотрел на мобильный — отлично, через пять минут должен зазвонить будильник. Вытянулся на кровати, похрустел суставами, уставился в потолок. Так, что у нас сегодня в планах? Сходить в библиотеку, поучиться хотя бы чуть-чуть, чтоб с меня не ржали в сентябре разные счастливо закосившие. Позвонить Катьке, спросить насчёт змея... а лучше даже заглянуть в гости, время есть. Особенно, если забить на библиотеку.

Я потянулся за телефоном, пролистал вызовы — м-да, в последний раз я звонил ей неделю назад, она сказала, что перезвонит завтра и всё. После этого ни сном, ни духом. Ну и ладно, девушкам простительно, тем более, что мы друг другу пока ничего не обещали. Я напряг память, считая её смены, по всему выходило, что сегодня у неё выходной. Ещё утро, надеюсь, она не успела никуда смыться и я буду кстати.

Поднялся, развязал покрывало, стал ворошить одежду. Хм, а в таком способе хранения вещей что-то есть. Не нужно складывать, места занимает мало, причём, можно передвинуть в любой момент — не тяжело. Я наконец нашёл свою любимую светлую футболку, встряхнул и с удовольствием надел — вот теперь можно идти на свиданку, мачо самый натуральный! Ибо футболка была любима мной за одну простую, но незаменимую особенность — её просто нереально помять. Джинсы нашлись там же, почти не мятые, ну да кто на них смотрит. Теперь перекусить и к подружке... Перед глазами уже замелькали соблазнительные картинки нашей будущей встречи, я чисто символически заправил кровать одеялом и открыл холодильник.

И по лицу у меня расплылась улыбка, которую вряд ли закрыл бы не то что учебник теормеха, а даже папка для курсового — на тарелке по центру пустой полки лежал огромный бутерброд, на художественно разложенной колбасе было майонезом написано "Лёха".

Я чуть не прослезился от умиления, блин, точно оставлю ей этого несчастного змеича, ещё и корзинку для него подарю. С поилочкой...

Слопал я его на одном дыхании, запил водой и стал обуваться. Катьке решил не звонить, пусть будет сюрприз.

На улице было пока не очень жарко, я с удовольствием вдохнул полной грудью, где-то в глубине грудной мышцы заныл вчерашний ушиб, от души меня приложили, завтра тоже болеть будет. Второй пропущенный удар пришёлся по ноге, вроде, пока не тревожит, хоть на тот момент и было больно. Я осмотрел костяшки — целые, чуть припухли, но это ничего, они у меня никогда не были особенно правильной формы. Маленькая ссадина только на среднем суставе пальца, зацепил чью-то молнию. Удачно мы подрались — морды целые, зубы на месте. Можно даже на свиданку на следующий день.

Я заулыбался во весь комплект, прищурился на солнце — хорошо! Подумал, что надо бы купить цветы, а то кто её знает, вдруг обиделась, что так долго не звонил.

Цветочницу я нашёл на углу, вооружился очень среднестатистическим веником — я не знаю, какие цветы она любит, — и потопал к Катьке.

Подъезд у неё не закрывается, я взбежал по ступенькам и позвонил. Через полминуты позвонил ещё раз, испытывая смутное подозрение, что она ещё спит. Но вот за дверью раздались шаги, скрежетнул замок на меня взглянула заспанная Катька, кутаясь в халат. Осветлённые волосы торчали в разные стороны, на лице расплывались остатки макияжа.

— Привет, — улыбнулся я. — Это тебе.

Её глаза скептически пробежали по моим ботинкам, джинсам, букету и остановились на физиономии:

— Ты чё припёрся без звонка?

Если бы она достала из-за спины ведро воды и вылила мне на голову, эффект был бы такой же. Я хватал воздух ртом, пока мозг, чертыхаясь, копался в словарном запасе.

— Я... ну...

Из-за приоткрытой двери донёсся приглушённый мужской голос:

— Катька, кто там?

— Соседка! — крикнула в комнату она, обернулась ко мне и яростно прошептала, — мы с тобой не встречаемся и в вечной любви я тебе не клялась! Звони, прежде чем приходить!

Я сглотнул твёрдый комок в горле, спросил:

— У меня там змей твой остался...

— Выкинь его! — поморщилась она, — или подари кому-нибудь. Давай, пока.

Я придержал почти закрывшуюся дверь:

— Цветы возьми.

— От соседки?! — сверкнула глазами она и захлопнула дверь.

Я немного постоял в подъезде, приходя в себя. Интересно, если бы я позвонил, она назначила бы встречу на удобное время и встретила меня куда радушнее? Хороший вопрос... Я достал телефон, перебирая в уме других подруг, стал медленно спускаться, набирая первый номер.

На пятой попытке мне повезло — эта оказалась не занята, не больна и в городе. Цветы

ещё не успели завянуть и я бодренько шагал к остановке. Проблема была одна-единственная — я не помню, как зовут эту даму. В телефоне она была «пушистик» и если мне не наставляет рога память, записывала туда свой номер она сама. Выбрала мелодию, сфоткала себя на картинку для вызова... а на имя пожмотилась. А, хрен с ней, буду звать солнышком и зайнкой, авось прокатит.

***

На тренировке я был расслаблен и умиротворён, Сашка посмеивался и корчил рожи, я старательно не замечал, но когда показывал на нём приёмы, пару раз «забыл» подстраховать. После второго падения он понял и перестал, мы мирно закончили тренировку и стали мыть полы. После нескольких намёков, я всё-таки максимально скромно похвастался сегодняшним походом, когда мы сбегали по ступенькам, отбросил условности и рассказал чуть менее скромно, а когда зашагали по улице, я уже эмоционально размахивал руками, как заправский рыбак.

По дороге нам никто не встретился, уже когда выходили из проблемного квартала, наткнулись на курящую за углом шпану, один из малолеток нас узнал, толкнул другого. Я подобрался, Санёк заметил и тоже обернулся в ту сторону, но к нам никто не двинулся. Уже пройдя мимо них, я услышал, как кто-то крикнул нам в спину:

— Ты труп, слышишь, ты? Ты не знаешь, с кем связался!

Я обернулся, но увидел только одинаковые спины. Сашка пожал плечами и улыбнулся:

— Фигня. А даже если и не фигня, нас в группе двадцать шесть человек было.

Я тоже оскалился, он прав — даже если придёт только пятёрка наших КМСников, плюс мы с Саньком мастера, мы таких хоть армию положим и не запыхаемся. Это осознание заставило расслабиться и расправить плечи.

***

Когда я поднялся к себе, в комнате горел свет. Соседка читала на кровати, я сказал «привет» и вошёл, но она не обернулась. В комнате было как-то подозрительно чисто. Неужели она сподобилась навести порядок? Я бросил сумку под кровать и стащил футболку, собираясь затолкать её в связанное покрывало... и понял, почему в комнате чисто. Там не было моих вещей. Вообще никаких.

Я обернулся, Женя смотрела на меня со смесью обиды и злорадства. Вдруг вспомнилось, что я сделал с её тетрадями и под взглядом её холодных глаз мне стало очень неуютно.

— Где мои вещи? — обманчиво-спокойно спросил я.

— В химчистке, — так же спокойно ответила она, — завтра после обеда заберёшь. — Янахмурился, пытаюсь понять, в чём подвох, когда она ядовито улыбнулась и добавила, — оплата при получении.

— Что?! Какого хрена ты творишь? — взорвался я, она отложила книжку, встала и ткнула меня пальцем в грудь:

— А ты какого?! Что тебе сделали мои конспекты? Я выглядела полной идиоткой перед всей группой, а они меня все ненавидят, только искали повод, чтоб придраться! Я провалиться готова была!

— Если тебя ненавидят все, может, проблема не в них? — ядовито развёл руками я.

— Если все ненавидят того, кто лучше них, то проблема в том, что они все тупые!

— А ты одна умная! Конечно! — с сарказмом закивал я.

— У меня одной годы практики общения с носителями языков и конспекты по предметам, о которых в этой грёбаной стране и не слышали!

— Ах, страна наша тебе не нравится! — завёлся я, — ну конечно, здесь на каникулах в горы не ездят! И папы здесь не у всех дипломатами трудятся!

— Заткнись, — отвернулась она.

— Нет, милая, — я схватил её за руку, развернул к себе, — не заткнусь, чтоб меня заткнуть, надо что-то посерьёзней сопливой ботанички!

Она яростно сверкнула глазами, попыталась оттолкнуть меня свободной рукой, я снисходительно хохотнул на её жалкие потуги. Тогда она залилась краской, завывалась и начала бить меня всем подряд, свободной рукой, ногами...

Я разжал пальцы, сомкнутые на её плече, девчонка отпрыгнула на другую сторону комнаты и тогда до меня стало доходить, куда она меня ударила.

Какого я стал цвета, даже подумать страшно, когда рецепторы так шкалят, как-то не до внешнего вида. Женька осторожно подошла ко мне, потирая плечо, на нём проступали красные пятна от моих пальцев. Неужели я её так сильно?

Она наклонилась, заглянула в моё перекошенное лицо и констатировала:

— Сам виноват, — потом сжалась и добавила, — по пяточкам постучать?

Я сквозь зубы выдал короткую тираду о том, куда надо постучать её головой, она пожала плечами, легла и продолжила читать.

Ссс... нехорошая девочка. Я доковылял до кровати, лёг и отвернулся к стене. Боль перестала нарастать и потихоньку спадала, эта... нехорошая девочка как ни в чём не бывало шелестела страницами. На стене цокали часы. Когда меня отпустило, я продолжил лежать в той же позе, гадая, что же сделает Женька теперь, так и будет, что ли, читать до утра? Половина двенадцатого, это мне можно выспаться, а ей рано вставать. Тут она отложила книжку, тихонько подошла и тронула меня за плечо:

— Лёш? — Я задал лыбу и не отреагировал, продолжая пялиться в стену, — ну Лёш! Что, так сильно, да? Ну извини, ну Лёш...

Я медленно повернулся к ней, морда была скорбная и укоряющая:

— Ты хоть знаешь... ты никогда не узнаешь, как это больно.

— Ну извини! — свела бровки домиком она, погладила меня по плечу, — я больше не буду, честно. Ну хочешь, я тебе бутерброд сделаю?

На этот раз лыбу я сдержать не смог. Она увидела и тоже расцвела:

— Я ветчину купила!

Желудок предательски заурчал, я перевернулся на другой бок, глядя, как она носится у холодильника, режет батон, поливает майонезом, раскладывает тонкие ломтики ветчины и колбасы, посыпает какими-то специями, украшает зеленью... Да, вот со специями я бы не додумался, теперь понятно, почему её бутерброды вкуснее.

— Держи, — она вручила мне свое творение, затрепетала ресничками, — не обижаешься?

— Я подумаю, — с набитым ртом пробормотал я, дожевал, — всё, я подумал. Не обижаюсь.

Она рассмеялась, потом погрозила пальцем:

— Но за химчистку я платить не буду.

— Я заплачу, — махнул рукой я, — я тоже виноват. Не знаю, что меня дёрнуло...

— А какие обложки ты ещё поменял, кроме английского и экономики?

— Все, — потупился я.

— Все?! — она замахнулась на меня подушкой, я сжался:

— Я тебе помогу назад переставить!

— Сегодня, — нахмурилась она, — прямо сейчас.

— Дай доесть, — вздохнул я.

— Ладно, — она положила подушку на место. — Это надо было додуматься! Как ты скобы разгибал?

— Ножом, — пожал плечами я. Она покачала головой и вернулась к книжке, я дожевал и принялся менять обложки обратно. Краем глаза иногда поглядывал на соседку, она смотрела в книжку, всё чаще зевая, наконец, мне это надоело и я сказал:

— Слушай, давай я утром поменяю? Ложись спать. Какие тебе нужны на завтра?

— Немецкий и английский.

— Ну так они уже в порядке. А остальные утром.

— Ладно, — она потёрла глаза, сунула под кровать книжку и очки. — Спокойной ночи.

Я пошел выключать свет, она завозилась, укладываясь поудобнее, потом вздохнула и тихо добавила нежным мирным голосом:

— Вычудишь ещё что-то в этом роде — вообще на фиг всё поотрываю.

И я ей почему-то поверил.

***

Утром пошёл дождь. Я долго не мог проснуться, плавал где-то на грани, под убаюкивающий шелест листьев и глухой стук капель по стеклу. Хотелось забиться поглубже в одеяло и слушать, как под боком мурчит что-то тёплое и пушистое. Кошка там, или на крайняк девушка... Но рядом был только свежеразмороженный ужик, а он не отличался ни пушистостью, ни муркуцеством.

Я наскрёб немного силы воли и всё-таки поднялся, прошлёпал к холодильнику, открыл. Именного бутерброда не было, жаль, хоть я особенно и не надеялся. Зато ветчины ещё немного осталось. Сварганив бутерброд, кривенький, зато большой, я осмотрелся — кучи неразобранного хлама громоздились неммым укором моей лени, только горы носков нигде не наблюдалось — видимо, их Женька тоже сдала в химчистку. А ведь здоровенная получилась гора! Не думал даже, что у меня столько носков. Они почему-то постоянно куда-то деваются, я новые покупать не успеваю. А она их все нашла, как ей удалось? Мистика...

На книжной полке, вопреки алфавиту и эстетике, неровно стояли её книжки. Это я вчера согрешил, запахнул как попало, очень хотелось спать. Нужно сегодня доделать, обещал же. И лучше прямо сейчас. Тяжко вздохнув, я принялся осторожно разгибать скрепку тетради, второй раз уже, хоть бы не сломалась...

Накаркал!!!

Я злобно сплюнул, отбросил полуразобранный конспект, сел на Женькину кровать. Вот за что мне это, а? Внутренний, очень честный и за это нелюбимый голос ответил мне, что за злобность, нечего было пакостить бедной, ни в чём не повинной девушке. Можно подумать, она меня так уж сильно стеснила! Да с её появлением стало только лучше! И вообще, она милая и симпатичная...

На этом месте внутренний голос закашлялся от пинка под дых, я удовлетворенно кивнул сам себе (ишь, разболтался, голос несчастный!) и принялся рассматривать дальше её полку — вчера там были только книжки, сегодня прибавилось каких-то ярких обложек. Я наугад взял одну, открыл. Фотоальбом, так-так, интересненько! Конечно, для полного счастья я бы предпочел дневник, с робкими девичьими эротическими фантазиями, но на безрыбье и альбом сойдёт.

С открытой наугад фотографии на меня смотрели две девушки на фоне ухоженного парка, в одной я без труда узнал Женьку, другая была незнакома. И в лице той другой как-то подсознательно угадывалась нездешность, в каких-то незначительных чёрточках, во взгляде... Как у заокеанских топ-моделей, просто смотришь и понимаешь, что на улице такую не встретишь. Не потому, что за пределами красивая, а просто потому, что по тем улицам, по которым она гуляет, тебе не пройти никогда.

Я встряхнул головой, отгоняя слишком грузовые мысли — это дождь, зараза, навевает. Открыл альбом с начала, заулыбался. Здесь Женька ещё маленькая, круглощёкая, большеглазая и без очков, лет двенадцать, наверное, а может и меньше. Она сидела в огромном кресле с очень серьёзным видом. На следующей фотке в этом кресле сидел высокий сидящий мужчина, держа её на коленях. Папа-дипломат, надо полагать. Я всмотрелся в его лицо, особой схожести со своей соседкой не нашёл и перевернул страницу. Здесь она постарше, в смешных круглых очках и форменном костюме-тройке, в компании

трёх таких же инкубаторных девчонок. Дальше фотки пошли в том же духе, в общажных комнатах, от обстановки которых лично у меня отпадала челюсть и текли слюни; на природе, удивительно чистой и ухоженной; на лавочке в парке, как будто сошедшем с экрана... Живут же люди!

Я завистливо вздохнул, уже собираясь вернуть альбом на полку, но взгляд зацепился за крупную фотографию, лежащую между страниц, я потянул её за край. Ну да, правильно — групповая фотка выпускного класса. Все такие примерные, в форме, с бантиками... И тут мои губы расплылись в чём-то среднем между офигением и злорадным предчувствием жестокой шутки. В верхнем ряду, как водится, стояли преподаватели. Преподавательницы, если уж совсем точно. И были они все в монашеских прикидах! Я быстро пролистал весь альбом, находя маленькие подтверждения своему умозаключению — все в группе девочки, форма уж слишком консервативная и закрытая, вороты под горло, юбки ниже колен, мужчина не мелькнул ни в одном кадре! О, боже! Она училась в закрытой школе для девочек!!!

Я откинулся на её кровати, тихо расхохотался, нет, ну надо же!? Теперь многое становится понятно. Почему она краснеет и отворачивается, когда я переодеваюсь, почему вечно смущается, если ненароком дотронется. А как она вчера вцепилась в моё плечо, ух! Сначала гладила так остороженько, потом уже посмелее, посмелее... Я расхохотался, колотя ладонью по кровати. А как она пялилась на мою грудь, тогда, в первый день! Я всё не мог въехать, что она там нашла. Я поднял голову и скосил глаза на рельефные мышцы груди и пресса — не Сталлоне, конечно, но когда голый, довольно неплохо смотрится. И она заценила! Я снова заржал, уже проигрывая в голове сценарии, как бы так её подколоть, ввиду открывшейся информации... Может, начать спать голым? Или невзначай прижать её к себе где-нибудь в лифте? Блин, прямо жаль, что у нас второй этаж! Мне представились её заливающиеся краской щечки и я мерзко захихикал — ух, она натерпится!

Воодушевлённый, я вскочил с кровати, поставил на место фотоальбом и до хруста потянулся — отличное утро! И дождь как раз закончился, можно идти за своими носками и прочими тряпками, благо адрес Женька оставила. На обратном пути купить степлер и доделать тетради. Я надел единственный комплект одежды и насвистывая сбежал по ступенькам.

Свежестью огрело, как молотом, сразу по всему телу — по спине пробежали мурашки, лицо пощекотал прохладный ветерок, в лёгкие обрушился влажный озоновый воздух. Благодать! Я заулыбался и потопал к остановке, дождался троллейбуса, проехал зайцем две остановки и вышел как раз напротив прачечной. Вывеска меня впечатлила, в голове к предполагаемой сумме добавился ещё один нолик... Пошутила соседка, нефиг делать! Я выдохнул и решительно открыл дверь.

Вышел буквально через пять минут, с изрядно полегчавшим бумажником и пятью фирменными пакетами. Причём один из них целиком занимали носки. С одной стороны, вроде хорошо, — носки! Много! И все в одном месте! — а с другой — как-то непривычно. Раньше как — потерял один носок, купил новую пару и носи, пока опять один не потеряешь. А непарные носки у меня складывались в отдельный пакет, не выбрасывать же их...

Я резко остановился прямо посреди улицы, поражённый внезапной догадкой. На меня тут же кто-то налетел, извинился, побежал дальше... Я даже не обратил внимания. Я ворошил пакет с носками, еле удерживаясь от диких матерных воплей. Я что, заплатил за

стирку целого пакета непарных носков?!? Разрази меня гром, я идиот!

Если бы у меня была хоть одна свободная рука, я бы колотил себя по лбу, но в отсутствие таковой оставалось только злобно сопеть и переть сумки к остановке. Удружила, соседка, фиг тебе это так просто с рук сойдёт... Отныне я сплю голый, а перед сном смотрю порно-журналы. И комментирую. И спрашиваю её мнение.

За две остановки я придумал столько кар на голову своей ссс... соседки, что если хотя бы половина осуществится, меня посадят. В психушку. Вместе с ней. Я представил, как мы мирно убираем комнатку на двоих с мягкими стенами и истерически захихикал. На меня стали оборачиваться и пришлось сдерживаться.

Когда я наконец свалил эту гору тряпок на пол в комнате, хотелось напакостить хоть кому-нибудь, хоть чуть-чуть... Взгляд упал на её кровать, заваленную конспектами, я хлопнул себя по лбу — забыл про степлер. Ладно, сейчас схожу, только отдохну немного. Я сгрёб тетради на пол, вольготно раскинулся на Женькиной кровати и уткнулся щекой в сиреневую бегемотицу. Приятное постельное, холодное почему-то, что в такую жару странно. И запах приятный... меня начало потихоньку развозить, я резко встал — уснуть ещё не хватало на её кровати! Стал собирать с пола конспекты, наткнулся на перевернутую названием вниз книжку, взял. Интересно, что она читает? На обложке было английское название, имя автора я прочитал — Джек Лондон, а вот в название почему-то въехать не смог. Открыл книжку посередине, глаза стали тихонько выползать из орбит — всё по-английски? Она читает Лондона в оригинале? Хм, это был почти вызов, я ведь тоже в школе английский учил, и в универе у меня была твёрдая четвёрка... Пролистав страниц пять, я вспотел и разозлился, но ни абзаца осилить не смог. Буквы — понятные, слова — вроде английские, но вот смысл целых предложений до меня никак не доходил! Очень давно не чувствовал себя абсолютно тупым. Да, пора бы уже вспомнить, что это за чувство.

Я отложил книжку, собрал тетради и стал рыться в пакете в поисках пары одинаковых носков. Как ни странно, нашёл, тут же надел и потопал вниз. Мелкие лужи успели подсохнуть, из глубоких пили птицы и собаки, солнце отбрасывало блики прямо в глаза, я щурился и не сразу заметил свою соседку, идущую в ту же сторону по другой стороне улицы. Она перешла дорогу и хлопнула меня по плечу:

— Лёха, привет!

Я обернулся, в голове пронеслись все те кары небесные, что я ей прочил... и как-то увяли.

— Привет, — улыбнулся я, — ты куда?

— В супермаркет, поесть куплю. А ты?

— А я за степлером, конспекты твои ремонтировать, — я кивнул на небольшой магазинчик рядом, она вскинула брови:

— Так там же игрушки?

— Канцелярия в другом отделе, — пояснил я. Потом задумался, меня щекотала какая-то мысль, смутное желание, что-то непонятное, но связанное с Женей. Наконец, меня озарило, — слушай, а много ты покупать собралась?

— На неделю где-то, а что?

— Так может, вместе сходим, что-то пополам возьмём? Холодильник-то один.

— Давай, — пожалала плечами она, — и мне сумки не тащить.

Я вздохнул — вот что меня грызло, "в супермаркет" всегда значит "сотня сумок", а девушке вроде как не положено...или тяжело, не важно, главное, если я рядом, моя задача

этого не допустить. Вот. Логически обоснованное, моё желание идти с ней перестало казаться странным и мне полегчало. Робкий внутренний голос, что-то там начавший мямлить, выхватил прямой в челюсть и затих.

Мы пошли рядом, болтать было не о чем, но молчание лично меня никогда не напрягало. Я рассматривал отражения в лужах, мысли витали где-то далеко, непредсказуемо перетекая с одной темы на другую. В поле моего зрения мелькнула цветочница с ведрами роз, я вспомнил, как вчера покупал у неё веник для Катьки, в результате доставшийся безымянному «пушистику». Я так и не узнал её имя, за весь вечер к ней никто не обратился, а сам я спросить не решился — ещё вытолкает с дивана в самый неподходящий момент. Почему-то таких безымянных девушек у меня было достаточно, мне с ними всегда легко и просто — встретился, пообщался, забыл. И если увижу её целующейся с другим, поздороваюсь и пройду мимо. Потому что мне всё равно. А вот с Катькой...

Катька была моя очередная «большая любовь». Это теперь я понимаю, что очередная, а когда всё начиналось, я буквально в облаках парил. Такая девушка! Необычная, интересная, красивая, змею в сумочке в клуб притащила... Я тогда её и заметил, когда она полезла за чем-то в сумку, а оттуда голова ужика выглянула. Познакомился, потанцевал, позвал за свой столик... а дальше всё как обычно — чтобы влюбиться, мне всегда хватало одного вечера. Все мои девушки, если подумать, даже внешне похожи — яркие крашенные волосы, чаще всего белые или жёлтые, яркая сексуальная одежда, активное и весёлое поведение.

Один вечер — и всё. И у меня срывает крышу. Я лезу по балконам на пятый этаж, дарю подарки, на которые больше месяца работал, полночи вывожу краской сердечки на асфальте под её окном... А потом всё так же резко заканчивается. Чаще всего, через месяц, с одной провстречались почти полгода, но результат всегда один и тот же — мы перестаём видеться, придумываем разные предлоги, потом перестаём и созваниваться. Пару раз на том всё и заканчивалось, однажды я сам инициировал серьёзный разговор на тему «как бы всё исправить», но это только отсрочило разрыв. Я не привык страдать, шумно сокрушаясь о погубленной любви или напиваясь в компании таких же неудачников, как делали многие мои друзья, поэтому расставание для меня проходит очень тихо. Я просто несколько недель хожу слишком задумчивый, пытаюсь понять причину своих неудач, и в каждой случайно услышанной песне мне чудится намёк на мою ситуацию.

— Лёш! — меня постучали по плечу, я дёрнулся, приходя в себя, осмотрелся. Мы стояли уже внутри, Женька хмурилась, — где ты паришь? Бери телегу.

Я послушно взял и пошёл вслед за ней по рядам с продуктами, пытаюсь очистить голову от грузовых самокопательных мыслей. Женька рассматривала упаковки, иногда забрасывала что-то в тележку и шла дальше. Я осмотрелся уже осмысленнее — в этой части магазина я ещё не был, хоть и прожил в этой общаге четыре года, постоянно покупая еду в этом самом супермаркете. Что она тут взяла? Я поворошил пачки в тележке — каши? О, боже, она собирается варить кашу в общаге? И есть? Мать моя женщина... наверное, только ты её и сможешь понять.

Я оглянулся на холодильники с колбасой и сыром, вспомнил, что ел давно и ужасающе мало, сказал:

— Жень, может, колбасы возьмём?

— Угу, — кивнула она, — сейчас ещё ряд с макаронами пройдем, потом за колбасой.

Я поиграл бровями и промолчал. Ей виднее. Заодно и я себе куплю концентратов. Вот

только когда я потянулся за пачкой с быстрой вермишелью, она так на меня глянула, что я еле удержался, чтобы не отдернуть руку.

— Что? — руку я всё-таки убрал, для надёжности даже в карман, но смотреть на меня волком она не перестала.

— Ты что, питаешься растворимой вермишелью? — мда, понятно, почему она с ужиком общий язык нашла, сама шипит как кобра. Я сделал независимое лицо:

— Конечно. А иногда ещё картошкой и супом. Мне нравится.

— Да ты хоть знаешь, как это вредно?! — вытаращилась она, я возвёл глаза к потолку:

— Да ладно тебе, я четыре курса её ел и ничего.

— Это говорит только о том, что у тебя крепкий организм и что он пока сопротивляется!

— Пусть ещё годик посопротивляется, — осклабился я, она злобно засопела:

— Ты же спортсмен, ты должен думать о правильном питании!

— Я о нём и думаю, — сделал честное лицо я. — Иногда, знаешь, как накатит, и я всё думаю, думаю... О говядинке жареной с кровью, о пюрешке с маслом, о салатике из крабов и кальмаров, о бутербродах с лимончиком и красной икрой... Особенно, когда после тренировки иду, знаешь как хорошо думается? Просто отлично.

Она смотрела на меня с ухмылкой, сложив руки на груди:

— Дальше мыслей дело не двигается, я правильно понимаю?

— Я знал, что ты сообразительная, — я погладил её по головке, закинул в тележку охапку вермишели и молча покатыл в сторону колбас.

Колбасу мы выбирали долго, я брал ту же, что и всегда, она — почему-то только самую дорогую. Долго читала состав, хмурила брови, откладывала, читала другую. Я устал стоять на одном месте, истоптался прямо, но на мои наезды она только отмахивалась.

— Ну я же должна знать, что ем!

— Много будешь знать, вообще есть перехочется, — фыркнул я.

— Именно, как считаешь из чего они тут её делают... сдуреть можно. Ну вот, посмотри, — она протянула мне очередную палку, с такой ценой, что я бы её даже в руки не взял, ткнула пальцем в какую-то строчку, — вот это — лекарство, оно препятствует свёртыванию крови. Вот зачем оно в колбасе? Не знаешь? А я тебе расскажу — для красивого цвета. Чтобы мясо было розовым или красным, а не тёмно-бордовым, как должно быть. Вот только тут не написали, что оно делает с печенью и как скоро выводится из организма.

Я вздохнул, кляня себя за то, что вообще открыл рот, её бесконечный монолог навевал сонливость, если бы она только не ругалась, а просто рассказывала, я бы точно уснул. Правду говорят, что женщина болтает на семьдесят процентов быстрее, чем мужчина её слушает... Она наконец бросила к покупкам самую дорогую колбасу, прервав мой медитативный транс обернулась, продолжая монолог:

— Ну правда ведь?

Я помялся. Сказать, что я прослушал последние пять минут — обидится, соглашаться не хотелось просто из чувства противоречия, а говорить «нет» — так она же потребует обосновать, а я вообще не в теме. Может, она уже вообще не о колбасе. Я неуверенно пожал плечами:

— С такими доводами сложно спорить.

Она удовлетворённо кивнула, я выдохнул — прокатило, и потопал вслед за ней дальше.

Мы дошли до рядов со сладостями, взяли шоколад и овсяные печенки (это единственное, что мы выбрали единодушно) и пошли на выход. По дороге к кассам проходили мимо ряда с выпивкой, я наблюдал занятную картину, как парень пытался уломать свою девушку купить пива, но она упорно сопротивлялась. Причём, они ни слова друг другу не говорили — она смотрела на него, как овчарка на подшефного ягнёнка, глупого и неопытного, но всё равно чем-то дорогого, а он корчил мордочки в диапазоне от ослика Иа до кота из Шрека. Интересно, конечно, чем у них всё закончится, но не хочется отставать от Жени. Я нагнал её в пару шагов и заметил на её лице хитрую улыбку.

— Видел? — повела бровью на парочку она, я кивнул. — Спорим, не купят?

— Спорим, — я протянул руку, оскалился, — на желание. — Девушка нахмурилась и потянула руку обратно, но я её не отпустил, немного наклонился к её уху и прошептал голосом беса-искусителя, — или ты не уверена в своём мнении?

Её щека вспыхнула, я наклонился ещё ближе, почти касаясь шеи и горячо выдохнул, крепко держа вырываемую руку. Её волосы пахли чем-то терпким и дразнящим, остро захотелось зарыться в них лицом, но я придвинулся только самую малость.

— Пусти, — прошипела она, я порадовался, что мы в полном народе магазине и бить меня в чувствительные места она постесняется. — Сейчас же!

Я улыбнулся от уха до уха, отпустил тележку и положил освободившуюся ладонь ей на талию, достаточно высоко, чтобы она не смогла углядеть в этом приставания, но достаточно плотно, чтобы почувствовать тепло её кожи сквозь тонкую майку. Ну и чтобы она тоже... почувствовала. У меня всегда горячие руки, девчонкам это нравится.

Она залилась краской уже вся, от корней волос до воротника, я внутренне потирал руки и мерзко хихикал, внешне же лишь чуть улыбнулся и медленно сказал:

— Пущу. Только ты мне ответь, мы спорим или ты всё-таки не уверена?

— Спорим, — дёрнула руку она, я мигом отпустил, отошёл и с независимым видом покатил тележку к кассам. Она осталась за спиной, терла лицо и без нужды поправляла одежду. Я с усилием удержал спокойную морду, не дав себе расхохотаться — ей-богу, как будто я её тут изнасиловал, а не приобнял чуть-чуть!

Она догнала меня в конце ряда, уже с нормальным цветом лица, только лёгкий румянец остался, и потянула за рукав:

— Пошли вон на ту, там быстрее продвигается, — я пожал плечами и двинулся за ней. Быстро она оклемалась, в следующий раз нужно быть понастойчивей.

За нами сразу же пристроилась парочка с хмурыми лицами и пивом, я расплылся в предвкушающей улыбке, тронул Женю за локоть, указал глазами на бутылки, которые парень выкладывал на ленту. Соседка поджала губы, с досадой засопела и отвернулась, мне же хотелось танцевать и орать какую-нибудь ерунду. В голове фейерверками взрывались идеи, что я заставлю её сделать. Может, комнату убрать вместо меня? Банально... Станцевать голяка? Не станет, ещё и извращенцем обзовёт. Плохо, всё не то, надо что-то похлеще.

Подошла наша очередь, я протянул деньги за свою часть, взял сумки и мы пошли на выход. Как только кассы остались за дверью, девушка бросила на меня опасливый взгляд:

— Оно было безалкогольное!

— Значения — не — имеет! — радостно пропел я, подпрыгивая на каждом слове. — Уговор был — купят или не купят. Они купили, так что ты должна мне желание!

— Только без фанатизма, — понурилась она, моя улыбка расплзлась всё шире, я перебирал варианты, которые из фанатизма состояли сплошняком. Встать на лавку и заорать глупость? Снять лифчик и отдать мне прямо сейчас? Эротично почистить банан зубами под музыку? Нееет, не то, всё не то! Я заметил лавочку, поставил на неё пакеты, упёр кулаки в бока и обвёл девушку оценивающим взглядом, под которым она опять слегка покраснела. Пусть сейчас встанет на лавочку и проорёт: «Подайте девственнице на вибратор!». А может, другое что-нибудь? Я задумался и вдруг выдал:

— Поцелуй меня.

— Что? — её глаза округлились, румянец испарился, превратившись в меловую бледность.

— Неужели я такой страшный? — я перестал улыбаться, развёл руками, — ну? Это моё желание, ты проиграла, давай целуй.

— К-куда? — опустила глаза она, я фыркнул:

— Мы чё, в бутылочку играем? Нормально давай целуй. Или ты не умеешь? — я начал противненько ухмыляться, она посмотрела мне в глаза с отчаянием загнанной в угол крысы, которая, как известно, сражается на смерть, решительно шагнула вплотную, ухватила за шею и... кааак поцеловала!

Меня накрыло лавиной, вышибло из реальности и очнулся я уже сжимая её обеими руками за такие места... Она пыталась отодвинуться и колотила меня по груди ладонью, что-то яростно тараторя. В ушах шумело, я ни хрена не понял, что она говорит, но руки убрал.

Женька тут же отошла на пару шагов, схватила меньшую из сумок и пошла. Я на автомате взял вторую, догнал и забрал у неё первую и мы молча пошли к общежитию. В голове прибоем шумела кровь, в глазах периодически то слегка темнело, то появлялась острая болезненная чёткость. Я понимал, что нужно что-то сказать, но в голову ничего не приходило, кроме бредовых картинок ещё одного поцелуя. Она шла чуть впереди, старательно отворачивая лицо, я пару раз попытался её догнать, но она ускоряла шаг и я перестал, хочет идти впереди — пусть идёт.

Через пару минут меня немного отпустило, в мыслях более-менее появилась логика, да и Женька перестала нестись как на взлёте и отворачиваться. Да это же просто спор! Я тряхнул головой, прочищая мозги от всякой ерунды, расправил плечи. Пугливый внутренний голос не решился даже вякать, но я подсознательно чувствовал себя виноватым. За что, спрашивается? Это просто глупый спор, она проиграла, я выиграл, она исполнила желание — всё, все довольны!

Неубедительно почему-то ни разу...

Мы свернули на короткую дорогу через дворы, когда из-за угла с визгом вырулила машина и понеслась прямо на Женьку. Я мгновенно схватил её за локоть, дёрнул к стене. Машина прогрохотала буквально в метре от нас, вспахав клумбу и скрежетнув днищем по бордюру. Мы переглянулись, Женька буркнула «придурак» и пошла дальше. Я очень надеялся, что она это о водителе, хотя сквозь зеркальные стёкла и не видно, может, это вообще женщина.

Не успели мы отойти от дома, как сзади раздался знакомый визг и машина опять влетела во двор, притормозив перед нами. В голове замигала лампочка тревоги, подозрительно зачесались костяшки — будет драка, верный признак. Вот только чем мы ему не понравились? Я оставил загадки на потом и молча протянул пакеты девушке, встав между

ней и машиной. Кулаки чесались нестерпимо, водительская дверь открылась и из неё вышел крупный, коротко стриженный субъект с огромным фонарём на пол-лица и заклеенной пластырем бровью, оскалился:

— Пацаны, это реально он!

Одновременно распахнулись все двери и из машины, как черти из табакерки, вылезлиещё четверодуболомов. Знакомые морды... Я рассмотрел у двоих из них следы недавних побоев и прикинул, как бы они смотрелись в темноте и толпой... Хреновая картинка, очень-очень хреновая.

Теперь чесались не только кулаки, но и почки, я в сотый раз пожалел, что не одолжил у Санька подшипники. Если они не просто поздороваться, то... То лежать мне в травматологии, грустно созерцая автографы друзей на многочисленных гипсах. И это только в лучшем случае.

А сзади ещё и Женька стоит, вот засада! Если бы шёл сам, ещё можно было бы попробовать тихо замять тему или договориться о стрелке один на один или стенка на стенку... В этом случае я потерпел бы ухмылочки и наезды. Но при ней не смогу, просто гордость не позволит. И потому, быть мне битым. Почки попытались свернуться клубком и забиться поглубже, я выпятил челюсть и небрежно положил ладони на передние карманы — ивыглядит не напряжно, и ударить можно быстро.

— Чё надо? — процедил я. Пацаны заухмылялись, водитель поддёрнул рукава:

— Да вот поздороваться решили, — толпа заржала, главный упёр руки в бока, — узнать, как самочувствие.

— Лучше всех, — косо улыбнулся я, уголок рта дёрнулся, как у пса, показывающего клыки. — А я думал, вы извиниться хотели, что вечер мне испортили, и на пиво пригласить.

Слабая попытка, но хоть что-то. Жаль, они не оценили. Водитель двинулся на меня, поднимая руки для удара, я прыгнул вперёд распрямившейся пружиной и нанёс короткий запрещённый удар под левую руку, который вполне мог остановить сердце. Следующего пнул в солнышко и добавил снизу в челюсть, ещё одному досталось ногой в висок и второй ногой по корпусу. Я вертелся волчком, понимая, что единственное моё спасение в скорости, если они меня поймают хотя бы вдвоём — мне не жить по-любому. Поэтому я подскакивал к противнику, коротко бил и сразу отходил, вне зависимости от результата. Двое уже лежали, ещё двое носились вокруг, разгадав мой манёвр. У одного блеснул нож, я сцепил зубы — шутки кончились, теперь я буду бить насмерть, лучше сидеть в тюрьме, чем лежать в гробу.

Сзади раздался короткий Женькин вскрик и я повернулся боком, чтоб краем глаза видеть и её, и противников. И понял, что у меня туго с математикой. Двое лежат, двое стоят, а их было пятеро. Последним, что я увидел, была перекошенная рожа неучтённого братка и короткая бита. Потом было очень больно.

***

Часть первая, 1.0

Двое в лодке,
или «Просыпайся, трупик — гроб украли!»
(часть первая, непредсказуемая)

Очнулся я от холода. Попытался проморгаться, тряхнул головой и чуть не взвыл от боли — мозг будто взорвался изнутри, в желудке подозрительно завозился завтрак, намекая, что ему пора на выход. Сразу же подключились ноющие почки и короткая острая боль в рёбрах, я отбросил попытку подняться и обмяк на полу, пытаюсь удержать себя в сознании. Сотрясение — сто процентов, возможны наколы рёбер. Аесли попытаюсь встать, узнаю, чем ещё меня наградили за излишнюю самоуверенность.

Пол был холодный, пульсирующее напухшее лицо чуть не шипело, прикасаясь к шершавому бетону. Где я? И где... Женька!

Я вскочил, забыв о боли, меня сразу же повело, ударило о стену, я вцепился в неё, как клещ.

— Жень! — казалось, я крикнул изо всех сил, но услышал только слабый хрип, на который, тем не менее, получил ответ.

— Лёша? — моего плеча коснулась холодная ладонь, Женькин голос звучал получше, чем мой, но тоже не шибко здоровым. — Лёш, ты как? Тебя так били... Сядь, пожалуйста, я сейчас подстелю.

Она зашуршала чем-то на полу, нажала на мои плечи, я сполз по стене на пол, поднёс руки к лицу:

— Здесь темно?

— Да.

Фух, я уже испугался, что мне глаза испортили.

— Давно мы здесь?

— Я очнулась пару часов назад.

— Очнулась? Они что, и тебя?.. — от дикой злости на пару секунд перестало болеть всё тело, если бы её обидчик стоял рядом, я бы уже бросился рвать его голыми руками. Ударить её?!

— Только один раз, — она вздохнула, — по крайней мере, я помню только один удар. Но больше ничего не болит.

Протянув руку на её голос, я наткнулся пальцами на ткань, подтянул её к себе за футболку и усадил рядом:

— Куда ударили?

— Лицо, слева, — я провёл рукой по плечу до лица, нащупал маленький горячий синячок у виска, он чуть припух, но опасности не представлял. Опытная сволочь била, скоро даже следа не останется. Я прокашлялся, — ничего страшного, даже синяка не будет, не переживай, — неуклюже погладил её по щеке, пальцы были корявые и нечувствительные, я сразу спрятал их от греха подальше. — Что было после того, как меня вырубил?

— Тебя били, — тихо вздохнула она, коснулась моего плеча, — битой и ногами... Потом увидели, что я набрала милицию и один ударил меня. Потом я проснулась уже здесь,

было ещё светло, здесь есть окно маленькое...

— Что это за помещение? — перебил я

— Кладовка. Или полуподвал, — она прижалась ко мне боком, я почувствовал, как дрожит её плечо. Интересно, от холода или от нервов?

— Ты замёрзла? — она помолчала, потом ответила:

— Уже да, хотя поначалу было не холодно. Здесь валялись какие-то старые вещи, я постелила несколько на пол и укрывалась тоже. И тебя укрывала, но ты наверное их сбросил, когда поднялся. Притащить ещё?

— Давай, — стыдно, конечно, эксплуатировать девушку, но когда сам разваливаешься на части...

Она принесла каких-то пыльных фуфаяк, накинула мне на плечи, сразу стало теплее. Её руки случайно коснулись моей шеи, потом уже не случайно — лба и щеки.

— У тебя температура, — её голос был озабоченным, я фыркнул:

— У меня ещё и сотрясение, прикинь? И потроха отбиты напрочь, это ничего?

— Очень смешно, — она опять пристроилась рядом, опёрлась плечом, тихо спросила, — тебе не больно, когда я так опираюсь?

Больно было, но совсем немного и я решил соврать:

— Нет, опирайся на здоровье, — она свернулась почти клубком, прижавшись ко мне плечом и бедром, вздохнула. Я поборол желание побиться головой о стену — навлёт, придурок, такую хрень на ни в чём не повинную девочку! Убить меня мало!

— Лёш, — она подозрительно шмыгнула носом, — что с нами теперь будет?

Я стиснул зубы. Больше всего хотелось вывернуться и заорать, что знаю не больше неё, но к счастью, думать прежде, чем говорить уже научился. Только женских истерик мне сейчас и не хватало, а после подобного ответа как разэто мне и светит.

— Да ничего. Скорее всего, они боялись, что мы пойдём в милицию, а они смыться не успеют. А так, они подержат нас денёк и отпустят, а самих уже никто не найдёт, — я хмыкнул, — ещё могут выкуп за тебя потребовать, но в этом случае с тобой будут лучше обращаться. А меня оставили, чтоб не сорвал им сделку, взять-то с меня нечего.

— Правда? — в её голосе было столько надежды что всё, что я только что сочинил, истинная правда, что стыдно стало, хоть проваливайся в ад. Я осторожно поднял отозвавшуюся болью руку и обнял её за плечи, прижал к себе:

— Правда, не переживай. Тебе они точно ничего не сделают.

— А тебе?

— А я переживу, — я попытался улыбнуться, разбитое лицо повело на одну сторону и улыбка превратилась в гримасу боли. Женька погладила меня холодной ладонью по щеке, горячей коже это было дико приятно.

Потом мы как-то постепенно уселись поудобнее, накрылись одной фуфайкой и я опять отключился.

***

А разбудил меня размашистый пинок под больные рёбра. Я захлебнулся вдохом, свернулся клубком на полу, пряча голову и отбитое нутро. Тяжёлый ботинок ткнулся в бок ещё пару раз, потом гнусавый голос протянул:

— Подъём, належался. Вставай и шагом марш.

Сволочь... Я пытался заставить лёгкие хватануть хоть немного воздуха, но боль впивалась в грудь, как тугие верёвки, перед глазами скакали чёрные точки. Меня потыкали

чем-то в затылок, другой голос сказал:

— Перестарались пацаны. За что они его хоть?

— Не перестарались, всё правильно, — гнусавый несильно пнул меня ещё разок, я на всякий случай прикинулся обморочным, может, выгадаю хоть пару минут. Боксёрам вон и восьми секунд хватает... — Он банду пацанов Косого вдвоём с каким-то мужиком отделал, — из угла донёлся глухой смех. — Чё ты ржёшь!?

— Вдвоём? Всю банду?

— Не всю, там человек пятнадцать было. А вчера, ты слышал? Толстого как увезли, так до сих пор в больнице. И никто не знает, в чём проблема.

Ага, значит я всё-таки попал по нужной точке. Или нет? Если он всё ещё не очоурился... Лёгкие наконец вышли из коматоза, с треском позволив мне откусить немного воздуха, я увидел бетонный пол и собственную руку, повернул голову.

— О, очнулся боец, — обладатель гнусавого голоса ткнул меня милицейской дубинкой в плечо. — Вставай, пошли.

Спрашивать «куда» я не стал, не хочу давать повод для шуток. Я постарался провозиться на полу максимально долго, прикинувшись, что мне гораздо хуже, чем на самом деле, хотя казалось — хуже уже некуда. Спасибо, хоть не переломали ничего. Тип с дубинкой пошёл к двери, загремел ключами, я проводил его широкую спину тяжёлым взглядом. Здоровый, зараза, кирпичом не зашибёшь. Второй, стоящий у стены с пистолетом и небрежно держащий меня на прицеле, выглядел более хрупким, но видал я такую хрупкость... Макаров — лучшее лекарство от излишней шустрости. Достаточно одной таблетки.

Вот и не надо, значит, шустрить, будем вести себя примерно, может, даже что-то о Женьке узнаем, прежде чем делать глупости. Я вышел вслед за здоровяком в какой-то обшарпанный коридор, поднялся по лестнице, потом перед нами открыли двери в большую светлую комнату, похожую одновременно на кухню и рабочий кабинет — столы, тумбы, бумаги, пиво, грязные тарелки. И толстый лысый тип откровенно бандитской наружности, попивающий что-то из кружки в глубоком кресле. Когда я вошёл, он отставил кружку и навалился локтями на стол, всматриваясь в моё лицо:

— Ой хорошо пацаны поработали, — кресло жалобно скрипнуло, когда он откинулся на спинку, сложил руки перед собой, — ты кто такой, а? Зачем мирных людей обижаешь?

За моей спиной заржали в два голоса, я промолчал, довольно реалистично изобразив расфокусированный взгляд и рвотные позывы, даже рот ладонью закрыл. Хозяин кабинета отодвинулся вместе с креслом, замахал руками на моих конвоиров:

— Эй, уберите его с ковра! Он вообще целый, а? Не загноётся тут у нас?

— Да не загноётся, — меня схватили за плечо и оттащили подальше. — У него просто сотрясение, перестарались ребята.

Тебе бы такое «просто сотрясение», урод. Я собрал глазки в кучку и устался на жирдя в кресле:

— Где девушка? — да, ну у меня и голосок... Жирный мне только противно улыбнулся, развёл руками, вроде «типа ты не понимаешь». Я понимаю, прекрасно. То, что нас ещё не прикопали, значит только то, что это могут сделать в любой момент. Знать бы, за что? Кто такой был в этой быканутой толпе, что за него пишется столько серьёзных людей? Чей-то сынок?

Я прокашлялся и попытался говорить уверенно:

— За девчонку могут заплатить, у неё серьёзные родители, не посядутся. — Мужик в кресле начал мерзко ухмыляться уже в начале фразы, потом ещё раз развёл руками:

— Поздно очнулся, пацан!

Яростью меня окатило как кипятком, с головы до ног, боль исчезла и я мгновенно понял, что за спиной стоит человек с пистолетом, близко, в двух шагах... Начал вполне обморочно падать на него, извернувшись уже почти на полу, провернул оружие в его руке, ломая палец и выдёргивая из ослабевшей ладони. Щелчок предохранителя, первый выстрел по целой руке, — вдруг, у него не один ствол, — второй выстрел по ноге здорового, потом длинный прыжок с перекатом за кресло главного и плотный захват под подбородок. Всё. Пара секунд — и всё. Какой же я, чертяка, везучий.

— Где девушка? — ствол упёрся в бритую голову, челюсть над моим локтем еле ощутимо дрожала, я прижал его горло. — Ну?!

— В подвале, рядом с той комнатой, откуда тебя забрали.

— Пошли, — я повёл дикими глазами по сопящим от боли охранникам, стрелок вполне мог идти, он уже перетягивал руку повыше локтя платком, выглядя при этом почти как раньше — крепкий, зараза. А вот здоровяк в тяжёлых ботинках скулил, бестолково хватаясь за ногу и смотрел вокруг совершенно безумными обиженными глазами. Бедняжка, думал, в этом мире прав тот, кто больше весит. Слава мистеру Кольту, это не так. Я кивнул на него второму охраннику, — бери его, пойдёте впереди. Быстро, а то добыю.

Когда поднимались, я во всю смотрел окна, выходилиони на какую-то свалку, я её не узнал, но если бежать, то это единственный путь, который я видел.

— Что это за место?

— База отдыха «Чайка», — прошипел сквозь зубы стрелок, пытаюсь перетянуть ногу второго охранника его же ремнём. — Не психуй, в порядке твоя девка. Пальцем не тронули.

А вот это странно... Хорошо, безусловно, но странно.

— Почему? — нахмурился я, стрелок невесело оскалился и посмотрел на зажатого у меня под локтем борова, я ткнул того стволом посильнее, повторил, — почему её не тронули?

— Главный её узнал, — сдавленно прохрипел тот. — Ты прав, у неё серьёзные родители. Ей ничего не грозит.

Ха. Ей, может, и ничего, а вот меня теперь точно прикопают, прямо здесь, не отходя от кассы. Или притопят, так даже удобнее.

— Вставай, — я потянул борова из кресла, подошёл к раненому в ногу и быстро стукнул рукояткой по темечку. Он обмяк, я опять прижал ствол к голове главного, кивнул стрелку, — иди впереди, руки за спину, что б я видел. Давай!

Мы спустились назад в подвал, стрелок указал подбородком на одну из одинаковых дверей:

— Здесь.

— Она там одна? — я прислушался, но ничего не уловил, парень кивнул:

— Одна.

— Открывай дверь, — он стал отвинчивать старинный замок, толкнул дверь, обернулся на меня, я мотнул головой, — иди первый.

Он пожал плечами и вошёл, я толкнул своего толстого заложника и пошёл следом. Да, эта комнатка получше моей будет — диван, телик, холодильник. Комната охраны, что ли? На стуле за небольшим столом сидела Женя, подобрал под себя ноги и обхватив руками

плечи. Перепугали её... Блин, надо поговорить с ней наедине, срочно. Я начал оборачиваться, ища, куда бы посадить толстого, чтобы держать на прицеле и его, и охранника, когда услышал печально знакомый щелчок затвора за спиной и мне в затылок ткнулось что-то холодное.

А стрелок соврал. Ха, я бы тоже соврал в такой ситуации, похоже, кончилось моё везение... Я замер, в глазах Женьки плескалось море такого липкого ледяного страха, что на миг я сам им заразился и немного ослабил хватку на шее борова.

— Не дергайся, — новый голос звучал так уверенно, что меня пробрало до костей. — Будешь хорошо себя вести — останешься целым.

Да конечно! Нашли дурачка за четыре сольдо... Я косо ухмыльнулся и дёрнул низкорослого толстяка вверх так, что у того затрещали позвонки, а из горла донёсся хрип.

— Уже, — проговорил я с издёвкой. — А если дёрнусь, чё ты мне сделаешь, а?

— Башку разнесу.

— Я тоже успею, — я сильнее нажал стволом на лысую голову, — даже мёртвый, всё равно успею. Ну так как, согласен на размен?

— Пешку на ферзя не меняют, — в голосе послышалась ухмылка, ствол на моём затылке дрогнул и перестал давить. Мужик обошел меня и я смог его увидеть — невысокий, плотный и потрясающе неприятный. А учитывая пушку, которую он держал, неприятный вдвойне. Сбоку стал медленно приближаться охранник, я направил на него ствол, рывкнул:

— На месте стоять! — боров опять захрипел, я слишком сильно его прижал. Неприятный тип улыбнулся мне щербатым ртом, развёл руками, умудряясь не спускать меня с прицела:

— Не надо нервничать, взрослые люди. Может, сядем, поговорим, а?

Я хохотнул:

— О чём? Девчонка в безопасности, за неё есть, кому платить. А за меня платить некому и терять мне нечего — если вчера так толпой поймали, завтра поймают опять, — я растянул губы в шизофренической улыбке камикадзе, — так что лучше я вам тут нашухарю напоследок.

Толстяк в моих руках забился, пытаюсь что-то сказать, закашлялся, я немного ослабил хватку и услышал:

— Подожди, подожди! Давай поговорим! Тебе ничего не грозит, пацаны тебя не собирались... они идиоты! Давай всё обсудим...

Ствол в руках щербатого типа всё ещё смотрел на меня чёрным провалом дула, "сесть и поговорить" в принципе неплохая альтернатива "немного пострелять напоследок и сдохнуть". Я медленно отпустил борова, продолжая держать на прицеле, тот сразу увалился на диван, стал тереть шею и побагровевшее лицо:

— Не надо нервничать, не надо. Уберите стволы, все, — он посмотрел на своих бойцов, — уберите, я сказал!

Откуда у охранника взялся ствол, я не заметил, но держал он его простреленной рукой довольно уверенно. Какой же крепкий, гад! С такими надо либо дружить, либо убивать при первой же возможности. Толстяк кивнул мне на стул, сам подобрался и посмотрел мне в лицо:

— Так кто же ты такой, а? Чей ты?

— Свой собственный, — я прислонился к столу, но остался стоять, не опуская

пистолета.

— Держишься уверенно, где научился?

— В армии, — я переводил взгляд с одного на другого, пытаюсь догнать, какого чёрта я сюда попал. Выходило неутешительно. Я опять перевёл тяжёлый взгляд на толстяка, — теперь ты мне скажи, кто ты такой и какого хрена я здесь оказался?

— Вас привезли вчера, это не моя инициатива, — он поднял ладони, открещиваясь от всего произошедшего. — Пацаны шалят, кровь молодая... Ты обидел одного, тот собрал друзей, друзей ты тоже, хм, обидел... В общем, когда завопили сирены, вас просто кинули в машину и смылись, а что с вами делать дальше, предоставили расхлёбывать мне. Понятное дело, извиниться и разойтись уже не получится.

Яусмехнулся, вытер плечом кровавую скулу:

— А жаль. Я бы с удовольствием, — толстяк улыбнулся, взгляд сделался цепким:

— Да. Слушай, ты крепкий парень, своей толпы у тебя нет, может, подумаешь о том, чтобы ходить с нами? С пацанами как-нибудь перетрёте, не впервой, деньгами тут никто не обижен... Да и за девкой своей присмотришь пока.

— Что значит «пока»? — насторожился я. — Вы её не отпускаете?

— Нельзя, у главного на неё большие планы, — он пожал плечами. — Потому и предлагаю тебе пока побыть с нами, без неё, как я понимаю, ты не уйдёшь?

Да я по-любому не уйду отсюда своими ногами, вот это я понимаю очень чётко. И потому надо думать быстро, а действовать осторожно.

— Не уйду, — прищурился я. — Я согласен.

Боров расслабился, довольно улыбнулся:

— Ну вот и отлично. С пацанами сам познакомишься. Еду вам какую-нибудь принесут, можете пока пообщаться. А я пойду, дел много. И да, пушку отдай хозяину, — он поправил одежду и вышел в коридор, когда за ним закрылась дверь, мне остро захотелось пушку не отдавать, а очень даже направить на двоих этих амбалов. Но здравый смысл оказался сильнее, ну или что там у меня его по бедности заменяет.

Стрелок взял у меня свой пистолет, подал напухающую правую руку:

— Жека.

— Лёха, — я пожал чуть выше кисти, заслужив благодарно-ненавидящий взгляд, обернулся ко второму, тот тоже протянул руку, сдавил так, что захрустело на всю комнату, оскалился:

— Я тоже Лёха, — конечно он довольный и дружелюбный, я в него не стрелял и ничего ему не сломал. Пока что. Тёзка оскалился своей неприятной улыбкой, кивнул на Женьку, — общайтесь, шас мы вам пожрать притащим.

Как только за ними со скрипом закрылась дверь, мигом вышедшая из оцепенения Женька прыгнула на меня прямо со стула, сцапала обеими руками, стала что-то всхлипывать, вжимаясь в мою футболку. Я гладил её по волосам и молчал, что я ей скажу? Что всё плохо и нам светит ещё хуже? Что перемирие — мера временная, и что драпать надо во все ласты, как только представится возможность? Что нам это даст?

— Жень, садись и рассказывай, ты вроде как помнишь больше меня, — я посадил её рядом с собой на диван, обнял, не сумев отцепить её пальцы от своей обтрёпанной футболки.

— Да, сейчас, — она трясущимися руками поправила волосы, немного успокоилась и снова вцепилась в меня. — Они пришли ночью, взяли меня и отвели в комнату наверху,

сказали, что если не пойду — лицо порежут. — Её голос дрожал, я чувствовал себя последней сволочью — где я был в этот момент?! В обмороке? Не оправдание, блин! — В комнате были мужчины, они играли в карты и пили. Меня хотели... добавить в меню, — она немного истерично хохотнула, я сжал её плечо:

— И что?

— Подвели к свету, чтобы посмотреть на лицо. А один из них меня узнал, разорался, чтоб не смели трогать... Я тоже его узнала, — она закатила глаза, скривилась, — добрый дядя Витя, мы с его семьёй иногда отдыхали вместе.

— И он знает твоего папу? Это же хорошо! — я был полон надежд, но она их обломала, косо улыбнувшись, еле сдерживая слёзы:

— Он знает мою маму... а это совсем не хорошо, — я нахмурился, пытаюсь понять хоть что-нибудь, Женька вздохнула и отвернулась, уставившись в окно, — моя мама не домохозяйка, Лёш. У неё тоже бизнес, причём гораздо прибыльнее, чем папина служба.

— Чём она занимается? И как это относится к этому твоему дяде Вите?

— Она занимается драгоценностями, редкими камнями. Такими, знаешь, эксклюзивными самородками невероятных размеров и чистоты, за которыми дилеры гоняются по всему миру, покупают, меняют... воруют, — она пожала плечами, — это не всегда легально.

У меня в голове, казалось, работал огромный миксер, взбивающий все более-менее связанные мысли в глупую пену. Я крепко зажмурился, пытаюсь понять хоть что-нибудь:

— И как же пересекаются интересы твоей почтенной маман и доброго дяди Вити?

— Да так... пересекаются, — она ткнулась лбом в мою грудь, поцарапала ногтем ткань, — есть спорные моменты. Мама ему не уступит, разве что он начнёт присылать меня по частям. А он не начнёт, он её боится до дрожи. Но отдать меня просто так тоже не сможет, он жадный как... я даже не знаю никого настолько жадного! Так что бежал бы ты отсюда, Лёш.

— Убежим, — твёрдо сказал я. — Как только, так сразу.

Скрипнула дверь, вошёл мой тёзка с толстым пакетом, бросил на диванчик:

— Лопайте, я скоро зайду ещё. Чайник вон он, чай на полке, — он посмотрел на прижавшуюся ко мне девчонку, оскалился, — наслаждайтесь, короче.

Когда за ним захлопнулась дверь, я поворошил пакет, с улыбкой показал его Женьке:

— Узнаёшь? — она чуть заметно улыбнулась, кивнула. — Хоть попробуем, что ты за колбасу выбрала.

Разобрал наши покупки, пожалел, что хлеба мы решили не брать, призадумался... а есть-то хочется по-серьёзному. Несмотря на сотрясение, хоть это и странно. Взгляд упал на пакетики с полуфабрикатами, я взял несколько, кивнул на них девушке:

— Ты будешь? — она скривилась, я скорчил рожу, — да ладно тебе, надо поесть чего-то горячего, сколько мы уже не ели? Давай я приготовлю, у меня опыт знаешь какой? Будет вкусно.

Так и не дождавшись ответа, я вздохнул и поднялся ставить чайник. Взял на полке единственную огромную миску, высыпал туда пачку растворимого супа, две пачки вермишели, половину приправы, потом мелко покрошил туда же колбасу и сырок, залил подоспевшим кипятком. Когда над тарелкой стал подниматься пар, сыпанул туда зелёных оливок, увидел в глазах Женьки лёгкую заинтересованность, улыбнулся и провозгласил:

— Пять минут — и можно приступать!

Ложек нашлось ещё три, все чайные. Но Женя согласилась и на такую, любезно уступив мне большую, по причине того, что рот у меня однозначно больше. Я не стал отпираться. Сняв пробу, глубокомысленно кивнул и предложил:

— Угощайся.

— А это точно съедобно? — она подняла одну бровь, разглядывая неестественно-зеленоватый цвет бульона и принюхиваясь к пару.

— Ну конечно! — попытался обидеться я, — даже вкусно. — Она опасливо набрала в ложечку моего творения, попробовала, наморщила лоб. Я добавил, почесав затылок, — правда, какать потом будешь таблицей дяди Димы Менделеева, но "потом" ведь не считается, верно?

Получив ложкой по лбу, я расхохотался, пытаюсь увернуться от ещё одного удара — чуть не опрокинул стол. На третьем ударе я её поймал и крепко обнял, не давая пошевелить руками:

— Слушай, я совсем не против дружеской драки, но давай продолжим, когда у меня рёбра зарастут, а?

Девушка мгновенно успокоилась и завохтала вокруг меня, пытаюсь устроить у стола поудобнее. И чего я раньше умирающим лебедем не прикинулся? Три года в драмкружке кого угодно сделают хорошим брехуном, а меня — так давно, я всегда это дело любил.

Наконец мы уселись, съели суп, покромсали колбасу и сыр, сжевали в комплекте с остатками оливок и запили соком, выхлебав почти два литра. Меня мгновенно стало клонить в сон, то ли от сытости, то ли от наконец спавшего нервного напряжения. На диван мы сначала сели, потом я лёг, положив голову ей на колени, потом она тоже сползла ко мне... а потом моё сознание оторвалось от тела и его понесло тёплой полноводной рекой куда-то далеко, в прекрасный светлый мир.

***

А потом я проснулся в знакомом полуподвале. Руки были крепко связаны и от первого же движения по ним побежали колкие мурашки, разгоняя застоявшуюся кровь. Я попытался сесть, перетянутые ноги позволяли только перевернуться на бок, и то, так лежать было неудобно. Я чуть не застонал с досады, какой же я идиот! Как можно было так лохануться?!

— Ты как?

О, Женька здесь. Хоть одна приятная новость — с ней не успели ничего сделать, пока я валялся в отключке. Я заёрзал на здоровом боку, пытаюсь повернуться, чтобы видеть её. Девушка пожалела мои рёбра и сама обошла мою связанную тушку, присев передо мной с самой участливой физиономией, которую мне доводилось видеть. Я выдавил из себя половину улыбки и прохрипел:

— Ничего, чи ни в первый раз... Сейчас полежу, стану развязываться.

— Охранники сказали, если развяжешься, опять будут бить.

Я фыркнул, по старой привычке считая, что одной левой и двумя ногами отделаю кого угодно. Ну, кроме Жеки-стрелка, с тем придётся помучиться и возможно, даже подключить вторую руку... Вот только мои представления о себе, непобедимом, немногоморально устарели, и валяюсь я сейчас на полу в позе мясного рулета, да и чувствую себя так же — обмотанный верёвкой и вареный, а перед этим ещё и изрядно наперчёранный. А рядом сидит на холодном полу девушка и смотрит на меня так, как будто хочет дать копеечку. И вот это обиднее всего. Если тебя отметили толпой и ты весь в гипсах, как попа в трусах — можно даже где-то гордиться, что решились только большой толпой, по одному страшно. А если на тебя смотрит с брезгливой жалостью красивая девушка, будь ты хоть шейх пузатый — удавиться хочется. Ну или начать бить себя в грудь и доказывать, что жалости не достоин, а достоин очень даже восхищения. Чем я сейчас и займусь.

— Пусть попробуют, — оскалился я, перекатился на живот, оттолкнулся плечами (рёбра, блин!) и сел на корточки, опершись о стену. Руки стянули на совесть, я почему-то был твёрдо уверен, что вязал Лёха... Ну, кому ж ещё, остальные простреленные. Эта мысль заставила улыбнуться, но я тут же себя одёрнул — скорее всего, я видел не всех и крепкие парни тут ещё найдутся.

— Что интересного расскажешь, Итаар-Тас ты мой? — Я вгрызся в узел на руках зубами, Женя села рядом, чуть улыбнулась:

— А что рассказывать? Я тоже спала, — она шмыгнула носом, запрокинула голову. — По-моему, я простудилась.

— На полу спала? — я расшатал одну перспективную верёвочку и теперь тянул через ослабленную петлю два других конца. Вроде, получалось. Девушка фыркнула:

— Ну, покалеченные тобой ребята не слишком заботились о том, чтобы нам было удобно.

— Хамы, — констатировал я. — Даже если девушка дала тебе кулаком в челюсть, нужно извиниться за её ушибленные костяшки, — Женя рассмеялась, потом прикусила губу:

— Поттише нужно, да? — я поднял брови, рот у меня сейчас ужасно занят, — ну, чтобы они думали, что мы ещё спим? — я пожал плечами, девушка фыркнула, — я думала, ты

хочешь развязаться, спрятаться за дверь и чтобы я позвала охранника, прикинувшись, что тебе плохо от той дряни, что они нам подмешали. Тогда он сходит за аптечкой и придёт расслабившись, ты же вроде как не опасен... А тут ты из-за двери, — она хитро прищурила глазки, став похожа на озорного котёнка, как будто не план избиения разрабатывает, а маршрут шопинга с подружками. — Потом мы закроем его здесь, а сами спрячемся где-нибудь, узнаем где мы и как можно отсюда смыться... ну и дальше по ситуации.

Она пожалала плечами, я поиграл бровями и кивнул — недурно придумано. Можно попробовать.

От её предложения помочь с верёвками я наотрез отказался — ещё ноготь сломаёт, будет очень шумно, эмоционально и нервно, а я тишину люблю, сам справлюсь.

Когда мои обслюнявленные пути остались лежать жалкой горкой на полу, я встал и прошёлся по комнате, попрыгал на носочках, проверяя своё состояние — не так уж и плохо, не хуже чем вчера, по крайней мере. Пару раз махнув на пробу руками, кивнул Женьке:

— Давай, зови.

Она серьёзно кивнула, указала мне на угол за дверь и прочистив горло, очень натурально запричитала, колотя в дверь ногой и руками:

— Кто-нибудь! Помогите! Помогите, тут человеку плохо!

Я машинально разминал кисти и ступни, сердце колотилось в предчувствии хорошей драки как бешеное, скоро-скоро, вот-вот...

— Что там случилось? — голос из-за двери звучал глухо, но я узнал — Лёха, тёзка мой небитый. Щас исправим.

— Лёше плохо, — хныкала Женька, — он встать не может и живот очень болит... Сделайте что-нибудь, я боюсь!

За дверь послышались ругательства, потом застучал замок. Я подобрался ещё больше, так, он низкий и массивный — меняем стойку. Ой ты сейчас получишь, тэззка ты мой...

Дверь распахнулась и я мгновенно нанёс удар ногой по корпусу, выбивая воздух из лёгких (чтоб вякнуть не успел), потом в живот (чтоб не рыпался) и наконец в лицо (просто так, для удовольствия). Падающее тело подхватил за полметра до пола, грохота нам не надо, всё должно быть тихо и мирно. Зашипев от боли в рёбрах, втащил его в комнату, кивнув девушке на дверь:

— Закрой пока.

Она тихо прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной, я тщательно обыскивал бессознательное тело. Пистолет, кошелёк, связка ключей... больше мне, в принципе, от него ничего и не нужно.

Выщелкнул обойму, улыбнулся — полная, — загнал назад. Уже что-то. В связке ключей был красивый брелок со значком Мерседес, я призадумался. Было бы очень неплохо смыться отсюда на машине, вот только есть проблема — водить я не умею. То есть меня, конечно, учили, лет в четырнадцать, но после этого я ни разу за рулём не сидел. Права не получил, потому что на машину в ближайшие несколько лет не рассчитывал — сам вряд ли заработаю, а дарить такую игрушку мне некому. Обернулся к Женьке:

— Ты водишь машину?

— У меня нет прав, — покачала головой она, я закрыл глаза, выдохнул:

— Я не спрашиваю, есть ли у тебя права! Ты машину повести сможешь?

— Нет, я не умею, — она сжалась от моего тона, я отвернулся, некогда сейчас уси-пуси разводить, дело делать надо. Значит, вариант с машиной отпадает, хуже чем разбиться, еле

успев удрать от бандитов, может быть только выпить ящик паленой водки и отравиться печеньем.

Я встал, собрал свои верёвки и с удовольствием связал бессознательного Лёху. Поумному связал, не так, как он меня, фиг теперь выкрутится.

Дверь скрипнула, выпуская сначала пистолет, потом меня, а следом Женьку. Пусто и тихо, аж страшно. Если тут отдыхают всякие крутые дяди Вити, то по идее, здесь должно быть веселее. Ну там музыка хотя бы, девочки... Хотя — мы в подвале, какая музыка? А крутые дяди, возможно, уже уехали.

Я пару секунд вслушивался в тишину, потом пошёл в сторону, противоположную той, куда меня вели в прошлый раз под конвоем, с той стороны только свалка, нужно узнать, что с другой.

С другой оказалось море. Мы прошли по коридору, поднялись на этаж выше и увидели его в окно — пустынный грязный пляж с прогнившими обломками лодок и сухими водорослями, чуть дальше виднелась маленькая пристань и обшарпанный корабль с сетями на бортах. Женька указала мне на него глазами, прошептала:

— Интересно, он только тут пристаёт? Может, можно будет на него пробраться, а встать где-то ещё? Или хотя бы отплыть отсюда, а где-то прыгнуть в воду и догрести до берега... Я хорошо плаваю! — сверкнула она глазами на мой недоверчивый взгляд. — Береговая линия почти везде в пансионатах, оттуда сядем на автобус, денег нам хватит.

Бумажник тёзки я инспектировал при ней, денег там точно хватит. Чем-то мне не нравится её план... и корабль какой-то стрёмный. Вроде рыбацкий, но, блин, что ему тут делать? Возить богатых дядечек рыбку ловить? Слабо верится... Снизу донеслись крики и тяжёлые шаги, захлопали двери, я толкнул Женьку в сторону двери и крепче стиснул пистолет — многовато там топочущих ног, у меня патронов столько не будет. Она выбежала на улицу и припустила в сторону пристани, я догнал, схватил за локоть и дёрнул её за кучу каких-то лодочных обломков:

— Ты в своём уме?! — моим злобным шёпотом можно было сверлить металл, она испуганно сжалась:

— Что?

— Этот дворик с пляжем просматриваются из всех окон с этой стороны! Только медленно и только за мной, поняла? — Она закивала, я внимательно осмотрел окна и двери, потом берег, наметил маршрут — там за двором пологий пляж переходит в скалистый берег, за ним ничего не видно, да и кустов всяких полно, лучше дороги не найти.

Знаком позвал девушку и пригнувшись пошёл, скрываясь за кучами хлама и каркасами лодок. Когда голоса и топот переместились на заброшенный пляж, мы уже вовсю улепётывали вниз со скалы, до кораблика рукой подать. С вершины я осмотрелся — грустная картина, не зря и пансионат, и пляж в таком ужасном состоянии. Вокруг почти до горизонта свалка каких-то непонятных проржавевших бочек, вдалеке медленно вертятся ветряки электростанции, дорога пустынная — что это за побережье, если на нём никто не отдыхает? Идея с кораблём казалась всё более неудачной, но альтернативы я не видел.

Проржавевший кораблик качался на волнах, мы просидели минут пять за выступом скалы, рассматривая его во все глаза, никого не увидели. Я сказал Женьке сидеть здесь, сам пошёл на разведку. Возле пристани деревянные постройки, что-то вроде лодочной станции и крытого ангара для небольших катеров, везде пусто, кроме одного места — маленькая

моторная лодка без движка сиротливо стучала бортом в доски. Рыбацкий это кораблик, сто процентов, и никуда он нас не увезёт, поплывёт собрать сети и вернётся. Одна надежда, что люди там нормальные и помогут нам добраться до города. А сейчас нужно хотя бы куда-то спрятаться, потому что от базы отдыха уже слышались вопли и шум большого кипиша. Я на полусогнутых подошёл к кораблю, трап убран, вроде бы внутри никого. Длинный прыжок и палуба закачалась под ногами, я присел в какой-то нише, поднял пистолет к виску. Если выйдет кто-то опасный, просто стукну рукоятью, стрельбу разводить здесь нельзя, хоть и далеко, но открытое пространство — на «Чайке» мигом услышат. Минута протикала мимо, никто не показался. Я выдохнул и пошёл исследовать корабль.

Обе двери были закрыты на надёжный винтовой замок, оставался только люк в полу, его я открою. Там вместо замка в проушины вдет толстый прут и скручен в пару витков, рёбра будут жаловаться, но я как-нибудь переживу. Высунувшись над бортом, махнул Женьке:

— Иди, — она подбежала, постоянно оглядываясь в сторону «Чайки», замерла у края причала. — Прыгай!

— Далеко, — она топталась у самого края, с несчастным видом прижимая кулачки к груди, — я не допрыгну.

— Давай, — прошипел я, — я поймаю, быстро!

Она прикусила губу, отступила на пару шагов и прыгнула. Не допрыгнула, я подхватил её у борта, чуть не ухнув в воду следом, втащил, радуясь, что хоть визжать она не стала. Шум со стороны базы приближался, я нервничал, подталкивал её в сторону люка в полу:

— Давай, быстрее! Пригнись, — присел, упер один край прута в пол, наступил на него, второй потянул двумя руками, в груди затрещало, то ли мышцы, то ли кости, больно... Прут поддался, теперь ещё виток точно так же и вытащить из проушин. Есть.

Люк открылся почти без скрипа, я заглянул, спрыгнул первым, поймал Женьку, сразу полез закрывать. Теперь темно. Хотя, в маленьких иллюминаторах светится угасающий день, на улице почти незаметно, всё равно всё видно, а стоило зайти в такой вот тёмный трюм... Глаза привыкли, я стал пробираться между горами наваленного то там, то сям барахла, пенопластовые поплавки, сдувшаяся лодка, ржавый мотор, кучи провонявших рыбой сетей. В дальнем углу лежало что-то похожее на тюки с тканью, я подошёл, пощупал — матрасы. Значит, здесь и остановимся. До утра вряд ли кто-то сюда пожалует, сети ставят перед рассветом.

— Лёш, смотри, — я обернулся, Женя отвела рукой по виду металлическую переборку у стены, на самом деле состоящую из плотной ткани. — Выглядит как стена, правда? Там ниша маленькая, глянь.

Я подошёл, потрогал занавеску — очень плотная, с какими-то петлями по краю. Странно. Присел, провёл рукой по полу, нащупал маленький крючки — перегородка пристёгивается.

Внутренний голос, презрев возможные пинки, заорал, что пора сматываться, хотя я и не понял, почему он так решил.

Вдруг совсем рядом загремели шаги, кто-то закричал, я толкнул Женьку в нишу и влез следом, стал на ощупь застёгивать занавеску. Теперь тихо, я приложил палец к губам, девушка закивала — всё ясно. Мы замерли, на причале кто-то ругался, но слов не разобрать, я подполз к грязному, неаккуратно покрашенному изнутри иллюминатору, процарапал ногтем дырочку в краске... Здоровые вооружённые мужики и их реально толпа.

Отбитые почки немилосердно заныли, я сжал челюсти — тихо, отставить панику, нас

ещё не нашли. С мужиками ругался, размахивая руками, шуплый нерусский тип с кошмарным акцентом, указывал на корабль и отрицательно мотал головой. Главный здоровяк тыкал его в тщедушную грудь пальцем, орал и чего-то требовал. Не слышно, чего, но я думаю, подняться сюда, к нам.

— Что там? — на моё плечо легла рука Женьки, она ткнулась лбом в мою спину, я прошептал:

— Пришли, но хозяин их не пускает. Вроде бы. Если зайдут, сиди тихо, даже не дыши. Один звук — и я покойник. Ты у нас ценный персонаж, а меня угрожают и не заметят.

— Я буду тихо, — прошептала она, подползла ближе и вцепилась в мою спину обеими руками. Фиг теперь развернешься, да ладно, хрен с ней, лишь бы молчала.

Здоровые ребята что-то всё-таки втолковали нерусскому дядьке, он обречено поплёлся в док, вернулся с длинной доской, бросил её краем на борт корабля. По ней сразу застучали тяжёлые ботинки, кораблик затрясло, Женя вжалась в мою спину, я отцепил её руки, развернулся и крепко обнял, держа одну руку возле лица — рот, если что, закрыть. По палубе долго ходили, грохали дверями, что-то падало, девушка вздрагивала от каждого звука, крепче вцеплялась в мою руку острыми пальцами. Наконец загрохотал люк, в трюм стали прыгивать тяжёлые тела, сердце у меня колотилось как у зайца, я даже не знаю, что буду делать, если кто-то сейчас откинёт ткань и сцапает Женьку. Как драться в закутке два на полтора метра, я не представляю, с моими руками я даже одного удара не сделаю, чтоб не треснуться сам. Дыхание выровнять мне почти удалось, чего нельзя сказать о Жене — она сопела как паровоз, её трясло так, что мне казалось, весь корабльдрожать должен. Вооруженные типы пинали горы барахла в дальней от нас части трюма, там шумно, я решился и прошептал ей в самое ухо:

— Дыши как я, — и засопел ей в шею, чтобы она слышала ритм, сначала быстро, почти как она, потом медленнее, ещё медленнее. Она быстро подстроилась, даже немного расслабилась и перестала дрожать. Я считал про себя на каждый вдох-выдох до четырёх, потом до пяти, за тонкой занавесочкой гупали и орали типы со стволами, которые очень хотят моей смерти... а я сидел на полу в каком-то одуряющем трансе, прижимая к себе красивую испуганную девушку и испытывал странный мазохистский кайф. Её сердце колотило мне в середину груди, волосы пахли травой и пряностями, тонкие пальцы впивались до боли в мою руку, она чуть слышно дышала в такт со мной...

Грохот шагов приблизился, что-то лёгкое ударилось в натянутую ткань перегородки и упало на пол с той стороны, в полуметре от меня ругались и ворошили старые сети. Сердце грохало так, что я удивлялся, как Женьку не подбрасывает на каждом ударе.

Господи, только бы они не заглянули за перегородку, только бы никто не опёрся нанеё, только бы никто не услышал, как мы дышим...

Уши они минут через десять, а может через пару часов, я совершенно потерялся. Успел заметить только, что ноги затекли и горло пересохло. Женька сползла с моих коленей, потёрла шею, прошептала:

— Всё, да?

— Вроде всё, — я пожал плечами, сжал её руку, — ты молодец.

— Это ты молодец, — она слабо улыбнулась, повела плечами, разминая спину, — что теперь?

— Отдыхаем, — выдохнул я. — Там посмотрим.

***

Проснулся непонятно от чего — тихо, темно, вроде всё в порядке... Рядом со мной негромко сопела Женька, действительно простудилась, ещё бы — на полу спать. Конечно, я притащил вчера из горы матрасов один более-менее чистый, но укрываться всё равно нечем. Девушка во сне подползла ко мне, замёрзла наверное, да тут и ползать особенно не надо, слишком тесно. Я сел, пытаюсь размять затёкшие плечи и спину, стал рассматривать спящую Женьку — свернулась в клубок как котёнок, волосы растрепались, губы аж посинели от холода. Лето ни лето, а ночью на море дубарь. А мне и снять с себя нечего, хоть чем-нибудь бы укрыть её.

Тут кораблик закачался, я замер, услышал чьи-то шаги, потом ещё несколько человек поднялись на борт, стали громко разговаривать. Женя вздохнула, с улыбкой потянулась и прищурила глаза, потёрла их ладонями, села. Я приложил палец к губам:

— Тихонько.

Она нахмурилась, потом осмотрелась и улыбка сползла с её лица. Вот так вот, девочка, просыпаться с улыбкой можно только тогда, когда засыпаешь в своей постели, а не когда неизвестно где, неизвестно с кем.

— Как у нас дела? — прошептала она, окончательно проснувшись. Я пожал плечами:

— Пока без изменений. Несколько человек поднялись на корабль, но сюда никто не заходил, — она кивнула, потёрла ладонями плечи, я отвёл глаза. Даже в полумраке трюма видно, что она вся в гусиной коже. — Замёрзла?

— Есть немного, — вздохнула она. — А там точно одеял нету? — она кивнула на матерчатую стенку, отделяющую нас от трюма, я покачал головой:

— Я вчера всё облазил, нету. Разве что разорвать один из матрасов и взять ткань, но тогда точно заметят, — она вздохнула, отвела глаза. Мне почему-то стало дико стыдно, как будто я сам во всём виноват, сам притащил её к бандюганам, сам заставил спать в промёрзшем металлическом ящике на воде... Где-то глубоко внутренний голос шепнул: «А ведь виноват». Я нахмурился — по-моему, кто-то давно по шапке не получал. Голос испугался и заткнулся.

— Давай я тебя погрею, — пробормотал я, девушка вскинула на меня глаза, подняла брови, я смутился ещё сильнее, пожал плечами, — я всегда горячий.

— Да ладно, не надо. Переживу, — она вздохнула, отвернулась к окну, опёрлась плечом о стену и тут же отдёрнула его, зашипев. Я косо улыбнулся — стена ледяная, да.

— Встань с матраса, — она сползла на узкую полоску голого пола, я развернул матрас и положил поперёк, так чтобы он закрыл стену где-то на метр, — садись.

Теперь можно опираться, матрасик мы за ночь нагрели. Вот только это всё равно не спасёт от холодного воздуха. Я сел, опёршись спиной о стену, позвал:

— Жень, иди сюда, не выделяйся. Я же вижу что ты замёрзла, — она вздохнула и подползла поближе, но под боком я её не особенно нагрее. Я развёл колени пошире и похлопал по матрасу между ними, — давай сюда.

Как она покраснела, было видно даже в полумраке, но возражать не стала. Я подвинул её поближе, заставил откинуться на мою грудь спиной, обнял за талию. Ух, какая же она ледяная... но ей, по ходу, кайфово — расслабилась, улеглась поудобнее. Я молчал — что я

сейчас скажу? Она тоже не спешила разговаривать, через пару минут засопела опять, я вздохнул с облегчением, уже не так неловко. А то как-то я за ней ухаживаю не по-человечески, то целоваться за спор заставлю, то обниматься потому, что деваться некуда...

Так, стоп, что за новости?! Я за ней ухаживаю? С каких таких пор?!?

Я крепко задумался на эту тему, но размышления прервал гул заработавшего мотора и сразу за ним встрепенувшаяся Женька. Я погладил её по руке:

— Всё нормально, спи. Это они отчаливают. Сети, наверное, собирать двинулись. Если что-то случится, я разбужу.

— Я что, уснула опять?

— Да.

— Кошмар. Никогда раньше сидя не спала, — она зевнула, поёрзала и опять закрыла глаза.

"А это всё ты виноват" — прогундел язвительный внутренний голос. Левой в печень, правой в солнышко — и я избавлен от его комментариев до конца дня. Надеюсь.

За переборкой гудел мотор, волны убаюкивающе плескали по бортам, я не заметил, как сам уснул.

Проснулся от того, что затекло всё что можно- в таком положении не поспишь. Вылезти из-под Женьки незаметно я точно не смогу, так что придётся будить. Я тихонько тронул её за локоть:

— Жень, подъём, — она попыталась потянуться, не преуспела, потому как я сильно мешал, прошептала:

— Мы где?

— В море, я думаю, — хмыкнул я. — Дай я вылезу, затекло всё, кошмар просто.

— У меня тоже, — поморщилась она, неуклюже отползая. Мне опять пришлось разворачивать матрас, мы сели, вытянув ноги, я стал разминать ступни, потом бросил — гудят невыносимо, если расслабить и не двигаться, само пройдёт через время. Сполз подальше и вытянулся вдоль всей нашей загородки, почти поместился, ноги только в коленях немного согнуты. Женька смотрела на меня, я тоже на неё глянул, она сразу отвернулась.

— Что такое?

— Ничего, — мы помолчали, она вздохнула, — страшно.

Я тоже отвёл глаза. Что ей рассказать на этот раз? Я понятия не имею, что будет через час, что я могу ей обещать?

— Мы выберемся.

— Ты сам в это веришь? — невесело усмехнулась она, я пожал плечами:

— А почему нет? Сейчас подождём, пока корабль отойдёт подальше в море и выйдем, поговорим с людьми, попросим их высадить нас где-нибудь на побережье, где автобусы ходят.

— Да? Ну не знаю... — она вздохнула, перевела глаза на потолок, — может быть.

Ага, и вероятность того, что они нам помогут — процентов пять, не больше. Гораздо правдоподобнее будет им сдать нас назад доброму дяде Вите, и если они надумают сделать так, мне придётся идти на крайние меры. В обойме двенадцать патронов, если надо будет, я продырявлю по одной ноге каждому из находящихся на борту. Не хочется, конечно, но если вариантов не будет...

Мотор сбросил обороты, потом пару раз кашлянул изаглох. Над головой затопали,

заговорили, грохнул о пол металлический люк, несколько человек быстро пошли в нашу сторону.

Я поднялся, загородил плечами девушку, напряжился. Сердце нагоняло кровь в мышцы, готовясь к драке, адреналин плескался по венам, оставляя в груди холодный ментоловый след.

Они не сюда, не сюда, не к нам... Они просто в эту сторону трюма, им нужны сети, нужно что-то другое, не мы...

Шаги остановились возле стенки, ткань натянулась и откинулась вверх, тусклый свет выхватил из темноты четыре крепкие фигуры и три внушительных ствола. И все три смотрели мне в грудь. Женька пикнула и вцепилась в мою футболку дрожащими руками.

— Ви выходите! — тот, который держал занавеску, махнул рукой в сторону люка. — Бистро!

Я медленно поднял открытые ладони:

— Мы хотим поговорить. Просить помощи.

— Наверху говорить! — крикнул он, — наверх!

Я нащупал за спиной ладонь Женьки, не сводя глаз с чёрных провалов дул, медленно вышел из укрытия, потянул её следом, стараясь держаться так, чтобы она не попадала ни в чьё поле зрения. Не вышло — нас окружили, двое стали подталкивать стволами в спину, один тронул Женьку за локоть, она пикнула как мышка и обежав меня, вцепилась в мои руки. Я остановился, игнорируя упёршиеся в бок ствола и припечатал его таким взглядом... как будто протягиваю руку и сжимаю на его горле, без всяких приёмов, просто раздавливаю пальцами глотку, наблюдая как он синееет и дрыгается.

Мужик побледнел и с усилием сглотнул, опустил глаза. Я обнял Женю и потащил к люку, посадил, влез следом. Нас ждали, ещё двое с автоматами и такими же нерусскими рожами, смуглые, бородатые, то ли арабы, то ли грузины, яв них не разбираюсь. Пистолет мой как торчал сзади за поясом, так там и остался, его все заметили, но никто не тронул. И на том спасибо.

— Ви кто? Ми вас не звали! — Старый ощупал меня цепким взглядом, задержался на рассечённой скуле и сбитых костяшках, я поднял открытые ладони:

— Мы попали сюда случайно и будем благодарны, если вы нас высадите где угодно, — мужики с автоматами противно оскалились, я добавил, — у нас есть деньги, мы заплатим.

Старик на меня уже не смотрел, он пристально разглядывал Женьку, потирая подбородок и чему-то улыбаясь. Она жалась ко мне, сминая в ладонях низ футболки, дрожала.

— Вы нам поможете? — старший покивал, глядя в сторону:

— Ми вернёмся завтра утром, висадим вас на берегу возле города, — указал глазами на одного из помощников, — оружие отдай ему.

Сердце, конечно, поскрипело, но я молча протянул ствол рукоятью вперёд — всё равно он меня не спасёт.

— Пайдьом, — мужик спрятал мой пистолет, махнул рукой на какую-то дверь в похожей на гараж надстройке, открыл и жестом указал нам внутрь. Там было темно, хоть глаз выколи, сердце заколотилось о рёбра, мне ужасно не хотелось переступить порог. Я ещё раз окинул взглядом пятёрку коренастых мужиков с автоматами, стиснул зубы. Далеко друг от друга стоят, пока схвачу хотя бы одного, меня трижды прострочат очередью. Из темноты за порогом тянуло холодом. Я прижал к себе Женьку и шагнул.

За нами тут же защёлкнулся замок.

***

Ненавижу бабский рёв. Нет, не плачь, не слёзы, не хныканья — именно рёв. Как у деревенских бабищ, на публику убивающихся над сгоревшим сараем. Надрывный, заунывный, вызывающий басовую дрожь по всему телу, быстро переходящую в нервную — так и врезал бы, чтоб уже или было, над чем реветь, или вырубилась бы к чертям и не раздражала.

«Ой, горюшко-о-о, ой на кого ж нас, болезных, покинули-и-и...»

А потом перекошенная сморщенная морда и долгое «ыыы». Лучше бы меня пристрелили, честное слово.

Женька морщилась, медленно глубоко дышала мне в плечо и всё сильнее вдавливала острые пальцы в моё предплечье. Наконец прошептала:

— Лёш, сделай что-нибудь с ней, иначе я скоро ещё громче завою.

— Я не бью женщин, — пожал плечами я, — извини. А другого способа заставить её замолчать я не вижу.

— Ну скажи ей, что ли...

— Марина пыталась, ты же слышала. Не помогает. Это у неё такая реакция на стресс, она не может остановиться.

— Значит, нужно устроить ей ещё один стресс, — решительно заявила моя подруга и сложила руки на груди, привалившись спиной к холодной металлической стене. Ей уже было пофиг, мы слишком долго были на нервах.

Вокруг на расстеленных прямо на полу матрасах сидели девушки, пятнадцать человек. Я пересчитал их, как только мы к ним присоединились, просто так, из любопытства. Ничего интересного здесь больше не было — облезлые стены, толстая входная дверь, маленькая кабинка туалета, настолько страшного, что все предпочитали есть поменьше, но не заходить туда. Больше глаз ни за что не цеплялся, да и было почти темно. Здесь всё же был источник света, несколько покрашенных окошек под потолком. Когда мы только вошли, привыкшие к дневному свету глаза их не заметили, мы шли по стене на ощупь. Было тихо, девчонки боялись даже дышать, не зная, чего ожидать от следующей секунды. Потом, когда они поняли, что мы такие же, как и они, жертвы с туманным будущим, с нами стали заговаривать, задавать вопросы. Кто мы, как мы сюда попали, знаем ли мы хоть что-нибудь... Мы ничего не знали.

О своей печальной судьбе нам рассказали две девушки, только их имена я и запомнил — Марина и Яна. Остальные только иногда вставляли замечания, по большей части слушая. Их собирали в двух местах, в том, где попала Марина, набирали обслуживающий персонал для клубов и ресторанов за рубежом. Она с косой усмешкой описывала, какие перспективы им обещали — интересная работа, бесплатное проживание, высокая зарплата, хорошие чаевые...

А я сидел и смотрел на неё — длинноногая натуральная блондинка, с мультяшными ресницами и обаятельной улыбкой. И с синячарой на полскулы.

— Кто тебя так разукрасил?

— Да один из этих, — она дёрнула плечиком, — черномазых, они все на одно лицо, — провела пальцами по волосам, прикрывая синяк, возвела глаза к потолку и иронично добавила, — я пыталась убежать. Дура, да? Накинулась на мужика с автоматом.

Несколько девушек фыркнули, раздались комментарии:

— Хорошо ты его!

— У него была такая морда...

Марина с сарказмом отвесила поклон публике, не поднимаясь с матраса:

— Рада, что вам понравилось, — перевела взгляд на меня, пояснила, — я воткнула ему в шею маникюрные ножницы, когда он отвернулся. В фильмах они обычно после этого дико орут и, — она развела руками, хмыкнула, — как в кино не получилось. Он догнал меня, я двух шагов сделать не успела.

Женя ободряюще подмигнула ей:

— Всё равно ты молодец, я бы не решилась.

Блондинка пожалала плечами и опустила голову. Я не удержался:

— Ты так хотела работать за границей, что пошла на собеседование в какую-то сомнительную контору без всяких гарантий? Уехать из дома на всё лето и мыть посуду за турками?

— Я бармен! — гордо вздёрнула подбородок она, — и я очень классный бармен, можешь мне поверить. Но столько бабла, сколько предлагали эти чурки, я в нашей стране за год не заработаю.

— Это точно, — оживилась Яна, — у нас та же фигня.

Несколько её подружек закивали, их взяли всех вместе, только им предлагали не работать официантами, а танцевать. Конечно же, не стриптиз, а шикарные шоу-программы, целые костюмированные представления. Они поверили. И теперь сидели на грязных матрасах на железном полу ржавого корабля, плывущего неизвестно куда.

Я рассматривал их уже часа два, больше здесь смотреть не на что — голые стены и пятнадцать зарёванных красивых девушек. Они все были красивые — молодые, грудастые, модельно-красивые славяночки. Не нужно обладать развитой фантазией, чтобы понять, для каких целей их похитили — уж точно не коктейли готовить.

Когда всё, что можно было рассказать, было рассказано, на пару минут опять стало тихо. Но только на пару минут. Редкие шморганья носом и всхлипы превратились в бурный поток завываний — я не помнил, как её зовут, но её голос ещё долго будет сниться мне в кошмарах. Её не могли успокоить. Она вела себя более-менее тихо только пока кто-то что-то рассказывал, но как только разговоры стихали...

— Лёш, куда нужно ударить, чтобы человек потерял сознание?

Голос Женьки был ровным и спокойным, но я чувствовал, что она на пределе.

— В висок, — стал загибать пальцы я, — в макушку сверху, только там надо сильно быть, у тебя силёнок не хватит. Можно по затылку, там где шея начинается, но есть риск нанести опасную травму, тут надо быть осторожным. Можно, в принципе, и в глаз, но ты, как я понимаю, не хочешь серьёзных повреждений?

— Нет, я просто хочу, чтобы она заткнулась!

Крик Жени отразился от железных стен, зашелестел в тишине... обсуждаемая персона всхлипнула, набирая воздух для ещё одного завывания, меня больно пнули в колено, Марина, корча страшные рожи, прошипела:

— Давай болтай ещё!

— Есть море способов! — радостно провозгласил я, глядя на расплывающуюся улыбку Женьки, встал по центру маленького помещения, девчонки резво поджали ноги, освобождая мне место. — Вот, ты, например, высокая — это большой плюс в драке!

— И как мне это использовать? — подыграла она, с заинтересованным видом подпирая щёки ладонями, — поведай мне, великий сенсей! — повернулась к девчонкам, гордо указывая на меня ладонью, — он реально тренер, щас как научит нас, мы всех этих арабов в два счёта уложим!

Девушки захихикали, на меня обратились пятнадцать пар блестящих глаз...

Я вздохнул, оглядывая фронт работ — боже, дай мне сил, — и решительно протянул руку Яне:

— Так говоришь, ты танцовщица?

***

Спать было ужасно неудобно, я всё время вертелся, пытаюсь уложить свои руки-ноги так, чтобы ничего не затекало. Неразрешимая задача — я слишком большой. На моём левом локте спала Марина, к спине прижималась Женька, ступни упирались в какую-то официантку. Как только я пытался повернуться, все окружающие начинали вертеться вместе со мной и опять становилось неудобно. Я лежал в каком-то полубреду, стараясь максимально отрешиться от гудящего тела, задубевшего в неудобном положении. Перед глазами мелькали кадры, то старые, почему-то всплывшие из памяти, то совсем свежие, двухчасовой давности. Смеющиеся девчонки, на щеках которых от улыбки изгибались полоски засохших слёз, Женька, схватившая меня за руку и радостно шепчущая в ухо «ты молодец!».

Я и правда сумел развеять упаднические настроения нашей большой компании. Танцовщицы размахивали сильными ногами, под моим чутким руководством осваивая удары в корпус и готовясь задать жару пленившим их чуркам. Я смеялся, но учил вполне серьёзно — меня это тоже успокаивало, привычная работа, в которую нужно вкладываться, не отвлекаясь на левые мысли.

В памяти возникла Марина, растрепанная и запыхавшаяся:

— А кулаками бить научишь? — у неё горели глаза, она старательно копировала стойку Яны, на которой я всё показывал.

— Не научу, у вас слабые руки.

— Нифига подобного, — возмутилась она, — я тридцать раз отжаться могу!

Я улыбнулся на одну сторону, закатил глаза:

— Подними мою руку.

Марина посмотрела на протянутую ей ладонь, схватила двумя руками и с ожиданием посмотрела мне в глаза. Я расслабил плечо. Она покачнулась, но снова выровнялась, гордо убрала одну руку за спину, продолжая держать моё запястье одной рукой.

— Долго продержишь? — усмехнулся я, она фыркнула, тогда я сложил руки на груди и предложил, — толкни меня, двумя руками.

Она толкнула. Я остался стоять как стоял, её же отнесло на пару шагов. Девчонки засмеялись, Марина толкнула ещё раз, всем весом, теперь я всё-таки покачнулся, но не успела она обрадоваться, как я прижал её локти к телу и обхватил двумя руками.

— На том расстоянии, которое тебе нужно, чтобы ударить руками, у твоего противника есть те же возможности. А его руки сильнее, — Марина дёрнулась, пытаясь вырваться, забила изо всех сил. — Так что лучше к противнику, который сильнее тебя в разы, даже не подходить. Не давать ему возможность схватить тебя. И не воображать себя великим воином, если выучил два удара, — девушка перестала вырываться, затихла, тяжело дыша, я отпустил её. — То, что вы здесь учите, может сработать только раз, пока от вас не ожидают подлянки и легко поворачиваются к вам спиной.

Девушки перестали улыбаться, смотрели на меня серьёзно и сосредоточенно. Марина поправляла одежду и тёрла плечо. Я взял её за локоть:

— Без обид?

— Без обид, — вздохнула она. — Ну а что делать, когда тебя держит горилла двухметровая? Если он сильнее и с автоматом, а я с причёской и на каблуках? Глазки ему

строить?

Судя по жадным взглядам, этот вопрос интересовал многих.

— Можно и глазки, — ухмыльнулся я. — А потом пальцами в эти глазки, пока он раскис и ничего плохого не ожидает, — дамы засмеялись, закивали. — Сразу, пока он ничего не видит и не соображает, отпрыгиваешь подальше, чтобы поймать не успел. А потом каблуком ему по чувствительному месту.

Я входил во вкус, подцепил Женьку, взял за руки выше локтей:

— Вот так он тебя держит. Что ты будешь делать? — она взбрыкнула коленом, я еле увернуться успел, раздался смех. — Тоже верно. Но можно и не так. Вот ты, например, высокая и если я к тебе немного наклонюсь, то лица окажутся на одном уровне.

Она смотрела на меня с расстояния сантиметров в десять, расширенные зрачки отражали точки света из окошек, щеки медленно заливал румянец. Я зажмурился, чтобы не видеть её лицо, глубоко вдохнул. Что я говорил? Зачем я вообще стал к ней так близко...

— И что делать тогда?

О, вспомнил! Я же учу мелюзгу драться! Полегчало. Я посмотрел на задавшую вопрос:

— Можно ударить лбом по носу, — Женька поморщилась, я усмехнулся, — это не так больно, как кажется. Лоб крепкий, а вот нос — не очень. И поверьте мне, когда в переносицу с силой врежется что-то твёрдое, мир тухнет мгновенно. Пусть на полсекунды, но за эти полсекунды ты успеешь ударить коленом туда, куда ты хотела и убежать.

— Это тоже каратэ? — игриво улыбнулась Яна, я не смог не улыбнуться в ответ:

— Нет, это из подготовки спецназа, я там служил.

«Ух ты!» и подобные охи-вздохи наполнили помещение, Яна ещё раз стрельнула в меня глазами... не попала. Я смотрел на Женьку, в глазах которой читалось «позёр и выпендрёжник!».

Ну, есть немного...

Я провёл ладонями по её рукам, чуть сжал пальцы и отпустил.

— И вообще, не бойтесь запрещённых приёмов, вы не в спортзале. В глаза, в пах, хоть ногтями в ноздри! То, что они собираются сделать с вами, гораздо хуже. Не жалейте их.

Все молчали. Марина рассматривала маникюр, Яна уставилась в пол, в глазах было что-то странное.

— Так мы выберемся отсюда?

Несмелый голос принадлежал той самой барышне, которая непрерывно стенала и плакала.

— Не знаю, — я смотрел на свои руки, вспоминая ощущение тяжёлого пистолета в них. Выберемся?

Сколько человек нас охраняет? Я насчитал шестерых, если они глушили мотор для того, чтобы с нами поговорить, значит один из них ещё и управляет кораблём. Шесть человек, пять калашей. И мой Макаров где-то у них. А у меня голые руки, треснутые рёбра и шестнадцать ногастых баб... охренеть.

Так всё-таки — выберемся? Нужно ответить честно хотя бы себе самому. При определённом везении... ну, большом везении... скажем так, если все невинные души этого полушария будут за нас молиться...

Я хмыкнул, сжал кулаки:

— Мы обязательно попробуем, девочки, — обернулся, стараясь заглянуть в глаза

каждой, кивнул, — нужно дождаться подходящего момента. Вы только не геройствуйте. Если услышите стрельбу — сразу на пол и отползайте. Если выхода нет — сдавайтесь и будьте паиньками, ждите нового момента. Мы выберемся.

***

Не помню, когда я уснул, но проснулся уже при ярком свете. Мне оставили весь матрас, но тело всё равно затекло и не хотело разгибаться. Кто-то шёпотом жаловался, что потянул связки, ей отвечали, что ногами махать надо было осторожнее. Я лежал, отвернувшись к стене, никто не видел, что я проснулся. Полежу ещё, так не хочется подниматься... стану опять центром внимания, придётся всех развлекать. «Восемь девок, один я» — чувак, тебе ещё повезло! У меня их вдвое больше.

Дамы болтали о всякой фигне, о рыбках, птичках, косметичках... Этот фоновый шум расслаблял, они старались говорить тихо, похоже, некоторые ещё спали. Я сам почти отъехал, когда моё внимание пробудило то, что кто-то назвал моё имя.

— Какой он классный, девочки, — она вздохнула, я не помнил, кто это, но стал прислушиваться. — Где он был всего неделю назад, а? Что ему стоило появиться в нашем клубе?

— Такие по клубам не ходят, — это Яна фыркнула. — Он же спортсмен, небось ещё и не курит.

— Курить хочется зверски, — вставил кто-то шёпотом.

— Это да...

Они немного помолчали, потом я услышал голос Марины:

— А вы давно знакомы?

— Мы вместе живём. Почти неделю, — Женька. И как сказала, ведь не придерёшься! Правда живём. А что в общаге и по ошибке — она уточнять не стала. Послышались вздохи, кто-то тихо хохотнул:

— Утритеесь, дамочки, он занят.

— А что, понравился? — это Марина, с лёгкой издёвкой.

— А что, и тебе понравился? — Яна, тоже с издёвкой.

— У меня парень есть, — отбрила Марина, — и ничуть не хуже.

Все замолчали. Я представил, о чём они думают — о парнях, обо всех тех, кто остался на берегу в родной стране. Мне тоже есть, о ком подумать — две группы по тридцать человек, они все ответственные, небось приходят каждый день к положенному времени, удивляются, догадки строят, где это может пропадать их тренер... И родители тоже. И Сашка.

Я представил, как бы чувствовал себя, если бы с ним такое случилось. Если мы договорились встретиться, а он не пришёл. Мобильный недоступен, по домашнему говорят, что с работы он не вернулся. Хреново получается. А ведь Санёк достаточно умён, чтобы связать моё исчезновение с предшествующей дракой... Но, к сожалению, недостаточно умён для того, чтобы тихо сидеть дома или на крайняк сообщить в милицию — он пойдёт искать правды сам, со своими верными подшипниками. Хоть бы не нашёл.

Мысли понеслись в совсем уже неприятном направлении, я потёр лицо и поднялся.

— Доброе утро, — со мной рядом плюхнулась Женька, протянула бутылку минералки и булку. — Пока ты спал, приносили завтрак.

Я критически осмотрел еду, пожал плечами:

— Спасибо, — откусил кусок, запил, вернул бутылку. — А кто приносил это всё?

— Да арабы, кто ж ещё, — пожалала плечами она.

— Ты их различаешь? — понадеялся я, она качнула ладонью:

— Ну не то чтобы... нового я никого не увидела, если ты об этом.

— Об этом, — я кивнул, задохнулся в рот остатки булки, опять взял у неё воду. — Шесть человек, пять автоматов... Печально, — она нахмурилась, промолчала. — Сколько человек приносили еду?

— Двое, один грузит, другой с автоматом рядом стоит.

— Разумно, — скривился я. — Как думаешь, каким образом нас будут переправлять через границу?

— Да что тут думать, не через таможеню, это точно. На побережье укромных мест сколько хочешь, просто причалят там, где всё уже подготовлено.

— А там охраны будет ещё больше, — мрачно опустил голову я. Откинулся на стену, запрокинул голову, разглядывая облупившуюся краску на стёклах под потолком. Она села рядом, обхватила руками колени, положила на них подбородок. — Жень, — я обнял её, заглянул в лицо, — прости меня. Ну, за всё, за дурацкое поведение в общаге, за спор с поцелуем, за то что втянул тебя в это дерьмо. Если бы я мог всё исправить, я бы что угодно для этого сделал.

— За поцелуй мог бы и не извиняться, — прошептала она, бросила на меня лукавый взгляд, опустила глаза. Я просиял, прижал её покрепче:

— Правда?

— Правда, — она вздохнула, села удобнее, обняла меня за пояс, — я тебя ещё хоть сто раз поцелую, если мы выберемся с этого корыта.

Я потянулся к ней, но она убрала лицо:

— Я сказала — если выберемся.

— Не «если», моя милая, а «когда», — я всё-таки умудрился чмокнуть её в губы и поднялся. — Ну что, валькирии, продолжаем тренировки?

***

К обеду девчонки устали, стали невнимательны и отвлекались по любому поводу. Я не стал их мучить, дал перерыв, все расселись вдоль стен и негромко разговаривали между собой, сбиваясь в кучки до пяти человек. Женька о чём-то шепталась с Мариной, изредка бросая взгляды на меня или на Яну, иногда они хихикали как маленькие заговорщицы, раз даже с серьёзным видом пожали руки. Я усмехнулся и отвернулся. Сразу же поймал взгляд Яны, горячий и многообещающий, она мягко двинулась ко мне. На четвереньках. Похоже, решила, что подниматься на ноги для того, чтобы пройти полтора метра, не стоит. Вырез майки оттянулся, демонстрируя своё ослепительное содержимое, она подняла голову повыше, позволяя мне рассмотреть детали, победно улыбнулась...

— Соскучился? — Женька плюхнулась рядом, расчётливо закрывая мне обзор, напоказ по-хозяйски положила ладонь на моё колено. — Мы тут с Маринкой придумали кое-что, сейчас расскажу.

Я тряхнул головой, прогоняя с сетчатки отпечатавшуюся там Яну, глаза тут же нашли не менее привлекательную деталь Женькиной фигуры да там и остановились.

— Алё, ты меня слушаешь? — она помахала рукой перед моими глазами, я зажмурился:

— А?

— Ага, — вздохнула она. — Марина предложила охмурить одного из охранников и

расспросить его.

— О чём? — нахмурился я. Мне не нравилась эта идея.

— Да о чём удастся. О том, что с нами будет, куда нас везут, как долго ещё плыть, — она хитро улыбнулась. — Как тебе идея?

— Не очень, — напрягся я, готовясь давать отпор толпе самоуверенных юных шпионок. — Во-первых, что значит «охмурить»? Кто будет этим заниматься?

— Мы ещё не решили, — равнодушно пожала плечами она. — Да какая разница? С ним нужно будет просто поговорить, сделать несчастные глаза, ну там всё такое, — она махнула рукой, игриво улыбаясь, — тебе не понять. Мы сами всё сделаем. Классно мы придумали?

— Нет, — отрезал я, — мне это не нравится. — Она попыталась заглянуть мне в глаза с умоляющим видом, но я крепко взял её за плечи, качнул головой, — я сказал, нет. Ты туда не полезешь.

— Ну а кто? — заныла она.

— Я полезу.

Мы оба обернулись. Яна сидела рядом, поигрывая прядью волос, с улыбкой пожала плечами:

— А почему нет? Или кто-то хочет сказать, что у меня не получится? — она обвела взглядом притихших подруг, я внезапно понял, что на нас смотрят абсолютно все. Ей никто не посмел возразить, даже я прикусил язык — она великолепна, с этим нереально спорить. Даже сейчас, несколько дней не обновлявшая макияж и причёску, в мятой одежде и с кругами под глазами — она притягивает взгляд. Есть в ней какая-то магия, в тёмно-карих бархатных глазах, в загадочной улыбке, в плавной линии скул... И это она ещё не прикладывала усилий! Я вспомнил её взгляд, когда она ползла ко мне... брр!

Отвернулся и на всякий случай взял за руку Женьку.

— Значит, решили, — Яна выровнялась и отбросила за спину длинные волосы, — я всё сделаю. А вы, — она обернулась ко мне, — можете пока подумать над вопросами. Что нам нужно знать?

— Сколько их, — стала загибать пальцы Женька, — сколько у них оружия, как скоро мы приплывём на место назначения, кто там будет нас встречать, где это вообще будет...

— Куда они дели наши документы и вещи, — вставила Марина.

— Тогда лучше вообще ничего конкретно не спрашивать, — нахмурилась Яна, — он сам расскажет, что знает, это не будет так подозрительно. Ладно, — она вздохнула, решительно расправила плечи, — я справлюсь.

***

Когда в следующий раз принесли еду, Яна села поближе к двери, стала помогать раздавать печенье и минералку. Я заметил, что вырез на майке она растянула уж совсем до неприличия, упругие полушария чуть не выпрыгивали на волю из тесного плена. Женька больно вогнала локоть мне в бок, сделала вид, что ничего не заметила и отвернулась. «Моя ревнивица!» — восхитился внутренний голос. Я не стал ему отвечать.

Яна тем временем уже второй раз как бы случайно попадалась на глаза самому молодому из арабов, смущённо улыбалась и хихикала. Потом чего-то поколдовала с минералкой и пошла с бутылкой мимо того самого избранного араба. И споткнулась, надо признать, очень натурально, я сам чуть не бросился ей помогать.

Повиснув на руке своей жертвы, она запустила в его глаза свой коронный пронзительный взгляд и быстро поднялась, на миг сжав его ладонь. Яна шла к нему спиной,

на её лице не осталось и следа той томности и незащитности, которую она только что обрушила на своего нерусского похитителя. Во всех её чертах был только вопрос — получилось? Я видел, какими глазами провожал её спину застывший араб и был готов поспорить на что угодно — получилось.

Как только они ушли, девчонки бросились к Янке, стали засыпать её щебетом, в который я даже не пытался вслушиваться — с меня хватило их мозгового штурма полтора часа назад. О, это был ад! Я очень быстро почувствовал себя охранником в женском зале салона красоты — чужим, ненужным и ни хрена не понимающим. Они строчили словами как из пулемёта, все одновременно, все носились, размахивали руками, смеялись, шутили, и все в этом гвалте друг друга слышали и что самое страшное — понимали. Женька что-то делала с Янкиными волосами, болтая с Мариной и ещё одной девушкой, Марина подпиливала Яне ногти, что-то ей втолковывая, одновременно слушая Женьку и ещё трёх подружек и иногда им отвечая. Я вообще не мог понять, откуда они взяли столько косметики. Вот только что они сидели все с пустыми руками, сумочки у них отобрали ещё до корабля, и вдруг — раз! — откуда ни возьмись возникли помады, расчёски, пилочки, какие-то баночки... с ума сойти!

И всё своё добро они по очереди намазывали на Яну. Спорили, что-то друг другу доказывали, дрались за единственное зеркало.

Я старательно их не слушал. Сел в уголке, закрыл глаза и постарался помедитировать по системе своего старого тренера, заживляя внутренней силой свои многотрадальные рёбра и почки. Не сказать, чтобы сильно полегчало, но убить полтора часа мне удалось.

Теперь, глядя на возню в противоположном углу, я уже подумывал об ещё одном часике медитации. Эти маньячки стирали с Яниного лица отработавшую косметику и разрабатывали образ для ночной встречи. До меня изредка долетали страшные слова «растущёванный контур», «мягкие тени» и «сочный контраст». Упаси меня боже быть охранником в салоне красоты!

Наконец они что-то там между собой решили, стали расползаться по разным матрасам, ко мне радостно подскочила Женька, пропела:

— Всё идёт как надо! — весело подмигнула, — а ты боялся. Они встретятся ночью и она всё у него узнает.

— Меня разбуди, — вздохнул я, — вдруг чего.

— Да никто не будет спать, ты что! Мы все будем слушать, вдруг она что-то не запомнит.

— А как они договорились? Я не видел, чтобы она вообще к нему обращалась.

— А она записку передала, — довольно ответила Женька. — Мы написали заранее на этикетке от бутылки контурным карандашом. Видел, она упала на него? Вот тогда и вложила ему в руку. Как думаешь, он придёт?

— Конечно, — кивнул я, — любой бы пришёл. — Женька отвернулась и надулась, медленно поднимаясь, внутренний голос обозвал меня идиотом и постучал изнутри по черепушке. — Вы хорошо над ней поработали, — быстро добавил я, обхватил её за пояс и усадил к себе на колени, — такая причёска!

Женька мигом оттаяла, порозовела:

— Классно, да? Я делала. И вечером тоже я буду делать, девчонки уже согласились.

Я хмыкнул и покачал головой, мне всё равно не нравилась эта идея. Но уже поздно что-то возражать, дамы вошли во вкус. Нужно чем-нибудь занять их до вечера. Но не сейчас.

Сейчас у меня есть отличная возможность обжаловать Женькино заявление по поводу поцелуев «только если мы отсюда выберемся». На нас никто не обращает внимания, она в хорошем настроении и вообще, я её крепко держу.

***

К ночи девчонки стали нервными, даже тренировка их не отвлекала. Все устали, Яна давно была накрашена и намарафечена, все застыли в напряженной боевой готовности. Мой будущий ночной кошмар опять начал всхлипывать в дальнем углу. На моих коленях завозилась Женька, прошептала:

— Расскажи что-нибудь, а то сейчас начнётся.

— Что рассказать? — вздохнул я. Я никогда не был особенно хорошим оратором. — Давай ты.

— А я что? — она пожала плечами, — Марин!

— А? — донеслось с соседнего матраса, — Марина лежала на коленях у кого-то из подруг, та перебирала ей волосы.

— А ты давно со своим парнем встречаешься? — я услышал в Женькином голосе умоляющие нотки, Марина, наверное, тоже. Она поднялась и села:

— Почти пять лет. Когда мы познакомились, я ещё училась на маркетолога, в общаге жила. Мы тогда вообще случайно встретились, его друг гулял с моей подружкой, они нас взяли с собой для компании, но у них ничего не срослось. А вот мы начали общаться, сначала по интернету, потом в реале, — девушка хихикнула. — На первое свидание меня подружка буквально выпихнула. Чего вы ржёте? Ногами как дала, я чуть с кровати не загудела! Ну а потом понеслось.

Девочки хихикали, Марина вспоминала смешные моменты, разогрелась, стала изображать в лицах особенно яркие сцены. Потом стала что-то своё рассказывать ещё одна девчонка, истории полились легко и непринуждённо, образовалась даже очерёдность, дамы по кругу рассказывали о своих парнях, бывших и не очень, я старался сидеть тихо и не отвечивать — вдруг, вспомнив что в их ряды затесался мужик, они перестанут откровенничать?

— Мы познакомились вообще смешно, — я услышал голос Женьки и понял, что очередь дошла до неё. Внутренний голос в волнении грыз ногти, я оставался внешне спокоен и непоколебим. — Я тогда только поступала в универ, бегала оформляла документы, а поселением в общагу занялся папин секретарь. А он молодой совсем и мелкий, можно подумать, что наш ровесник. Он подавал документы за меня, договаривался с комендантшей, возил вещи... Аона, видать, недочиталась, и вместо Евгении записала Евгения. — Девчонки заинтересованно блестя глазами, Женька хихикнула, — ну и вот, привезли меня в общагу, показали где комната, я туда как вошла — чуть не взвыла! Я такой бардак в последний раз в десять лет во время ремонта видела, всё раскидано, всё поломано, в холодильнике грибы растут... Нотогда уже поздно было, я кровать только постелила и спать легла. Утром просыпаюсь — а на соседней кровати мужик голый спит, у руки у него в крови.

Она сделала страшные глаза, девушки ахнули. Я поднёс ладонь к лицу — ну, сбитые костяшки. И что? Разве это «руки в крови»? Женька тем временем продолжала:

— Я сразу подумала, что моя соседка его привела, а он пьяный был и уходить отказался. Как заорала, — она пожала плечами, — не знаю, почему, но страшно было жутко. А потом я подумала, что наверное, сама по ошибке в другую комнату пришла. В мужскую, — девчонки засмеялись, посыпались комментарии. — А потом оказалось, что это нас по ошибке вместе

поселила коменда, а потом на больничный ушла, и назад расселить уже никак. — Она вздохнула, сделала патетичное лицо, — что это было, девочки! Я ухлопала весь день на то, чтобы попытаться привести эту берлогу в жилое состояние! Выгребла из холодильника два ведра протухшей неопределённой массы, на которой плесень росла целыми колониями... А в ящике для овощей вообще нашла змею, — все смеялись, Женька фыркнула, — из-под своей кровати выгребла кучу проводов, гитару без струн, новенький ноутбук и какой-то масляный пластмассовый короб!

Я хлопнул себя по лбу — Ванькин аккумулятор! Он же его месяц ищет, с новоселья... как и ноут своего брата. И как он у меня оказался? Мы же, вроде, отвозили его к кому-то из девок на квартиру.

— А из-под его кровати я достала окаменелую пиццу, груды битого кирпича, два разных женских чулка, вибратор, три номера плейбоя и спец-выпуск журнала «КулГёл».

— «КулГёл» не мой, — быстро вставил я.

— И это единственное, что его волнует, — развела руками Женька, все заржали, внутренний голос хлопнул по лицу рукой и сделал вид, что он меня не знает.

За стеной послышались шаги, два араба открыли дверь и стали выгружать ужин, молодой постоянно пялился на Яну. Она невзначай пару раз стрельнула в него глазами, потом подошла и взяла бутылку воды. Мужик поймал её за руку и сунул записку.

Когда конвоиры ушли, все сбились в кучу, полушутливую потасовку за клочок бумаги выиграла Марина, спрятала за спину и сделала грозное лицо:

— Тихо все!

— Читай давай, — кто-то хлопнул её пониже спины, Марина хихикнула и развернула записку.

— Так... боже, ну и почерк, как будто левой рукой писал. «Я приду. Всё принесу, только не много. Ты красавица». Ясно, — девчонки стали переглядываться, Яна смотрела в пол, решительно сжимая кулаки.

— Всё в порядке? — я взял её за локоть, попытался заглянуть в глаза, но она отвернулась. — Ты можешь просто не выйти к нему, если не хочешь. Тебе никто ничего не скажет.

— Всё нормально, — она кивнула, подняла глаза, — я всё сделаю как надо. И всё узнаю, — одна из подруг подошла к ней сзади, обняла, Яна погладила её руки. — Вы только не вмешивайтесь. Что бы вы ни услышали, хорошо? — она посмотрела на меня в упор, я молчал, — Лёш, это тебя касается. Что бы ни случилось, не влезай. Я разберусь сама, — она отвернулась, голос стал хриплым, — мне не в первой.

Я замер от её тона, лёгкие сжались на выдохе. Что значит «мне не в первой»? Что она хотела этим сказать?!

Девчонки стали укладываться, Яна взяла зеркало и села у входа.

Я так ничего ей и не сказал.

***

Когда мы слышали шаги, тишина в комнате стояла такая, как будто никто не дышал. Мы с Женькой легли возле самой двери, чтобы лучше слышать будущий разговор. Я чувствовал грудью, как колотится её сердце и пытался не думать о том, как себя чувствует Янкино.

Тихий скрип хорошо смазанных петель прозвучал зловеще. В комнату упала полоска

света, на миг в ней мелькнула тень Яны и дверь закрылась. Сквозь стену донёлся искажённый акцентом голос:

— Здравствуй, красавица, — он говорил с ней почти нежно, я не удивился — я видел, как она сейчас выглядит. Если в первый раз девчонки стремились ошеломить араба её броской красотой, то сейчас накрасили еле заметно, волосы уложили во что-то такое непорочное и почти школьное, Женька на славу поработала. Яна даже майками с кем-то поменялась, спрятав своё шикарное декольте под светлой кофточкой с воротником и котятами. Когда они с девчонками репетировали вопросы, эта артистка делала такие невинные глаза, как будто только что с выпускного, я бы сам купился.

— Привет, — она ответила неуверенно, судя по звуку, опёрлась о стену, — ты принёс?

— На, бери, — он чем-то зашуршал. — Больше нету, всё отдаю, одну пачку себе оставил.

— Спасибо, — они опять чем-то зашуршали, чиркнула зажигалка. — О боже, как же хорошо, — Яна тихо хохотнула, — я третий день без сигарет, думала, умру. Спасибо.

— Кури на здоровье, — усмехнулся араб. — Я тебе ещё сникерс принёс, у Амара поменял, дорого.

— Правда? Класс! — Яна изобразила неподдельный восторг, я почувствовал, как рот наполняется слюной — третий день ем такую фигню, сам за сникерс убить готов.

— Ты красивая, — стена скрипнула, я решил, что араб тоже нанеё опёрся. Что-то зашуршало, Яна хихикнула. — Как тебя зовут?

— Яна, а тебя?

— Рами. Яна красиво, — они опять зашуршали.

— Дай ещё огонька, курить хочется, не могу, — опять чиркнула зажигалка, Яна вздохнула. — Неизвестно когда в следующий раз покурить удастся... Долго нам ещё плыть?

— Завтра заберут, — вздохнул араб. — Отвезут к Мехрабу, оттуда не знаю.

— А что у Мехраба? — её голос дрогнул, Женька стиснула мои пальцы.

— Мехраб поделит, решит, кого куда отправить.

— Я боюсь, — Яна всхлипнула, голос зазвучал глухо. — Что они с нами сделают?

— Не бойся, — его голос звучал так же глухо, я подумал, что они обнялись. — Мехраб умный. Ты знаешь что, ты будь послушная. Будь хорошая, не плачь, не убегай. Если будешь послушная, будешь улыбаться, то Мехраб у себя оставит. Будешь дорогих гостей встречать, будешь танцевать. Кормить хорошо будут, курить давать, будешь одетая красиво. Мехраб своим женщинам украшение даёт, золото.

— А как нас к нему отвезут?

— На корабле. Большой корабль, больше нашего, красивый. У Мехраба всё красивое.

— А там охранники хорошие?

— Хорошие, — он замялся, Яна с надеждой добавила:

— Как ты?

Он помолчал, вздохнул:

— Там охранники... обидеть могут. Ты волосы спрячь и лицо тоже спрячь. И если бить будут, не кричи.

Яна плакала, через стену доносились её тихие всхлипы. Мне на руку капнуло горячим — Женька тоже плакала. Я крепче обнял её, задышал горячо в шею, стал осторожно вытирать слёзы.

— Их там много?

— Много, — он забормотал что-то неразборчиво. — Там Карим будет, высокий очень, у него нос кривой и брови такие... густые. Он... ты к нему не поворачивайся даже, он много плохого сделал.

— Я запомню. Спасибо, — они опять помолчали, Яна продолжила точно по списку, — а долго нам быть с ними на корабле?

— Не долго, нет. Там почти сразу.

— Я боюсь...

— Не бойся.

Они опять зашуршали, теперь громче, в глубине комнаты всхлипнула девчонка, её кто-то стал успокаивать. Не знаю, сколько это длилось. В голове гудело, лицо горело от стыда и бессилия, хорошо, что я почти ничего не слышал через стену. Наконец, дверь открылась, Яна нетвёрдо шагнула внутрь и араб сразу защелкнул замок.

Кто-то попытался усадить Яну к себе, она отмахнулась, взяла бутылку воды и ушла в туалет, долго хлюпала, вышла и сразу улеглась на ближайший матрас. Я нерешительно дёрнулся в её сторону, Женька удержала меня, качнула головой «не надо». Через минуту к Яне проползла одна из девчонок, легла рядом, тихо заговорила.

— Всё нормально, — грубовато прошептала Яна, девушка продолжила что-то говорить, Яна обернулась к ней. — Я сказала, всё нормально, всё! Не трогайте меня.

В другом углу заскулила вечно рыдающая дама.

Я не помню, когда уснул.

***

Когда проснулся, все уже встали. Девчонки жадно курили, задымили всю комнату — Рами вчера притащил четыре пачки, осталось меньше двух. Женька лежала рядом молча, в глазах была такая бездна отчаяния, что хотелось выть.

— Жень?

— А?

— Ты давно проснулась?

— Я не спала, — она поднялась, расправила плечи, поморщилась, — эта... опять всю ночь редела.

— Зря. Надо было поспать, сегодня будет трудный день, — «а для кого-то, возможно, последний». Я отогнал эту мысль.

— Я пыталась, — буркнула Женька, я не ответил.

— Как Яна?

— Она ещё не встала.

Я поискал глазами её яркую майку, чертыхнулся — майка была на Марине. В Марининой белой ещё с ночи ходила Яна.

— Вон она, — я проследил за рукой Жени, увидел у дальней стены Яну с подружкой, они спали обнявшись.

— А они не... — я изобразил руками что-то неопределённое, Женька вспыхнула:

— Я не спрашивала!

С другой стороны комнаты мой взгляд поймала Марина, поднялась, села на соседний матрас:

— Доброе утро, — окинула комнату невесёлым взглядом, попыталась улыбнуться, — вы извините, мы сникерс без вас съели.

Мы оба фыркнули, Марина вздохнула:

— Что делать будем?

Женька посерьёзнела ещё больше:

— Бежать надо до того, как нас доставят к этому... Мехрабу. Нужно попытаться или шюпку угнать, или... не знаю, — она болезненно поморщилась. — Одно ясно — отсюда куда ближе до Турции, чем до дома. Нужно как-то убежать от этих, найти полицию или любую другую госслужбу, через них выйти на посольство. Я знаю там кое-кого, — она поджала губы, в глазах вспыхнули и погасли злые угольки. — И как только я с ними свяжусь, эти уроды пожалеют, что у них отменили смертную казнь!

Меня передёрнуло от того, что промелькнуло в её глазах. Девушки не должны смотреть так. А попадать в такие ситуации они не должны тем более. Я посмотрел на её пальцы, сжимающие край матраса, поднял взгляд на Марину, на остальных девчонок... ощущение, что я за них отвечаю, давило на плечи, сгибало спину. А ведь отвечаю — я здесь единственный, кто может реально хоть чем-то помочь. Сегодня. Всё решится очень скоро — может, вечером, может, через час. Строить планы бессмысленно, мы не знаем, как будет проходить передача, сколько их придёт, сколько у них будет оружия. Нужно будет импровизировать на месте.

— Надо успеть освободиться до того, как нас закроют на том корабле, — я кивнул Марине, — собери девчонок, проведу последний инструктаж.

***

Ожидание было невыносимо. Все дёргались и психовали, «мой ночной кошмар» подвывала в углу, Яна смотрела в стену пустыми глазами, вокруг неё нарезала круги подружка. Марина сосредоточенно отрабатывала удары, отшучиваясь в ответ на смешки, через время к ней присоединилась ещё одна девчонка. Женька сидела у меня на коленях и молча дрожала. Я пытался с ней говорить, но казалось, что она меня не слышит.

— Лёш, ты извини, я... думаю, — она на минуту сфокусировала на мне взгляд, вздохнула. — Пытаюсь составить правильное обращение, вспомнить, кому можно позвонить... Я знаю, что ещё нужно как-то спастись отсюда, но не могу об этом не думать, меня трести начинает.

Она рассказывала о каких-то людях с непроизносимыми именами, о старых историях, иногда сбивалась на английский язык. Я обнимал её и со всем соглашался.

— Лёш, ты когда будешь выходить, хоть сутулься, ладно? — я свёл брови, непонимающе посмотрел на неё. Она пояснила, — понимаешь, там ждут толпу перепуганных зарёванных девчонок, а ты посмотри на них, — я честно поднял глаза, изучил сосредоточенные, злобные лица, понимающе кивнул. — Видишь? Как только они появятся, все сразу поймут, что что-то не так. Ещё и ты, до сих пор не понимаю, зачем тебя туда везут... ты выглядишь опасным, Лёх.

Она провела ладонью по моей щеке, погладила пальцем затянувшуюся ссадину на скуле, прижалась к ней губами.

— Я боюсь. Если бы я воровала людей и увидела среди привезённых тебя... накачанный парень почти двух метров ростом, со сбитыми кулаками и следами драки на лице, от которого так и веет проблемами. Я бы такого пленника постоянно держала в поле зрения, а отойдя от нашего корыта, пристрелила бы от греха подальше. Понимаешь?

— Я не думал об этом.

— Зря. А я думала, — она завозилась, села удобнее. — Я подумала, когда приносили

еду, они ни разу тебя не видели на ногах — ты всё время спал или тихо сидел в углу. Когда они доставали нас из трюма, ты тоже не особенно выделялся, не бил никого, по крайней мере. И если хорошо прикинуться, можно заставить их поверить, что ты чувствуешь себя не таким уж и здоровым.

— Хм, — я заинтересованно поднял бровь, она улыбнулась:

— Слушай сюда, я девчонкам уже рассказала, один ты остался.

***

— Выходите! — дверь с грохотом распахнулась на всю ширину, один из арабов обвёл стволом комнату, закричал, — бистро, бистро! Выходим!

Я пошёл первым, старательно прихрамывая, за мной Женька, остальных я не видел. За правым бортом сияла белоснежная яхта, к ней была переброшена широкая доска, по обе стороны которой стояли незнакомые черномазые с калашами. Ещё трое без оружия прохаживались по палубе яхты, один разговаривал со стариком на нашей ржавой посудине.

Нас стали подталкивать к доске, я осторожно наступил на неё, ощущая подрагивание обоих кораблей. Что делать? Когда?

Доска закончилась, под ногами покачнулась палуба яхты. Я остановился возле мужика с автоматом, стал с кислым лицом потирать ногу. Женька сочувственно посмотрела на мои старания, подставила плечо и отбуксировала меня чуть в сторону. На нас внимательно смотрели старик и тот новый, что с ним разговаривал. Я уловил только часть фразы: «...ничего, откормите, он подойдёт. Глянь, какой!»

Я мысленно оскалился — не знаете вы, какой я. Но сегодня точно узнаете.

Все девчонки перешли на палубу яхты, столпились, настороженно озираясь. У всех на лицах были нарисованные смесью минералки и пыли «следы от слёз». Панику и страх они отыгрывали на отлично, но держались именно так, как мы задумали.

Трое толстяков без оружия подошли ближе, такие же беленькие и гладенькие, как и их яхта. Я рассмотрел на поясе у одного кобуру, остальные выглядели совсем не опасно. Девочки жались друг к дружке, Марина изображала нервное оцепенение, постоянно пялясь в одну точку и не двигаясь с места. Когда толстяки подошли, она оказалась к ним ближе всех.

Девочки то и дело бросали на меня осторожные взгляды, но я медлил. Поймал глаза Яны, поиграл бровями, указывая на автоматчика, она кивнула. Сделала пару шагов к какому-то люку, «споткнулась» об него и упала, жалобно вскрикнув:

— Ай! Помогите!

Мужик обернулся. Не стоило ему этого делать, когда я стою за спиной. Короткий удар костяшками в затылок, хруст, кровь — готов. Я поймал автомат, не дав ему долететь до пола, свободной рукой рванул на себя соединяющую корабли доску, отпустил, позволив ей рухнуть в воду, упал на живот. Одновременно за спиной раздался крик, я не стал оборачиваться — Марина справится.

Автоматчик на палубе корыта вскинул ствол, но я оказался быстрее — его прострочило короткой очередью, зацепив и стоящих рядом старика с новоприбывшим арабом. Пули прошивали подгнившую сталь, где-то в глубине кабины зазвенело стекло, я оскалился. Палуба яхты оказалась самую малость выше борта корабля, мне было удобно стрелять, зато сам как на ладони. А с такого расстояния промазать очень сложно. На корабле все рассыпались кто куда, несколько мужиков кинулись в кабину, я прицельно выпустил две пули — одной даже попал кому-то в ногу. Оттуда стали отстреливаться, я заорал:

— Девки, на пол!

Оборачиваться некогда, рожок не бездонный. Я стрелял одиночными, ранил ещё двоих. Пули чиркали по белой палубе опасно близко, нужно прятаться, я крикнул:

— Девчонки, что у вас?

— Всё нормально, — звонкий Маринин голос пробился через грохот автоматов. — Эти трое в отключке, пистолет мы забрали и ещё один нашли под штаниной. Позакрывали все двери, никуда не входили.

— Ты стрелять умеешь? Прикрой меня, я отойду к вам!

— Не умею. Но я попробую!

— Не надо!

— Дай сюда, — я с удивлением узнал голос Женьки, в следующую секунду по ржавой палубе корабля зацокали пули, кто-то вскрикнул. Я на миг оглянулся и откатился под защиту надстройки, за которой сидела Женя. Она выстрелила ещё раз, не глядя выщелкнула пустую обойму, ловко загнала новую, привычным движением оттянула затвор и вручную взвела курок. У меня отпала челюсть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Прячемся? — спросила она, я закрыл рот, осмотрел палубу. Три тела были свалены в кучу, под одним расплзалась лужа крови, у двух других были связаны поясами руки и ноги. Девчонки сидели на полу, одна из них вертела в руках кобуру с миниатюрным пистолетом.

— Все целые?

— Все, — их нестройный хор ободрил меня, я улыбнулся:

— Вы зеркало не потеряли?

Яна достала из кармана пудреницу, протянула мне. Я протёр зеркало низом футболки, осторожно выставил над головой, стал осматривать палубу с той стороны. Корабли были связаны толстыми верёвками в двух местах, у кормы и у носа, я опустил зеркало.

— Внутри кто-нибудь есть?

— Двое точно, — Марина уверенно кивнула, — явидела, как они убегали. Жирные и без оружия.

Я задумался — отправить их внутрь? А вдруг там кто-то опасный?

— Не переживай, мы справимся, — Женька подмигнула мне, убрала с лица волосы, не выпуская из ладони пистолет.

— Патронов много ещё?

— Эта обойма последняя.

— Побереги.

— Хорошо.

Мы молча посмотрели друг другу в глаза, я кивнул:

— Идите.

Она поползла к девчонкам, стала что-то шепотом объяснять, я отвернулся. Показалось, или палуба немного наклонилась? Я поднял с пола гильзу от Женькиного Макарыча, положил, посмотрел, как она медленно катится и упирается в стенку... Опять поднял зеркало. Канаты между кораблями были натянуты, ржавое корыто еле заметно заваливалось на левый, дальний от меня, борт. Я с косой улыбкой погладил калаш — честь и хвала тебе, Михаил Тимофеич. Пробить с трёх метров сталь корпуса корабля, пусть и не первой свежести, это круто. Нужно будет пальнуть ещё пару раз. Но сначала отвязать канаты.

Уже с полминуты никто не стрелял, ржавая палуба была засыпана осколками стекла и гильзами, из рубки доносилась нерусская ругань и постанывания. Я снял кроссовок, выдвинул его за край и подождал — ноль реакции. Яхта уже ощутимо накренилась, гильзы скопились у стены, туда же понемногу стекала кровь из-под неподвижных тел. Нужно что-то

делать. Узлы на канатах под такой нагрузкой затянулись намертво, развязать можно даже не пытаться, тем более что мудрёный узел я не смог узнать ни с первого взгляда, ни со второго. Значит, резать. Чем? Отличный вопрос...

Внутри яхты загремели тяжелые шаги, это точно не девочки, чтобы производить столько шума, им пришлось бы ездить друг у друга на плечах. Раздался всего один выстрел, потом вопль и всё затихло. Я против воли улыбнулся — сказал Женьке беречь патроны, она их честно бережёт. И где, раздери меня в лохмотья, она научилась так стрелять?!

— Лёш?

— Здесь, — я хмуро осмотрел Женьку, крови не заметил.

— Что у тебя?

— Без изменений. Как у вас?

— Нашли обоих, того, который был в рубке, я сказала не калечить, он поведёт корабль.

— Разумно, — я задумчиво отщёлкнул пальцем гильзу, посмотрел, как она скатывается обратно к стене и вздохнул, — Жень, чем можно разрезать сильно натянутый синтетический канат?

— Ножом, — пожалала плечами она. — Там на кухне есть, принести?

Я нервно хохотнул — как всё просто!

— Неси.

Она уползла, ей на смену выглянула Марина, помахала мне испачканной в крови ладонью:

— Мы — супер-вояки!

— Ты где выделалась, вояка?

— Жирному в морду дала, — она довольно улыбнулась, согнула руку, играя бицепсом, — нос сломала, сто пудов.

Я фыркнул и покачал головой — какой же я везучий жучара, за что мне такая благодать? И что со мной для равновесия будет дальше, если в авансе такая пруха?

Женька примчалась с целым арсеналом, высыпала передо мной на пол, развела руками:

— Я растерялась, сам выбирай.

Не густо — пара тупых кухонных пил, один маленький, но острый ковыряльник и целый набор ножей из дрянной стали, которые можно об колено переломить. Я взял маленький, повертел в руке, взглянул на Женю:

— Из калаша ты тоже стреляешь?

— Хуже, чем из пистолета, — нахмурилась она. — Ты полезешь резать канаты без оружия, что ли?

— Да. Тут или резать, или стрелять, одновременно по любому не получится. Прикроешь?

Она взяла протянутый автомат, приложилась к нему, повела плечами:

— Всё нормально. Я смогу.

— Ну и отлично. Начинай.

Она выглянула за стенку, первым выстрелом разнесла чудом уцелевшее где-то стекло, второй прошил многострадальную рубку. Я выкатился к ближайшему канату, стараясь занимать как можно меньше места, стал пилить скользкую синтетику, стискивая зубы и тихо матерясь. Не поддавалось. Грёбаный канат распушился тонкими волокнами, но лопаться не собирался, я злился и пилил ещё быстрее. С корабля выстрелили, сбив краску в полуметре от

меня, по спине стекал пот, рука с ножом быстро немела от усилий. Чёрт, не режется, чёрт!

— Лёша, уходи!

Я не задумываясь прыгнул за стенку, по палубе градом застучали пули, на секунду обернувшись к кораблю, я увидел, как разлетается голова одного из арабов, заляпывая дырявую от пуль стену. Женька продолжала стрелять. Одиночными. Прицельно. Мать моя женщина, нам бы её в роту на стрельбы!

Она пригнулась, пережидая вражескую очередь, сдула прядь с лица, виновато на меня посмотрела:

— Не получается?

— Нет, — я бросил нож, сильно потёр лицо, стараясь успокоиться. Женька на миг замерла, потом косо улыбнулась, ложась на палубу и тщательно прицеливаясь куда-то в горизонт. Я обернулся — море чистое, никого. Что она задумала?

Она выстрелила непонятно куда, даже не в ржавый корабль, чертыхнулась, прищурилась и выстрелила ещё раз. Звякнул металл, одна из опор перил, к которым был привязан канат, распустилась кривыми металлическими лепестками, две соседние со скрипом погнулись, я ошарашено расширил глаза. Это единственная опора, которую видно отсюда, значит... Женька встала, подтолкнула мне пистолет:

— Теперь ты прикрывай! — и выбежала из-за укрытия. Я выглянул, пару раз пальнул по окнам и вышел следом за ней. Она почти в упор расстреляла остальные опоры, перила наклонились за борт, яхта стала выравниваться, ржавый корабль тоже закачало. Канаты продолжали висеть на не до конца отломившейся железке, я добежал до неё, стал бить ногами и рукоятью пистолета, наконец перила целиком свалились вниз, повиснув на канатах и стучась в борт постепенно удаляющегося корабля.

Я обхватил Женьку, подталкивая её за стену, рухнул на пол и только теперь разжал ладонь с пистолетом. Мы тяжело дышали, девушка сгорбилась, уткнувшись лбом в упёртый в пол прикладом автомат, вытирала пот ладонью. Я обнял её, прижал, поцеловал в макушку:

— Я не знаю, чтобы я без тебя делал.

Из двери осторожно выглянула Яна, опустила пистолет:

— Вы в порядке?

— В порядке. Скажи арабу, пусть заводит и плывёт к берегу.

Женька сунула мне автомат и встала:

— Я сама скажу, они не объяснят.

Я поднялся тоже, глянул из-за стены на неспешно задирающий корму корабль, криво улыбнулся — так им и надо, уродам. Яна потёрла лицо, как-то жалко улыбнулась мне и неожиданно вскрикнув, упала на одно колено. Один из валяющихся кучей арабов отпустил её ногу, ловко вскочил и схватил сзади за шею, приставил нож и внушительно сверкнул глазами:

— Брось оружие и отойди.

— Яна, будь хорошей девочкой, — я положил автомат и поднял открытые ладони, медленно отступая на полшага, со значением посмотрел в её расширенные глаза, — как я учил, поняла?

Она мелко закивала, насколько позволяла упёршаяся под подбородок рука, прикусила губу и незаметно подмигнула мне. Всхлипнула, зашептала:

— Можно мне... пожалуйста... можно... — и вдруг крикнула, указывая куда-то вправо, — смотри, корабль!

Мужик отвлекся всего на миг, перевёл глаза на горизонт, чуть расслабил руку с ножом... Мне этого мига хватило, я был предупреждён и ни на что не отвлекался. Прямой, как укол шпагой, удар в переносицу, хрящи сладко подаются под костяшками, вминаясь в череп, Яна приседает и ныряет вдоль стены за мою спину, раздаётся выстрел и араб падает, забрызгивая палубу и мои джинсы кровью из продырявленной ноги, за его спиной улыбкой маньяка скалится Янина подружка с миниатюрным пистолетом:

— Добить?

— Не трать патроны, — я ногой выбил из его руки нож, отбуцнул подальше, — он и так не жилец.

Кровь продолжала хлестать, верхняя часть бедра — восхитительное место для глубокой раны. Я от души приголубил его носком кроссовка в висок, поднял за воротник обмякшее тело и потащил к краю, ногой спихнул за борт, оглянулся:

— Плохо вы их обыскали, — вздохнул, поднял нож, повертел в руках. Хороший, себе оставлю. Яна смотрела на меня, обнимала подружку, та плакала, глядя невидящими глазами на кровь на полу. Я скорчил Яне мину, указал на дверь, она кивнула и потащила подругу внутрь. Я сел на пол, уставился на два неподвижных тела в луже крови, уже успевшей пропитать белые рубашки снизу. Живы? А есть разница?

— Что у вас случилось? — Женька была довольная, даже кровь и мой тухлый вид её не смущали. Я скривился, дёрнул плечом:

— Минус одно нерусское тело и один патрон. Плюс хороший нож.

— Ага, — она посмотрела на трофей в моей руке, на брызги крови на полу, улыбнулась, — а я связалась с береговой охраной! Там сейчас уже собирают нам эскорт, минут через десять двинемся им навстречу. Только нужно этих типов получше связать, я обещала туркам хотя бы одного живого и вменяемого.

— Хорошо, — я кивнул, телом овладела долго копившаяся усталость, подняться на ноги казалось подвигом. Но я всё равно встал, стиснув зубы и слушая скрип в деревянных связках. Нужно, правда, получше обшмонать эти тела, а то девочки могли что-то пропустить. Женя погладила меня по руке, спросила:

— Ты как себя чувствуешь? Там внутри есть еда и ванная, девчонки уже передрались из-за очерёдности, но тебя пропустят.

— Классно, — я рассеянно потрепал её по голове, чмокнул в щеку, взгляд зацепился за медленно осаживающийся всё глубже и глубже ржавый корабль. Интересно, много там осталось живых? Женька проследила за моим взглядом, её лицо перекосила усмешка:

— Здесь водятся акулы, — в глазах опять полыхнул недобрый тёмный пожар, голос стал злорадным, — ты как, любишь кормить рыбок?

Меня в очередной раз продрали мурашки. Ну не женское это дело — людей убивать! Будь они хоть сто раз нелюди...

На палубу выглянула умытая и посвежевшая Яна, протянула мне бутылку воды, опустила глаза:

— А это правда, про акул?

— Чистейшая, — повернулась к ней Женя. — А кровь они чувят издалека.

— А давайте им... ну, лодку какую-нибудь оставим? Здесь должна быть. Или хоть жилеты.

Удивились мы, конечно, оба. Но когда я увидел Женькино лицо после этого вопроса,

понял, что она вообще не планировала оставлять в живых никого, кроме того одного, которого пообещала береговой охране, ну или с кем она там разговаривала. Я очень живо представил, как она с невозмутимым лицом ждёт, пока ржавое страшилище не погрузится под воду, а потом открывает прицельную пальбу по виднеющимся над водой головам, бесстрастно, как в тире... Как разлетаются чернявые черепушки, а она улыбается. Стало страшно.

— Зачем? — брезгливо скривилась Женя, — Ян, ты что? Эти уроды хотели нас в рабство продать!

— Там Рами, — она пожала плечами и ещё ниже опустила голову.

— Яна, очнись! — Женька взяла её за плечи, встряхнула, заглянула в лицо. — Ты забыла, что он один из них? Забыла, что он с тобой ночью сделал?

— Ничего он не сделал! — закричала Яна, сбросила её руки, растёрла по лицу мгновенно хлынувшие слёзы, — ничего, понятно?!

Развернулась и рванула куда-то на корму, Женя с недоумением обернулась ко мне, я опустил глаза. Из двери выглянула Янина подружка, я указал глазами в сторону кормы, виновато развёл руками. Она ушла, мы опять остались вдвоём. Тишина нарушалась только плеском волн о борт и тихим скрипом умирающего корабля, от которого нас понемногу относил течением.

— Ты думаешь, я не права? — её тон отчётливо давал понять, что любое своё мнение я могу засунуть в любую подходящую дыру на этой планете — оно её не тронет. Я промолчал, — Лёш, это не люди! Они скоты, и те, на кого они работают — скоты, и те, кто их покрывает, тоже скоты. В Турции нет смертной казни, а ничего другого я им не желаю.

— Лодку дырявить не будешь? — тихо спросил я.

Она помолчала, нахмутив брови, потом выдохнула:

— Нет.

— И на том спасибо.

Я поднял калаш и ушёл вслед за Яной.

***

Ночь опустилась очень быстро. Я сидел на маленьком диванчике на корме, глядя, как убегает вдаль пенная стрелка солёной воды. Рядом, положив голову мне на колени и свернувшись клубком, спала Марина, изредка вздрагивая во сне. Я молча уныло пил вино, оказавшееся на яхте в большом ассортименте, прямо из бутылки, ничем не закусывая и не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Просто напивался.

Лодку мы всё-таки оставили. Ярко-оранжевое американское чудо техники, которое само развернулось, само надулось и даже чего-то там послало в эфир. Я не был в рубке, мне рассказала Марина, пришедшая ко мне отдохнуть от наблюдения за нашим штурманом. Когда девчонки захватывали помещения яхты, этому несчастному не повезло напугать Марину. Перепуганная вояка не долго думая врезала ему между ног, а потом принялась лупить кулаками по морде, и не останавливалась, пока её не оттащили от бессознательного тела. Как она сама потом пояснила, это у неё так стресс проявляется. Теперь малость контуженный араб боялся её как огня, выполняя любые требования, стоило только пригрозить ему позвать Марину.

К вечеру девчонки успели успокоиться. Искупались, поели, распили несколько бутылок вина, опять передрались за комнаты. Спален было всего две, довольно неплохие, с двуспальными кроватями, но на шестнадцать человек... Кто-то уже спал, кто-то ошивался по

палубам, где-то слышался смех. Ванная оказалась шикарной, как в принципе, и все остальные помещения, я долго офигевал, прикидывая, сколько это всё может стоить. Потом подумал, что для того, чтобы такое купить, нужно быть работорговцем и весь шик мигом опротивел.

Я так и не заговорил с Женей. Целенаправленно я её не искал, единственный раз, когда видел её после того разговора с Яной, она говорила по рации на каком-то языке, в котором я с огромным трудом опознал английский и понял только местоимения. Оставив в рубке связанных и почти голых пленников, которых перед этим тщательно обыскал, я перекинулся парой фраз с Мариной и ушёл сюда, на корму. Здесь было почти тихо — девочкам не нравилось смотреть назад, кого-то укачивало, кому-то просто было скучно. Марина когда пришла, сразу сказала, что собеседник из неё никакой, оккупировала мои колени и уснула.

Я смотрел в горизонт. Солнце садилось, винные пары пропитывали мозг, монотонный шум двигателей убаюкивал. Спать не хотелось, я просто сидел и думал о всякой неприятной фигне.

— Ты спишь?

Я с трудом приподнял веки и поймал в фокус тёмный силуэт на фоне светлого борта.

— Почти.

Она подошла, склонилась и медленно поцеловала меня в щеку:

— Спасибо.

Смутилась, опустила глаза, вытирая едва выступившие слёзы. Я сделал вид, что не заметил. Посмотрел на неё, даже не пытаюсь понять извилистые пути женской логики, просто надеясь по выражению лица разобрать, что она сейчас чувствует и чего ждёт от меня в ответ. Не понял. Помолчал.

— Ян, он правда ночью... ничего?

— Правда. Он меня обнимал, а я плакала. А потом он ушёл. И всё.

Я закрыл глаза, рассеянно, как кот, погладил по волосам спящую Марину.

— Всё будет хорошо.

— Спасибо, Лёш. Правда, спасибо.

Она забрала из моих рук пустую бутылку и исчезла.

Женя так и не пришла.

***

Часть вторая, 2.0

Двое в плену,
или «не бойсь, до свадьбы заживёт»
(часть вторая, сугубо мужская)

В окно пробивались первые лучи восхода, путались в белых занавесках, отражались от многочисленных блестящих поверхностей. Одеяло пахло чем-то невыразимо чистым, я перевернулся на другой бок и закутался в него поплотнее. Было тепло. Было удобно, тихо и совершенно безопасно. В коридоре, я точно знал, дежурит пара ребят в форме — меня стерегут, я ценный свидетель и вообще важный товарищ. Хоть и русский, и вообще был привезён в непотребно пьяном состоянии, ещё раз подтверждая в турецких мозгах свой национальный менталитет.

Как только нас встретили и доставили под вооруженной охраной в безопасное место, Женька сразу потребовала телефон и тщательно подбирая слова, заговорила на какой-то тарабарщине. Потом набрала другой номер и заговорила уже на английском. Потом позвонила семье и по-русски в двух словах пообещала, что всё будет в порядке и что ещё позвонит. Потом нас всех отправили в больницу, а её увёз чёрный лимузин с флажками, с тех пор от неё ни слуху, ни духу.

Я перевернул подушку и засопел в её всепрощающий бок — меня грызла совесть. Её маленькие тупые зубки с противным скрипом точили моё нутро, вроде и не особенно больно, но, чёрт, лучше бы было больно! Почему я не подошёл к Женьке на яхте? Почему кинулся напиваться и страдать о всякой абстрактной фигне, когда она не расслабляясь работала, обеспечивая нам комфортное и законное пребывание в чужой стране? Как баба себя повёл, честное слово... Хотя, слабый пол в нашей ситуации отличился завидной крепостью духа, нечего на них грешить. Это я раскис, как последняя тряпка. Стыдно, молодой человек, очень стыдно.

Ведь скоты же они, в самом деле. И даже в госструктурах частенько втихаря расстреливают особенно отличившихся уродов, а в официальных документах пишут, что они были убиты при оказании сопротивления или при попытке к бегству... и чего я расчистоплюйничался? Из-за Яны?

Да, из-за неё. Субъект не может быть объективным, как ни крути, и каждая из них была в своём праве. Но Женька всё-таки моя девушка, мог бы и поддержать. Или по крайней мере, не впадать в философию по поводу её кровожадности — у неё тоже стресс, и могла она вполне удариться в истерику со слезами и соплями, как та вечно воющая дура, и никто бы не посмел обвинить её в трусости или недостаточном мужестве. Она женщина, ей можно. А я мужчина. И я должен всем со всех сторон. Это я должен был носиться по палубе, встречая представителей местных властей, организовывать всех, помогать девчонкам... а я валялся пьяный, по уши в философии, и ожидал, что она ко мне придёт.

«Вставай, страдалец, и иди к доктору, доказывать, что полностью здоров и можешь как-то помочь следствию и своей жиденькой личной жизни».

Я пообещал себе, что уже почти встаю, сжал зубы и... перевернулся на другой бок. Натянул одеяло на уши и крепко зажмурился — я бедный больной, меня похитили и мучили, а сегодня у меня по расписанию вообще похмелье. Подождёт следствие, никуда не денется.

***

— Лёш...

— А? — я прищурился, пытаюсь рассмотреть визитёра, потёр глаз. — Привет.

— Привет, — Женя улыбнулась, погладила меня по руке, я попытался сесть, — лежи, не дёргайся. Тебе не рекомендуют вставать.

— Да сколько можно лежать, день уже, — я пригладил лохмы и оглянулся на окно, за которым во всю сияло солнце. — Как у нас дела?

— Нормально, — она дёрнула щекой, отвела глаза и убрала руку с моего плеча. Я поймал её ладонь, прижал к щеке:

— Ты на меня обижаешься? Ну прости, я сам не знаю, с чего так...

— Да нормально всё, — она вздохнула, махнула рукой. — Бандитами занимается полиция, девочками — посольство... всё в порядке.

Она была такая замученная, что в её «нормально» я ни разу не поверил. Нас встретили около полуночи, с тех пор прошло часов десять-пятнадцать, за это время она, похоже, не спала. Зато успела вымыться, сделать причёску с макияжем, обзавелась очень официальным белым брючным костюмом и сумочкой, ещё и очки где-то достала. Я не видел их на ней ещё с общаги.

— Жень, а как ты умудрилась так стрелять без очков?

— У меня дальность, — она сняла очки, поправила причёску, — я читать без них не могу, а стрелять — сколько хочешь. А вообще, запомни — мы ни в кого не стреляли, оружия даже в руки не брали и в глаза не видели. Дело ужасно секретное и является маленькой ниточкой большого клубка, который уже очень давно местным властям как кость в горле.

— Нас задержат?

— Да, но ненадолго. У меня здесь есть знакомые, мы как-то гостили, — она поиграла бровями, — вобщем, всё будет нормально.

— Хорошо бы, — я всё-таки сел, упёрся руками в колени, пережидая головокружение. — А сейчас нам куда?

— Тебе — никуда, — она опять надела очки, мигом став похожа на строгую училку. — Тебе доктор сказал лежать до его особого распоряжения, у тебя истощение, переутомление, небольшое сотрясение и куча отбитых органов. Там снимками твоих костей весь стенд завешан, вокруг носится целый консилиум врачей и восхищается русской прочностью и возможностями организма в стрессовых ситуациях! — Она вздохнула и погладила меня по щеке, — врач вообще удивился, как ты своими ногами ходишь до сих пор.

Я пожал плечами, если честно, сильно сомневаясь, что ноги меня сейчас удержат. Вся накопленная за дни плена усталость навалилась разом, медленно пережевывая организм, болело всё, но признаваться в этом я не собирался. Чи ни в первый раз, выкручусь. Но раз уж она так настаивает... можно и правда ещё денек покайфовать в больничке, раз всё отлично решается без меня.

— Как ты... ну, вообще? — я осторожно обнял её за плечи, она с готовностью уткнулась лбом в мою грудь, прошептала:

— Не знаю. Пока мозги чем-то заняты, вроде нормально, но стоит расслабиться — мигом эти рожи перед глазами. — Я гладил её по спине, молчал, думал. — Янкиного Рами, кстати, выловили. Он двумя этажами ниже, в интенсивной.

— Что у него? — вырвалось, я прикусил язык, но Женька ответила без паузы.

— Огнестрел, с воспалением. Но прогноз хороший, Янка торчит у него с утра...

Мы замолчали, я обнимал её, пытаюсь подобрать правильные слова, но они не находились, всё казалось банальным или слишком пафосным. Огнестрел. Не я ли его им наградил? А может, Женька? Какая разница... Что с ним будет дальше, допросы и камера? Или перевербовка и пожизненная работа на государство? Какая, опять же, разница... Яна торчит у него с утра, у него, у одного из людей, продавших её в рабство. Что она в нём увидела за короткие полчаса той ночью?

— Жень, — она оторвалась от моей груди, посмотрела в глаза, — мы вместе? — кивок, девушка опять вернулась в прежнюю позу, я потёрся щекой о её волосы, — что ты во мне нашла?

— Ты классный, — она глубоко вздохнула. — Не задавай такие вопросы, а то я решу, что ты напрашиваешься на комплименты.

Я хохотнул, пожал плечами:

— Вообще-то я напрашиваюсь на поцелуй, ты мне, помнится, их целую сотню обещала.

Она наконец-то по-настоящему улыбнулась, сняла очки и обхватила меня за шею:

— Раз...

***

Никогда до этого не ездил в лимузинах. Машина изнутри казалась ещё больше, чем снаружи, длинная как трамвай и плавная как санки, или это просто дороги у турков нечета нашим... В общем, очень важной персоной я себя почувствовал мигом, несмотря на драные джинсы, линялую футболку и кучу бинтов. После перевязки единственным не забинтованным местом осталась левая нога, она у меня везучая — ни одной травмы за всю жизнь. Всё остальное добрый доктор замотал эластичными бинтами или залепил пластырями, даже на лице под одним глазом синяк, под другим — длинный шов. Нитки, правда, уже вытащили, но всё равно гримасничать ещё больно, третий день хожу с покерфейсом.

Следователи приходили ко мне прямо в больницу, несколько раз допрашивали, рассказали официальную версию событий — мы, оказывается, никого не били, оружия в руки не брали, сидели тихо в своём корабле, пока нас не спасли доблестные турецкие полицейские, которые уже давно выслеживали банду контрабандистов и торговцев людьми. Мне долго трясли руку какие-то большие шишки, выражали благодарности, вручили бумажки, по которым пропустят на границе и даже дали машину с водителем, который отвезёт нас в аэропорт.

Женька на сидении напротив мило щебетала по-английски с каким-то молодым глистом в костюме, иногда они оба поглядывали в мою сторону, вызывая неприятное ощущение, что разговор обо мне. Но возникать повода не было, поэтому я просто тихо злился, уставившись в окно.

Мимо проплывали вылизанные центральные улицы, яркая незнакомая реклама, шикарные чистенькие машины. На одном светофоре наш лимузин простоял несколько дольше, чем остальной поток, я занервничал, но мы уже тронулись, никто кроме меня внимания на это не обратил. За окном опять потянулись стеклянные многоэтажки и магазины, постепенно сменились более старыми кирпичными домами, на улицах стал попадаться потрескавшийся асфальт и неубранный мусор. Тревога опять сжала нутро, я дёрнул Женьку:

— Куда мы едем?

— В аэропорт, — подняла брови она, выглянула в окно, пожала плечами, обратилась к глисту в костюме, — мы правильно едем?

Он занервничал, постучал в закрытое водительское окошко, снял со стены трубку и что-то в неё затараторил. Бесполезно. С истеричным усилием дернул дверь, потом ещё раз, ещё. Страх на его лице выглядел так противно, что руки зачесались врезать, я брезгливо отвернулся, перевёл взгляд на Женьку. Она смотрела на меня виновато, но очень решительно — можно гордиться. Вытащила из сумочки мобильный, стала что-то набирать, чертыхнулась:

— Нет сети!

— И что? — я вытащил из джинсов ремень, стал невозмутимо наматывать на левую кисть. Вообще-то я, как говорил тренер, оберукий — бьюсь и правой, и левой одинаково хорошо, спасибо напарнику-левше. Но обычно бойцы натасканы на правостороннюю стойку и сталкиваясь с левосторонней теряются и делают ошибки. А судя по зачесавшимся кулакам, скоро я буду кого-то неприятно удивлять.

Женька бросила телефон в сумочку, стала закатывать брюки:

— Это центр города, здесь такого не бывает. Даже если выйдет из строя одна вышка связи, то есть ещё несколько, у них зоны покрытия перекрываются, — я поморщился, показывая что ничего всё равно не понял, она вздохнула, — мобилки заглушили специально, есть такое устройство с ограниченным радиусом действия.

— Понял, — я пробил замком в самом кончике ремня дырку, застегнул, на пробу ударил в ладонь — пойдёт. Кивнул на глиста в костюме, — этот — не боец?

Женька фыркнула, как будто я удачно пошутил, я оскалился:

— Тогда скажи ему, пусть сидит в машине, а лучше ляжет на пол. Ты тоже сиди пока не позову.

Она сказала глисту пару слов на английском, тот сжался, глядя на меня как на что-то отвратительное, но необходимое, закивал. Я отвернулся к окну, терпеть не могу всяких пацифистов с отвращением к насилию, так бы и врезал. Ехали мы уже по каким-то таким глухим местам, что не верилось, что это всё ещё город — пыльные склады с глухими стенами, гаражи, заброшенные стройки, разрушенные и сгоревшие дома. Людей я вообще не видел, как вымерли. Мы долго петляли переулками, потом остановились перед высоченным забором, въехали в автоматически открывшиеся ворота и встали во дворе. Забор метра под три, наверху колючая проволока, стена склада с огромными воротами, внутри разгружают фургон, то тут, то там прохлаждаются черномазые с автоматами. Я наскоро сосчитал — шестеро. Посмотрел на свой замотанный кулак, усмехнулся — наивняк, птичка такая, на иве живёт.

Нас встречать вышел очень толстый субъект в сером костюме, его сопровождали трое без оружия и двое с автоматами, популярны здесь калашы, каждый второй носит. Из водительской двери вышел мужик, с лебезящим видом что-то начал рассказывать толстому, тот рассмеялся, потёр руки, указал одному из сопровождающих на мою дверь. Боец без оружия подошёл и склонился к ручке, как только я услышал щелчок замка, саданул ногой в дверь, с глухим стуком впечатав её в лоб бойца, сразу же добавил в челюсть той же ногой, схватил за ближайшую руку и рванул на себя, ещё раз припечатав его лицом о край двери. Толстый что-то орал, ещё двое кинулись ко мне, Женя открыла свою дверь и выскользнула

наружу, доставая мобильный. Дальше я её не видел — меня били. Пытались.

Ещё раз повторив трюк с дверью, я выскочил и по назначению использовал ремень на руке — по разу в каждую бородастую морду. Ушибленный первым уже не встал, двое других стали вести себя осторожнее, один попытался запутаться у меня в ногах, другой пригнулся по-борцовски и пошёл в фул-контакт. Перед тем как упасть, я успел нанести ещё пару ударов, но они меня не спасли — рёбрам опять досталось. Я хрипел на земле, глядя на плывущих перед глазами арабов и думая о двух вещах — почему они не стреляли и где Женька?

Толстый выглядел довольным, улыбался в разбитые морды своих людей, те злобно утирали кровь, пытались распинать самого первого нападавшего. Не преуспели, взяли под руки и куда-то потащили. Я ухмыльнулся распухшими губами, больно, но не ухмыльнуться было нереально. Шов под глазом, похоже, разошёлся...

Двое новых бойцов притащили упирающуюся Женю, на лице у одного была длинная кровавая царапина, на белых туфлях девушки я рассмотрел кровь и опять болезненно ухмыльнулся — вот зачем она штанину закатывала. Попытался незаметно пошевелить руками-ногами — встану, больно будет, но встану, нужно только поймать момент...

Толстый медленно что-то сказал Женьке, лучась удовольствием как жирный кот, она ответила так злобно и резко, что я на секунду решил — матерится. Потом отогнал эту мысль, не матерится, а угрожает. Жирный её выслушал, покивал, потом сказал всего одну фразу и я в первый раз увидел, как люди бледнеют в одно мгновение. Лицо моей девушки стало светлее её костюма, тёмные круги под глазами мигом придали ей нездоровый вид. Что он ей сказал? Ведь по-английски говорили, предлоги-то я узнаю! Блин, в задницу лень, если каким-то чудом выкручусь — засяду за язык, надоело чувствовать себя идиотом.

Она поникла, опустила плечи и кивнула. Потом повернулась ко мне:

— Лёш, делай всё, как они говорят. Если будешь хорошо себя вести, тебя, может быть, отпустят, — она прикусила губу, добавила почти шепотом, — ну, по крайней мере, не убьют сразу. За меня не беспокойся, я теперь ценный заложник... Это мои знакомые организовали, так что...

Толстый что-то заорал, не дав ей договорить, её подхватили под локти и посадили назад в машину, захлопнули дверь... я бросил взгляд на водительское место — дверь не заперта. Пока водитель отворачивался от жирного и делал четыре шага к машине, я всё успел решить, прямо из лежачего положения прыгнул к двери, сел и успел её захлопнуть. Ключ в зажигании, повернуть, чёрт, в другую сторону! Завелась, так, педали... почему их две?! В окно забарабанили кулаком, я ругнулся, нажал сначала на одну, потом на вторую, машина рванула вперёд, из-под колёс попрыгали грузчики, я убрал ногу с педали, переложил рычаг и опять газанул.

Хорошая машина! Снесла ворота, как в американских фильмах, впаялась в какую-то стену, меня приложило затылком о подголовник, я закрутил руль, непрерывно газуя, дёргал рычаг и всё-таки сдвинулся. Чему там учил батя в четырнадцать лет? Да хрен упомнишь...

Я запетлял по одинаковым улицам, обдирая бронированные бока машины об углы, мгновенно запутался и вспомнил все самые грязные слова, которые только знал. Откуда-то раздался голос:

— Останови машину, сейчас же!

— Да щас! А кто это?

— Я в салоне, идиот.

Глист в костюме? Я убрал ногу с газа и придавил тормоз... зря я так резко. И зря я не пристегнулся. И вообще, ну их нафиг, эти лимузины, одна морока, а не машина. Каким чудом я не вылетел через лобовуху, я не знаю, но отпечаток руля на груди ещё долго будет доставлять неприятные ощущения. Я пошатываясь выбрался из машины, открыл пассажирскую дверь, наклонился... и мне в лицо уставился пистолет. Второй такой же смотрел дулом на забившуюся в угол Женю, бледный глист посмотрел мне в глаза и на чистом русском сказал:

— А теперь разворачивайся и езжай обратно.

— Ну ты и сволочь, — протянул я, дернулся к нему, но глист выстрелил, пуля прошла над самым плечом, лицо опалило, я схватился за глаза.

— Не рыпайся, сука, ты ещё не понял, что это бесполезно? Ты тут никому не нужен и только от твоего поведения зависит, пришьют сразу или пустят на мясо, отрабатывать ущерб.

Я с трудом отнял руки от лица, пытаюсь проморгаться, глист продолжал держать меня на прицеле.

— Что значит «на мясо»?

— Увидишь, — он оскалился. — Тебе понравится.

Я сжимал зубы от злости, убью заразу, в фарш морду разобью, буду выжидать и прикидываться паинькой, но дождусь момента... Отвратительный, мерзкий тип — узкое лицо, прилизанные волосы, бегающие мутные глазки, зубы как у грызуна, мелкие и редкие. Сейчас крутой, два пистолета в руках и гордый взгляд, но на дне глаз всё равно трясётся медузой страх, неосознанный и липкий, он боится меня, избитого и безоружного, боится Женьки, слабой женщины, дрожащей с пистолетом у лица. Потому что она из тех, кто может и будет бороться, кто даже под прицелом думает и просчитывает, кто способен на сильные поступки. Тварь, ненавижу.

Из-за угла выехала машина, потом ещё одна с другой стороны, люди с оружием окружили нас и вывели из лимузина Женьку, посадили в серебристый джип, захлопнули двери. Жирный араб о чём-то говорил с глистом, ругался, меня держали под руки двое, третий упирал в лопатку ствол. Что же всё-таки значит «на мясо»?

Толстый что-то скомандовал моим конвоирам и ушёл к одной из машин, глист в костюме приблизил своё лицо к моему и ухмыльнулся:

— Мозги нужно развивать, а не мышцы, — перекопился ещё сильнее и выплюнул, — боец!

Локти мои крепко держали, так что я просто широко улыбнулся и со всей немалой дури пнул его в колено. С неземным наслаждением послушал полный боли вопль, получил прикладом в голову и потух.

***

Очнулся от боли, попытался протереть глаза, но понял, что руки привязаны. С трудом проморгался, рассмотрел в плывущем мареве светлую комнату и женщину в халате, сноровисто штопающую мою руку.

— Очнулся?

Голос у неё был хриплый и неприятный, но я очень порадовался, что хоть по-русски.

— Где я?

— В полной заднице, — она обрезала нитку, начала вдевать новую. — Не знаю, как тебя сюда занесло, но привыкай к мысли, что ты здесь надолго. Не шевелись.

Она обошла стол и стала шить на макушке, я сопел от боли, но послушно не двигался. Женщина опять защёлкала ножницами, вернулась в моё поле зрения и стала колдовать на столе:

— Меня Вика зовут. Лечу ваших помаленьку.

— Я Лёха. Кого «наших»?

— Бойцов. Иногда так друг друга уделывают, что неделями из койки не вылазят, судно приходится носить. Ты на чём попался?

Думать было тяжело, в глазах всё ещё плыло, но на этот вопрос я ответ знал:

— Шишку какую-то отметелил.

— Ох и дураки вы все, — Вика вздохнула, принялась обтирать пекущей мокрой ватой все мои ссадины, начиная с ног. — Не сидится вам, неймётся, здоровые думаете, крутые... лежите потом, крутые, стонете тут.

— Что это за место?

— Клуб Омара, он здесь главный воротила по нелегальным развлечениям — наркотики, девочки, бои без правил.

Меня прошиб холодный пот, горло перехватило:

— Какие девочки?

— Съёмные, какие ещё? Наши в основном, российские-белорусские, есть пара узкоглазых и чёрных, но наших больше всего. Тоже иногда приносят в таком виде, мама родная, чтоб этих уродов черти в аду так драли.

У меня кружилась голова, сознание опять попыталось отъехать... Во что мы вляпались? Боже, пусть мне это снится...

Вика продолжала что-то говорить, у меня в черепе звенело, я ничего не понимал. Так, надо взять себя в руки, если я ещё живой, значит надежда вырваться есть, а я обязан, потому что кто, кроме меня, вытащит Женьку? А Вика сказала, что их иногда приносят... Нутро горело от стыда, злости и бессилия, стоило только представить, как какой-то черномазый прикасается к моей Женьке, как меня выкручивало и выворачивало, хотелось выть и биться о стены. Сознание хваталось за соломинку, напоминая, что Женя сказала, что это её знакомые всё организовали, может быть, её никто не тронет, может быть, она нужна как заложник? Хоть бы, хоть бы...

Я попытался осмотреться, но глаза по-прежнему не желали видеть чётко.

— Вика, что у меня с глазами?

— Ожог, слабый. Да не бойся, видно плохо из-за капель, это пройдёт. Я сейчас

царапины обработаю, займусь. Что ещё болит?

— Всё, — я уставился в потолок, пытаюсь отрешиться от беспомощного сгустка боли, который служит мне телом. Ещё послужит, я выкручусь, чтоб мне сдохнуть — выкручусь. Я золото в трёх весовых брал, лучше всех в роте стрелял, теормех на отлично сдал, я выкручусь!

Вроде, отпустило. Вика закончила тереть меня лекарствами, отошла в угол мыть руки.

— Сейчас я позову Рашида, он будет с тобой говорить. Будь благоразумен, тех, кто ему хамил, ко мне ни разу потом не приносили. Усёк?

— Усёк. Спасибо.

Она недовольно хмыкнула и вышла. Через пару минут вошёл низкий квадратный мужик, детали я до сих пор не видел, но впечатление он и так производил неприятное.

— Я Рашид, я тут занимаюсь такими, как ты. Ты будешь драться в сетке, иногда до смерти, но чаще просто пока я не остановлю бой. Вас будут кормить, за победы давать ещё что-то, кому бабу, кому дурь, кому помыться, что выберешь. Будешь драться красиво — получишь ещё что-то хорошее. Будешь драться плохо — будешь сидеть без еды. За попытку побега или другие глупости попадёшь в чёрный список. Те, кто в чёрном списке, бонусов не получают, дерутся только между собой и их бои я не останавливаю. Так что выбор за тобой. Всё понял?

— Понял.

— Вику не лапать, за дверью охранники, они отведут тебя в комнату и всё дадут, что надо. Первый бой завтра, готовься.

— Где девушка, с которой меня привезли?

— Не твоё дело. Будешь много болтать, я буду позже останавливать твои бои.

Я замолчал. То что нужно, он уже сказал — нас привезли вместе.

— Хорошо, что ты такой понятливый, сработаемся.

Он вышел, сразу же зашла Вика, стала распускать ремни на моих руках и ногах.

— Вик, со мной привозили девушку, ты знаешь, где она?

— Тебе Рашид сказал — не твоё дело.

— Вика, пожалуйста.

— Меньше знаешь — лучше дерёшься.

— Пожалуйста. Я люблю её.

Она замерла, резко выдохнула:

— Ко мне не приводили — значит, не к съёмным, тех я обязательно на инфекции проверяю. Больше ничего не знаю. Если приведут, я от неё тебе что-нибудь передам после боя. Ей что говорить, если спросит?

— Что у меня всё хорошо и я её вытащу.

Докторша хрипло хохотнула:

— Спаситель, блин. Глаза закрой.

Я закрыл, она их чем-то протёрла, пальцами раздвинула веки, закапала.

— А почему Рашид предупредил, что тебя нельзя лапать?

— А что, хочется?

— Просто интересно.

— Потому что я первого покалечила, а второго насмерть зарезала. Рашид меня, конечно, отлупил, зато теперь никто не лезет.

— Опасная ты дама.

— Ага.

— А как ты сюда попала?

— Не твоё дело. Сядь.

Я опёрся на руки, со скрипом утвердил свою тушку на кушетке, потянулся протереть глаза, но врачиха шлёпнула по руке:

— Не трожь!

Стала туго бинтовать рёбра, лепить пластыри на особенно глубокие царапины:

— Будешь драться, береги рёбра, они у тебя и так на соплях. И если победишь, выбери душ — у тебя воспалений, как у пса помойного, занесёшь ещё заразы, будет хуже.

— Хорошо. Это ты советы раздаёшь всем, или мне просто повезло, что у тебя настроение хорошее?

— Тебе повезло, — она отвернулась к столу, стала что-то смешивать, потом мазать этим мои опухшие пальцы. — Ты опарышу мениск порвал, я б тебе за это оду в стихах сочинила, если бы умела.

— Глисту в костюме, что ли?

Вика рассмеялась, на миг сжала моё запястье:

— Глист в костюме... Я зову его опарыш. Это тоже такое, мерзкое и в дерьме живёт, у нас в деревне под коровником их полно было.

— Чем он тебе не угодил?

— Не твоё дело. А тебе чем?

— Говорил прямо в лицо, очень некультурно. Не люблю, когда так делают, — Вика опять хохотнула, я добавил, — особенно, когда у них изо рта воняет. Да его вообще сложно не ударить, ты его видела?

Она рассмеялась, отошла к стене, стала рыться в шкафу, вернулась со шприцем:

— Ложись на бок.

Я не спорил, сцепив зубы, кое-как устроил свою грудную клетку и потроха, подождал, пока она сделает укол, опять сел.

— Что это было?

— То, что тебе не положено. Боль и жар снимет, выспишься хоть, во сне всё быстрее заживает.

— Спасибо.

— Будешь должен.

— Второе колено глиста? — осклабился я, она хохотнула.

— Было бы неплохо. Но перелом надёжнее.

— А мне не влетит? — я подозрительно прищурился, она с истинно врачебным цинизмом пожалала плечами:

— Я тебя вылечу.

Зрение понемногу восстановилось, я смог её рассмотреть — немолодая уже, полпричёски седины, шрам на шее, уходящий куда-то на спину, жилистые руки с выступающими венами.

— Прозрел? — усмехнулась она. — Это хорошо. Хватит пялиться, вставай, вон тапки.

Я доковылял до стула, обулся в дешёвые резиновые шлёпанцы, осмотрелся:

— А где моя футболка?

— Нету.

— Блин, она мне так нравилась.

— Джинсов тоже нету.

— А и хрен с ними, они в кровяке все.

— Кого-то ещё бил, кроме опарыша? — она подняла бровь, на секунду отрываясь от стола, я стал загибать пальцы:

— Двоих на белой яхте точно, ещё парочку ранил на ржавом корабле, потом без оружия черномазым морды бил, но тех я не считал.

Вика поджала губы, хмыкнула:

— Внушительно. Даже не знаю, почему тебя в живых оставили. Опытный боец?

— Чёрный пояс, третий дан.

— Это каратэ, что ли? Тут есть пара боксёров, ещё несколько человек с какими-то мудрёными стилями, а так в основном просто здоровые мужики, они постоянно меняются, — она подошла, отклеила край пластыря на моей груди, засунула под него две таблетки, — синюю выпьешь перед сном, белую — перед боем.

— Спасибо.

— Спасибо скажешь, если поможет. Всё, шуруй в клетку, мышцы не нагружать, съесть всё, что принесут.

— Да, доктор.

— И не болтай, — она понизила голос, ткнула меня пальцем в грудь, — хватит лыбиться, тебе плохо и больно, я тебе ничего не колола и таблеток не давала.

— Да, доктор.

Она косо улыбнулась, выглянула за дверь:

— Забирайте.

Двое черномазых при оружии кивнули мне на выход, один пошёл рядом, другой за спиной. Мы прошли по длинному коридору, сильно напомнившего мне коридоры родной общаги — так же сыро и облезло, разбитый пол, облупленные стены, старые двери. Окон нет, то ли подвал, то ли такая постройка. Мы спустились по ступенькам на этаж ниже, тут уже точно подвал, по бокам длинного, хорошо освещённого коридора выстроились клетки, сваренные из толстой арматуры, почти все были заняты крупными, изрядно покоцанными мужиками, некоторые с интересом рассматривали меня, другие даже не повернулись.

— Ух ты, свежее мясо пришло! — беззубый детина вплотную подошёл к решётке, потряс её, завывая в потолок, — мясо!

Где-то заржали, кто-то крикнул «заткнись, урод!». Миленько, прям как будто в армию вернулся. Моя клетка ничем не отличалась от остальных, разве что была слишком пустой, по дороге сюда я видел у некоторых плакаты на стенах, рисунки баллончиком, какие-то вещи. Моя стена была чистой, на серых пластиковых панелях была только пара нацарапанных чем-то острым надписей — «Витя» и «ёлка». Клетка слева пустовала, справа спал здоровый татуированный мужик. Меня закрыли, что-то сказали не по-русски и ушли. Я измерил клетку шагами — четыре на четыре где-то, не так уж и мало. Наверное, чтобы можно было тренироваться.

Сел на кровать, покачался на старой сетке, скривился. Зато одеяло тёплое и матрас неплохой, подушка после взбивания тоже оказалась ничего, постельное неновое, но хотя бы на вид чистое, уже хорошо. В углу унитаз и умывальник, возле одной из боковых решеток несколько гирь и гантелей — отель, елки зелёные!

Интересно, сколько сейчас времени? Наш самолёт должен был взлететь в семнадцать сорок три, где-то час ушёл на беготню и драки, сколько я провалялся без сознания? Надо

было спросить у Вики.

Я осмотрелся, поймал взгляд невысокого квадратного парня из клетки напротив, подошёл к прутьям:

— Здоров. Не знаешь, сколько времени?

Он покачал головой, ответил не по-русски. Его сосед слева перевернулся на кровати:

— Часов восемь, ужин скоро принесут.

— Спасибо.

Я вернулся на кровать, сел, посмотрел на гантели. Вспомнил доктора Вики и её «мышцы не нагружать», отвернулся.

В соседней клетке завозился татуированный мужик, что-то пробормотал, поднялся, напился воды из-под крана. Заметил меня, неприятно оскалился и вразвалочку подошёл вплотную к решётке:

— Здоров, васян. Чёт я тебя раньше не видел.

Я неспеша поднялся, старательно выровняв спину, подошёл к нему, оказавшись выше на полголовы, постарался так же неприятно оскалиться:

— Так я тебя тоже не видел, васян.

Я прекрасно знаю такой тип людей — крупных, здоровых, уверенных в своей силе и от того наглых безмерно. Таких нужно сразу убедить в том, что ты не менее силён заставить с собой считаться, не нагло, но грубовато. Любое проявление культуры и воспитанности они воспринимают как слабость, так вести себя можно только если этот здоровяк уже за тебя.

Мы стояли напротив, старательно выравниваясь и надувая мышцы, я видел, насколько он опасен, он, я надеюсь, тоже видел что-то во мне. Меряться габаритами смысла нет — он ниже, но массивнее, по весу примерно такой же. Опыт бойца на лбу не написан, так что сейчас сравнивалось другое, что-то внутреннее, что цифрами не выразишь.

Я вспомнил брата Сашки, Диму, потрясающе неприятный тип, не знаю, как идентичные внешне братья-близнецы могут так отличаться. Санёк умел и любил улыбаться, всегда светился добродушием, зато Димон... этот волчара улыбаться категорически не собирался, исключительно скалился, размыкая губы в демонстрации зубов не дальше клыков, глазами же выражая палитру отношений от брезгливого пренебрежения до откровенной угрозы.

Когда мы с ним впервые увиделись на тренировке, то встали напротив вот так же, глаза в глаза, и он мне оскалился. Это было в девятом классе, я тогда занимался почти пять лет, он же пришёл на первую тренировку. Но меня от его взгляда продрали мурашки. В одну кривую улыбку он сумел вложить своё пренебрежительное отношение к моим сухим мышцам, пяти годам глупого спортивного заучивания приёмов, ко всем моим не впечатляющим достижениям на соревнованиях и к навязанной мамой ужасной стрижке. Зато себя представил чем-то незнакомым, но очень опасным, способным неприятно удивить. В тот момент я готов был спорить на что угодно, что у него нож под кимоно.

Потом, через время, я поинтересовался у Сашки, как его близнец умудряется так магически улыбаться, на что друг мне подробно описал методику (уже спрашивал у брата), но честно признался, что у него так не получается. По Димкиной теории, нужно смотреть человеку не в глаза, а чуть глубже, при этом в деталях вспоминая все свои самые яркие триумфы и победы, наполняя себя ощущением собственной офигенности.

Я честно тренировался перед зеркалом, но результат был мало похож на ожидаемое — видать, у Димона было что вспомнить, в отличие от меня.

Сейчас я стоял перед решёткой напротив татуированного бугая, сотню раз избитый и закрытый в клетке, и старательно пытался изобразить коронный Димин оскал, спинным мозгом чуя, что произвести впечатление на этого васяна очень важно.

Мои триумфы и победы... что я могу вспомнить вот так, сразу? Как в шестнадцать лет стал чемпионом страны, как выходил на финальный бой с уверенностью, что выиграю. Как работал напоказ, красуясь в высоких ударах и киношных стойках. Как я снимаю шлем и мою руку поднимает над головой судья, а зал орёт и сходит с ума, как лучится гордостью тренер. Я тогда был на седьмом небе, чувствовал, что могу всё.

Как меня собирались бить в армии за излишнюю борзость, втроём, ночью в туалете. Как я отделал их всех, как сидел на полу, откусывая кусками воздух и не мог подняться, но улыбался сквозь боль потёкам крови на плитке и ощущал себя таким охренительным.

Как в первый раз в жизни сделал в армрестлинге Санька, непобедимого десятилетиями, всегда лучшего.

Как в семнадцать лет на чердаке на мне стонала первая красавица двора.

Как президент федерации каратэ вручал мне чёрный пояс на международном турнире.

Как я вязал слюнявymi верёвками своего тёзку в подвале базы отдыха «Чайка» — о, да.

Воспоминания заняли всего несколько секунд, татуированный васян непроизвольно дёрнул веком, наглая физиономия потекла, стало видно, что удерживать улыбку ему удаётся с трудом. Наконец глаза скользнули в сторону, плечи дёрнулись, пытаюсь опуститься, он приложил усилие и оставил их в прежнем положении.

Когда мне в следующий раз придётся изображать оскал, я вспомню ещё и вот это его выражение лица. Я медленно выдохнул, понимая, что победил, убрал с лица непривычную гримасу, теперь нужно сделать вид, что ничего не было, дать противнику возможность сохранить лицо, он оценит. Я протянул руку между прутьями:

— Лёха.

— Андрей.

Он тоже выдохнул, улыбнулся по-нормальному:

— Тебя за что?

— Чьему-то сынку на ногу наступил. А тебя?

— Двум сынкам.

Я хохотнул, он тоже, я обвёл взглядом клетки:

— Уютненько тут у вас. Ты давно?

— Семнадцать боёв, — я прикинул в уме — не меньше месяца, уважительно кивнул:

— Многих положил?

— Всех, — он помолчал. — Я уже три боя в чёрном списке. Будешь драться — дерись сразу насмерть, тут сволочей, как нерезаных, никто никого не жалеет.

— Я запомню. А что ты выбирал за победы?

— Два раза мылся, — он задумчиво почесал затылок, — три раза траву просил, потом перестал — девочки лучше.

— Девочки? — я насторожился, он довольно закивал:

— Девочки, красивые. Они на четвёртом этаже, какие хочешь, азиаточки, мулаточки, красивые. Мне один раз дали двух сразу — о, это было такое! — он обрисовал ладонями в воздухе фигуру-амфору, блаженно протянул, — красивые, охренеть.

— И я хочу, — я сосредоточенно продумывал план, если есть возможность отсюда попасть к девочкам, это многое даст. По крайней мере узнаю, приводили ли к ним мою

Женьку.

— Все хотят, — он ухмыльнулся. — Но надо красиво драться, так чтоб в лохмотья, чтоб кровяка фонтаном! — он широко улыбнулся, показывая давно нечищенные зубы, наметил пару ударов кулаками в воздух, — чтоб народ ревел и на стены кидался. У меня только один такой бой был, в хлам, я чуть не сдох.

Я смотрел куда-то в переплетение татуировок на его груди и тихо охреневал — куда я попал... Перевёл взгляд на откровенно неадекватное лицо Андриюхи, спросил:

— Это за этот бой тебе двух девок дали?

— Да, — улыбнулся он, — Девочки, две, красивые, — он задышал чаще, схватился за решётку, — Рашид сказал, опять двух даст, если убью так же красиво.

Я пересилил себя и не отшатнулся от прутьев, сражённый его вонью изо рта, просто задержал дыхание. Интересно, я тоже чокнусь через десяток-другой боёв? В его малость кумарных глазах клубились всего две мысли — «убить» и «девочки». Семнадцать боёв, в любом из которых может попасться такой вот стокилограммовый васян с маниакальной жаждой красиво убить ради девочек... и правда сдуреть можно.

— Сегодня будет бой?

— Конечно, — он пожал плечами, сложил руки на груди. Я против воли залюбовался перекатами бугристых изрисованных мышц, предплечья толще моих раза в полтора точно, такой рукой можно из камня воду выжимать. Васян кивнул на клетку через проход и добавил, — Он сегодня дерётся, с кем-то из начала ряда, из новых. И я дерусь, не знаю ещё с кем. Ты тоже сегодня?

— Нет, у меня завтра бой, Рашид сказал.

— А, значит отдыхай, пока можешь, — он широко зевнул, почесался, отвернулся и пошёл к кровати. По его спине поднимался изгибами к шее трёхцветный китайский дракон, чёрный с синими и красными чешуйками, то ли недавно сделан, то ли просто очень качественный, все линии тонкие и чёткие, морда хищная, глаза откровенно кровожадные. Блин, этот васян даже со спины угрожающе выглядит.

Я тоже отвернулся, сел на кровать. Спать ещё рано, качаться нельзя, делать нечего. Скоро обед принесут. Глаза блуждали по прутьям клетки, по соседним камерам, по их жильцам... Печальная картина — куча здоровых немых-небритых мужиков в трусах, ходят как так и надо, как будто собираются всю жизнь тут сидеть. Взгляд опять сполз на татуированную тушу соседа, я от скуки стал рассматривать рисунки. Лежал он на боку, спиной к стене, так что дракона я не видел. На плече до самого локтя была чёрным нарисована целая картина — голая грудастая девка с пистолетом в одной руке и веером карт в другой, а под ней мятые доллары старого образца. Красиво, но я бы себе такое не набил. А вот морды на груди заинтересовали гораздо больше — слева тигр, справа буйвол какой-то, скалятся не друг на друга, а на предполагаемого общего врага, где-то в метре от васяна. Жуткие рожи. На втором плече тоже что-то было, но мне не видно.

— Нравится?

Я вздрогнул, не заметил когда сосед начал на меня смотреть, косо улыбнулся:

— Буйвол жёсткий. И дама красивая. Они что-то означают?

Васян погладил девку на плече и хмыкнул:

— Означают... что мой кореш тату-салон держит. Он на мне тренировался. Из своего кармана я бы спину хрен оплатил.

— Дракон супер, — кивнул я. — Я тоже одно время хотел себе что-то наколоть, но так и не выбрал что, на всю жизнь всё-таки... а потом как-то забылось.

Андрей перевернулся на грудь, подперев подбородок кулаком:

— Да, на всю жизнь... Я тигра наколол, когда в первый раз тренера уложил, — мы синхронно заулыбались, покивали. — Дракона друг подарил на тридцать лет, я давно хотел, он знал.

— А это? — я кивнул на плечо, сосед дернул щекой:

— Эта старая, ей лет уже... она — просто чтобы не забывать, что меня сгубило.

Я почувствовал, что лезу не в своё дело, отвёл взгляд, васян тоже закричал и отвернулся к стене. Спустя буквально минуту тишины со стороны входа раздались шаги, пленники зашевелились, начался шум. Между клетками двое арабов покатали тележку с едой, каждому выдали по тарелке какого-то стрёмного варева и большому куску хлеба, рядом поставили банку консервов и ложку, народ шумел, стали слышны шуточки и смех.

От запаха еды к горлу подкатила тошнота, грёбаное моё перманентное сотрясение, когда оно уже пройдёт... Взяв тарелку и зачерпнув побольше горячей непонятной массы, я запихал в рот полную ложку, быстрее съем — меньше мучиться. Супец оказался на удивление неплох, даже с мясом, просто вид имел очень похожий на помои, как будто накидали в кипяток чего в доме нашлось и забыли на печке. Последние ложки я запихивал в себя через силу, бросил тарелку на полу и бросился к раковине, присосался к крану и пил, пока живот не успокоился, окончательно охренев от моего с ним обращения. Консерву я забуцнул под кровать — всё равно открывать нечем.

Стало шумно, все как-то разом завозились, кто-то подхватил железо и стал неспеша разминаться, кто-то перебрасывался фразами через решётку, со всех сторон летел смех и тяжелое дыхание. Андрюха тоже поднялся, стал с неожиданной для такого бугая грацией вести бой с тенью. Я с медленно отъезжающей челюстью наблюдал очень профессиональный шаг и чёткие «тройки» с «четвёрками», выполненные настолько чисто, что если бы в воздухе от его рук оставался след, он попадал бы каждый раз в одно и то же место.

Я с трудом оторвал взгляд от перекатывающихся буграми татуированных лопаток, внимательнее изучил остальных бойцов — разминка, растяжка, хохот. Всё ясно — скоро будет бой. Хорошо, что я сегодня не участвую, хоть оценю всё это дело, посмотрю на технику будущих противников.

Минут через двадцать те же два араба притащили небольшие ящики и отдали четырём мужикам, один из которых обитал прямо напротив меня, так что я мог всё рассмотреть в подробностях. Андрюха заметил мой взгляд, открыл свою коробку и повернул мне — смотри, типа. Я разочарованно скис — в ящике были бинты и лапы для контактных боёв, потрёпанные мокасины на шнурках, тонкий моток лейкопластыря и какие-то баночки.

Сосед косо усмехнулся и стал неспеша обматывать ладони, так буднично, как будто бутерброды делает... хотя, у него уже семнадцать боёв, а за месяц можно привыкнуть к чему угодно. Может, я тоже через недельку-другую буду на автомате разминаться после ужина, продумывая очередное красивое убийство ради помыться и девочек. Я тряхнул головой, прогоняя эту мысль — я выберусь отсюда раньше, чем свихнусь.

В коридоре послышался топот, в две шеренги спиной друг к другу и лицом к камерам строились охранники с оружием. Клетки по очереди открывали, выпускали бойца и

обыскивали. Оказавшись в неровном строю сразу за спиной с драконом я наклонился к уху Андрюхи:

— А почему всех выпускают? Дерутся же только четверо.

— Остальные смотрят, — не оборачиваясь, шепнул он, — сейчас сам всё увидишь, не болтай.

Нас повели коридорами, потом вверх по лестнице, через тяжёлую гаражную дверь в какое-то грязное, плохо освещённое помещение. Под ногами зачавкало, я брезгливо стал поднимать их повыше. Над головой очень низкий потолок, я пару раз цеплял его макушкой, потом сгорбился как все. Охранники ушли, мы стояли почти в полной темноте, рядом со мной дышали и перешучивались, где-то над головой раздавались шаги и шёпот. По ушам резко ударил усиленный колонками голос Рашида, который что-то пафосно вещал не по-русски. Резко вспыхнуло несколько тусклых красных лампочек, потом зажёгся свет где-то вверху, над головой рассмеялись, захлопали в ладоши. Рашид перешёл на английский, но я из его речи разобрал только «леди и джентльмены». Свет разлился уже везде, достаточно яркий, что бы я мог рассмотреть окружающих и понять, что вся толпа скопилась возле решётки и закрывает мне вид своими спинами, а я один пялюсь в стену.

Расталкивая товарищей по несчастью локтями, я пробился к самой решётке и вцепился в толстые арматурины обеими руками — передо мной был ринг, даже арена, почти колизей. Шестигранник метров десяти в поперечнике, посыпанный песком пол, шлакоблочные стены с кривыми швами. Гора жестяных бочек, кое-как сваленных в одном из углов, прогнивший каркас автомобиля в противоположном, рядом набросаны ржавые увесистые инструменты, от газового ключа до монтировки... Мда, убить здесь есть чем, было бы желание.

На трёх стенах мигали здоровенные плоские телики, крутили нарезки из записей прошлых боёв, меня передёрнуло от первого же удара, после которого выжить нереально и я поспешил отвернуться. В остальных трёх стенах были забранные толстыми прутьями арматуры ниши, в них толпились такие же грязные мужики в трусах как и те, что стояли рядом со мной, на лицах была жажда крови и зрелищ, дикие глаза, оскаленные рты...

Я поморщился и перевел взгляд выше, на втором этаже тоже были ниши, но там решётка была красивая, доходила максимум до пояса и было темно, вроде есть какое-то движение, но точнее не разобрать.

Тем временем под одним из теликов открылась железная дверь, двое амбалов с пистолетами на поясах вытолкнули в круг незнакомого здорового мужика и сразу следом Андрюху. Бойцы смерили друг друга взглядами и разошлись по углам, Рашид заливался грёбаным соловьём, на экранах мой сосед в прыжке разносил ногой чью-то голову, юшка летела веером, народ над моей головой орал и хлопал...

Они тут все чокнутые, до единого, те кто смотрит, те кто дерётся, те кто охраняет — все больные на голову. Они себя что, патрициями римскими возомнили?

Рой злобных мыслей разогнал гонг, сразу после которого Андрюхин противник с рёвом прыгнул, замахиваясь кулаком. Промазал. Здоровенный татуированный громила оказался текучим и скользким, как... как Санёк, наверное. Ни у кого больше я такой пластики не видел, в реальной жизни по крайней мере. Плавный уход от удара он перевёл в подкат, бросок был такой чёткий, как будто его снимала группа мастеров, причем не с первого дубля. Я восхищенно охнул, разогнулся, мигом стукнувшись головой о низкий потолок. Это отрезвило.

«Нечего тут техникой восхищаться, это не фильм, дубина! Это реальность, та самая

реальность, в которой ты в клетке, а твоя девушка вообще неизвестно где. Любуется он...»

Андрюха тем временем провёл ещё один красивый захват и бросок, не стал добивать упавшего и заметно дезориентированного соперника. Встал к нему вполборота, тяжело дыша и поводя здоровенными плечами, зубы оскалены, на лице звериная жажда крови. Противник поднялся за его спиной, медленно оттянул кулак для удара, я чуть было не заорал «сзади!»... но остановился. Меня бы всё равно не услышали — толпа бесилась и ревела так, что мой самый громкий крик растворился бы без остатка. Но дело было не только в этом — я был уверен, что Андрей видит, как бугай поднимается. Хоть краем глаза, хоть кончиком уха, хоть шестым чувством опытного бойца — он должен был понять. Но он предпочёл стоять к замахвающемуся мужику почти спиной, не желая видеть опасность.

Я потрясенно выдохнул, чуть качнул головой — а ты не так прост, громила. Здесь от римского коллизея не только идея, здесь точно так же «ставят» бои. Красивые, зрелищные, полные острых моментов и резких переломов в ходе схватки. И мой сосед по клетке всю эту кухню прохавал и стал использовать в своих интересах. Красивый кровавый бой — зрелищное убийство — победа — награда. Всё просто. А этот чокнутый любит девочек и по моему первому впечатлению, уже давно потерял надежду выйти отсюда живым. Поэтому просто делает всё как надо, как требуют «хозяева», дающие еду и девочек. И заставляющие убивать.

Я вдруг очень ярко представил себя на его месте — потного, тяжело дышащего, с кипящей адреналином кровью и потенциальным убийцей за спиной... На миг показалось, что я опять шагнул в комнату охраны в подвале базы отдыха «Чайка» и мне в затылок уперлось дуло. Нехорошее ощущение.

Громила на ринге зарядил Андрюхе сбоку в челюсть, потом серию ударов по корпусу, какой-то нелепый захват за шею, из которого вывернуться — что два факса отослать... Но мой сосед не выворачивался, наносил слабые неэффективные удары куда попало, всё сильнее багровея лицом и наконец упал.

Я хлопнул себя ладонью по лицу, провел до подбородка, выдохнул — ну и цирк! Если бы заплатил за билеты хоть пять копеек, уже осаждал бы администрацию с требованием вернуть деньги. Но всем остальным этот театр, по ходу, нравился, люди орали, хлопали, сходили с ума, как болельщики на трибунах еврокубка.

А я зевал ещё минуты две, а потом... ритм схватки изменился за доли секунды, шаги бойцов стали четкими и осторожными, а после первого же удара происходящее завладело моим вниманием целиком и полностью — они оба перестали играть и приготовились убивать. Я понял это по враз расслабившемуся лицу Андрюхи — с таким лицом спортом не занимаются, с ним смотрят в прицел. Пара изучающих осторожных ударов, пара атак на разных уровнях, обманное движение, молниеносный змеиный выпад и...

И рёв толпы, сотрясающий стены и пол под моими ногами. Здоровяк падает, Андрюха широко разводит поднятые руки и орёт в потолок как сраный МакЛауд, потом бросает о пол выдранный с мясом кадык побеждённого.

Меня чуть не вырвало.

А Андрюха вытирал пальцы о трусы и судя по выражению лица, уже думал о девочках.

На следующих боях я сосредоточиться не смог, всё промелькнуло как в пьяном тумане, удары, крики, аплодисменты, английские слова из колонок, охранники с дубинками и автоматами, закрывающие нас в камерах, потухший свет... Храп, кто-то кричал во сне...

Я долго не спал той ночью, очень долго.
***

Проснулся поздно, с трудом встал с кровати со второй попытки, напился из-под крана, поправил чуть съехавшие бинты на груди. Нащупал под ними две таблетки — чёрт, забыл выпить, Вика говорила, перед сном... Ладно, выпью потом. Перед сном я думал о чём угодно, только не о собственном здоровье.

Окон нет, часов тоже. Жуткое безвременье, разбавляемое только едой и боями, скоро сведёт меня с ума. Хотя, я знаю, что сведёт меня с ума ещё раньше — сны. Сегодня я впервые за последние пару недель видел сон. Я вообще-то редко их вижу, а если и вижу, то не запоминаю, но сегодня... Мне снилась Женька, грязная, растрёпанная и зарёванная. Она сидела на полу шестиугольной клетки для боёв и гладила по голове убитого вчера здоровяка. Из его разорванного горла медленно капали последние капли крови.

Я подавил рвотный позыв, опять бросился к крану, заливая кошмар холодной водой, умылся, заляпав пол и повязки. Вернулся на кровать.

Мне сегодня драться. За победу попрошу девочку. Вика, конечно, советовала душ, но я не выдержу в незнании до следующего боя. Нужно будет изучить помещения, посчитать охрану, выяснить всё что можно...

Я откинулся на стенку, уставился в потолок. Да-да-да, только для этого нужно сначала выиграть бой. А то шкура неубитого медведя — самое ненадёжное делимое, особенно если делить на меня одного.

А на кого ещё?..

Эта мысль показалась интересной, я обвёл взглядом соседние клетки... а почему бы и нет? Найти себе сообщника для побега, двое — это в два раза больше, чем один, двойные шансы, двойной радиус обзора, прикрытие во время стрельбы. Это круто, тем более что тут нет добровольцев или блатных, рано или поздно сдохнут все, так что желающих бежать можно найти без проблем... вот только кого из них я хотел бы видеть за своей спиной с оружием в руках?

Быстрый взгляд влево поймал татуированную спину, наискось изодранную ногтями, я усмехнулся — девочки, о, да... Согласится ли он? Или его и здесь неплохо кормят? Андрюха, как ни крути, имеет гораздо больше шансов выжить здесь, чем все остальные, прошлые семнадцать боёв этому неоспоримое подтверждение. То есть восемнадцать, да. Послезавтра будет девятнадцать.

А сегодня в сетку выйду я.

Зрелище порванной глотки неизвестного бойца опять вспыхнуло перед глазами, желудок сжало, а по спине прохрустели мурашки размером с жука-оленья.

Я не боюсь драться, нет. И никогда не боялся.

Но в многочисленных прошлых драках передо мной никогда не маячила перспектива банально сдохнуть.

А здесь смерть сидела в первом ряду, кокетливо подпиливая ногти, уверенная, что в конце боя уведёт одного, нежно чмокнув в щеку другого: «До встречи, милый!».

Я не хочу умирать.

Я молодой, здоровый и охренеть можно, какой перспективный. У меня не было ни жены, ни детей, ни дома, ни толковой работы... да я вообще в этой жизни ничего не сделал и

не увидел! Даже за границей ни разу не был... Как я так умудрился, в двадцать два года?

Мне нельзя умирать.

Я единственный сын у родителей, они с детства так переживали, чтобы я не вырос эгоистом, что частенько перегибали палку. Меня не баловали, но возлагали огромные надежды и так яростно, отчаянно гордились моими достижениями, что я боялся принести домой серебряную медаль гораздо больше, чем поломанный велик.

И я побеждал. Всегда. На турнирах по каратэ, на чемпионатах по баскетболу, на олимпиадах по математике. Если я не был уверен в победе на сто процентов, я просто не брался, все мои школьные оценки делились поровну на «отлично» и «неуд».

А только что я поймал себя на том, что не хочу выходить в сетку.

Так, успокойся. Это ещё ничего не значит. Дыши глубже.

Вдох-выдох.

Нельзя сдаваться ещё до начала боя. Побеждён только тот, кто сам признал себя побеждённым...

Ага, пойдёшь и скажи это чуваку с разорванной глоткой, умник!

Голова кружилась, я обхватил её руками, уставился в пол.

Вдох.

Вика говорила, что настоящих бойцов здесь не так уж много, в основном просто здоровые мужики.

Выдох.

Совсем не обязательно, что мне в пару поставят опытного убийцу, всё-таки первый бой.

Вдох.

Меня не стали бы везти через море для того, чтобы убить в первом же бою. К тому же я — не в чёрном списке, я не обязан драться до смерти.

Выдох. Да. Мой бой остановит Рашид, я не умру сегодня.

Бешено колотящееся сердце понемногу унялось, я осторожно лёг и закинул руки за голову.

Я не умру. По крайней мере, сегодня. Какое счастье.

***

Я вышел из оцепенения только тогда, когда передо мной грохнули о пол жестяной тарелкой, в ней плескались пахнущие тухловатым мясом помои, жизненно необходимые моему покоцанному организму. Стараясь не дышать, я как мог быстро вылизал тарелку, запив водой из-под крана. Покрутил в руках очередную банку консервов. Усмехнулся, бросил под кровать, ко второй такой же.

— Васян! — я обернулся к Андрюхе, с ухмылкой протягивающему мне гнутую ложку, непонимающе нахмурился. Он фыркнул, закатив глаза, сказал медленно, как умственно отсталому, — открывашка, блин.

— А, — я взял у него ложку, глянул ближе. Точно — заточена, зазубрена, с удобным крючком. Подарок, елки-палки!

Быстро распечатал обе банки, одну протянул ему вместе с ложкой назад:

— Спасибо, братуха.

Он взял открывашку, зачерпнул большой кусок рыбы, остальную банку сунул назад:

— Лопай сам, тебе сегодня драться.

Я особо не выделялся — есть правда хотелось. Интересно, это такая политика

специально — раз в день кормить? Или им просто влом готовить?

Подчистив обе банки, я незаметно вытащил белую таблетку, проглотил, прислушался к себе, пытаюсь уловить какие-нибудь изменения... ноль по факту. Ну и ладно, Вика доктор, ей виднее.

Немного походил по камере, проверяя функциональность своего помятого тела, обнаружил какую-то новую боль в правом колене, запомнил — на эту ногу особенно не опираться. Левое живое — счастливая нога, ей никогда не перепадало.

Вчерашний сценарий с шумом и возбуждением после ужина повторился, только теперь я постоянно ловил на себе взгляды, изучающие, опасливые, настороженные.

«Дерись сразу насмерть, тут никто никого не жалеет».

Андрюха говорил мне это вчера на полном серьёзе. Я осмотрелся вокруг, стараясь делать это незаметно, маскируя внезапное любопытство под разминку. Вокруг разогрелись русские и не очень, улыбчивые, угрюмые, волосатые и почти лысые. Смеялись, шутили, кто-то передавал что-то соседу через решётку.

С кем-то из них я буду сегодня драться.

С кем? Может, с вон тем стариком, сухим и жилистым, который в первый день обозвал меня мясом? Или с коренастым русским из клетки напротив, который подсказал время? А вдруг, с Андрюхой?

Взгляд скользнул по мускулистому торсу с тигром, будто обжёгшись, отскочил обратно.

«Те, кто в чёрном списке, дерутся только между собой».

Фух... Я очень постараюсь туда не попасть.

Осторожная разминка принесла результаты — я разогрелся, сердце перестроилось в боевой режим, стабильно отбивая свою сотню с копейками, мышцы перестали казаться кусками дерева, кое-как пришитыми к костям. Я был готов к схватке, на самом деле для меня в этом нет ничего нового, я делал это тысячу раз на соревнованиях и на улице... Правда, до этого дня у меня всегда был выбор.

Не люблю, когда за меня решают, страшно не люблю!

Ненависть поднялась откуда-то из-под земли, прокатилась от ног горячей волной, ударила в голову, сделав мир болезненно-чётким и очень ярким. Ненависть придавала сил.

Я почувствовал, как по лицу расползается не предвещающая ничего хорошего кривая ухмылка... Что со мной? Не сказать, чтобы я всегда был пай-мальчиком, но такой злобы у меня тоже не водилось. Так откуда — стимуляторы в еде? В воде? В Викиной таблетке? И чего мне от этого ждать? Химию в собственной крови я тоже не люблю, чёрт, ненавижу быть таким беспомощным!

Охранники принесли сундук с бинтами, я стал копаться в нём, подбирая экипировку. На странную злость решил забить — всё равно я ничего не могу с этим сделать, пусть будет как будет. Вымыл под краном ноги, вытер простынёй, тщательно зашнуровал мокасины. Облепил пластырем царапины и стёсанные участки кожи на руках, натянул лапы, проверил — порядок. Краем глаза заметил, что Андрюха за мной наблюдает, повернулся, поднял брови. Он пожал плечами, отвернулся и отошёл от решётки. Как знаешь.

Охранники построили зрителей, повели по знакомому коридору, где-то на очередном повороте меня ткнули стволом под рёбра, отводя в сторону, вместе со мной топали ещё пятеро ребят, не особенно внушительного вида, но крупные. Я изучал их походку краем глаза.

Первая схватка была не моя, двоих вытолкнули за ворота, я пару минут поухмылялся,

глядя на киношные неэффективные удары, закончившиеся вознёй на полу. Один всё же умудрился оседлать другого, теперь методично расквашивал ему физиономию, забрызгивая кровью серо-бурый песок.

Гонг загудел где-то на втором десятке ударов, бойцов растащили охранники, Рашид что-то рассказывал. Следующая схватка опять не моя — двое ребят уже были чуть сильнее, в одном явственно проступала подготовка борца. Он держался на полусогнутых и постоянно пытался взять захват... ага, за голое плечо, разбежался. Его противник двигался как районный гоп-стоп, пару раз умудрился даже попасть по борцовской физиономии, но был пойман за руку, скручен на полу и качественно придушен. Из сетки его утащили за ноги, я опять не удержал ухмылку. Остался только я и низкий плотный тип из клетки напротив, тот, что подсказывал мне время. Мда, накаркал.

Когда нас вытолкнули в сетку, прожектора на стенах на миг ослепили, звук гонга ударил по ушам, я чисто автоматически поклонился противнику, тут же мысленно обозвав себя идиотом — с верхнего этажа полетели смешки. Противник почти полностью скопировал мою базовую стойку, я удовлетворённо ухмыльнулся — теперь я знаю, чего от него ожидать. Удары посыпались быстрые и чёткие, без излишней силы, просто прощупывающие. Я сообразил, что противник ещё не успел стать таким знатоком негласных правил, как Андрюха, он сразу начал драться серьёзно, без всяких раскачек и игры на публику. А я? Мне как, поиграть или не стоит?

С полминуты мы обменивались ударами, я запоминал его ошибки, формируя в голове чёткий образ его стиля, поймал момент и провёл свою самую красивую коронку — удар ногой по голове в прыжке с вертухи. Получилось чисто, веером полетели брызги крови, противник упал, я поморщился — никогда не бил так никого, на ком не было бы шлема.

Зал заорал, Рашид с балкона указывал на меня руками и болтал так, как будто сам лично меня тренировал, я осматривал сетку с новой точки зрения — отсюда видно, что находящиеся на балконах люди сидят за столиками, держат в руках деньги и бокалы, где-то там мерцают ещё экраны...

Чувство опасности прокатилось от левого плеча до правого, вызвав инеистые мурашки, я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как коренастая тень на фоне прожектора замахивается на меня чем-то длинным и успеть выставить руку.

Вот только рука меня не спасла — длинная штука таки долетела до головы, врезалась в неё с глухим стуком и прожектора вспыхнули уже у меня в мозгах. Потом было темно и тихо.

***

По черепушке шибануло изнутри так, как будто в ноздрю сунули спицу, прошившую мозг насквозь. В глазах посветлело до цветных пятен, непрерывный писк в ушах разломился на слова и звуки. Холодная спица ткнулась в голову ещё раз, я отвернул лицо и крепко зажмурился, сгорая от стыда и злости.

Нашатырь. Ненавижу, ненавижу! Запах позора...

Знакомый потолок наконец проступил из расплывчатого марева, гудение в голове на пару секунд сложилось в голос Вики:

— ...твою ж растудить, я кому говорила, а? Ну почему вы...

Я выдохнул и расслабил шею, позволив голове бессильно упасть на кушетку. Давно мне не было так стыдно. Нутро болело, потроха ощущались одним большим синяком, похоже, оттащить противника от моей бессознательной тушки удалось не сразу, он ещё успел

попинать в удовольствие.

— Вика... дай попить, будь человеком.

— Сам возьми, руки есть! — она отошла к столу, стала заколачивать что-то в банке, цокая ложкой по стеклу. Каждый звяк отдавался болью в голове, я попытался сфокусировать глаза в поисках попить, которое Вика предложила мне самому взять. Бутылка с водой стояла на столе возле кушетки, я со второй попытки попал по ней рукой, но деревянные пальцы отказались сжиматься и бутылка полетела вниз, сбив какие-то звенящие штуки. Штуки посыпались на пол, Вика обернулась, грохнула банкой о стол:

— Дебил, мать твою, я только продезинфицировала!

— Прости...

Она нагнулась, стала собирать инструменты, унесла. Я сцепил зубы и опять потянулся за бутылкой, переждал темноту в глазах, тихо матерясь, отвинтил крышку и присосался к благословенной воде. Хорошо...

В мозгах чуть посветлело и перед глазами мигом встала картинка — мне в голову летит что-то длинное... что? Да какая, на хрен, разница? Я просрал схватку. Причём так подебильному, что готов был сам себе отпустить леща — чемпион, мать твою! Зрителей он рассматривал...

Дверь опять открылась, я не стал поднимать голову, решил что это Вика вернулась. Грубый голос с акцентом заставил меня дёрнуться:

— Хреновый был бой.

Я немного приподнялся на локте, окинул Рашида злобным взглядом:

— Я в курсе, если чё.

Черномазый несильно ткнул меня кулаком в скулу, взял за подбородок:

— Мне не хамят, мальчик. Когда я с тобой разговариваю, ты почтительно молчишь и киваешь, молчишь и киваешь. Запомнил? — я кивнул, с трудом сдержав гримасу, он ухмыльнулся, полез в карман, — я повторю — хреновый бой. Если следующий будет таким же, будешь ходить голодным. Единственное, что тебя спасло — вот это.

Он постучал пальцем по экрану мобильного, повернул мне. На видео я взлетал в вертушке, изо рта противника летели кровавые слюни. Я ухмыльнулся — чистый удар, как на тренировке. Рашид ещё раз ткнул пальцем в экран:

— Вот это — твой шанс жить, и жить неплохо. Сегодня тебя покормят, но если послезавтра я не увижу чего-то такого же сильного — пойдёшь прямиком в чёрный список. Голодным.

Я молчал, рассматривая собственные костяшки, кривые и пожёванные, но уже без пластырей и чем-то намазаны. Вика решила провести все процедуры, пока я был без сознания... добрый доктор. Я ухмыльнулся.

Рашид спрятал телефон в карман.

— Ты меня понял.

Я молча кивнул. Он хмыкнул и ушёл. Через минуту вернулась Вика, протянула мне стакан с чем-то белым, села рядом:

— Пей. Идиотина криворукая...

Я выхлебал всё, поморщился, отдал стакан.

— Вик, ты смотришь бои?

— Ещё чего! Мне от ваших боёв с головой хватает последствий, — она отставила стакан, стала что-то переставлять на столе. — А что?

— Да я не увидел, чем он меня выключил.

— Гаечным ключом, вот такенным. Тебе повезло, что успел прикрыться, вскользь чиркнуло, а то была бы в голове ещё одна дырка.

Я посмотрел на левую руку — точно, я же ей прикрывался. Тонкий длинный синяк уже начал наливаться бордовым, больно.

— А я таблетку твою не выпил.

— Ну и дурак. Сегодня выпьешь.

— Окей, — я помолчал. — У меня что-нибудь серьёзное есть? Ну там, не знаю, может, что-то делать надо?

— Лежать и стонать, как только обезболивающее отойдёт, — она встала, отошла к раковине, зачем-то включила и выключила воду.

— Так и сделаю.

Я попытался встать, не получилось. Вика стукнула в дверь, вошли охранники, уютно подхватили меня под руки и отбуксировали в клетку, свалили на кровать, закрыли. Их шаги ещё не смолкли в коридоре, когда я опять провалился в темноту.

***

Следующий день я почти не запомнил, так добросовестно выполнял рекомендации доктора. То есть лежал и стонал. Ну, не то чтобы стонал — гордость у меня ещё осталась, просто старался не шевелить даже пальцем без острой необходимости, а когда необходимость появлялась, приходилось до боли сжимать челюсти, чтобы не заорать.

Вечером принесли ужин, звон миски по полу вырвал меня из забытья, заставив повернуть голову на звук. Есть не хотелось, от запаха подгоревшей каши внутри заворочались кишки. Казалось, что если еда приблизится ещё хоть на метр, меня вырвет собственным желудком, потому как ничего другого внутри с прошлого вечера не было. Постоянно хотелось пить, но подниматься с кровати второй раз за день я посчитал выше своих сил.

Через прутья решётки поймал взгляд Андрюхи, изображать какую-нибудь эмоцию не было ни сил, ни желания, поэтому я просто смотрел на него. Сосед шагнул ближе, присел у перегородки, чтобы наши лица были на одном уровне, скривил презрительно-скорбную морду:

— Хреновый был бой.

Послать его по эротическому маршруту не было сил, я просто выдохнул и закрыл глаза. Сквозь полудрёму до меня донёсся скрежет миски по полу и звон ложки — сосед ел мою пайку. Ну и правильно, мне не лезет, хоть ему польза будет. На наш с ним вес этой порции явно мало, тем более раз в день.

Сегодня тоже вроде как бой, может быть остальные пленники куда-то и ходили — я ничего вокруг не видел. Когда среди ночи меня приперло в туалет и пришлось всё-таки встать с кровати, я заметил на лице спящего Андрюхи новый синяк, а на спине свежие косые царапины. Да, теперь у него девятнадцать боёв. И девятнадцать побед.

В памяти опять рефреном закрутились кадры моего короткого боя — как я мог так лажануться?! Как-то смог. Не повторить бы этот подвиг.

А вечером у меня опять бой. Я потерял прошлую возможность хоть что-то разузнать, по собственной глупости потерял, так что в этот раз просто обязан победить. Ни на что не смотреть, кроме противника, никуда не отвлекаться! Завтра я выиграю. Чего бы мне это не

стоило.

Не отходя от умывальника, выпил Викину таблетку, дотащил себя до кровати и попытался отрешиться от ноющих потрохов до утра.

***

Судя по самочувствию, проспал я часов двенадцать, не меньше. Голова была тяжёлая, зато тело, вроде, болело не так сильно, я даже рискнул подняться и дойти до умывальника ни на что не опираясь — получилось. Волшебная таблетка? Или просто я не знаю пределов возможностей собственного тела? Хорошо бы, второе.

— Васян, на минутку.

Я вопросительно посмотрел на Андрюху, тот прижал палец к губам — тихо. Я кивнул и подошел к самой решётке, дернул подбородком:

— Чего?

Сосед скосил глаза в конец коридора, прошептал, едва разжимая губы:

— Сегодня ты дерёшься с тем борцом, который выходил до тебя. Не спрашивай, откуда я это знаю.

— Он же выиграл? — я непонимающе нахмурился, Андрей фыркнул и постучал пальцем по лбу:

— Ты не на турнире! Спортсмен, блин. Здесь как Рашид сказал, так и дерутся. Борел показал класс, ты тоже, так что твоего слесарюгу с ключом отдадут кому-то другому, сто пудов.

Мои брови поднимались всё выше, Андрюха широко улыбнулся, подмигнул:

— Сделай сегодня красиво, ага?

— Ага, — я кивнул, он протянул мне уже открытую банку консервов, сунул в руки.

— Ешь сейчас, вечером отдашь свою. Выходить в сетку с набитым пузом... — он скривился, я кивнул, мне тоже не хотелось драться на полный желудок.

— Спасибо, васян.

Он кивнул и отошёл к гантелям, лениво выбрал одну, стал покачивать. Я посмотрел на свои, поморщился и взялся за консерву, вылавливая крупные куски пальцами. Блин, если выберусь отсюда — больше никогда в жизни в рот не возьму эту гадость! Хотя здесь это и лучшее, что я ел за последние три дня.

До вечера почти всё время лежал, изредка поднимая ноги и руки в качестве мягкой разминки, после ужина взялся всерьёз, через боль разогревая каждую клетку насквозь больного тела. Ничего, когда выйду на татами, меня сразу же поглотит обычный боевой транс, без мыслей и без боли. Скорей бы.

Когда принесли сундуки, я первым делом зашнуровал обувь, потом перебрал баночки с нерусскими надписями, подозвал к решётке Андрюху:

— Ты знаешь, что это такое?

— Тальк, — указал он на ту, что я держал в руках, вытянул шею, разглядывая остальные в сундуке. — Мел, масло, капли для глаз. Остальные я и сам не знаю, я не читаю по-ихнему.

— Масло? — нехорошо улыбнулся я. — Вот это, да?

— Ага. Оливковое. Некоторые им натираются, чтобы типа от пота блестеть. Я пару раз ссадины мазал — вроде, помогает.

— Спасибо, — я встряхнул банку — почти полная, — оскалился и начал щедро натирать шею, плечи и руки до локтя. Потом подумал и ноги натёр тоже, пожирнее, масло казенное, можно не зажимать.

Я сам ходил когда-то на борьбу, давно, приёмов почти не помню, одни названия, но саму суть забыть невозможно — хватай и бросай. Ещё пару раз плеснув масла на шею, я скользнул по ней ладонью и широко улыбнулся — попробуй теперь схвати меня, борец!

Руки вымыл и натёр тальком — лапа по ладони скользить не должна, поймал через прутья ухмылку Андрюхи — понял, гад, и одобряет, приятно.

Время. Охранники, обыск, построение. Один из черномазых вымазался об мою масляную ногу, брезгливо вытер пальцы о штаны, я хохотнул. Ствол в бок, ворота, свет, нерусская попугаистая речь Рашида, крики за сеткой.

Я внимательно рассматривал стоящего напротив борца, пока нас не вытолкнули на арену. Под светом прожекторов стали переливаться мои масляные плечи, противник вроде бы не обратил внимания, мигом сторбился в свою обычную стойку и пошёл на меня. Ага, иди сюда! Захват — его рука скользит по моему плечу, срывается, он на миг теряет равновесие. Я добавляю ему ускорения в нужную сторону простым шлепком по шее и отпрыгиваю подальше, нахально ухмыляясь — сегодня будет красивый бой, о, да!

Парень чуть не упал, нелепо забалансировал руками, зал стал смеяться. Его лицо вспыхнуло от злости, он попытался отойти от своей техники и по-дворовому въехать мне кулаком — куда там! Не на того напал с кулаками — блок, удар под руку в корпус, ногой, ещё раз. Скривился от боли, да, это больно, я знаю. А теперь в то же место ещё разок, как только этот честный олимпиец поднимет руки для своей глупой спортивной стойки.

Упал на колени, тут же вскочил — борцы выносливые, но я тоже не пальцем деланный, удар держать умею. Меня по жизни больше всех лупили друзья, а они люди щедрые — как дадут, мало не покажется.

Противник, кривя от злости лицо, ринулся на меня, растеряв все свои спортивные навыки — прямо и глупо. Грех не воспользоваться такой самоподставой, как говорил мой старый тренер — человек хочет упасть, помоги ему. Захват за запястье, нырок, группировка — ха! Да я не настолько уж и забыл приёмы — брошенный через плечо борец только хэкнул, когда я приложил его спиной о землю, не ожидал такой подлянки от каратиста. А зря.

Интересно, прокатит этот бросок как «красота», которую от меня хотел Рашид? Как публика, повелась на это? Не знаю, не до того, я как шагнул на песок, так от противника глаз не отрываю и не слышу почти ничего, только его и своё дыхание.

Добивать лежачего я не кинулся — в партере я ему не соперник, скрутит как пацана зелёного и задушит, на фиг мне не надо такое счастье. Тем более, что только что корчившийся на полу борец вдруг в одно мгновение оказался на животе, подобрал под себя ноги и прыгнул на меня прямо с пола, несмотря на то, что я предусмотрительно отошёл на несколько шагов. Время сначала растянулось, я видел, как его плотное мышчатое тело выстреливает в мою сторону как из катапульты, шаг, ещё шаг... что он собирается делать из такого низкого положения?

И тут меня озарило! Время сразу сделало прыжок, в одно мгновение изменив ситуацию. Я подался вперёд, ловя его до того, как он сделает проход в ноги, после которого мне точно хана. Моё колено врезалось ему в лицо снизу вверх с таким хрустом, что я думал, оно прогнётся внутрь. Борец отлетел метра на полтора, упал, вокруг неподвижного тела закружились облачка пыли, по обезображенному лицу стекала густая кровь.

Меня подхватили под руки охранники, потащили по коридорам, следом ещё пара несли обмякшего борца. Меня бросили на стуле в Викином кабинете, противника уложили на

покрытую клеёнкой кушетку — позавчера там лежала моя бессознательная тушка. Вика заорала на охранников, чтоб не трогали пациента нестерильными лапами, заметалась по кабинету, не обращая на меня внимания. В глубине грудной клетки разрастался ледяной ком страха, в желудке появилось ощущение, что съеденная пару часов назад рыба ожила и бьётся, пытаюсь выбраться.

— Вика, — прохрипел я, она не обернулась, я прочистил горло и повторил громче, — Вика! Как он?

— Дерьмово! — она копалась пинцетом где-то в кровавом фарше на месте его лица, к счастью, закрывая мне обзор своей спиной.

— Я его не... он жить будет?

Замерла даже проклятая рыба в моём желудке — я же вообще не дышал.

— Если тебя ещё раз не встретит! — огрызнулась Вика, я выдохнул как сапер, только что остановивший часовой механизм на цифре один. Хотелось рассмеяться от счастья и облегчения.

Вика не оборачиваясь указала мне на один из столов с ватой и баночками:

— Чего расселся?! Оботри кровь и брысь отсюда, страдалец! Сейчас ещё две туши принесут.

Да, мой бой в этот раз первый. Я выбрал кусок ваты побольше, плеснул на него из банки, приложил к распухшим костяшкам — печёт, зараза. Осмотрев каждую ссадину, протёр всё, до чего смог дотянуться, шов на голове тоже промокнул — не больно, значит уже затянулось. Снял мокасины, обработал ноги — всё равно вата уже грязная. Всё, что ли?

Заглянувший охранник окинул меня взглядом, ушёл, почти сразу же вернулся ещё с двумя и один из новых заговорил со мной на ломаном русском:

— Что выбирать будешь?

— Девочек.

Вика вскинулась, запустила в меня пинцетом с куском окровавленной ваты:

— Какие девочки, идиот?! Тебе нужен душ!

— Вика, не надо...

— Твою мать, герои один другого круче!..

Её крики отсекала закрывшаяся за спиной дверь, я поморщился, пообещал себе, что потом ей всё объясню и стал внимательно разглядывать коридор. Мы по нему уже ходили, когда меня вели в клетку, в самый первый день. Обшарпанные стены, разбитая плитка на полу. Поднялись по ступенькам, я насчитал шесть этажей... Андрюха говорил, что девочки на четвёртом, это что мы, на минус втором, что ли? Хреново, из подвала смыться сложнее, чем с первого этажа... наверное. Я пока ниоткуда, кроме корабля, не смывался.

Передо мной открыли одну из ободранных дверей, русскоговорящий охранник сделал приглашающий жест и ухмыльнулся:

— Один час.

Я кивнул и вошёл, дверь сразу же закрыли на замок, заговорили не по-русски, чёрт, я надеялся, они уйдут. Дверка хлипкая, вынести — раз плюнуть. Но они, по ходу, в курсе. Печально.

Комната была такая же убогая, как и коридоры — на полу лежал потрёпанный ковёр, на стенах трескались остатки светло-жёлтой краски, на окнах висели линялые зелёные занавески, у стены стояла старая кровать... а на кровати сидела полураздетая мулатка. Красивая, чёрт, действительно красивая. Но я надеялся, что будет русская, мне ж говорить

надо, а не трахаться, хреново вышло.

Я сел на кровать, просто чтобы куда-то сесть, больше в комнате мебели не было — не на пол же. Кивнул девушке:

— Привет. Меня Лёха зовут.

— Привет.

Она опустила глаза и вздохнула, я подобрал челюсть.

— Э... ты русская?

— Наполовину, — она посмотрела на меня как на идиота, отвела глаза. Я прокашлялся.

— Мне поговорить с тобой надо.

— Да что ты! — она фыркнула, сверкнула глазами. — Ложись, раздевайся и говори, чего тут ещё!

— Дура! — я поднялся с кровати, не зная, куда деть руки. — Не буду я тебя трахать, я сюда не за тем пришел!

— Да ладно, — но уверенности в её голосе поубавилось, я плюнул и всё-таки сел на пол, вытянув ноги.

— Вас проверяют? Ну там, было тут что-то или нет?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Охрана под дверью слушает, а камер вроде нет.

Я бросил на дверь взгляд, заговорил тише:

— То есть тебе не влетит, если кто-то узнает, что здесь ничего не было?

Она фыркнула:

— Куда уж больше, — я нахмурился, показывая, что ничего не понял, девушка косо улыбнулась, — нас так наказывают, если клиент не доволен, или за другие проступки. Самая страшная угроза — отдадим бойцам.

М-да...

— И что ты сделала такого страшного?

— Оно тебе надо? — её кислая мина не располагала к общению, я пожал плечами, мысленно матерясь, не очень доверительный выходит разговор у нас.

— Не хочешь — не рассказывай.

— И не расскажу, — она постаралась выглядеть незаинтересованной, но у неё плохо получалось. — Так зачем ты пришел, если не за этим?

— Поговорить, — я потёр макушку, не зная как начать разговор, выдохнул. — Вы живёте все вместе, да? Общаетесь?

— Да, — она удивлённо кивнула, — ичто?

— Ты не знаешь... три дня назад к вам привозили девушку, такую, — я махнул ладонью где-то на уровне своего подбородка, — высокую, стройную, волосы русые до лопаток, глаза тёмные, кожа светлая... — я поджал губы, не зная что ещё добавить, охренительное вышло описание, вот прям щас она мне её и опознает!

— Зовут как? — ухмыльнулась мулатка, я дернул уголком рта, показывая, что оценил юмор.

— Женя зовут.

— Я не видела здесь такой. Три дня назад должны были привезти новых девочек, слухи ходили, — она неопределённо качнула ладонью, — ну, знаешь там, комнаты готовили, еды больше заказывали... слухи просачиваются всегда. Но почему-то новеньких не привезли, — она развела руками, — вот. И никто не говорит об этом, как будто это государственная

тайна. Больше ничего не знаю.

— Понятно, — угум, что нифига не понятно... зря потратил с таким трудом заработанное желание. Хотя, я узнал, что Женька не среди них, и эту ночь точно буду спать спокойно. Я поднял глаза на девушку, окинул медленным взглядом её жилистые предплечья и коротко остриженные ногти, склонил голову на бок, — ты массаж делать умеешь?

— Да. Сделать?

— Давай, — я вытянулся на полу, осторожно раскладывая свои руки-ноги, уместил пузо, попросил, — только на рёбра не дави, пожалуйста.

— Ты думаешь, я в первый раз бойцов обслуживаю? — она больно сдавила пальцами мышцы шеи, я хотел что-то сказать, но не успел вякнуть, как она ослабила нажим и под её ладонями по коже потекло тепло, проникая в мышцы, расслабляя и снимая напряжение. Я пробормотал, плюща нос о ковёр.

— О, боже, да! Вот этого мне не хватало последние несколько недель...

Мулатка захихикала, продолжая мять мою шею:

— Если ты будешь так стонать, у охранников не возникнет сомнений, что тут что-то было.

— Тем лучше... расскажи ещё что-нибудь, как вы тут живёте?

— Плохо, — она помолчала, пальцы спустились на плечи, вызывая новые болезненно-кайфовые волны, — вряд ли лучше, чем вы. Разве что нам мыться разрешают, в отличие от вас... — я проигнорировал наезд, стараясь не сильно кривить морду от боли, — поэтому, кстати, девчонки вас и боятся.

— Странно, я думал не поэтому.

— Нет, ну то что бойцы ведут себя как скоты — это понятно, почти все себя так ведут. Но просто скотина и заразная скотина — две большие разницы.

Я почему-то представил в этой комнате Андрюху, вот с этой самой мулаткой... ну не верилось мне, что он может обидеть девушку — не тот типаж, такие на показ грубые васыны обычно очень осторожны с женщинами, детьми, животными и другими хрупкими вещами.

— У меня тут друг есть, Андрей зовут, он постоянно выбирает девочек... — она громко рассмеялась, я аж обернулся, чтобы посмотреть ей в лицо, — что?

— Да это самая большая хохма клуба, — она покачала головой, опять взялась за мои лопатки и продолжила, — ему попалась Ханна, она не говорит по-русски, но вроде приятная дама, мы общаемся... как можем. Ну так вот, она ему попалась, просто что-то натворила в тот день, а он бой выиграл, вот её так и наказали. Она не рассказывала, что у них тут произошло, но вернулась такая сияющая, не заметить было невозможно, — девушка опять хихикнула. — И с тех пор она каждый нечётный день плохо работает, бьёт посуду, рвёт свои платья, дерётся... такая смешная. Мы ей подыгрываем.

Я покачал головой, судьба иногда выкидывает такие кренделя...

— Слушай, а ты можешь этой Ханне сказать, если вдруг что-то узнаешь о моей девушке? Попросить, чтобы она передала мне через Андрюху?

— Да как она передаст, она слов десять знает по-английски и три по-русски... так, стоп, твоя девушка?! — мулатка нагнулась, заглядывая мне в лицо, нахмурила брови, — так она твоя девушка? А ты как... Так! Давай всё и по порядку!

Я косо улыбнулся — дамочки потрясающе предсказуемы во всём, что касается романтических историй. Попробуем на этом сыграть.

— Ну ладно, — я в последний раз усмехнулся и принялся торжественно излагать. —

Значит, дело было так. В одной не такой уж далёкой стране — трое суток на корабле, если чё, — жили-были парень и девушка... Ты массируй там, не отвлекайся! Вот, да... Ну так вот, жили они были, любили друг друга и всё у них было хорошо. Но однажды на парня набросилась толпа нехороших мальчигови он был настолько глуп, что всех их обидел... почём зря обидел, кого по голове, кого по почкам... хватит хихикать, знаешь, как это больно? Они мне тоже пару рёбер обидели, до сих пор болит, — девушка хихикать перестала, даже приподнялась немного, чтобы не сидеть всем весом на моей спине. Я косо улыбнулся — не стану ей говорить, что с тех пор меня столько раз били, что куда бы она ни села — сядет на синяк. Вздохнул и продолжил, — вообще, обидели они друг друга. Но плохих мальчигов было гораздо больше, так что эту сладкую парочку они всей толпой обидели окончательно. Потом две бессознательные тушки погрузили на кораблик и отправили сюда, вместе с пятнадцатью красивыми девушками, — мулатка напряглась, впиваясь ногтями в мои лопатки, сильные ноги сжали бока. Я прикусил щеку чтобы не заорать от боли и прошептал, — рёбра...

— Прости! — она сползла на поясницу, теперь зажаловались почки, я качнул головой.

— Может, ты просто рядом сядешь, а? — она слезла, продолжила гладить спину, я попытался вспомнить, на чём остановился. — Короче, нас везли сюда, как я понял. Но во время передачи мы с девочками умудрились перебить половину охранников и утопить один из кораблей, а на втором доплыть до берега и сдать властям. Но во властях тоже всё, как оказалось, не очень чисто. Нас поймали по дороге в аэропорт и привезли сюда. У неё богатые родители и возможно, за неё будут требовать выкуп, так что надежда, что с ней всё в порядке, есть. Но куда её дели, я не знаю, я всю дорогу был без сознания.

Я замолчал, вспоминая, как по-глупому тогда подставился — стоило только смолчать и проглотить наезд глиста в костюме, и нас повезли бы вместе. И я знал бы, где Женька и что с ней. И знал бы, что делать... хотя, не факт. Нас вполне могли везти в разных машинах и выгрузить в разных местах, а так я хоть удовольствие получил от его вопля.

— Так вот почему новых девочек так и не дождались...

Я приподнялся, выворачивая шею, чтобы заглянуть ей в лицо — по голосу показалось, что она сейчас заплачет. У мулатки правда глаза были на мокром месте, я прикусил язык — дурак, не стоило говорить о тех, кому повезло больше, чем ей.

— А ты как сюда попала?

Она фыркнула:

— Певица я. Ехала с продюсером первый клип снимать.

— Ясно.

Мы замолчали. Девушка легонько гладила мою спину, больше не сжимая мышцы, водила ногтем по краю косых, дельты, трицепса.

— Ты спортсмен?

— Ага, каратэ.

— Заметно.

— По чему?

— По талии. Обычно у тех, кто качается для красоты, большие плечи и маленький пояс, а ты весь широкий.

— Ну спасибо, — я фыркнул, она смутилась:

— Нет, ты не подумай, всё красиво, талия есть. Я просто вижу разницу, у меня парень

боксом занимался.

— А.

Опять тишина.

Девушка вздохнула и легла на пол, её лицо оказалось напротив моего, тёмные блестящие глаза заглянули в глубину моих.

— Почему у меня такое ощущение, что ты здесь ненадолго?

— Потому что я уже выбрался с корабля. И отсюда выберусь.

— Нет. Потому что ты не выглядишь смирившимся.

Я пожал плечами и отвёл глаза — её прямой взгляд меня смущал. Она вздохнула и перевернулась на спину, проговорила в потолок:

— У нас на этаже есть комната, такая же, как и все остальные спальни. Только там дверь всегда закрыта на ключ, а перед ней стоят охранники. Туда никто не заходит, кроме Рашида и Самого, но стабильно носят еду, и получше чем то, что едим мы.

— Сам — это такой толстый в сером костюме?

— Может быть. Толстый и в костюме, когда в сером, когда в полосатом. Тварь.

Я помолчал, обдумывая пути проникновения в эту тайную комнату.

— Слушай, а нарисуй мне план помещений, каких знаешь.

— Не выйдет, — она опять повернулась ко мне, положила голову на локоть. — Там все двери на ключах и полно охраны.

— Я понял, я туда не полезу сломя голову. Но всё равно нарисуй, я сюда больше не попаду, нельзя упускать шанс.

— Где рисовать?

Я обвёл взглядом голые стены и голого себя, сжал губы — хреново. Потом хмыкнул и протянул ей руку внутренней стороной вверх:

— Нацарапай ногтем. Не жалей, дави хорошо, пусть продержится хоть пару минут, я успею запомнить.

Мы сели, она положила мою руку на своё колено и принялась царапать и объяснять:

— Коридор. Здесь лестничная площадка, тут туалет для персонала. Комнаты для работы, мы сейчас в вот этой, здесь ещё один коридор и общие спальни для девочек. Здесь выход в столовую, тут зал для гостей и сцена, — она поморщилась, плечи передёрнуло мурашками, я сделал вид, что не заметил. — Всё, больше нас никуда не пускают.

— А где та спальня с охранниками?

— Последняя по коридору, — она поставила крест на одном из косых квадратов. — Не суйся туда, там везде охрана. Здесь на входе, здесь, в коридоре перед столовой, а на обеде их вообще полный этаж.

Я кивнул, не отводя взгляда от кривоватой карты — у меня такая память, если что-то надо запомнить, я просто смотрю на это несколько минут, намертво в мозгу отпечатывается. Когда красные полосы сошли, я закрыл глаза и вызвал в памяти картинку — отлично.

— Спасибо.

Девушка кивнула, уютилась на полу, отвела глаза, помолчала.

— Меня зовут Кристина.

— Красивое имя.

Она улыбнулась, опять перевернулась на спину и закрыла глаза. Нащупала мою руку и крепко сжала, я погладил большим пальцем её ладонь.

Когда охранники с пинка открыли двери, мы так и лежали, глядя в потолок.

***

Когда меня привели назад в камеру, почти все мужики уже спали — тут совершенно нечего делать, когда не ешь и не дерёшься, остаётся только плевать в потолок или доводить себя до изнеможения качанием железа. Так что спят тут много, часов по десять-двенадцать, у кого получается больше — счастливые люди. Лично я не привык дрыхнуть больше семи часов, проспал восемь — считай выходной, если больше — головная боль на полдня обеспечена. Раньше я считал это своим плюсом, теперь... не знаю. Возможность полежать в тишине наедине со своими мыслями — это тоже круто... если бы мысли не сводили меня с ума.

Как найти Женьку? Как отсюда выбраться? Как бы вообще развалить эту человеческую помойку к чертям?!

Пожалуй, начать стоит с начала. У меня есть карта девчачьего этажа, если туда прорваться, я смогу найти Женю... да, да, конечно, вот там нас с ней двоих и повяжут! Пути отступления нужно продумывать заранее, а не действовать по обстановке тогда, когда эта обстановка зависит от кого угодно, только не от меня. Хреново выходит... А если в этой комнате вообще не Женька? Вот будет облом.

— Пс!

Я резко скатился с кровати, с перепугу принимая базовую низкую стойку. Потом чертыхнулся и опустил руки:

— Андрюха, твою мать! Не делай так больше.

— Гы, — он сидел на корточках у самой решётки, задумчиво ковыряясь в зубах ногтем, — хана ты ржачный.

— Очень смешно.

— Да ладно, расслабься. Нормальный бой, держи краба, — он протянул между прутьями лапу, я пожал, тоже уселся на пол. Сосед ухмыльнулся, — как девочка?

— Отлично, — я ухмыльнулся, решил приколоться, — привет передавала тебе от Ханны.

— Гонишь, — протянул васян, — Анька по-русски знает только «да», «кушать» и «дура». Ну, я её ещё «дурак» научил говорить, а то как-то вообще не прёт, когда она меня дурой называет.

— Ну да, лучше дураком, — мы тихо поржали, он понизил голос.

— А если серьёзно?

— Мне досталась милая девочка, которая нарисовала мне план их этажа и рассказала, где держат мою девушку.

— Круто, — сосед уважительно кивнул, — икакие планы?

— Пойти туда и забрать её. И раскатать эту богадельню по камешкам, — я напряженно смотрел в его лицо, стараясь не упустить ни секунды и понять его реакцию.

— Нефиговые планы, — он почесал затылок. — И ты реально думаешь сам с этим справиться?

— Я думал, ты мне поможешь.

Он хохотнул, покачал головой:

— Пацан! Ты видел, сколько тут охраны? Ты только из подвала выйдешь, сразу пулю поймает. А к девочкам вообще не пробраться, там двери с лестницы видел какие?

— Не обратил внимания, — поморщился я.

— Зря. Железные там двери. А возле дверей охранники, — он опять поковырялся в зубах, сплюнул, — здоровые, небитые, хорошо накормленные. И со стволами, — я упрямо промолчал, продолжая смотреть на него в упор, васян психанул, — хватит гипнотизировать меня! Попрёшься — сдохнешь, я тебе сто пудов даю. Я пытался. Вдвоём попрёмся — вдвоём сдохнем.

— Ты пытался и..? — я поднял бровь, предлагая ему продолжить, он махнул рукой:

— И отлупили меня так, что неделю драться не мог. И в чёрный список перевели.

— И куда ты дошёл? — мне нужны подробности, карты полюсов писались кровью невернувшихся, а мне так повезло с первопроходцем! Я вытяну из него всё. — Как ты вообще на это решился?

— Да как обычно, — васян пожал плечами, отвёл глаза, — надоело. Осточертело всё. Решил — прорвусь, доложу местным ментам, всех спасу... Ага, уже. Я сломал замок на двери, скрутил раздающих еду, добежал до первого этажа, открыл дверь — а она кирпичами заложена, причём давно, не выбьешь. На втором то же самое. Выше я не пошёл, не Джеки Чан — с третьего этажа прыгать. Сверху ломанулась охрана — я тикать, вниз, а там лестница продолжается, наш этаж не самый глубокий. Я успел побегать по минус третьему секунд десять, потом меня догнали.

— И что там, на минус третьем?

— Ящики. Много, больших. Не знаю, что они там хранят, но охрана там покруче, чем наверху вооружена лучше.

— Ясно.

Я потупился, рассматривая в полумраке свои пальцы, Андрюха вздохнул и встал:

— Мой тебе совет — не лезь. Сдохнешь. Лучше посидеть тут и подождать, пока нас найдут менты.

— Если найдут.

— Тут возможны варианты, — он развел руками. — А если попытаешься смыться, вариантов нет. Сдохнешь, отвечаю.

Он отвернулся и стал укладываться спать, я молча делал то же самое. Обнадёжил, блин, дружище... Ну ничего, я немного подожду, понаблюдаю, может, что-то ещё узнаю. Я отсюда выберусь. И всех вытащу. Чтоб я сдох, если не смогу!

***

Почти весь следующий день я проспал — долго ворочался ночью, не привык дрыхнуть так много и из-за этого сбил режим. Ладно, это не самое страшное, что может здесь случиться. В обед отдал свою консерву Андрюхе, до ужина немного размялся, после ужина уже сосед отдал мне свою. Хорошо он придумал, я решил ему об этом сказать, настроение чего-то было сильно на подъёме:

— Классно ты сообразил, по поводу рыбы.

— Это не моя идея, — Андрюха резко помрачнел, я притормозил, но потом всё-таки решил спросить.

— А чья?

— Да жил тут до тебя один, — васян дёрнул плечом, обозначая мою клетку, — умник.

— И где он сейчас?

— А как ты думаешь? — съехидничал он, я прикусил язык и уткнулся в свою банку. Настроение отвалилось, откуда-то из глубин поднялась давно лежащая там жажда поубивать всех, кто придумал эти клетки и драки.

Время до вечера промчалось, я повторял простенькие ката, делал растяжку, грел и разминал болящие мышцы. Заметил, что медленно, но уверенно возвращаюсь в форму, это не сложно, когда только ешь и спишь, почти весь день лежишь и мягко разминаешься. Больше я не проиграю, ни за что.

Во время подъёма к сетке я старательно вертел головой, запоминая дорогу и разные подробности типа боковых коридоров, тщательно изучил дверь и замок, пощупал потолок над головой, когда нас пригнали к арене. Деревянный потолок, при желании можно кулаком пробить... вот только не тогда, когда он над головой. Хотя, можно попробовать ногой, я достану. Я представил, как проламываю пол под ногами богатеньких извращенцев, пришедших посмотреть на зрелищное убийство, широко улыбнулся — вот это был бы номер! Надо запомнить.

Бои сегодня были не шик — в основном, махались необученные качки, с рёвом швыряли друг друга на стены, пыхтели, потели... скукота. Если бы мне такой попался, я бы танцевал вокруг него минут пять, глядя как он замедляется и ошибается, потом пару раз дал по голове и свалил на землю. И хрен бы он поднялся, таким большим телам нужно море энергии и кислорода, а в сетке воздух уже на втором бою спёртый как в раздевалке, за пару минут голова кружиться начинает.

Когда вторая пара наконец-то решила, кто из них больше не встанет, на арену вышел Андрюха. Я в очередной раз восхитился его шикарным телом, это ж сколько надо пахать, чтобы так раскачаться? Он говорил, что дракона на спине нарисовал в тридцать лет, значит ему больше... да, в опыте он меня точно превосходит.

В противники ему достался сухой и подвижный негр, высокий, как я наверное, или даже больше. Руки он держал так замысловато, что я сразу заподозрил его в причастности к древнему Китаю или чему-то ещё более извращенному, а когда мужик пошёл — глаза у меня вообще на лоб полезли. Ступни под балетным углом, носками внутрь! Да я бы в такой стойке и равновесие удержать не смог, не то что атаковать... посмотрим, что Андрей с ним решит.

А Андрей решил очень просто — прямой в голову, со всей бычьей дури! Его противник

шагнул, замер, как дикий птицевзмахнул руками и васян мгновенно полетел ласточкой через голову пригнувшегося негра. Зрители заорали, я поморщился — сосед, как всегда, сначала поиграет на публику, не надо делать поспешных выводов. Но когда Андрюха поднялся, хромяя и держась за бок, я чуть эти самые выводы не сделал — силён тощий, мало того, что бросок провёл, так успел ещё и ударить. Причём я не заметил, в какой момент он это сделал, да, чемпиону с девятнадцатью победами абы кого в соперники не поставят.

А чемпион стоит, пошатываясь, и смотрит на противника мутным взглядом, явно в потеряшках, да что ж это за приём такой?! Или Андрюха всё-таки играет? Ну давай, разве мой сомнения!

Васян как будто меня услышал, сделал шаг к негру, покачнулся, сделал ещё один... и упал на колени. Потом вздохнул и рухнул совсем, разбросав руки и уткнувшись мордой в песок. Ну ни фига себе загогулина...

Тишина над сеткой продержалась ровно секунду, потом где-то потрясённо ахнули, Рашид навалился на перила балкона и заорал по-английски, тыкая пальцем в негра, зрители зашумели. Меня прошиб холодный пот — я конечно не полиглот, но слова «финиш хим» разобрать могу, мне это в детстве Шао Кан сотню раз говорил... никогда не думал, что услышу их в реале. На миг показалось, что негр сейчас демонически рассмеётся и сделает что-то ужасающе кровавое.

Он тем временем серьёзно кивнул Рашиду и пошёл к распростёртому Андрюхе своим змеиным китайским шагом, переступил одной ногой его спину, потянулся руками к затылку и подбородку... Я сглотнул подступающую тошноту, на автомате ища швы в разделяющей нас сетке — пусть меня потом хоть сутки метелят, сломать шею бессознательному другу я не позволю.

Шаря глазами по решётке, я пропустил буквально секунду боя, но она кардинально изменила ситуацию. Лежащий без сознания Андрюха каким-то образом оказался на спине, крепко обхватив ногами трепыхающегося негра и методично бил ему морду одной рукой, другой держа за шею. Когда противник поплыл, удара после пятого, сосед поднялся, как ребёнка забросил его на плечо и... обернул вокруг своей шеи — это мягко сказано. Он его узлом завязал. Я почти слышал, как трещит позвоночник и рвутся жилы, желудок опять подпрыгнул к горлу, да что ж это такое, меня каждый раз от его боёв тошнить будет, что ли?!

Зал орал в экстазе, Андрюха ходил по арене, продолжая носить на плечах несомненно мертвое тело и улыбаясь, махал руками зрителям. Из рта трупа капала кровь, стекая по груди победителя, пара охранников жестами пригласила его на выход и Андрей наконец-то стряхнул негра на пол. За ним закрылась гаражная дверь, Рашид продолжал орать в микрофон, чернокожее тело осталось валяться на песке, похожее на сломанного робота.

Вот тебе и фаталити. Флоулэс виктори, мать её...

Я с трудом отвёл глаза, пошёл следом за всеми назад в камеру, попытался уснуть. Не смог, я и так слишком много сплю в последнее время, проворочался аж до возвращения соседа, щеголяющего свежими царапинами. Тихо позвал:

— Васян... а тебя не корёжит от всего этого?

— В первую неделю корёжило, — он расстелил кровать, улёгся, потянулся, опёрся на локоть и серьёзно посмотрел на меня, — Лёх, он тихо и спокойно шёл ломать мне шею. И сломал бы. И его бы не корёжило, уж поверь. Я говорил тебе — здесь скотов как собак резанных, не жалея никого. Спи.

Он отвернулся к стене, я немного подумал и решил оставить остальные вопросы на завтра.

***

Следующий день не принёс ничего нового, подъём-разминка-ката, с трудом съесть осточертевшую рыбу, опять покрутить любимый комплекс ударов, используя в качестве макивары сложенный матрас. Поужинать, в очередной раз удивившись, как можно так испоганить обыкновенную кашу с мясом. Отдать свою консерву Андрюхе. После его вчерашних слов я начал чувствовать себя некомфортно, исполняя этот ритуал. Всё время думал о том, что буквально неделю назад в этой клетке жил другой человек, вот так же ходил, ел, спал, пил воду из-под крана... надеялся на что-то. А потом его убили. Просто так, как и всех, кто тут находится, рано или поздно убьют. Не на войне, не в наказание за что-то, а просто потому, что им не повезло.

— Васян!

Я вздрогнул:

— А?

— Не втыкай, — Андрюха косо улыбнулся, я скривился, недовольный тем, что он заметил моё состояние. Решил сменить тему, лишь бы не заострять внимание на своей задумчивости:

— Как там твоя тья?

— Кто? — сморщился он, я фыркнул:

— Это молодёжный жаргон. Малышка, девушка, в общем.

— А, — он пожал плечами. — Нормально, что с ней станется?

— Ничего не говорила?

— Говорила, — он поржал, — только я не знаю даже, на каком это языке. А что?

— Я просил Кристину, чтобы она, если что-то узнает про мою девушку, передала через твою Ханну. Так что ты обращай внимание, если что.

— Хорошо, — он помолчал, потом качнул головой, — зря ты Аньку в это дело впутал. Она хоть и дура, но неплохая девчонка.

Я пожал плечами и сделал вид, что очень занят. А что ему сказать? «Извини»? Или «очнись, мы тут все в полной заднице, куда уже дальше»? Смысла нет.

— Ты не знаешь, с кем я сегодня бьюсь?

— Откуда? — он развёл руками. — Я и в тот раз случайно услышал. Скорее всего, Рашид тебя поставит с одним из наших звёзд, ты неплохо себя показал. А звёзды почти все в чёрном списке, так что у тебя вариантов не много, — он почесал репу, что-то посчитал на пальцах, — три варианта, если по уму. Первый — каратист, там ты ничего нового не увидишь, сам такой. Разве что он при первой возможности хватает железки и использует как кастет, будь готов. Второй уличный, судя по замашкам, раньше занимался боксом или чем-то таким, рукомахательным. Ногами почти не бьёт, а если и бьёт, то слабенько. Но мастер по мелким подлямкам — подсечки, подножки, зацепы, раз гайку в лоб швырнул... Гадёныш, короче. Жаль, что он не в чёрном списке, я б ему с удовольствием ноги переломал, — в его лице появилось что-то от того человека, который ходил по сетке с мертвым негром на плечах, меня опять стало подташнивать. Я почему-то подумал, что этот второй убил того «умника», который жил раньше в моей клетке и придумал фишку с обменом консервами. Интересно, если меня убьют, васян так же поморщится, описывая того, кто это сделал? — Третий какой-то непонятный, вроде тайский бокс, но иногда бьёт просто пальцами, типа

коготь тигра... и хорошо бьёт, пацаны с одного удара выключались. Я видел мало его боёв, тут не все дерутся через день, как мы, есть те, кто на особом положении. Ничего больше про него не скажу, он не светит стилем.

— А ты? — решился я на давно мучивший меня вопрос, — чем занимался?

— Да чем только не занимался, — он махнул рукой. — По детству боксом, потом русским боевым самбо, малость каратэ, малость дзюдо, греко-римской.

— А со сколько ты?

— Сколько себя помню, у меня батя был тренер по боксу, — он как-то помрачнел, я решил закругляться с расспросами и вернулся к своему побитому матрасу, Андрюха тоже взял гантели.

Через время принесли ящики для бойцов, я уже привычно забинтовал руки, зашнуровал мокасины, намазал маслом содранные в прошлый раз места. Так спокойно. Буквально пару дней назад меня мандражило как перед защитой диплома, а сегодня вообще пофиг. Человек действительно может привыкнуть к чему угодно. Особенно я, ага.

Нас построили, вывели, поставили перед воротами. Охранников двое, бойцов шестеро. А что, если уложить их прямо сейчас и смыться? Пусть у них пистолеты, но всех шестерых одновременно всё равно не пристрелишь же? Но первого точно, м-да... забыли, глупый план.

На этот раз мой бой не первый. Я смотрел в щель приоткрытой двери, как мужики лупят друг друга, пытался на глаз определить стиль и подготовку, морщился — плохие бойцы. Схватки не очень, удары незрелищные и малоэффективные, да, это вам не Андрюха... тот бы показал, как надо делать красиво. И убил бы кого-нибудь по ходу дела. А потом бы улыбнулся, вытер кровавые пальцы о трусы и пошёл трахать Ханну.

Я тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, о предстоящей схватке думать надо, соберись!

Вторая оказалась тоже не моя, двое бойцов ушли в сетку, мы с оставшимся синхронно окинули друг друга взглядами с ног до головы и оба нахмурились. Потом увидели, что нахмурились, и ухмыльнулись. Потом он отвернулся, а я продолжил его изучать — интересный персонаж. Тёмные сальные патлы до плеч, откровенно бандитская рожа с косым шрамом, тощая шея, костлявые, но довольно широкие плечи, жилистый торс, кривые худые ноги футболиста.

Чёт я ступил, надо было попросить Андрюху их внешность описать, а то как я узнаю, кто из тех троих мне попался?

Я решительно отвернулся от него, не стоит ломать голову, начнётся схватка — узнаю по стилю. На арене сейчас увлеченно метелились двое молодых пингвинов, неуклюжих и короткоруких, даже смешно, как можно настолько не уметь драться, моя Женька и то лучше ногами бьёт. Но наконец-то один провёл довольно неплохой удар, потом пару раз пнул упавшего и его унесли.

Моя очередь. Противник вышел на середину сетки и с мерзкой ухмылочкой мне поклонился, зрители поржали, я косо оскалился. Потом подумал и поклонился в ответ, но не глубоко, а чуть-чуть, еле наклонившись и не отрывая глаз от его лица. Вроде и поклон, и по правилам, но на деле — таким образом выражают недоверие и неуважение. Если он оценит эту тонкость, я буду точно знать, что он каратист.

Противник продолжал ухмыляться как ни в чём не бывало, я не изменился в лице, старательно пряча свои выводы — не каратист ты, парень. И я по максимуму использую это

знание.

Рашид заорал в колонках, патлатый кинулся на меня, широко замахаясь кулаком, но в последний момент ударил коленом по рёбрам, я не был готов, но удар всё равно не супер, почти не почувствовал. Он отскочил, опять пошёл на меня с тем же замахом, на этот раз ударив второй рукой... почти ударив. Я мягко сдвинулся в сторону и зарядил ему встречный в подбородок. На такой маленькой дистанции получилось не очень сильно, но судя по выражению лица, звёздочки он поймал. Я быстро отошёл на пару метров — кто его знает, что он выкинет дальше? Насколько я могу судить, это второй в Андриюхином списке, уличный боец с любовью к подлянкам.

Он повёл глазами, ловя меня в фокус, заорал и ринулся вперёд, поднимая руку для прямого удара. Я отступил назад и в сторону, пропуская его и его удар себе за спину, и на инерции от шага крутанулся, заряжая ему ногой в затылок. В полсилы, это пока для красоты, схватка только началась.

Противник пробежал пару шагов и упал на колени, вспахав песок лицом и ладонями, буквально полметра не долетев до каркаса машины. Блин, я надеялся, он в него впаяется. Я отошёл подальше, помня, как прокололся в прошлый раз. Рискнул поднять глаза на орущего в микрофон Рашида, балкон не так высоко, при желании допрыгнуть можно... ух, что б я с ним тогда сделал! Помнится, лет до четырнадцати я бегал по стенам как обезьяна, делал сальто назад с прогибом, тренер нарадоваться не мог. Потом, годам к шестнадцати, я стал слишком тяжелым, и пару раз очень больно грохнувшись на спину, про такое сальто решил забыть. Интересно, сколько я сейчас по стене пробегу?

В это время как раз поднялся мой противник, вытер песок с лица, что-то угрожающе заорал не по-русски... Я ухмыльнулся, ори-ори, смотри не надорвись. Он опять побежал на меня, ну сколько можно, неужели не ясно, что это провальная тактика? Опять выставил руку для прямого удара, но в последний момент нагнулся и въехал плечом мне в корпус, почти в живот. Мы оба упали, он оказался сверху, попытался ударить меня возникшей в кулаке отвёрткой... Ах ты ж гад! Подобрал, пока падал мордой в пол, вот зараза. Не люблю таких шуток. Я перехватил его правую левой рукой за запястье, а правой резко ударил под бицепс, надеясь, что он с перепугу расслабит пальцы и выпустит железку. Под костяшками хрустнуло, его плечо приобрело новый тошнотворный изгиб, мужик мгновенно побелел как полотно и заорал.

Я сбросил его с себя, встал в низкую стойку, неверяще глядя на поднимающегося бойца. Нет, я знал, что у меня сильные руки... но даже не думал, что у людей такие хрупкие кости! Нужно быть осторожнее.

Патлатый уже не думал атаковать, а стоял, схватившись за локоть и тупо пучил глаза. Рашид наполовину свесился с балкона, потрясая кулаком свободной от микрофона руки и что-то орал. Я попытался вычленил из его речи хоть что-нибудь вразумительное — «оу, е!», «дыс из май бой!», «кил хим, кил хим, бэйби!».

Опять посмотрел на покалеченного бойца напротив, подумал, что месяц его кормить, пока рука будет в гипсе, никто не станет... Рашид понял моё замешательство по-своему, заорал уже по-русски:

— Добей его! Давай, мой мальчик! Добей!

Меня перекосило от злости, верхняя губа произвольно дёрнулась, показывая зубы, кулаки налились дурной силой. Я те щас покажу и «добивание», и «твоего мальчика»,

ушлёпок!

Когда я рванул с низкого старта в сторону своего противника, зрители захлопали и заорали. Когда я на полном ходу пронёсся мимо — все заткнулись как по команде. Плохо сложенная стена из кривого шлакоблока позволила мне два шага, третий я ступил по краю плазменной панели, она тут же сорвалась вниз, но успела подарить мне доли секунды на то, чтобы схватиться за перила балкона левой рукой, правой хватая за горло ненавистного Рашида.

Я перебросил себя через перила, одновременно въехав ногой кому-то стоящему рядом — порядок, бей во все стороны, здесь своих нет, — и приложил черномазого затылком о ближайшую стену. Угостил ногами и левой рукой двоих рванувшихся на помощь, правой додушивая гада, так и не выпустившего микрофон. Стало тихо, Рашид хрипел, лепетал что-то, среди нерусских фраз проскакивало «пусти» и «всё, что захочешь!».

— Где моя Женька?! — проорал ему в лицо я, ещё раз приложил затылком о стену, двинул кулаком в зубы, — где?!

— С ней всё в порядке, всё в порядке! Здесь, с девочками! Пустите!

— Веди!

Грохнули выстрелы, на стене проступили три дырки, по лицу хлестнуло осколками облицовки. Голос в колонках проорал:

— Стоять на месте! Замерли все! Убрал руки и отошёл, медленно!

Лицо Рашида сморщила гаденькая улыбка, я отпустил его шею и поднял ладони над головой.

— Спускайся на место, боец!

— Как? — я развёл руками, не зная, к кому обращаться.

— Как хочешь. Или ты спускаешься, или я стреляю на «три». Раз!

Я опустил руки и развернулся, глянул вниз — телик не упал, а повис на одном креплении, внизу ничего не мешает. Осторожно перелез через перила и повис на пальцах.

— Два!

Отпустил. В ступни ударил пол, я присел, гася инерцию, не удержал равновесие и сел, упёршись в пол руками. Смерил взглядом расстояние до балкона — не так здесь и высоко.

Поднялся, пошёл к двери, отряхивая задницу от песка, почти у ворот остановился, развернулся и по всем правилам поклонился арене. Пусть думают что хотят, мне плевать, я может вообще сегодня сдохну... а эта сетка научила меня не меньшему, чем родной спортзал, она имеет право на проявление уважения.

Выпрямился, сам открыл себе дверь и вышел. Пошёл по знакомой дороге в медпункт, не глядя, идут ли за мной охранники, молча постучал и вошёл, сел на стул, стянул лапы, размотал бинты. Макнул в спирт кусок ваты, стал протирать костяшки.

О чём я думал вообще!? Идиотина... Если меня за это убьют, кто будет вытаскивать Женьку? Только о себе и пекусь, эгоист хренов.

Фигура в белом заслонила свет, сухая твёрдая ладонь похлопала по щеке, я поднял взгляд.

— Ты как?

В её лице было непривычно много участия, даже не обозвала меня никем.

— Я дурак, Вика. Меня убьют, я такое сделал...

— Какое?

Она забрала у меня вату, стала сама обрабатывать царапины. Я уставился в пол:

— Допрыгнул до балкона и дал по морде Рашиду.

Она присвистнула, рука с ватой на миг замерла, потом продолжила дело:

— Не казись раньше времени. Обычно таких бунтарей убивают сразу, прямо в сетке.

Там снайперы на балконах.

— Да, я знаю. В меня стреляли.

— Ранили? — она отбросила вату, задрала своё лицо, по очереди заглянула в зрачки. Я убрал её руки:

— Нет, не попали.

— А, значит и не хотели. Расслабься.

— Правда? — меня вроде как перестало мандражить, я даже осмысленно посмотрел на неё. Вика пожала плечами:

— Поживём — увидим. Но, хотели бы убить — убили бы прямо там. Публика любит кровь и смерть... А чем тебе не угодил Рашид, кстати?

— Предложил добить противника, — я передёрнулся от мурашек, потёр правое плечо. — Я ему руку сломал, случайно. Ты умеешь гипс накладывать?

— Умею. Только вряд ли его оставят в живых, здесь не кормят калек. Разве что найдётся где-нибудь место, не знаю, убирать... или на кухне. Такого ещё не было на моей памяти, а я тут уже восемь лет.

— Фигасе, — присвистнул я, в этот момент открылась дверь, охранники ввели моего патлатого противника, усадили на кушетку. Вика сунула мне вату и пошла к нему.

Уже знакомый русский охранник тронул меня за плечо:

— Что выбирать будешь?

— Душ, — шокированно пробормотал я, показал вату в руке, — яещё не закончил.

Охранник кивнул и ушёл, через минуту двойная дверь открылась полностью и в неё с трудом протиснулся серый костюм, с торчащей из ворота головой на трёх подбородках. "Сам" самодовольно улыбнулся мне, придвинул стул, осторожно на него опустился, медленно кивнул:

— Выпендрился? Крутой? — я промолчал, с трудом подавив желание сглотнуть застрявший в горле комок. Толстый погрозил мне пальцем, — тебя не пристрелили только потому, что я приказал. Ты думаешь, ты ему жизнь спас? — он ткнул пальцем за спину, где притихшая Вика фиксировала плечо патлатому, качнул жирным подбородком, — нет, ты знаешь что сделал? Ты мне деньги заработал. На яхту, большую, белую. Или на новый дом. И ещё заработаешь. Я перевожу тебя в чёрный список, и первый бой у тебя будет против Кровавого Дракона, знаешь такого? — я качнул головой, он гадко улыбнулся, — это тот, что вчера негру спину сломал. Понял, да? По лицу вижу, что понял, хорошо. И, да — душ отменяется. Бойцы чёрного списка получают бонусы только за очень зрелищные убийства, помни об этом. И отдохни хорошо, у тебя завтра бой.

Он любезно кивнул Вике и вышел, охрана закрыла двери. Я опустил руки на колени и сидел так, пока Вика не закончила пеленать плечо патлатого и не позвала меня по имени. Я дёрнулся:

— А?

— Бэ! Иди сюда садись.

Я подошёл, удивляясь тому, как трясутся и подкашиваются ноги, сел, стал смотреть, как Вика по второму кругу мажет костяшки.

— Боишься его?

— Самого?

— Кровавого Дракона.

— Нет, — я помолчал, вздохнул, — он мой друг.

Вика шмыгнула носом, вытерлась рукавом и всхлипнула, трясущимися руками попыталась продолжить обрабатывать мои царапины. Не смогла, опёрлась о края кушетки, замерла с опущенной головой. Я поднял руки и притянул её к себе, она разрыдалась в голос, сотрясаясь всем телом:

— Как же меня это достало, я не могу больше, не могу...

Я гладил её по спине и молчал, выплечется — уймётся, а её слёзы не дали раскиснуть мне самому, так что это благо со всех сторон. Через несколько минут она успокоилась, отстранилась:

— Извини.

— Ничего.

— Просто это реально уже всё... а! — она махнула рукой, опять взялась за вату. — Всё так одно на другое наложилось... Сегодня девочку приводили — дитё дитём, руки в кровь верёвками разорваны, сама зарёванная, лицо сплошной синяк. Новенькая, мне так её жалко стало.

— Новенькая? — я взбодрился, сейчас здесь только одна новенькая, остальные улетели домой. — Высокая, худая, серые глаза, тёмно-русые волосы до лопаток, да? Светлый брючный костюм?

— Да, — она удивлённо подняла на меня глаза.

— Моя Женька, — я улыбнулся, беря Вику за руки, — где её держат?

— Через два кабинета, — она указала влево, я порывисто обнял её, отстранился, прошептал:

— Я не буду драться с Драконом! Я заберу Женю и сбегу этой ночью! — её глаза просияли, я улыбнулся ещё шире, — Вика, расскажи мне про это место всё, что знаешь. Я выберусь, переломаю ноги твоему опарышу, прорвусь в город и приведу сюда ментов, я смогу! Ты мне веришь?

— Верю, — она прямо посмотрела в мои глаза и яростно улыбнулась, — только попробуй этого не сделать!

***

Когда охрана закрыла за мной двери клетки, я вздохнул и растянулся на кровати, пытаюсь придумать что-нибудь ещё по поводу побега отсюда. В соседней клетке заскрипели пружины, Андрюха тихо позвал:

— Васян, ты как?

— Каком кверху, — я выдохнул, перевернулся на живот, чтобы видеть Андрюху. Сюда проникало немного света из коридора охранников, глаза почти привыкли, так что я смог выделить его силуэт на фоне стены. — Со мной жирный приходил говорить, хозяин здешний.

— И?

— И сказал, что я сегодня заработал ему кучу денег, а завтра заработаю ещё больше.

— Как — завтра? Должен же быть день отдыха.

— Ничего он никому не должен, — я поморщился, пытаюсь сделать голос ровным и уверенным. — Он специально это сделал, чтобы поставить мне в пару тебя, — я не выдержал

и почти истерически хихикнул, — он зовёт тебя Кровавым Драконом.

Фраза повисла в воздухе между нами, с каждой секундой становясь всё глупее, я пожалел, что произнёс её. Непроизвольно представил наш будущий бой — мягко танцующего вокруг меня Андрюху, выжидающего идеальный момент для одного, смертельного удара... Выдохнул — нет, так не будет. Васян, без сомнений, классный боец, уровня моего Санька, но есть один момент — я спарринговал с Саньком. И побеждал. Пусть не десять из десяти, но хотя бы сорок процентов побед были моими. К тому же, я всегда учитывал, что он мельче и легче меня, поэтому никогда не лупил в полную силу, даже по шлему и жилету.

А этого быка буду лупить, он крепкий. Я не зря внимательно смотрел его бои — у него много опыта, грязных трюков и силы, но я быстрее и тоже храню в загибке пару фишек, о которых он не знает. И при должном желании и концентрации, уверен — я сделаю в сетке Андрюху. Не всухую, может быть сам после этого пару дней не встану, но в драке на жизнь или смерть — я его сделаю. Проблема в том, что я не хочу убивать ради чьих-то острых ощущений и денег, ни Андрюху, ни кого-либо другого.

Сосед тихо прокашлялся и проговорил:

— Значит, завтра я с тобой дерусь?

— Значит, завтра я тебя убью.

Он выдохнул, охреневая от моей наглости, набрал в лёгкие воздуха для ответа... и медленно его выпустил. Сел на кровати, потом встал и уселся вплотную к разделяющей нас решётке. Я тоже тихо опустился напротив, косо улыбнулся. Васян чуть подался вперёд и вкрадчиво поинтересовался:

— А ты не думал, что это я тебя убью?

— Думал. Мне не нравятся оба варианта.

— Мне тоже. Но выбора нет.

— Есть. Придумаем свой вариант и поубиваем всех, кто будет против.

Он хохотнул, опять повисла тишина. Я вспомнил, как в первый день пытался поразить его Диминым коронным оскалом, как неуверенно потекла его физиономия... я уже тогда спинным мозгом чувствовал, что Андрюха мне пригодится. Он слишком сильный, чтобы стоять в сторонке, его нужно только немного подтолкнуть.

— Мою Женьку держат этажом выше, возле медпункта. Завтра после обеда на медосмотр приведут твою Ханну, я попросил Вику, она обещала организовать. Двинем туда через лестницу, ведущую на арену, заберём девок и Вику, прикинемся охраной и выйдем наверх. Там разберёмся по ситуации. Ты машину водишь?

— Да.

— Значит, возьмём машину. Дальше Женя расскажет, куда ехать, она тут всё знает.

— И как мы доберёмся до медпункта?

— У охранников в двенадцать обед, их заменит кто-то с другого участка. Они не станут сюда заходить, даже если услышат подозрительные звуки, наш этаж — самая ненавистная для охранников зона во всём клубе. Вика сказала, что тут в среднем один несчастный случай в месяц, — я ухмыльнулся, выкладывая информацию, как изысканный десерт, — бойцы лупят охрану прямо через решётку, во время раздачи ужина, во время обыска перед боем, просто так — поднимают шум и ждут, когда к ним подойдут поближе. Не обращал внимание, как они потеют во время обыска?

— Нет... ну, я заметил, что они напряжённо себя ведут, но не думал, что поэтому.

— Они не ходят сюда по одному, не ходят без оружия... и уж тем более сюда не сунутся те, кто на замене — тут всего десять минут подождать, пока рабочая смена поест и вернётся, чего они будут нарываться?

— Неплохо, — я по голосу понял, что сосед улыбается, тоже сверкнул зубами, протянув ему между прутьями ладонь:

— Ты со мной?

Он качнул головой, потом всё-таки выдохнул и стиснул мою руку:

— Один хрен подыхать, обставим это красиво!

Довольный как слон, я полез под повязку на груди, нащупал три кругляшка, протянул ему:

— Держи. Это стимуляторы в таблетках, презент от Вики. Снимают боль и усталость, повышают внимание и точность движений. Действуют через три минуты после рассасывания, эффект держится от трёх до семи часов, но на наши туши — можно больше чем на четыре не рассчитывать. Потом отходняк, но можно выпить вторую. Отдаю сейчас, потому что не знаю, как получится завтра, может, возможности не будет.

— Угум, — он взял леденцы, кивнул, — лады, завтра разберёмся. А сегодня надо выспаться.

— Да.

Мы оба поднялись, отряхнулись и улеглись. Андрюха мгновенно захрапел, я подумал, что точно проворочаюсь полночи от нервов и незаметно отрубился.

***

**Двое в делах,
или «где ты лазишь, мой принц?»
(часть третья, очень женская)**

Я сидела на краю ванны и медленно прочесывала пальцами мокрые волосы. В голове шумело — давление, я слишком много времени провела в горячей воде. Просто не могла нарадоваться тому, что наконец-то могу расслабиться и нормально покупаться, никуда не торопясь, в последний раз это было... в Дании, в моей комнате в колледже. Занятия закончились, соседку уже забрали родители, а за мной обещали приехать только завтра, так что ещё целый день оставался в моём распоряжении. Я тогда весь вечер провалялась в пенной ванне с книжкой и конфетами... сколько было счастья.

На следующий день меня забрали родители, увезли домой, объявили, что документы в университет уже поданы и укатили каждый по своим делам. В следующий раз я мылась уже в общежитии, в облезлой и насквозь ржавой душевой, которую могли бы посчитать комфортной только орды тараканов и прусаков, живущие там от начала строительных работ и не планирующие съезжать, пока от вечной, как пирамиды, советской общаги не останется один просевший фундамент. Я опять содрогнулась, вспомнив эти полтора квадратных метра потрескавшегося кафеля и текущих труб. Во время уборки я даже не решилась залить эти трубы средством от ржавчины и накипи — а вдруг они из неё состоят уже целиком? Останусь же вообще без душа.

Общага была страшной, как все круги ада вместе взятые, в Дании даже последние бедняки, живущие всей семьёй на одно пособие, имеют лучшие условия... Как же я ненавижу свою страну! Нищета, беззаконие, взяточничество, всеобщая безграмотность, уличные банды. Криминальной статистикой уютных центральных районов можно напугать весь Бруклин. Я до сих пор не понимаю, почему папа решил, что я должна закончить образование здесь.

— Женья, ты покупалась? У тебя всё в порядке?

— Да, — я вздохнула, поднялась, открыла дверь и улыбнулась хозяйке дома, — просто давно мечтала о ванне, чуть не уснула. Так хорошо!

Женщина понимающе закивала, в глазах на миг промелькнула жалость:

— Муж сказал, вас держали в плохих условиях... Скоро подадут завтрак, ты спустишься? Не слишком устала?

— Устала, но есть хочу, — я виновато поджала губы, — тётя Айсу, вы не дадите мне водителя после завтрака? Папа открыл мне доступ к нашему международному счёту, нужно купить необходимые вещи — мои в ужасном состоянии.

— Да, прачка говорила мне, что твою одежду проще выбросить, чем отстирать. Я не стала мучить бедняжку, ты всё равно купишь себе всё новое, а в чём доехать до магазина, я тебе дам.

— Спасибо, — я чуть не прослезилась от благодарности к этой прекрасной семье — приняли меня среди ночи, ни словом не упрекнули, ещё и водителя завтра одолжат. — Передайте мою благодарность дяде Халиду, он очень добр ко мне. Моя семья всегда с радостью примет вас в нашем доме.

Женщина с улыбкой кивнула и провела меня в комнату, мне нравились её манеры — она умудрялась вести себя соответственно правилам хорошего тона и при этом оставаться по-человечески приятной. Жены крупных бизнесменов редко этим блещут, в любой стране.

Я осторожно опустилась на шикарную кровать, стараясь не растряссти раскальвающуюся от боли голову, я не спала около сорока часов, а потом реально пересидела в ванной... зря я так. Нужно отдохнуть хоть немного, утром будет молниеносный рейд по магазинам, потом встреча с представителем властей, послом и следователем, потом нужно заглянуть в больницу, проверить, как разместили девочек и Лёшку. При воспоминании о нём сердце резануло болью — боже, как же ему досталось! Надеюсь, ему додумались дать обезболивающее, он же сам ни за что не попросит.

Завернулась в одеяло и постаралась расслабить каждую мышцу, очистить голову от гудящего роя проблем, которые надо решить как можно скорее. За окном посерело, потом тонкие занавески зарозовели восходом, по коридору прошелестели лёгкие шаги, остановились перед моей дверью. Скрипа двери не было, здесь всё так и дышит новизной и ухоженностью... может, всегда ездить купаться куда-то за границу?

— Женья, ты просила разбудить тебя в семь.

Я потёрла глаза, обернулась:

— Да, спасибо большое.

Женщина положила на прикроватную тумбочку сложенные вещи, её рука дрогнула, как будто она хотела погладить меня по голове, но передумала. Она смущённо улыбнулась и опустила глаза:

— Я попросила подать завтрак через пятнадцать минут, буду ждать тебя в столовой.

Она опустила голову ещё ниже и быстро вышла, я разочарованно вздохнула — жаль, что она передумала. Меня уже лет десять никто не гладил по голове.

После завтрака я рассказала водителю, какие магазины хочу посетить, практика с хозяйкой дома пошла на пользу — я вспомнила полузабытый язык, которым не пользовалась уже давно, водитель сразу понял. Магазины заняли сорок минут и уже к восьми я сидела красивая и деловая за огромным столом в кабинете сурового тучного мужчины, показавшегося смутно знакомым.

— Эмм... дядя Бекир?

— Йэвгеша? — прищурился он, потом расплылся в улыбке, — девочка, как ты выросла!

Я смутилась, терпеть не могу, когда меня называют Евгешей, а с его акцентом это звучало вообще чудовищно. Собрав волю в кулак, я озарила его улыбкой:

— Приятно встретить вас, но почему вы без формы? Она была вам к лицу.

Мужчина рассмеялся, поправил рукава пиджака, который я на глаз оценила в полторы папиных зарплаты:

— Начальники специальных отделов форму не носят.

— Поздравляю с повышением, — вежливо кивнула я, он продолжил как по писаному:

— Как здоровье твоих родителей? Как бизнес?

— Всё хорошо, они оба здоровы. Папа всё ещё в Дании, мама работает и отдыхает одновременно, её новые интересы теперь в Индии.

— Передавай моё почтение этой смелой и прекрасной женщине!

Я отвечала на автомате, радуясь, что вечером повторила все пять папиных алгоритмов традиционного начала разговора. Не хотелось бы провалиться из-за какой-нибудь ерунды, но

пока всё шло как надо. Нам принесли чай и вазу крошечных печенюшек, папа всегда говорил, что главное — разговор, а еда на столе для красоты... а мама улыбалась и шёпотом добавляла: «И для того, чтобы показать как красиво ты умеешь есть, как хорошо следишь за ногтями и какие модные у тебя часы. А пока все плятятся, можно обдумать ответ на вопрос». И почему никто не думает о том, что печенье для того, чтобы тот, кому хочется печенья, его съел? Может, он станет добрее и сговорчивее... я точно стану.

Отхлебнув чая, я дерзко взяла одну печенюшку и как могла грациозно положила её в рот, краем глаза наблюдая за реакцией дяди Бекира. Он заулыбался ещё шире, потёр ладони, окинул меня взглядом, как-то сально прищурившись... Я сделала вид, что не заметила, хотя на самом деле — печенье в горле комом встало. Ах ты ж старый толстый извращенец! Так вот почему в его доме вечно полно зашуганных молоденьких служанок, и почему мама никогда не брала с собой в Турцию куколку-секретаршу в метр с кепкой ростом, без которой никуда не ездила... Потому что каждый раз нужно было нанести визит вежливости дяде Бекиру, со всей семьёй и помощниками.

Я продолжала любезно отвечать на вопросы, теперь уже внимательнее оценивая его взгляды и понимая, что дело не в моём новом костюме... он просто любит девочек-подростков. И я, как будущий дипломат, просто обязана на этом сыграть. Приставать по-серьёзному он не посмеет из-за моих родителей, так что я ничем не рискую. Я сняла очки — мама говорит, что они меня старят, — в очередной раз опустив взгляд в чашку, незаметно выдохнула и подняла взгляд уже совсем другим — не умная уверенная дочь богатых родителей, а испуганная маленькая девочка в чужой стране, надеющаяся на помощь большого дяди.

— Дядя Бекир... — влажный блеск в глазах, дрогнувший голос, — вы мне поможете всё организовать? Мы как только причалили, все как набросились на меня — полиция, посольство, медики... И я всем что-то должна объяснить, рассказать, перевести! Я так устала...

— Конечно, девочка, не бойся! Конечно, помогу.

Расплылся дядюшка, расчувствовался, губы вытянул сюсюкать... Да, помоги мне, взрослый умный дядя! Почувствуй себя сильным, заодно разболтаешь мне что-нибудь секретное по делу и поможешь с документами.

Я сделала честные глазки и стащила со стола вазу с печеньем, перефразируя в голове весь список вопросов с учётом открывшейся информации... Держись, дядюшка, я из тебя навью верёвок и сплету стильное макраме!

***

Уходила от дяди Бекира я с новым телефоном, пачкой распечаток и отличным настроением — он хоть и старый извращенец, но работу свою делать умеет. Теперь я знала, что говорить следователю и как вести себя в посольстве. Конечно, я проверю всё, что он мне сказал, но хоть какая-то информация — уже база.

Номер посла дядя забил в мой телефон, так же как и номера экстренных и справочных служб, офицера безопасности, который руководит охраной больницы, главврача, следователя и личного водителя, которого любезно мне предоставил. Милый дядюшка Бекир, похвалю его маме.

Для начала я решила пообщаться со следователем — к послу надо идти с чем-то более весомым, чем «мы хорошие, помогите нам». Вот съезжу в госпиталь, соберу у девчонок паспортные данные и другую информацию — тогда и поеду, ему хоть будет, с чем работать.

А пока передо мной открывались тяжелые двери конторы, название которой местные предпочитали произносить шёпотом... а я даже не удосужилась запомнить, как она точно называется. Позор мне, позор, плохой растёт дипломат. Буду исправляться.

Наш следователь оказался мужчиной крупным, смуглым и такого возраста, о котором обычно говорят «средних лет», имея ввиду что-то вроде «полжизни уже позади». Но нет, об этом бульдоге такого точно никто не скажет. Ему больше подходили эпитеты «опытный» и «матёрый», что значит — вдвойне опасный. При взгляде в его решительное лицо мысль, что этот человек на моей стороне, меня согрела. Не хотелось бы иметь такого во врагах, очень не хотелось бы. Как себя с ним вести? Вряд ли он ценитель маленьких девочек или прочих извращений — не тот типаж, да и вещи на столе говорят о сдержанности натуры и строгой утилитарности стиля. Ничего такого, что не выполняло бы полезных функций, даже в роли пресс-папье — угол стационарного телефона. А трубка треснула... так сильно сжимает во время разговора? Или с силой швыряет на рычаги? Я изучила обстановку кабинета — вся мебель крупная и высокая, без финтифлюшек и мелких деталей — давно он на этом месте и в этом кабинете, успел переделать всё под себя. Несколько ручек и карандашей в стакане на углу стола тоже щеголяют трещинами — не умеет дядя следователь сдерживать богатырскую силушку, столько лет, а не умеет.

Слабые пока морщины легли на лицо картой упрямства и ума, жёсткие линии подбородка и бровей угрожающе выглядят, даже когда он улыбается. Не привык этот бульдог улыбаться, в лице явная асимметрия, ухмылка — его родная гримаса, готова поспорить. Да и морщины над левой бровью куда гуще и глубже, чем над правой, похоже, любит её презрительно приподнимать и подозрительно приопускать... Я поймала себя на мысли, что улыбаюсь ему вполне искренне — он мне уже нравится. Конечно, невозможно узнать человека по внешности и кабинету за пять секунд и три шага от двери до стола, но... он мне как-то интуитивно приятен, а интуиция всегда играет за меня, поверю.

— Здравствуйте, я Женя.

— Здравствуй, садись. Меня предупредили о тебе, — он отложил бумаги и откинулся на спинку кресла, вертя в пальцах карандаш и изучая меня из-под приопущенной брови. Я мысленно хихикала, внешне сохраняя спокойную улыбку. Разглядывание затягивалось, я подумала, что пора бы уже изобразить смущение, когда он кивнул на угол стола:

— Он упал.

— Что? — я сыграла недоумение, когда на самом деле готова была пучить глаза и ронять челюсть. Как?! Я же рассматривала так быстро и незаметно...

— Телефон, — он бросил карандаш на стол и чуть шутливо ухмыльнулся, — ты посмотрела на трещину, когда вошла. Он падал со стола, ещё до меня.

Эм... уже пора изображать смущение? Боже, ну почему нельзя остановить время и позвонить маме?!

Так, спокойно.

Лицом я не дрогнула, хоть за это можно себя похвалить, так что полсекунды на подумать ещё есть. Он читает меня, может быть, не так хорошо, как думает он, но лучше, чем надеюсь я. Смысла ломать перед ним комедию? Он следователь, причём один из лучших в стране, то есть по умолчанию умнее меня. В делах отличия правды от внешне-правды, по крайней мере. Как себя с ним вести? Честно, исключительно честно.

Я смущенно улыбнулась и пожалала плечами:

— Значит, телефону просто не повезло. Как там наши похитители?

Он прошептал что-то, что я не смогла перевести, похоже, ругательство. Потом дёрнул уголком рта:

— Женья, вы даже не представляете, как вам повезло. Вы умудрились не только спастись, но и привезти мне неоспоримые доказательства и свидетелей, да плюс живые и говорящие подозреваемые... Месяц назад я бы тебе руки целовал за такое!

О, ну почему меня здесь не было месяц назад? Побегала бы по яхтам, постреляла бандитов, притащила бы их на верёвочке к порогу его кабинета и подставила ручки для поцелуев... Кольца на нём нет, интересно, просто не носит, или женат на работе? А может, он совсем один, сидит тут вечерами, ждёт прекрасную незнакомку... а тут такая я, красивая и с автоматом, бандитов приволокла!

Честное внутреннее лицо захлёбывалось хохотом, ещё одно, вечно недовольное и рассудительное, кривило губы: «Слюни подбери, героиня! Тот, кто на самом деле бандитов бил, в госпитале лежит. Истанет таким же матёрым зверюгой лет через двадцать, так что наберись терпения и жди. И вообще, следи за разговором, а не за его губами, ты тут по делу!».

Как ведром воды окатила... я взяла себя в руки.

— И в чём проблема сейчас?

— Буквально пару дней назад мы прижали одну организацию, занимающуюся контрабандой и работорговлей, — он опять взял карандаш, уставился на него, как будто тот ему суфлировал. — Организация оказалась ветвью крупной сети, верхушка которой теряется над облаками, а я, к сожалению, летаю не так высоко. — Его двусмысленная косая улыбка опять послала по моей спине табун мурашек, он развёл руками, — нам великодушно пожертвовали пару крупных руководителей и десяток мелких сошки настоятельно рекомендовали закрыть дело. Причём рекомендовали с тех самых верхов, заоблачных, — он указал глазами на потолок, пожал плечами, — так что ваше дело, скорее всего, ограничится судом и заключением тех, кого вы привезли лично, а потом увязнет в просьбах сверху.

Я почувствовала недосказанность, подалась вперёд, положила локти на стол и прямо заглянула в его глаза:

— Мы с девочками будем очень благодарны даже за такую справедливость, в конце концов нас бесплатно лечат и помогут вернуться домой. Но может быть, есть что-то, что лично я могу сделать для лично вас? Информация, связи, что-нибудь... болееинтересное? У меня непростые родители, знаете ли.

Его жесткое лицо дрогнуло удивлением, но почти сразу же по нему разлилась заинтересованность, удовлетворение и... уважение? О, да я могу собой гордиться!

— Да ты и сама непроста, девочка, — я подавила желание радостно подскочить и закружиться вприпрыжку, напевая что-нибудь глупое — комплименты от таких мужчин сводят меня с ума. Просто хитро улыбнулась и кивнула, убрав локти со стола:

— Ещё встретимся?

— Обязательно. Я позвоню.

Я призвала всю свою выдержку для того, чтобы спокойно попрощаться и грациозно покинуть кабинет, не скатившись до недостойного виляния задницей или многообещающих улыбок.

«Возьми себя в руки, он тебе в отцы годится! И вообще, у тебя есть парень».

Да, да, я всё помню...

Я разбудила водителя стуком в окно машины и попросила отвезти меня в госпиталь.

***

Я тихо сидела в светлой одиночной вип-палате, задумчиво глядя в окно. За окном бесшумно пронеслись потоки машин и людей, расчерчивали небо самолёты, мерцала на стенах небоскрёбов яркая реклама... это успокаивало. Это было мне необходимо.

Потому что стоило только перевести взгляд на пациента, занимающего палату — нервы скрипели, как металл по стеклу, а сердце сводило болью. Как же ему досталось...

У девочек я уже была, пообщалась со всеми, записала паспортные данные и телефоны родственников, отослала бумаги курьером нашему послу. Не поеду сегодня к нему, не могу. В голове к обеду уже изрядно шумело, мигрень сдавила затылок и виски, глаза отказывались фокусироваться на чём-либо без боли, да и через боль работали не ахти. Кофе перестал на меня действовать, похоже, я приобрела к нему стойкий иммунитет.

Даже психиатр, мельком взглянув на меня, предложил таблетку от головы, зря я отказалась. Нужно сходить к нему ещё раз, покаяться и спросить, что он решил по поводу нашей вечно воющей подруги. Как оказалось, у неё серьёзное расстройство психики, которое нужно срочно лечить. Таблетки он ей даёт, но необходим психолог, а русскоговорящего специалиста не так-то просто найти за пару дней.

Перед глазами замелькали довольные лица большинства девчонок, все в порядке, врачи рекомендовали отдыхать и хорошо есть, слава богу, это нам предоставили за счёт государства. Единственная, с кем я не увиделась — Яна. Как признался лечащий врач нашей группы, она всё время просиживает у постели своего похитителя... а я не захотела туда идти. Каким бы он ни был хорошим, он один из тех, кто возил через море живой товар, а это противно мне до такой степени, что я в который раз жалела, что не перестреляла их всех до одного, когда была возможность это сделать безнаказанно.

Потому что теперь их защищает закон, а он милостив. Излишне милостив. Пройдёт каких-то несколько лет и они выйдут на свободу, а их многочисленные жертвы свободы не получат никогда. Скоты.

Меня опять начинало трусить от злости, я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться. Краем глаза поймала Лёшкино лицо, плечи передернуло. Как же ему досталось...

В палате тепло, он раскрылся, оставив тонкое одеяло только на бёдрах, обхватил подушку, открывая моему взгляду всю спину, пол-лица и ноги от колен. Всё тело выглядело так, как будто его через молотилку пропустили. Рассечённая в двух местах бровь распухла, швы глубоко врезались в кожу, обещая в скором времени живописный шрам. Ещё один шов под тем же глазом, на самой высокой точке скулы, выглядел не так страшно, но тоже краснел воспалением. Старые синяки расползлись по всему лицу желтыми пятнами, это ещё те, которые ему битой наставили, по дороге из супермаркета. Бока такие же пятнистые, с более заметными кровоподтёками в некоторых местах. Мне даже показалось, что я вижу отпечатки носков ботинок, по телу опять прошла волна злости — до тех уродов я тоже доберусь!

Правую лодыжку и колено доктор обмотал эластичными бинтами, на пальцах ног и внутренней стороне стопы заклеенные пластырями ссадины — похоже, кроссовки на так уж и защищают ноги во время ударов. Одну руку он спрятал под подушку, на вторую было страшно смотреть — на костяшках и средних суставах пальцев кожа содрана до мяса, его руки и раньше плохо выглядели, а сейчас...

Лёшка резко вздохнул во сне, губы дернулись, с них сорвался угрожающий рык. Я села на кровать, положила ладонь ему на лоб — жаром горит, надо сказать доктору. Наклонилась, прикоснулась губами к щеке чуть ниже шва, прикрыла глаза, хорошо... Даже когда он спит, вокруг него разливается аура спокойствия, в которой стихает головная боль и расслабляются нервы.

Отстранилась, поменяла руку, они у меня всегда ледяные, ему сейчас в самый раз будет. Он улыбнулся и расслабился, пора его будить — доктор говорил, что он уже девять часов спит, к тому же скоро обед и перевязка.

Я погладила его по щеке и позвала:

— Лёш...

***

Из больницы я выходила раскрасневшаяся и довольная. Таблетки пить не стала — голова утихомирилась, видимо, придя в офигение от количества и качества моих эмоций. На сотню поцелуев нас, конечно же, не хватило, Лёшка насчитал двадцать восемь и сказал, что остальные буду должна. Я не стала спорить.

Он взял с меня обещание спать и отдыхать, а я с него — скорее выздоравливать и никого не бить, на том мы и разошлись. Его забрали на перевязку, а я поехала в дом приютившего меня дяди Халида, спать. Меня накормили обедом и провели в комнату, где весь день ждала меня восхитительная кровать, необыкновенные подушки и несравненное одеяло. В их приятном ненавязчивом обществе я провела около двенадцати часов, после чего вскочила бодрая, как огурчик... в полчетвёртого ночи. Отлично.

За окном сиял ночной город, на улицах было полно машин — центральные районы даже в это время не спят. Пойти в душ я не рискнула, боясь кого-нибудь разбудить, у дяди Халида большой дом, но на втором этаже ванная рядом с его спальней, а на первом есть только совмещённый санузел для прислуги. Скорее всего, он совсем неплох, но если я туда пойду, меня не поймут, в этом доме так не принято.

На первом этаже есть большая библиотека, там же стоит общий компьютер, которым часто пользовался во время визитов папа. Пожалуй, прогуляюсь туда, это единственное место, где я не буду никому мешать. Тихо, как мышка, сбежав по лестнице, я прокралась в заветную комнату и восхищенно вздохнула — они сделали ремонт, в мой прошлый визит всё было по-другому. С завистью осмотрев драгоценные дубовые панели и тканевые стены, я пощупала шторы, погладила полировку стола и утонула в огромном кресле, из которого не хотелось вылезать до скончания веков. Длинные стеллажи с книгами и полки с дисками, скромная маленькая плазма над камином, несколько столов и живые цветы.

Читать я не рискнула — если сейчас начну разбирать напрочь забытую чужую грамматику, точно заработаю себе новую головную боль, поэтому компьютер гораздо предпочтительнее.

Прикрутив звук, я запустила систему, ввела в запросе поиска все видео файлы, место где искать... о, да в этом доме полно компов, и все включены! Значит, ищем по всей локалке. Вот. Я уже представляла, как буду расслабляться под какой-нибудь лёгкий романтический фильм до самого утра, система сортировала файлы по продолжительности, я обратила внимание на множество роликов длительностью около двадцати минут, открыла один — может, мультик или сериал, у дяди Халида трое детей, вполне может быть.

Файл открылся и меня сначала бросило в дрожь, а потом чуть не вырвало. Это было некачественное видео с изнасилованием, самым натуральным и очень жестоким.

Дрожащими руками я с третьей попытки попала по крестик, выдохнула, вытирая со лба липкий холодный пот. Желудок всё ещё скручивался в узлы, было бы чем — уже бы стошнило.

Кто в этом прекрасном доме может интересоваться таким видео?! Я открыла расположение файла, посмотрела имя компьютера — хозяин дома. И там ещё полсотни таких файлов.

Быстро закрыла папку, опёрлась о стол локтями и схватилась за голову, вот уж точно, меньше знаешь — крепче спишь. Никогда бы не подумала... Хотя — что я о нём знаю? Богатый, хмурый, вечно занятый и почти не бывает дома. Любит дорогой алкоголь и дорогие машины, постоянно изменяет жене, пару раз крупно проигрывался в карты, уже лет пять не играет. Ну и что? Что из этого противоречит найденным файлам? Да ничего.

Я опять потянулась включить хоть какой-нибудь фильм, перед глазами всё ещё стояла та девушка из видео. Это точно не постановочное порно, синяки и слёзы на ней были до одурения настоящие. Чёрт, это ведь абсолютно противозаконно! В любой нормальной стране.

И что это меняет? Я что, пойду заявлять на него в полицию? Не смешите мои пятки... Никому я не расскажу, разве что маме, да и то — скорее всего, она либо уже знает, либо не удивится, давно что-то подобное подозревая. Она разбирается в людях, на раз.

Я включила какую-то давно виденную глупую комедию, переставила аудиодорожку на английский и попыталась расслабиться.

***

Около одиннадцати позвонил следователь, пригласил меня разделить с ним обеденный перерыв в кафе напротив конторы. Я с радостью согласилась — фильмы надоели, у тётки Айсу полно своих дел, разговаривать со слугами здесь не принято, так что всё, что мне оставалось, это сходить с ума от безделья и противоречивых мыслей.

Отложив телефон, я бросилась проверять свой единственный костюм на непредвиденные подвохи, потом приняла душ и подправила маникюр, тщательно накрасилась, мысленно ругая себя за такое усердие — ну о чём я думаю?! Мы будем разговаривать по делу, я его интересую исключительно как источник информации... но ведь это не повод выглядеть пугалом, да?

Добралась до конторы я раньше условленного времени, так что пришлось подождать, постоянно накручивая себя и всё больше нервничая. Когда он пришёл, я приканчивала третий кофе и подумывала о побеге без всяких объяснений.

— Привет. Долго ждала?

— Добрый день. Не очень, я приехала раньше, чем нужно.

— Уже сделала заказ? — он жестом что-то показал официанту, тот резво метнулся на кухню и через секунду поставил перед ним дымящую тарелку с огромным бифштексом с гарниром и художественно оформленный салат.

Я покачала головой:

— Ещё нет, вас ждала.

— Тогда заказывай, я угощаю — у меня здесь бесконечный кредит, — он подмигнул, сноровисто расправляясь с мясом, я указала официанту на красивый десерт и попросила ещё один кофе. Он исчез, следователь проводил его взглядом и подался ко мне, заговорщически шепнул, — у меня есть имя. Зови меня Энвер, только без «дяди», ладно? А то когда тебе весь день каждый встречный бубнит «господин следователь», это страшно бесит.

Я закатила глаза и фыркнула:

— Мне бы ваши проблемы! Меня дядя Бекир зовёт «Йэвгеша».

Мужчина расхохотался, чуть не подавившись мясом, выпучил глаза:

— Каким извращённым способом можно так сократить твоё имя?

— Сложно объяснить, — я махнула рукой, — но по правилам так сокращать можно.

— Звучит отвратительно, — качнул головой Энвер, я дёрнула уголком губ:

— Да у него вообще странные вкусы...

Мы на миг замерли и встретились глазами, потом одновременно прыснули от смеха. Я манерно прикинулась смущенной, он с широкой улыбкой погрозил мне пальцем:

— Держи свои наблюдения при себе.

— Держу.

Он тут же подмигнул:

— Но мне, если что, можно и рассказать.

— Расскажу! — с готовностью закивала я. Он хохотнул и вернулся к своему бифштексу, мне как раз принесли десерт, в разговоре повисла пауза. Когда же он начнёт говорить про наших бандитов?

Я мысленно выдохнула и решилась:

— Как продвигается дело?

— Туго. Похитители ваши все молчат как рыбы, просто молчат. Что самое противное — имеют на это полное право и ничего им за это не будет. Я могу их убеждать, просить, сулить побрякушки на суде, но не более. А если они не заговорят — я никуда выше не продвинусь. Даже место, куда вас везли, не смогу найти.

— Надавите на Рами через Яну, — я пожала плечами и задумчиво погрызла ложку. — Пусть раскается и послужит на благо родине.

— Рами, это который с простреленной ногой?

— Ага. А Яна — это та, которая дежурит у его постели, — следователь бросил на меня взгляд из-под бровей, я качнула ладонью, — у них там кое-что произошло на корабле... можете сказать, что Яна спасла ему жизнь, несмотря на то, что он хотел её продать в рабство. Это правда, кстати.

Мужчина недоверчиво приподнял брови, дожевывая мясо:

— И что угрожало его жизни?

— Я, — я дерзко задрала нос и как ни в чём не бывало сунула в рот ложку десерта, прожевала и с независимым видом добавила, — я хотела подождать, пока их корабль затонет и всех перестрелять. Пленники у нас уже были, и более значительные, чем эти, так что следствие ничего бы не потеряло.

Он качнул головой со смесью неодобрения и восхищения:

— Не страшно говорить такое служителю закона?

— Не-а, — я поковырялась в вазочке, отложила ложку и серьёзно посмотрела в его глаза, — даже если бы я их правда перебила, было бы не страшно.

— Почему?

Он тоже отложил вилку с ножом, положил подбородок на кулак, ожидая моего ответа, как хода в занимательной шахматной партии. Я не стала его разочаровывать, с хитрым видом провела ладонью перед лицом сверху вниз, как будто надевая маску и пролепетала с самым глупым и наивным видом:

— Потому что мы слабые перепуганные девушки и никогда не решились бы сопротивляться страшным бандитам. Нас спасли отважные полицейские, в бронежилетах и с автоматами, а они на стороне закона и справедливости, они что угодно могут сделать. И если они кого-то убили, значит так надо и так правильно, им виднее, как нас спасти.

В течение всего монолога Энвер поджимал губы, стараясь не рассмеяться, но под конец не выдержал и всё-таки хохотнул, покачал головой:

— Да, тебе палец в рот не клади. И как эта Яна умудрилась тебя остановить?

Я поморщилась:

— Взяла в союзники моего парня. Они нашли на яхте лодку и взяли с меня обещание, что я её не прострелю. Пацифисты.

Следователь ухмыльнулся и вернулся к еде, как бы мимоходом обронив:

— Да... А что бы ты сделала с заказчиком этого похищения, если бы он оказался с вами на корабле?

— Прострелила бы ногу и бросила за борт, — я с обворожительной улыбкой обликала с ложки десерт, — рыбкам тоже нужно кушать.

— Опасная ты женщина, — он довольно отодвинул пустую тарелку, взялся за салат. — Знаешь, я полностью разделяю твоё незаконное желание, но только для того, чтобы его

исполнить, мне нужны железные, неоспоримые доказательства. Добраться до серьёзных людей непросто, но доказать их вину ещё сложнее. Мне нужно поставить центральную фигуру этого рабского бизнеса в такую ситуацию, чтобы он никак не мог вывернуться. А такие большие люди обычно не предоставляют возможности обложить их со всех сторон.

— Значит, нужно самим создать такую возможность, — я пожала плечами, выскребая опустевшую вазочку, мужчина бросил на меня короткий одобрителный взгляд, помолчал, занимаясь салатом, потом тихо и очень серьёзно произнёс:

— Это опасно.

— Оно того стоит.

Он отложил вилку и в упор посмотрел на меня:

— Это действительно очень опасно.

Я вспыхнула:

— Опасно оставлять таких людей на свободе! Каждая минута промедления может стоить кому-то свободы или жизни, а эти скоты будут жить припеваючи и кататься на белых яхтах, — голос упал до ядовитого шёпота, я подалась вперёд и твёрдо заявила, — как бы это не было опасно, я всё для этого сделаю. Мне восемнадцать лет, я сама полностью отвечаю за свои действия, и если будет худо — смогу винить в этом только себя. Я заранее согласна на всё, что вы придумаете, лишь бы это дало мне возможность увидеть головы главных работорговцев отдельно от тел!

Он смотрел на меня не отрываясь, изучал выражение лица, заглядывал в глубину глаз. Наконец медленно кивнул и проговорил:

— Я тебя понял. Мы ещё поговорим на эту тему.

Я с трудом отвела взгляд от его непроницаемых чёрных глаз, отхлебнула кофе. Плечи прочертила запоздалая дрожь от только что сказанного — слишком пафосно получилось, надо было как-то посдержаннее... но уже поздно что-то уточнять, будь что будет.

Я немного поколебалась, но потом решительно достала ручку и стала писать на салфетке всё, что я точно знаю про дядю Витю, включая названия его предприятий и имена любовниц.

— Я хочу кое-что добавить, — я многозначительно приподняла брови, — не для протокола, а лично для вас, так сказать, по дружбе, — мужчина заинтересованно отложил вилку и взял исписанную салфетку. Я продолжила, — это наш "друг семьи", мои родители общаются с ним по делам и иногда по праздникам. В последний раз я видела его на базе отдыха «Чайка» на черноморском побережье, где он играл в карты с другими серьёзными дядями. На этой базе, кроме серьёзных дядь, ещё было полно мальчиков с автоматами, а в двух шагах находилась небольшая пристань, с которой отошёл наш первый лайнер, — Энвер сложил салфетку и сунул в карман, внимательно посмотрел на меня. Я смутилась, пожала плечами, — возможно, это не имеет никакого отношения к нашему делу, но на всякий случай... я бы проверила его друзей и деловых партнёров по эту сторону моря, места где он отдыхает и недвижимость, которой владеет на вашей территории он и его друзья.

— Хорошо, я проверю, — он хитро подмигнул, — без протокола, по дружбе.

Мы договорились встретиться ещё раз, как только дело сдвинется или появятся новые обстоятельства, мило попрощались и разошлись.

***

На следующий день я провожала девчонок в аэропорт. Все были шумные и довольные, за два дня в больнице они успели отъесться, отдохнуть и успокоиться, теперь менялись

телефонами и обещали друг друга не забывать. Я раздала билеты и документы, по ходу с каждой расцеловавшись и пересчитав всех. Четырнадцать человек — Яна с ними не поехала.

Не знаю, что там такое провернул хитрый бульдог Энвер, но Рами как-то внезапно исчез и из списка подозреваемых, и из правительственной больницы. Вместе с ним бесследно пропала Яна, билет на её имя мне не выдали, но приятный и улыбочивый посол загадочно поклялся, что ей не грозит ничего, кроме утомительных долгих разговоров, и что ей помогут вернуться на родину, как только она сама этого захочет. Я не стала выпрашивать подробности, нужно будет — мне Энвер расскажет.

Девочки поднялись по трапу, со мной рядом осталась только Марина, я удивлённо посмотрела на неё:

— Чего ждёшь?

— Не чего, а кого, — она загадочно подмигнула, потом пробежала глазами по толпе провожающих и кивнула на смуглого парня баскетбольной наружности, стремительно пробивавшегося в нашу сторону, — вот его!

Я поздоровалась, офигевая всё сильнее:

— Что происходит?

Парень опустил на землю чемодан и обхватил Марину:

— Мы решили, что Муське надо подлечить нервы, и что Турция для этого дела вполне подходит.

Марина хитро помахала билетом:

— Поменяем сейчас на неделю позже, сэкономим малость на обратной дороге.

Я хихикнула и покачала головой:

— Ну вы даёте... У вас документы все в порядке?

— Да, я всё подготовил.

Марина задрала голову, постучала парня макушкой в грудь:

— Ты мне телефон привёз?

— Да.

— И карточку купил?

— Да.

— Давай сюда, — она открыла трубку, удовлетворённо кивнула и сказала уже мне, — дай мне свой номер на всякий случай, ты тут всё знаешь, будет у кого спросить.

Мы обменялись телефонами и попрощались, они двинулись к кассам, я на выход. С завистью пронаблюдав, как парень подхватывает чемодан и забрасывает пищащую Марину на плечо, я подумала, что пора бы навестить своего, второй день его не вижу. Нас пока никто домой не отпускал, у следствия остались к нам вопросы, но Энвер обещал, что это ненадолго и завтра вечером мы тоже улетим. Сегодня у меня с ним ещё одна встреча тет-а-тет, узнаю, что он выжал из дуэта «Яна плюс Рами».

***

Знакомое кафе показалось почти родным, следователь ждал меня за тем же столиком, уплетая те же блюда. Я опустилась на стул напротив, кивнула вместо приветствия и взяла меню.

— Как дела на работе?

— Стремительно, — он кровожадно кромсал мясо, бросилна меня многозначительный взгляд, — эта девушка бесценна. Я твой должник до конца жизни.

Я удовлетворённо улыбнулась — да, я могу его понять. Пусть я не мужчина и не следователь, но оценить редкое сочетание ума и актёрского таланта в столь красивом флаконе вполне способна. Яна могла бы стать прекрасным тайным агентом... если бы не была такой влюбчивой.

— Много новых подробностей?

— Достаточно. Но кроме них, мне есть, что тебе поведать. По дружбе, — он ухмыльнулся, — вот только боюсь, эту часть всё-таки придётся внести в протокол.

— Вы нашли связь?

— О, да, — он хищно пронзил вилкой последний кусок мяса и отправил в рот, щелчком пальцев привлёк внимание официанта и указал на пустую тарелку, ему тут же принесли ещё один бифштекс. Он довольно потёр руки и чуть смущённо улыбнулся мне, — не успел позавтракать, море работы.

Я заказала себе очередной десерт и кофе, задумчиво погоняла замороженную клубничку ложкой:

— Так мой дядюшка всё-таки нечист?

— Ещё как. Но это проблемы твоего государства, меня больше интересуют его связи здесь. Благодаря им многое открылось.

Я стрельнула глазами вокруг, удивляясь, как он не боится говорить такие вещи в столь людном месте. Энвер уловил моё движение, ухмыльнулся:

— Это кафе принадлежит нашей службе, почти все посетители работают в конторе, так что бояться нечего — здесь даже уборщицы с допуском. А мой столик вообще защищён от чего угодно, начиная с жучков и заканчивая пулей снайпера.

Умно. Я удовлетворённо приподняла бровь, кивнула:

— Ну и?

— Почти все знакомые твоего дяди владеют несколькими клубами и публичными домами, девочек могли возить в любой из них. Но мне с самого начала не давала покоя мысль, на кой чёрт сюда пёрли твоего парня? Не для тех же услуг, понятное дело, хотя здесь и такое популярно. Но для этих целей возят молоденьких красивых мальчиков, а судя по его внешнему виду и тому, что рассказали девочки и ваши пленные, он способен избить любого клиента до полусмерти, ни один хозяин не станет так рисковать.

Я молчала, терпеливо дожидаясь, пока он дожует мясо и продолжит. Как-то мне не по себе от такой информации.

— В общем, приложив некоторые усилия, я узнал, что в городе функционирует несколько клубов с подпольными боями без правил. И самый крупный и известный из них принадлежит, — неофициально, разумеется, — партнёру твоего дяди... а он очень серьёзный человек в правительстве, можно сказать, неприкасаемый. Чтобы взять его за горло, мне нужно не просто поймать его с поличным при куче свидетелей, а ещё и получить поддержку других влиятельных людей.

— Короче спровоцировать и подставить, — рубанула я, он поморщился от моей прямоты, но кивнул, потом вздохнул и добавил:

— Я не имею права просить тебя о помощи, вы все и так много сделали. А это к тому же опасно.

— Насколько и для кого?

— Сильно и для всех. Для тебя в первую очередь и для твоего парня.

— И что ему грозит?

— Если что-нибудь пойдёт не так, он попадёт в клуб с боями без правил, — он отвёл глаза. — А ты можешь попасть в бордель. Конечно же, мы вас быстро вытащим, но вы можете успеть пострадать.

Я задумалась, ковыряя нетронутый десерт, вздохнула — слишком много неизвестных для ответа.

— У вас есть конкретный план?

— Да. Завтра в семнадцать сорок три у вас самолёт. Вам выделяют посольский лимузин, он бронированный и вообще самая надёжная машина, которую только можно найти в городе. На всякий случай вас будет сопровождать пресс-атташе вашего посла, — он заметил промелькнувшую на моём лице брезгливую гримасу, свёл брови, — что-то не так?

— Это посольский племянничек, что ли? Ник?

— Да, какие-то проблемы?

— Я его терпеть не могу, — честно призналась я, Энвер отмахнулся:

— Потерпишь полчаса. У него будет маячок и оружие, плюс прямая связь со мной. Тебе то же самое дать не получится, это должен надевать и настраивать специалист, а ты поедешь в аэропорт из дома. Так вот. Вы едете по замысловатому маршруту, утечку информации о котором я организовал вчера. Там есть одно укромное место, в котором вас, скорее всего, попытаются перехватить. Там будут ждать мои люди и группа захвата, плюс вас будут незаметно сопровождать две наши машины. Твоя задача — сидеть тихо, ни в коем случае не выходить из машины и каратиста своего не выпускать. Водитель заблокирует ваши двери, но вдруг что. В идеале, мы их аккуратно повяжем и качественно допросим, — он ухмыльнулся, — мы же отважные полицейские на страже закона и справедливости, а во время боя всё можно. Мы выясним, куда вас должны были отвезти и нанесём туда визит в бронезилетах и с собаками. Будем надеяться, этого хватит.

Он подобрал с тарелки последний кусок, отодвинул её и посерьёзnel:

— А теперь план «Б». Если вдруг что-то пойдёт не так, ты ничего не знаешь, ничего не умеешь, ни о чём не догадываешься. Ты едешь в аэропорт и вообще не в курсе, что кто-то вас ведёт и охраняет. Парню твоему ни слова, я не уверен, что он сыграет так же хорошо, как ты. Если вас всё-таки захватят... не дай бог, но идеальных планов не бывает. Ты ведёшь себя тихо и примерно, выполняешь все требования и никуда не лезешь — мы сами вас быстро найдём и отобьём. На всякий непредвиденный случай, — он вздохнул, посмотрел на часы и всё-таки продолжил, — яне должен этого делать, если кто-то узнает, меня снимут с должности. Но с другой стороны — я должен. В общем, до последнего придерживай то, что я тебе скажу, используй только в крайнем случае. Надеюсь, ты сама сообразишь, когда он настанет... С любого стационарного телефона страны, с любого уличного автомата, набираешь два нуля, две единицы. Тебе говорят «неправильно набранный номер». После этого идёт запись. Всё, что ты скажешь, шифруется и мгновенно передаётся в мой отдел. Этот телефон для агентов, ты даже о его существовании не имеешь права знать.

— С мобильных не работает?

— Нет, только стационарные. Любая беспроводная связь — всё равно что громкий крик на главной площади, слишком многие имеют к ней доступ, для нас это не подходит. Запомни, только на крайний случай.

— Я поняла.

— Всё. Значит, завтра вечером будь готова. Если всё пройдёт как надо, вы улетите

своим рейсом и послезавтра уже будете дома.

— Так и будет, — я кивнула и поднялась, оставляя на столе нетронутый десерт и кофе. С прямой спиной неспеша прошла до двери, села в машину, попросила отвезти меня домой. Я демонстрировала уверенность, которой совсем не испытывала.

***

Блестящий чёрный лимузин подали прямо ко входу, я сердечно попрощалась с семьёй дяди Халида, он долго тряс мне руку, передавая приветы родителям и желая хорошо добраться. Вещей у меня нет, кроме тех, что в сумочке, поэтому водитель просто закрыл за мной дверь и вернулся за руль.

Усевшись в салон, я сделала над собой титаническое усилие и мило улыбнулась Нику:

— Привет.

— Рад тебя видеть, Женечка. Ты похорошела.

А ты как был уродом, так и остался. Дрянь крысомордая, я тебе те детские фокусы никогда в жизни не прощу! С невинным видом врать взрослым, а потом втихаря посмеиваться, наблюдая, как других детей наказывают за твои проделки... Мразь, ненавижу!

Я изобразила смущение, пряча глаза под ресницами, пусть он не увидит в них ничего. Мне нужно потерпеть его буквально час, потом я буду избавлена от его общества, надеюсь, до скончания веков.

Лёшку мы забрали из больницы, он широко улыбнулся и на миг сжал мою руку, усаживаясь рядом, я наконец расслабила лицо и тоже искренне улыбнулась — он выглядит гораздо лучше и двигается без проблем. Он начал с видимым удовольствием осматривать салон, в то время как Ник с хорошо упрятанным отвращением рассматривал Лёшку:

— Милая моя, до чего ты докатилась, — он сказал это с такой улыбкой, как будто делал комплимент. — И что ты нашла в этой примитивной, как лопата, горе мышц?

Я широко улыбнулась и хихикнула:

— То, что если я ему это переведу, ты вылетишь из машины вместе с дверью.

— О, ты недооцениваешь эти двери!

— Скорее ты недооцениваешь этого парня, — я подмигнула с широкой улыбкой, мечтая увидеть, как мелкие зубки Ника вбиваются в глотку железным Лёшкиным кулаком.

— Почему же он в таком случае весь изодранный? — он скосил глаза на Лёхины швы, поймал его ответный прямой взгляд и чуть дрогнул лицом, на миг побледнев.

Я с тонким удовольствием от увиденного откинулась на спинку сиденья, показав в улыбке все зубы до единого:

— Щеголять чистым личиком — прерогатива тех, к кому папочка приставил охрану. И вообще я считаю, что настоящих мужчин шрамы только украшают... согласишься, он и с ними прекрасно выглядит.

— Посмотрим, как он будет выглядеть, когда на него наставят ствол, — с затаённым злорадством пропел Ник, я еле сдержала желание рявкнуть ему в морду что-нибудь очень недипломатичное, притушила улыбку ватт до тридцати и хитро вздохнула:

— Уже наставляли, и не раз. И выглядел он в эти моменты потрясающе сексуально, а потом, когда забирал у них стволы и начинал стрелять сам... — я поджала губы и мечтательно закатила глаза, — ах, да что я тебе рассказываю? С твоим темпераментом никогда не добраться до таких глубин женской чувственности!

В лице Ника наконец мелькнула злость, я удовлетворённо ухмыльнулась — шах и мат, крысёныш прилизанный. Я прекрасно знаю, как ты хотел меня лет пять назад и как хочешь до сих пор, но тогда ты обломался, а сейчас обломишься тем более. Я насквозь вижу твою

гнилую душонку — зависть к Лёшке, желание к моему телу и ненависть к моему характеру. И то, что ты пытаешься это прикрыть низкопробным цинизмом, тебя отнюдь не красит.

Неожиданно Лёшка тронул меня за руку:

— Куда мы едем?

— В аэропорт, — я удивлённо оглянулась, с похолодевшей душой не находя вокруг серых машин сопровождения, повернулась к Нику, — мы правильно едем?

Он дёрнулся, стал колотить в водительское окно, потом снял со стены трубку:

— Водитель, ответьте! Водитель!

Бросил её, стал дёргать двери, конечно же, заблокированные... вот тут он переиграл. Его ссыкливой натуры никогда не хватит на то, чтобы прыгнуть из машины на полном ходу. По моей спине пробежали коготки неприятной догадки — он специально меня отвлекал, чтобы я не смотрела на дорогу и не заметила, когда отстали машины сопровождения. Значит, он прекрасно знает, куда нас везут. А я не знаю... Потому что хитрый бульдог Энвер либо чудовищно ошибся, либо просто соврал мне, и на самом деле он — один из тех, кто поддерживает и покрывает всю сложную структуру нелегального бизнеса. А я ему поверила. Просто так, ничего не проверяя, ни с кем не посоветовавшись, из чистой женской слабости, боже как стыдно...

Так, не раскисать! Я позвоню ему и всё выясню.

Бросив быстрый взгляд в решительное лицо Лёшки, я как-то сразу успокоилась и стала набирать номер следователя... глухо.

Здесь мёртвую зону для мобильных можно создать только специально, я почувствовала, как скручиваются в узел внутренности от страха, посмотрела на Лёху:

— Нет сети!

— И что? — он невозмутимо наматывал на руку тяжёлый пояс от джинсов, так серьёзно и привычно, как будто бутерброды делает.

Я поражённо выдохнула, одновременно восхищаясь его выдержкой и ругая себя за недостойный страх и растерянность. Мы ведь не просто приманка в крепкой машине, мы сами кое-чего стоим! Я бросила телефон в сумку и стала закатывать брючину — хоть одного кого-нибудь каблуком приласкаю, всё Лёшке легче будет.

— Это центр города, здесь такого не бывает. Даже если выйдет из строя одна вышка связи, то есть ещё несколько, у них зоны покрытия перекрываются. Мобилки заглушили специально, есть такое устройство с ограниченным радиусом действия.

— Понял, — он закрепил ремень, ударил в ладонь, довольно кивнул. Перевёл взгляд на скорчившегося в углу Ника, по лицу пробежала волна отвращения. Как я его понимаю. — Этот — не боец?

Ой, насмешил! Даже если бы ему угрожал пьяный полумёртвый подросток, Ник бы побоялся его пальцем тронуть.

— Тогда скажи ему, пусть сидит в машине, а лучше ляжет на пол. Ты тоже сиди пока я не позову.

Эк Ника перекосило, Лёшка не в курсе, что он понимает по-русски. Я бросила на крысёныша презрительный взгляд:

— Как я понимаю, пользоваться жучком для общения с Энвером ты не станешь? — он дёрнул губой, обозначая гаденькую ухмылку. — Тогда не лезь под ноги, а то Лёшка тебе очень случайно что-нибудь сломает... с огромным удовольствием. А я потом добыю.

Он скорчил мордочку «ой как страшно!» и опять стал изображать перепуганного дипломата.

Я осмотрелась, стараясь успокоиться, перевела взгляд на Лёху, всегда уравновешенного и всегда готового взорваться... мне бы этот скил.

Машина остановилась возле какого-то склада, куча людей с оружием бросилась к нам, сосредоточившись с Лёхиной стороны, я достала мобильный и поставила номер следователя на дозвон — вдруг, глушилку сейчас выключат?

Из дверей склада вышел дядя Бекир, потёр пухлые руки и указал одному из своих людей на Лёшку, что-то сказал, в машине не слышно. Мужик без оружия бросился открывать дверь машины, Лёха с невозмутимым видом раскроил ему череп каким-то джекичановским финтом, к нему бросились ещё двое, он вышел из машины, раздавая удары во все стороны — этого я уже не видела, я бежала со всех ног подальше от лимузина. Может быть, глушилка малого радиуса и мне повезёт всё-таки связаться с Энвером?

Телефон пиликнул у самого забора, пошёл вызов, я прижалась спиной к стене, глядя как ко мне несутся два лося со зверскими мордами.

— Да!

— На нас напали, — зататорила я, — Ник и дядя Бекир тоже...

Меня схватили за руку, выбивая телефон, я царапнула ногтями по его глазам и сразу же ударила ногой, метя каблуком в висок. Увернулась от второго, метнулась к телефону и перебросила его через забор — если у следователя хватит ума отследить звонок, то каждая секунда связи бесценна, а чтобы выключить телефон, теперь нужно обежать нехилый периметр. Надеюсь, мобильный выдержит падение.

Меня уже держали вдвоём, я шипела и царапалась, понимая, что уже поздно и ничего я не добьюсь, но остановиться не могла. Когда мы обошли длинную тушу машины, я увидела лежащего без движения Лёху и двоих окровавленных бойцов, которые уволакивали третьего куда-то в глубины склада, дядя Бекир расплылся в такой гадкой улыбке, что меня передёрнуло от отвращения:

— Ну что, Йэвгеша, погостишь теперь у меня?

— Моя мама сотрёт в порошок вас, ваш бизнес и всех ваших прихлебателей! — выплюнула я, он покивал с насмешливо-скорбным видом, дёрнул бровью в Лёхину сторону:

— За его смерть? Вряд ли.

Мне стало плохо.

А ведь в самом деле, случись что со мной — родители бросят все свои связи на поиски и месть, но Лёха... кто он им такой? Мой очередной мальчик, который скоро забудется — они уверены, что отношения, начавшиеся до двадцати лет, обречены на провал. Даже если этот жирный урод пристрелит Лёху у меня на глазах — ничего ему не будет, я ничего не докажу, ни местным властям, ни собственным родителям.

Я посмотрела на распростёртого Лёшку, понимая, что я единственная, от кого зависит его жизнь в этой грёбаной стране, проговорила срывающимся голосом:

— Лёш, делай всё, как они говорят. Если будешь хорошо себя вести, тебя, может быть, отпустят, — голос дрожал от ужаса, — ну, по крайней мере, не убьют сразу. За меня не беспокойся, я теперь ценный заложник. Это мои знакомые организовали, так что...

Дядя Бекир крикнул «хватит» и меня потащили в машину, не дав договорить, я уже не сопротивлялась — его слова про Лёшку вышибли из меня весь гонор начисто. Когда за мной захлопнули двери, я просто сжалась на сидении, глядя в одну точку, слишком ошеломлённая

для того, чтобы что-то делать. Тем неожиданнее для меня было, когда машина сорвалась с места и дёрнулась вперёд, потом резко затормозила и понеслась назад, сшибла ворота, с визгом процарапавшие по стеклу рядом со мной и врезалась в стену дома. Меня бросило на сидение напротив, еле руки успела выставить. Только в этот момент я обратила внимание на всё ещё сидящего в салоне Ника, который с белым от страха лицом расстёгивал рубашку, оголяя тщедушную грудь с приклеенными к ней проводками и микрофоном.

— Что ты делаешь? — я попыталась вернуться на своё сидение, но машина в очередной раз вильнула, чиркнувшись дверью об угол дома, потом резко развернулась и проскрежетала по стене другим боком, я не знала, за что хвататься в этом бешеном круговороте, лимузин в принципе не та машина, которая способна на такие выкрутасы. Нашего водителя что, подстрелили?

— Ник! Что с нашим водителем? Что он творит?!

— Откуда я знаю?! — у него тряслись руки, лицо перекосило злобой и раздражением. — Сама спроси у своего чокнутого хахалы, нахрена было прыгать за руль, если не умеет водить!

Что?! За рулём Лёха? Когда он успел, он же лежал в луже крови без движения...

Ник наконец справился с рубашкой, я увидела спрятанную под ней кобуру с двумя пистолетами, заметила, как лицо Ника перестало выглядеть испуганным, как только он взял в руку ствол и нарочито медленно направил мне в лицо.

— Ну что, Женечка, поиграем теперь по-взрослому? — в его глазах было столько ликования и осознания собственной крутизны. Казалось, что за то время, пока меня не было в машине, его заменили двойником и со мной говорит совершенно другой человек. Он на ощупь снял со стены трубку и бросил:

— Останови машину, сейчас же!

Из динамиков раздался бодрый Лёшкин голос:

— Да щас! А кто это?

— Я в салоне, идиот, — он повесил на место телефон и достал второй пистолет, направив его на дверь.

Машина резко встала как вкопанная, я упёрлась ногой в сидение напротив, чтобы не упасть. К двери подковылял Лёшка, широко её распахнул и почти уткнулся в пистолет лицом. Его глаза на миг расширились от удивления, но сразу ужались до опасно тонких щёлок... я мысленно нарисовала на лбу Ника мишень — теперь он точно долго не проживёт.

Ходячий покойник тем временем, похоже, наслаждался ситуацией на полную, в его голосе так и сквозило превосходство:

— А теперь разворачивайся и езжай обратно.

— Ну ты и сволочь, — Лёха подался вперёд с таким зверским лицом, что я думала — он его сейчас зубами рвать будет. Ника, похоже, пробрало до печёнок, он резко дёрнулся подальше от Лёшкиных рук, пистолет в его руке дрогнул... и выстрелил.

Моё сердце смолкло, вместе со мной пытаюсь рассмотреть, что Лёшка так резко закрыл ладонями, потом поняло, что пуля прошла над плечом и с облегчением забилося снова.

Ник, сам испугавшийся сначала грохота выстрела, воспрял и крепче ухватился за оружие:

— Не рыпайся, сука, ты ещё не понял, что это бесполезно? Ты тут никому не нужен и только от твоего поведения зависит, пришьют сразу или пустят на мясо, обрабатывать ущерб.

Лёшка продолжал держаться за глаза одной рукой, второй опираясь о дверь:

— Что значит «на мясо»?

— Увидишь, — Ник мерзко выщерил зубки, — тебе понравится.

Медленно отняв ладонь от лица, Лёха прищурился и упёрся в лицо Ника таким взглядом, что даже меня как льдом сковало, посольского племянничка должно было вообще расплыть на атомы... Я никогда не видела у своего в принципе незлого и спокойного парня такого взгляда — холодного и непререкаемого, как будто теперь он сам нарисовал на лбу противника мишень и вписал его в маленькую, очень чёрную книжечку, предназначенную для того, чтобы хранить имена врагов и вычеркивать, когда приговор исполнен.

Сзади завизжали шины, из-за угла выехала машина, ещё одна возникла с другой стороны, крепкий мужик с автоматом рванул дверь и почти выволок меня из лимузина, втолкнул в джип, захлопнул и бросился назад. Кто-то рядом защёлкнул на моих запястьях наручники, мне было всё равно — я смотрела, как трое бойцов скручивают несопротивляющегося Лёху, как подходит к нему вплотную Ник, что-то ядовито говоря прямо в лицо.

Я вздрогнула — отойди, идиот, он же тебя убьёт и его опять ногами отпинают из-за твоей тупости!

Нет, не убил. Я выдохнула, тут же услышала визгливый крик Ника, не поняла, что произошло, но увидела как Лёху огрели сзади прикладом по голове и поволокли во второй автомобиль, небрежно зашвырнули на заднее сидение и расселись по машинам. Ко мне подсел дядя Бекир, протянул своим жирным довольным голосом:

— Вот что бывает, когда не принимают моих приглашений.

Я промолчала — та моя часть, которая могла что-то чувствовать, сейчас валялась без сознания в машине перед нами и на всё остальное мне было глубоко плевать.

***

Сумерки за окном превратились в розоватый летний вечер, потом в звёздную ночь, потом в серый рассвет. Я сидела на подоконнике маленькой убогой комнаты и пыталась перестать плакать. Не выходило. Слезы унимались на какое-то время, но потом начинали литься опять, как будто у меня внутри их было бездонное море. Голова болела, живот сводило судорогой, мысли носились кривыми путями от «я ненавижу этот грёбаный мир» до «это я во всём виновата», всё сильнее приближаясь ко второму.

Да, это всё я, от начала до конца. Если бы я не выделялась перед своими многочисленными дядюшками, если бы не рассказала следователю о своих подозрениях, если бы не согласилась на этот план засады на засаду... то сейчас мы с Лёшкой любовались бы морем из-под самых облаков и любезная стюардесса наливала бы нам бесплатное вино.

«Я согласна на любые жертвы» — да, да, конечно! Посмотри теперь на результаты своей самоуверенности, дипломатка хренова! Сама в четырёх стенах и парень весь избитый без сознания, два спасителя слабых и угнетённых нашлись, самих бы кто спас...

А спасатели сами, небось, не в курсе, что творится — вполне возможно, что всю операцию просто отменили, или приказом свыше, или сам Энвер. Этак невозмутимо дожеввал бифштексик, спросил у официанта «взяли наших голубков?», дождался кивка и с довольным видом заказал салат.

Я с силой потёрла лицо — нет, интуиция меня ещё ни разу не подводила, Энвер мне не враг. Хотя — с чего я взяла? А точно ли это интуиция? Может, мне просто неприятно признаваться себе, что мужчина, который мне настолько понравился, оказался предателем? Так, нужно очистить мозги от гормонов и чётко и честно себе признаться.

Я выровнялась, глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Мысленным усилием загнала скулящую от страха и насквозь зарёванную Женьку в такие глубины, из которых не будет слышно её плача, и попыталась воскресить в себе состояние, с которым смотрела в прицел автомата на белой яхте посреди моря. Тогда у меня руки не дрожали и не было никаких сомнений, что я всё делаю, правильно. Виноваты — значит убить. Мешают — значит убрать. Свои — значит спасти. Любимый — значит сделать ради него всё, реально всё, абсолютно всё, без категорий возможно-невозможно. И я сделала. И сделаю сейчас.

Голова перестала болеть мгновенно, мир обрёл режущую глаз четкость, в сознании стало легко и пусто. А теперь всего один вопрос — почему я поверила хитрому бульдогу Энверу?

Я вспомнила всё, что с ним связано, всё наше общение до секунды, всё, что моя память решила мне предоставить для ответа на этот вопрос... и ответ стал очевиден. Да, Энвер восхитительный мужчина и он мне действительно по-женски нравится. Но если бы я увидела в нём хоть каплю подвоха — ни за что бы не согласилась на его план. Он мне не врал, он правда хотел разобраться и наказать виновных, он говорил, что хозяин клуба — большая шишка, неприкасаемый... дядя Бекир? Один из главных военных чинов страны? Почему бы и нет... с его извращёнными вкусами я уже ничему не удивляюсь.

Посол — его дальний родственник и близкий друг, племянник посла — крысёныш Ник, которому доверился Энвер и включил его в план провокации... вот здесь что-то зарыто, и

оно воняет псиной. Почему именно Ник? Его кандидатуру выбрал сам Энвер? Ой, вряд ли. Гораздо вероятнее, что посольского племянничка нам в сопровождающие навязали с каких-нибудь верхов, для контроля... как же хреново всё это выглядит.

Я потёрла лицо, нервно отбросила растрепавшиеся волосы. Мало информации, а достоверной информации ещё меньше. Сплошные домыслы и чужое враньё, скажите мне правду, хоть кто-нибудь!

В замке провернулся ключ.

Я дёрнулась, сползла с подоконника, готовясь к чему угодно.

В дверь с трудом протиснулся дядя Бекир, держа в одной руке поднос с едой, с наигранной приветливостью улыбнулся:

— Уже проснулась, Йэвгеша?

— Да, — я опустила глаза, чтобы они не выдали меня кинжальным блеском — буду прикидываться перепуганной, тупой и послушной, пусть он лучше меня недооценивает.

— Как отдохнула?

— Плохо. Здесь холодно и неудобно.

— Да, ты привыкла к условиям получше, — он опустил поднос на тумбочку, устроил свой огромный зад на так и не расстеленной кровати, сделал приглашающий жест, — угощайся, заодно и поговорим.

Идиот, что ли? Да мне сейчас даже глоток воды в горле комом встанет, он мне есть предлагает?!

Я потёрла сухие от злости глаза и подтащила себе кривоногий табурет, взяла вилку, колупнула картошку:

— Где мы находимся?

— Ты у меня в гостях, Йэвгеша, — он мерзко хохотнул, развёл руками, — извини за беспорядок. Сейчас в городе настоящий переполох, всякие нехорошие люди поднялись и ищут тебя, для того чтобы выместить злость за нарушение работы их бизнеса. Ты ведь так неосмотрительно влезла в чужое дело, ай-яй-яй, это может плохо кончиться.

Я с трудом удержала руки в прежнем положении, чувствуя, как гнётся в ладони древняя алюминиевая вилка — как было бы восхитительно загнать её этому жирдюю в глазик, на всю длину, чтобы зубья изнутри в черепушку упёрлись... я наколола кусок салата и незаметно выдохнула — держи себя в руках! Мозгами надо работать, тут одной вилкой не справишься.

— Что вы от меня хотите?

— Только защитить тебя, конечно! — он расплылся в гадкой ухмылке, поднял ладони, — я же друг твоей семьи, и ни в коем случае не дам тебя в обиду, я не позволю себе так расстроить твоего уважаемого отца...

— И опасную мать, да? — я бросила вилку и напустила полные глаза слёз, крикнула ему в лицо, — вы же её боитесь, я знаю! На что вы рассчитываете, что я ей ничего не расскажу?!

— А что рассказывать, девочка? — он напоказ оглянулся, — то, что я спас тебя и прятал от бандитов в своём загородном доме? Что я тебе плохого сделал?

Я молчала, подавляя желание опять разораться — пусть выскажется, хоть буду знать его линию.

— Что ты смотришь? Думаешь, тебе тут что-то угрожает? Нет, Йэвгеша, у меня ты и полной безопасности, и ты, и твой мальчик. Только вот ваша дальнейшая безопасность зависит только от меня... Так что прояви уважение, малышка.

Я закусила щеку, пытаюсь сдержать поток угроз и обвинений, во рту разлился солью

вкус пощёчины, которую он не вlepил, но я почувствовала.

Мразь, ненавижу, чтоб ты сдох в страшных мучениях!

Успокойся, молчи, дура, не смей! Ты будущий дипломат, ты должна уметь улыбаться даже самой грязной помойной крысе, если эта крыса тебе полезна. А этот кусок жира тебе полезен настолько, что ему нужно улыбаться как самому родному в мире. Не смей орать, будь хорошей девочкой, он таких любит...

Повисшая перед глазами кровавая пелена стала потихоньку тускнеть, сжатая до боли рука расслабилась. Я сама на это согласилась, значит и отвечать за своё решение я должна сама, в полной мере. Ничего ещё не закончилось, мы оба живы, я кое-что узнала, нужно только добраться до телефона и позвать на помощь. А для этого нужно усыпить бдительность этого отвратительного типа и я знаю, как это сделать.

Я поняла, что всё ещё смотрю на него, прямо в глаза, слишком долго. Надеюсь, на лице не отразилось ничего кровожадного и дядюшка не сделал выводов. Нужно выкрутиться... я покачнулась и схватилась за грудь, сдавленно заскулив и крепко зажмурившись. Дядя Бекир вскочил, стал трясти меня за плечи, заглядывая в лицо с неподдельным страхом:

— Йэвгеша! Что такое? Ты нормально себя чувствуешь?

— Мне плохо, — простонала я, оседая в его руках и продолжая хвататься за ворот, он подтащил меня к кровати и кое-как уложил, присел рядом, обмахивая меня полотенцем.

— Да что ж такое? Ты не болеешь?

— Нет, мне просто очень страшно, — я сжалась в комок, заглянула в его глаза со всем отчаянием, которое только смогла наскрести, — дядя Бекир, что с моим Лёшей? Скажите, пожалуйста, я очень вас прошу!

— Да в порядке он, — он махнул рукой, — дрыхнет без задних ног, в отличие от тебя.

— Что с ним будет? Я всё сделаю, только не трогайте его, пожалуйста! — я попыталась броситься на грудь дядюшке. Когда он меня тащил на кровать, мне в бок уперлось что-то угловатое, очень надеюсь, что это был телефон. Сейчас я лезла обниматься, размазывая по лицу потоки слёз и изо всех сил отыгрывая маленькую девочку... Давай, кусок жира, разжалобись, обними меня, ты же этого так хочешь!

Не устоял! Я почувствовала, как его отвратительно мягкие ладони легли на мою голову, стали гладить волосы:

— Ну чего ты, Йэвгеша, не плачь. Я же не монстр какой, я тебя с пелёнок знаю, не обижу я тебя.

— Правда? — я наконец нащупала желанную трубку, теперь главное, чтобы он не ушёл. Подняв на него жалобные глаза, я заглянула в его лицо снизу вверх, прижимаясь всем телом к его пузу и сползая всё ниже к карману.

— Правда, правда, не бойся.

— Спасибо! — я опять обняла его, в порыве благодарности хватая за пояс и запуская руку в карман, поправила второй рукой волосы, чтобы закрывали мои поползновения за телефоном и открывали зарёванное лицо, — Дядя Бекир, я так боюсь! Что с нами будет? Что нам теперь делать?

Телефон оказался, благодарение всем богам, небольшим и легко влез в рукав. Я оторвалась от железного пуза дядюшки и опять разревелась, закрыв лицо руками, старательно заталкивая телефон подбородком поглубже под манжет.

— Тебе надо отдохнуть, — он потянулся опять погладить меня по голове, я опустила

глаза и закивала.

— Хорошо.

— Вот. Отдохнёшь, поспишь, покушаешь... потом мы опять поговорим. Хорошо?

— Да, — я продолжала всхлипывать и натирать глаза, он поднялся с кровати, неуклюже прикрывая пиджаком оттопыренные штаны, кивнул и вышел, в замке провернулся ключ.

Я отвернулась от двери и вытряхнула из рукава телефон, жутко нервничая, сняла крышку и достала батарею — сейчас он заметит, что трубка пропала и попытается на неё позвонить.

Куда его деть? Спрятать в комнате? Кто знает, вдруг меня переведут куда-то ещё, не полезу же я его искать... Тогда никуда не прячу, буду носить при себе. В кармане пиджака слишком заметно, брюки обтягивающие, на рубашке карманов нет... Я обхлопала весь свой нехитрый костюм, пожала плечами и засунула телефон спереди в брюки, под молнию. Если сильно втянуть живот, ткань натягивается на костях и там полно места, даже когда ровно стою, ничего не заметно. Будем надеяться, дядюшка не додумается меня раздевать. Подожду ночи и позвоню Энверу, в этой трубке сто процентов есть его номер.

***

Через пару часов меня отпустило настолько, что я даже смогла поесть. Во двор въезжали крытые грузовики и неброские легковушки, мимо двери по коридору ходили люди, разговаривали, шутили... время шло. Если мой жирный дядюшка до сих пор не хватился телефона, то это значит только то, что он может хватиться его в любой момент, надо звонить.

Я подошла к двери, прислушалась — вроде, никто ко мне не направляется. Залезла под одеяло, отвернувшись к стене — если что, будет время спрятать телефон. Трясущимися руками со второй попытки вставила батарею, включила, набрала по привычке свой стандартный пинкод, нолики, раз-два-три-четыре... Неверно.

Упс.

Единички.

Неверно.

У меня осталась одна попытка.

Да, я великий комбинатор, я так хорошо всё продумала! Блеск.

Опять вытряхнув батарею, вернула всё на место и теперь уже по-настоящему закуталась в колючее одеяло, вытирая навернувшиеся слёзы — ну почему мне так не везёт?!

В двери повернулся ключ, кто-то решительно шагнул внутрь и захлопнул замок. Я не стала оборачиваться — я маленькая и испуганная, у меня шок. Если кому нужна — пусть предоставляют психолога для восстановления душевного равновесия, а потом я подумаю, говорить с ними, или нет.

Решительные шаги приблизились, маленькая ладонь легла на моё плечо и рывком сдёрнула на пол. Задохнувшись от неожиданности, я больно приложилась плечом и бедром, обернулась, впившись яростным взглядом в лицо визитёра. Низкий и широкий как тумбочка, мятое неприятное лицо, лучащееся злорадством и чувством собственного превосходства.

— Вставай, принцесска! Я с лежачими не разговариваю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что ему от меня надо? Дядя Бекир тут недавно клялся, что меня здесь никто не обидит... в чем же дело? Я не спешила подниматься, с издевательски мягкой полуулыбкой устроилась на полу поудобнее и подперла кулаком подбородок:

— А вы собственно кто такой?

— Я Рашид и я здесь главный, детка. Так что встань по-хорошему.

Его мутные чёрные глаза смотрели на меня так уверенно, что умный дипломат где-то внутри тихо посоветовал не выделяться... жаль, что я его послала.

— Да? А мне казалось, что главный здесь дядя Бекир. И он обещал мне, что никто здесь меня не обидит, — я демонстративно потёрла плечо, на котором ещё пульсировал след его пальцев, — а вы мне синяк поставили, между прочим.

Мужика перекосило, но уже через мгновение он взял себя в руки:

— Твой дядя поручил мне тобой заниматься. И если я что-то неправильно понял или проявил излишнюю настойчивость в деле твоей защиты, будь уверена — потом он меня накажет.

Его кривая довольная усмешка откровенно подчеркнула слово «потом». Я мысленно уважительно кивнула — изящно, подчинённые могут делать со мной что угодно, а дядюшка вроде как ни при чём. Ну и что им от меня надо?

— Что вы хотите? Дядя дал понять, что требовать выкуп он не будет. Тогда что?

— То, что дороже денег, принцесска, — Рашид присел напротив меня, наши лица оказались почти на одном уровне. Я опять поразилась, насколько же может испортить лицо улыбка, гадкая, мерзкая, самодовольная. — Информация. Ты много знаешь, ездила с родителями по миру, общалась с людьми. Хозяин хочет вот это, — он достал из кармана телефон, пощелкал, повернул мне, — иты поможешь ему это получить, гораздо проще и дешевле, чем было бы без тебя. Узнаёшь?

На экране здорового мобильного сгустком мрака переливался длинный чешуйчатый бриллиант. Конечно, узнаю — проклятая Чёрная Стелла, мама о ней трещит уже месяц. О том, как хорошо, что она её вовремя купила, как удачно, что мода на чёрные бриллианты фантазийной огранки только начинает набирать обороты, как приятно держать в руках камень возрастом с Пангею и стоимостью с шикарный замок у моря плюс скромные владения где-нибудь с субэкваторе... Я никогда не держала Стеллу в руках, но я её уже заочно ненавижу — как можно какой-то камешку уделять столько внимания?

Я нахмурила брови, рассматривая фото, пожала плечами:

— Не узнаю. Что это, агат?

— Это Чёрная Стелла, — Рашид спрятал телефон в карман, ухмыльнулся, — самый крупный чёрный бриллиант, огранённый за последние двадцать лет. И единственный в мире камень такого качества и формы. И не надо прикидываться, ты прекрасно его знаешь. И поможешь хозяину его получить.

— Не знаю, с чего вы это взяли, но точно могу вам сказать — мама его не продаст, — я поднялась с пола, поправила брюки и уселась на кровать, с деловым видом закинув ногу на ногу. — Я знаю свою маму, и поверьте, если этот кирпич такой редкий, как вы говорите, она накрутит на нём триста-пятьсот процентов, не меньше. И продаст нужному ей человеку, а не абы кому. И вообще, не знаю, почему вы решили, что я могу как-то помочь — я совершенно не в курсе её дел, меня брали только на ужины и о делах на них говорить не принято.

— Вот и расскажешь мне подробно, с кем ужинали, о чём говорили. Всякие вкусы-привычки знакомых твоей матери, всё, что может пригодиться, — он резко подался вперёд и взял меня за горло, — ивежливее, девочка, вежливее. Ты в безопасности только пока полезна, поняла?

У меня в глазах медленно темнело, горло драло болью, попытавшись сглотнуть, я вызвала только неприятный спазм. Рашид медленно покивал, любясь моим перекошенным лицом, убрал руку, позволив мне схватиться за шею и закашляться.

— Ну что, диктуешь?

— Да, — я прокашлялась, взяла со стола воду, отпила маленький глоток и начала диктовать по одной цифре местный номер телефона.

Он записал, довольно ухмыльнулся:

— И кто это?

— Наш семейный стоматолог здесь.

Мужик начал выбивать дробь на экране, медленно диктуя:

— Ваш семейный... что? — он опустил трубку и подозрительно прищурился в мою сторону, — изачем мне его номер?

— Понадобится, не сомневайся, — я наконец позволила себе отразить на лице всё своё отвращение к этому типу, — как только Лёшка увидит синяки на моей шее, он тебе срочно понадобится, урод!

Его глаза от злости почернели до космической непроницаемости, лицо перекошило, я в очередной раз подумала, что зря выделывалась и надо было просто сделать как он сказал — ну что бы ему дали какие-то телефонные номера? Но что-то менять уже поздно, теперь остаётся только держать лицо и дальше играть проблемного ребёнка:

— И что ты мне сделаешь, а? Дядя Рашид огребёт больших проблем, если вернёт меня родителям с синяками, а я ещё и привру чего-нибудь пострашнее.

Я видела, каких немислимых усилий ему стоит не ударить меня. И наслаждалась. Так тебе, урод. Вот ещё Лёшка до тебя доберётся! Куда бы он ни попал, он точно выберется, я уверена в этом на все сто. А как только выберется... Пожалуй, я имею полное моральное право дописать одну строчку в его маленькую чёрную книжечку. Р-а-ш-и-д, та-дам! Я представила, как рисую помадой на его лбу мишень и улыбнулась ещё шире.

— Вечером ты пойдёшь со мной смотреть бой, — наконец прохрипел Рашид, до белых костяшек сжимая кулаки, — готовься, сучка.

Хлопнул дверью и почти убежал по коридору.

Я молча пожала плечами и села доедать завтрак.

***

За мной пришли, когда уже начало темнеть, я успела успокоиться, поспать, проснуться и опять себя накрутить до нервной трясучки. Энвер говорил, что если что-то пойдёт не так, я попаду в бордель, а Лёшка на бои без правил. Рашид сказал, чтобы я готовилась вечером идти с ним смотреть бой. Расшалившееся воображение рисовало жуткие картины с окровавленным Лёшкой в главной роли, я сжимала зубы и продолжала изображать проблемного подростка, хотя чувствовала, что от одних мыслей готова на коленях умолять его не трогать... вот только я знаю, что это не поможет. Этих людей мольбами не проймёшь, они понимают только силу и деньги, а у меня нет ни того, ни другого. Но я кое-кого знаю, нужно хорошо обдумать всё и привлечь сильных и богатых со стороны.

Меня вели по обшарпанным коридорам двое охранников, мимо ходили люди с оружием и полураздетые молодые девушки. Взгляд зацепился за одну из них, я обернулась, чтобы лучше её рассмотреть, нахмурилась, пытаюсь вспомнить, где я могла её видеть... и спину обдало холодом. Я видела её совсем недавно, в крови и слезах, на видео с компьютера дяди Халида. Чёрт, чёрт, чёрт!!!

Неужели и он тоже?

В этом мире вообще есть нормальные, законопослушные люди? А ведь у него семья, маленькие дети... такая милая жена, приветливая, культурная... кому доверять в этом мире? Нельзя же вообще никому не доверять, чокнуться же можно!

Передо мной открыли дверь в тёмное маленькое помещение с диванами и столом, Рашид в каком-то попугайском пиджаке попивал из широкого стакана, кивнул мне на диван:

— Садись, принцесска. Сейчас посмотришь, как твоего хоря отымеют, может, мозгов прибавится, — он хмыкнул и бросил на стол мобильник, указал на него, — захочешь поговорить — позвонишь.

Хлопнул дверью, отдал охране распоряжение никуда не отходить до его прихода, шаги отдалились и стихли. Почти сразу же его яркий пиджак появился на другом балконе, он заорал в микрофон, где-то совсем рядом заплодировали, мне показалось, что через стену.

Подойдя к витой кованой решётке балкона, я вцепилась в неё и стала рассматривать окружающее пространство — мрачно, как в фильмах ужасов. Балконы на втором этаже забиты людьми, там светятся экраны с какими-то строчками, опрятные официанты разливают напитки. Хорошо одетые люди смеются и бросают на стол деньги, хлопают по рукам, жадно смотрят вниз.

Внизу темно, там тоже кто-то есть, в прутья решётки впиваются чьи-то руки, но остальное в тени. На песке шестиугольной площадки раскорячилась ржавая машина, в другом углу мятые бочки, в третьем — железная дверь, в которую как раз вталкивают двух крупных мужчин.

Гонг.

Они поднимают руки и начинают подходить друг к другу, потом один бросается на второго и вlepяет ему кулаком прямо в лицо, кровь, люди кричат, на балконе напротив подняли бокалы и дружно выпили. Мне стало страшно. Лёшка, Лёшка, где же ты...

Удары на ринге сыпались один за другим, бойцы упали, один оказался сверху и стал разбивать лицо второму, кровь забрызгала весь песок вокруг. На столе зазвонил мобильник.

Я взяла, нажала приём.

— Ну что, принцесска, не хочешь пообщаться?

Я молчала. Он неприятно хихикнул:

— Ну смотри, сейчас на месте этих парней окажется твой хорь.

Гудки. Я бросила телефон на стол, метнулась к балкону. Там уже уносили одного из бойцов, второго увела охрана, на их место вышла новая пара, принялась вытирать друг другом пол, один скрутил другого и стал душить, через минуту его уволокли за ноги. Я с трудом сглотнула, бросила взгляд на лежащую на столе трубку. Подошла и набрала единственный входящий номер:

— Рашид, я всё расскажу.

— Поздно. Смотри и запоминай, сучка, это тебе наука будет.

Он бросил трубку, подмигнул мне с балкона и указал вниз. Внизу напротив друг друга стояли Лёха и ещё один боец. Ударил гонг, противник поднял кулаки, а Лёшка... поклонился. Я прикусила губу, меня скрутило нехорошим предчувствием — он спортсмен, он не сможет убить кого-то ради развлечения...

Они бросились друг на друга, Лёшка держался хорошо, бил и уклонялся, пока не получив ни одного серьёзного удара. Поймав момент, подпрыгнул метра на полтора и зарядил противнику ногой по голове, я аж рот открыла — всю жизнь думала, что в фильмах для таких ударов актёров подвешивают на лесках. Боец упал лицом в песок, Лёха опустил руки и стал рассматривать балконы, в какой-то момент замер и посмотрел прямо на меня, я подалась вперёд, пытаюсь что-то крикнуть... но в этот момент на него сзади прыгнул поднявшийся противник, замахиваясь здоровенным гаечным ключом. Я закрыла рот руками, но всё равно закричала, меня никто не услышал — гвалт стоял как на стадионе, все прилипли к балконам и хлопали, внизу били по сетке, Рашид орал в колонках.

Мужик на ринге пинал ногами бесчувственного Лёху, его аж подбрасывало от каждого удара, я бросилась к столу, заорала в мобильник:

— Хватит! Рашид! Останови его, я всё расскажу! Пожалуйста!

На балконе Рашид ухмылялся, держа телефон в руке на уровне груди, я орала, не слыша сама себя из-за криков толпы, внизу на песке окровавленный псих избивал Лёху. Я швырнула телефон о пол, растёрла по лицу слёзы, впилась в Рашида горящим взглядом, мечтая увидеть его таким же окровавленным, как бойцы на ринге. Он наконец поднял микрофон и сказал «хватит», охранники оттащили от Лёшки противника, взвалили его самого на плечи и унесли. Рашид вышел со своего балкона, я бросилась разбирать обломки телефона, вытащила симку и сунула в лифчик — никто не будет разбираться, почему не звонит разбитый телефон.

Вошёл Рашид, сложил руки на груди, смерил меня довольным взглядом:

— Попустилась, принцесска?

Я сглотнула тугий комок и кивнула.

— Говори.

Я затараторила:

— Я не знаю ничего про вашу чёрную... как её там. Но я знаю, за что моя мама отдаст что угодно, — Рашид заинтересованно приподнял брови, достал телефон и что-то включил. — У неё есть комплект камней для серёг и колье, крупные тёмные изумруды, квадратные, очень чистые. Она давно хочет к ним кольцо, чтобы заказать комплект, но не

может найти такой большой камень. Если ей предложить его, ну... вдруг, у вас есть, — я замялась, умоляюще посмотрела в его глаза, — пожалуйста, отпустите Лёшку!

Он криво усмехнулся, показушно отсалютовал мне телефоном и кивнул охране:

— Уведите её откуда взяли.

Меня подхватили под локти, я мысленно выдохнула, чувствуя, как жжёт кожу симкарта... сегодня у тебя будет весёлая ночь, Рашидушка. Ты будешь сидеть в каком-нибудь подвале и милый бульдожка Энвер будет загонять тебе иголки под ногти, ответишь и за «принцесску», и за «суку», и за Лёхины синяки. И времени не будет проверить мою красивую ложь про изумруды. Представляю, как развеселится моя маман, когда её попытаются купить на примитивный кирпич, которых у неё валом.

В комнате меня ждал ужин. Я презрительно фыркнула на него — если всё пойдёт по плану, я очень скоро буду есть кое-что получше и кормить этим Лёшку с ложечки.

Вытащив карту дяди Бекира, я вставила свежеворованную симку и набрала четыре нолика, на этот раз повезло, пошла загрузка, меню, телефонная книга... пусто.

Твою ж грамматику словарём через синтаксис!

Я рухнула на кровать, злобно сжимая телефон в кулаке — пользы мне с него, я не помню номер Энвера, а его волшебные цифры с мобильных не работают. Маме позвонить? Я проверила счёт — меньше доллара, меня просто не соединят... Что делать? Кто у меня есть в этой проклятой стране? Кому я могу...

Тааак. Тихо, не радоваться раньше времени, я не уверена, что правильно вспомню номер. Затаив дыхание, я вызвала в памяти картинку, как сама набираю и сохраняю семь цифр плюс код... да, я его помню. Но сначала нужно кое-что сделать.

Я вызвала на экран GPS-навигатор, запустила просчёт, подождала, пока телефон найдёт нужные спутники. Подышала на стекло окна и записала на нём свои координаты. И набрала номер. Гудки шли слишком долго, я начала сомневаться, что набрала правильно, но на том конце наконец ответили:

— Алло...

— Марин, привет. Это Женя, мне срочно нужна твоя помощь. Это очень важно.

— Я сплю, — рядом пробился недовольный мужской голос: «кто это?». Я зашипела:

— Просыпайся, это вопрос жизни и смерти!

В трубке Марина шёпотом убеждала своего парня дать ей поговорить, он ныл и требовал внимания. Меня затрясло от нетерпения:

— Марина, твою мать, мы с Лёхой в плену, нас убить могут!

— Я одеваюсь, — стало тише, похоже, она вышла из комнаты. Я сделала глубокий вдох.

— У вас в номере есть телефон?

— Нет, у нас дешёвая гостиница.

— А где-нибудь рядом есть?

— Автомат на углу.

— Иди туда.

— Ладно, — она зевнула, чем-то загрохотала, — сейчас, обуюсь. Всё, я вышла. Иду, подожди.

Я смиренно ждала, прикусив язык, чтобы не начать орать и торопить, в трубке опять раздался голос её парня, она стала спорить с ним, я отбивала по подоконнику дробь кулаком.

— Я пришла.

— Звони.

— Сейчас. Блин, похоже, он не работает.

— Что с ним такое?

— Гудок не идёт.

— В него нужно кинуть монетку.

— Зай, дай мелочь, — грохот, щелчки. — Всё, куда звонить?

— Два нуля, две единицы.

— Без ничего?

— Да, просто ноль-ноль-один-один.

— Говорит чё-то не по-русски...

— Так и должно быть. Подожди пока замолчит и повторяй, что я скажу.

— Замолчал. Что говорить?

— Энверу от Жени, срочно, — она повторила, я выдохнула на стекло, опять проявляя цифры, продиктовала точные координаты и стёрла их ладонью. — План провалился. Мы с Лёхой в какой-то развалюхе, здесь проводят бои без правил и держат девочек. Хозяин — дядя Бекир. Посольский племянник с ним заодно. А ещё я здесь видела девочку, которую насилуют на видео, которое я случайно нашла на компе дяди Халида, тоже надо проверить. Всё. Заберите нас отсюда. Вешай трубку.

— Вас правда поймали?

— Да, по дороге в аэропорт.

— Как ты?

— Плохо. Но с твоей помощью, я думаю, всё скоро изменится. Спасибо, я твоя должница.

— Ну что ты, главное, чтобы вы выбрались. Что я ещё могу для тебя сделать?

— Не меняй номер, — я истерично хихикнула. — Спасибо, правда спасибо. Ты единственный человек в этой стране, кому я могу доверять.

— Обращайся, — она помолчала. — В общем, выбирайтесь скорее, надавайте там этим чуркам, как на яхте.

— Так и сделаем. Давай.

— Пока.

Я отключилась, удалила звонок из исходящих, вытерла лицо, села прямо на пол — ноги подкашивались. Получилось. Я всё-таки ему позвонила.

Сердце колотилось, руки дрожали, по лицу нервным тиком расплывалась гримаса злого торжества. Время шло.

На улице зарычал мощный двигатель, что-то грохнуло, замелькал свет. Я вскочила, приликая к стеклу, хищно улыбнулась — во дворе стояли три здоровенных микроавтобуса, из них выпрыгивали солдаты с автоматами, гнутые ворота висели на одной петле, охранники стояли с поднятыми руками, у одной из кабин вертелись от нетерпения собаки.

Всё. Всё будет хорошо.

Во двор сбегался народ, я узнала коренастую фигуру Энвера у одной из машин, он говорил по телефону. Из здания вышел Рашид, стал махать руками, орать и наседать на Энвера, тот указал на него двум своим людям, те мигом скрутили его и чуть ли не оторвали от земли.

Ну и кто теперь сучка, а?!

Внутри всё дрожало от яростной радости, я запрокинула голову и тихо рассмеялась в

небо... и увидела на нём здоровенный прожектор. Вертолёт? Какого чёрта?

Маленькая вертушка села за воротами, оттуда вышел всего один человек и сказал Энверу всего несколько слов. Буквально одну фразу.

Но её хватило.

Два десятка крепких ребят, вооруженных до зубов, свора собак и цепкий бульдог Энвер очень вежливо поставили Рашида на землю, погрузились в свои бэтээры и уехали.

Кто-то махал руками во дворе, руководя быстрым ремонтом ворот, охрана разбежалась по постам, вертолёт растворился в небе так же внезапно, как и появился — можно подумать, что мне всё это приснилось. Что ничего не было. Что я не рисковала всем ради этого грёбаного звонка, который ничего не дал...

По коридору простучали шаги, дверь грохнула о стену, меня схватили за плечо и рывком развернули. Мне было всё равно, я даже телефон из рук не выпустила — хуже уже не будет, воображение пасует, пытаюсь придумать ситуацию ужасней. Рашид трясся как в припадке, что-то орал, брызгая слюной — я его не слышала, в ушах пищало на одной ноте, всё тело как будто заиндевело. Он схватил меня за руку и вырвал телефон, широко размахнувшись, хлестнул ладонью по лицу. У меня только голова дёрнулась, ничего не чувствую, ни-че-го. Всё зря. Мне никто не придёт на помощь. Даже если я позвоню президенту, внезапно окажется, что дядя Бекир его давний друг и поставляет ему девочек на праздники.

Что я могу? Что конкретно я могу, конкретно сейчас?

Плакать не могу даже. Хотелось бы, но не получается. Такое ощущение, что тело мне не принадлежит, я просто сижу где-то далеко и смотрю неинтересный фильм про то, как жирный недомерок лупит по лицу самоуверенную дуру. Могла бы переключить — не смотрела бы.

Он наконец отпустил меня и ушёл, я медленно сползла на пол, надеясь упасть в обморок. Не успела — Рашид вернулся с пузырьком, открыл и сунул мне под нос.

Ну и гадость! В глазах мигом посветлело и я наконец услышала поток ругани, который этот урод извергал из себя вместе с брызгами слюны. Ничего нового, я всё это уже слышала. Угрозы, непереводаемая игра англо-русского жаргона с примесями местного мата, глупо-пресно-неинтересно. И больно. Наконец-то больно, щека опухла, теперь я почувствовала, что бил он действительно сильно, синяк останется.

В перерывах между руганью я успела услышать, что теперь мне предстоит ходить на все бои, и Лёшкины, и чужие. Сделаю вид, что испугалась.

Рашид довольно скривил морду, покивал сам себе, ушёл. Идиот. Я за последнюю неделю видела столько крови, что теперь до конца жизни меня никто не сможет ею напугать. Чужой, по крайней мере. А Лёшкиной... вот тут начинаются проблемы. Что я могу для него сделать? В том-то и дело, что что бы я не сделала, его всё равно не отпустят, он слишком много видел и знает, к тому же, он удобен как рычаг для давления на меня. Что делать? Что теперь будет? Почему это всё происходит со мной?

Почему я сейчас не еду из аэропорта в папиной машине, прямо в ободранную общагу, в которой было когда-то так хорошо? В которой мы с Лёхой лопали ночью бутерброды и разговаривали о всякой фигне... Почему мы не начали встречаться сразу? Сколько бесценного времени мы потеряли из-за всякой ерунды, разборок кто круче, попыток досадить друг другу! А теперь он лежит где-то в этом самом здании, избитый и окровавленный, как никогда нуждающийся во мне... а я не могу к нему попасть. Почему мы проводили вместе так мало времени? Сколько было возможностей увидеться, пока он лежал

в больнице... Ямогла приехать к нему хоть на часик, на полчаса, просто полежать рядом, крепко прижавшись и уткнувшись носом в его грудь. На что я потратила это время? На фильмы, поездки, встречи с послом и Энвером... который не смог мне помочь. Подумать только — он стоял в десяти метрах, может быть, даже видел меня в окне. А потом собрался и уехал, потому что ему так сказала какая-то большая шишка.

Как же я ненавижу этот грёбаный мир!

Всех этих продажных договорюнов, которым закон не писан, потому что они сами — закон, себе и всем окружающим. Их прихлебателей, которым тоже закон не писан, потому что они работают на Большого Человека, который отмажет от чего угодно. Вспомнить хотя бы Рашида — ох и мерзость! Сплошной кусок самодовольства и самоуверенности... чтоб ему оказаться от Лёшки на расстоянии вытянутой руки, вот тогда бы он вспомнил о хороших манерах.

Я в подробностях представила Рашида на месте того парня, которому Лёха зарядил ногой в челюсть, на душе потеплело как от алкоголя — мечты, мечты...

Что делать? Мозги отказываются работать. Сознанию хочется убиться чем-нибудь таким крепким, чтобы просто забыть обо всём и отключиться. Я свернулась на кровати, закутавшись в одеяло и попыталась представить рядом Лёшку.

***

Снилось что-то страшное. Наверное, хорошо, что я сразу забыла этот сон. Сердце после пробуждения ещё пару минут колотилось как бешеное, по нервам бегал ментоловый холод, перед глазами плавали тёмные пятна. От чего я проснулась? Похоже, просто от того, что хочу есть. Возле кровати на табуретке стоял вчерашний ужин, обветрившийся и холодный. И так съём.

День прошёл как в тумане, по коридору ходили люди, смеялись охранники, где-то через стенку разговаривали по-английски и по-русски девушки. Еду мне больше не приносили, ну да мне и не хотелось — тело как будто заменили ходячей куклой, я ничего не чувствовала, только постоянно дрожала. Холод поселился в груди, вцепился в позвоночник, вызывая постоянную дрожь, которая ничем не унималась. Я просидела в одеяле весь день, пот тёк ручьями, но теплее от этого не становилось.

Вечером пришёл Рашид. Долго молча смотрел, потом кивнул охранникам и те повели меня в знакомую комнату над ареной. Я села на диван и уставилась в стену — судя по экрану, Лёшка сегодня не дерётся, а на остальных мне наплевать. Крики и звуки ударов долетали как сквозь вату, в голове сменялись нереальные видения — мы с Лёхой и девчонками пьём вино на яхте, мы с Лёхой и мамой гуляем по Парижу, мы с Лёхой целуемся в душевой в общежитии... Этого никогда не было и скорее всего не будет, мозг конструировал картинку из кусков просто для того, чтобы не думать о происходящем в реале.

О том, что бои на сегодня закончены, я узнала когда охранники подняли меня под руки и отвели назад в комнату. Даже еду принесли — я к ней не притронулась. Буйный демон фантазии как раз показывал Лёшку мокрым и счастливым, где-то на пляже, мне было приятно это представлять. Не знаю, спала ли я вообще — видения во сне и наяву почти не отличались. Очнулась я только когда меня основательно встряхнули и приложили головой о быльце кровати — то ли случайно, то ли так и хотели. Я с трудом оторвала взгляд от собственных пальцев — Рашид. Встревоженный какой-то.

— Ты голодовку решила объявить, принцесска? — ага, вчерашняя еда всё ещё стояла на табуретке у кровати, мой взгляд залип на ней и сознание опять попыталось отъехать. Рашид хлестнул меня по щеке и с силой взял за подбородок. — Учти, не будешь есть — я перестану кормить твоего хахалю. Он не сможет драться и окочурится через пару дней, сто процентов даю.

Я безразлично пожала плечами:

— Хорошо, я буду есть. Мне не трудно. Что-нибудь ещё?

— Да, — он полез за телефоном и ткнул мне в лицо фото толстого старого азиата. — Всё, что ты о нём знаешь.

Я бросила на фото короткий взгляд и отвернулась:

— Ки Вонг, владелец крупнейшего ювелирного концерна в своей стране. Под пятьдесят, женат, трое детей, куча денег и мерзкий тьякучий шпиц, — я скорчила рожу. — Я хочу увидеть Лёху.

— Увидишь, вечером, — он быстро тыкал в экран, криво улыбаясь. — Последние увлечения мистера Вонга?

— Он коллекционирует трости. Любит рыбок и черепах. Подарил дочери какого-то

породистого кролика на день рождения.

— Неинтересно! — Рашид мотнул головой. — С кем он общается?

— С кучей китайцев! — я наконец посмотрела на него прямо, — я хочу увидеть своего парня. И поговорить с ним.

Жирдяй вздохнул, убрал телефон в карман и вlepил мне пощечину по болящей ещё с вечера щеке:

— Ты уже с одним хахалем наговорилаcь ночью! Думала, он тебя спасёт? Да, примчится с машиной спецназа и разнесёт тут всё, тебя спасая! На хрен ты ему не нужна, поняла?

— Ошибаешься, — я ничего не стала добавлять, но посмотрела на него с гадостным прищуром.

Я кое-что знаю, сученок. И тебе это не понравится.

Рашид сложил короткие пухлые ручки на груди и хмыкнул. Помолчал, рассматривая стены, потом ухмыльнулся:

— Бой через полчаса. А после него только от подробности и полезности твоего рассказа будет зависеть, как хорошо и безболезненно будут лечить твоего хоря. Думай.

Что тут думать? Конечно, я наплету ему бухту правдивых сведений, с которых он ничего не поймёт. Чем скорее они убедятся, что я бесполезна как источник информации, тем лучше.

Я вздохнула, глядя на неаппетитные тарелки с едой, взяла вилку, стала через силу запихиваться. Даже если не ради Лёшки — мне тоже нужны силы на побег. Придётся потерпеть.

Охранники опять отвели меня в комнату с диваном, я села на пол у витой решётки и стала ждать первого боя. На балконах прибывало людей, красивые и дорогие женщины рассаживались, пили вино, улыбались, мужчины делали ставки и хлопали по рукам. Как мило, как нормально. Пулемёт бы сюда, такое гнездо удобное — можно прошить весь противоположный балкон до самой стены, да плюс балкон Рашида... я представила, как его голова дергается, принимая крупнокалиберную пулю, выпускает её из затылка вместе с куском черепа и фонтаном красных брызг! Красиво, как закат над морем. В тот день, когда мы утопили корабль работоторговцев. Тогда был такой закат...

Двери открылись, на песок вышел Лёха и крупный молодой мужчина, я напряглась и крепче вцепилась в прутья. Он уже дрался, позавчера, и дрался очень неплохо. Зрители хлопали и кричали, Рашид расписывал достоинства обоих бойцов и проценты по ставкам, Лёха с недоброй улыбкой изучал противника. Как-то он сегодня слишком блестит, маслом его намазали, что ли?

Бой начался, противник кинулся на Лёшку, как-то неуклюже остуpился и в этот момент Лёха толкнул его в ту же сторону. Парень чуть не упал, зрители засмеялись, по Лёшкиному лицу расплылась довольная злорадная улыбка, в глазах зажглось торжество и очень уверенное осознание своей силы... я его таким никогда не видела. Дальше он откровенно забавлялся, дразня и провоцируя противника, играл с ним, как кот с полудохлой мышью, просто так, в удовольствие. Мне стало жутко. Буквально пару дней назад он поклонился своему сопернику и я ужасно боялась, что он не сможет драться всерьёз, не станет причинять боль ни в чём не повинному человеку, такому же пострадавшему, как он сам. Асейчас жестоко избивал парня, который был ему очевидно не соперник, и откровенно наслаждался.

Бой закончился так кроваво и жестоко, что я отвернулась, крепко зажмурившись — не хочу это видеть. Подождала, пока Рашид объявит следующую пару, ушла в комнату и свернулась на диване, придавив ухо подушкой. Нет меня. Я ничего не вижу, не слышу и не скажу. Через время дверь открылась, отвратительная пухлая лапка тряхнула меня за плечо:

— Уснула, что ли?

— Иди в задницу.

— Борзеешь, принцесска. Рассказывай про китайца, у тебя было время вспомнить.

— Я хочу увидеть Лёху.

— Не получится, — он гаденько хихикнул, я даже убрала подушку и обернулась от удивления.

— Это почему ещё?

— А он занят, — и так просящая кирпича морда Рашида искривилась ещё противнее, он засюсюкал, — снимает напряжение с одной из девочек. Я специально подобрал ему самую наглую мегеру, чтоб тебя напоминала. Хотя, он вряд ли будет тратить время на общение, у них в распоряжении всего час.

У меня внутри всё похолодело, умный внутренний голос сказал «он врёт», но что-то мерзкое и слабое тихо вякнуло «а вдруг?..».

А вдруг. А вдруг?

И что тогда, а? Ну, проведёт мой парень час вместе с какой-то стервой, и что? И...

И армагеддец ему придёт, вот что. А вместе с ним ещё паре сотен человек, которым не повезёт оказаться рядом — я разнесу тут всё в одно мгновение, а Лёшку буду убивать долго и жестоко.

— Остынь, принцесска, с тебя ещё доклад по китайским ювелирам.

Я с полнейшим равнодушием посмотрела в лицо Рашиду и медленно произнесла:

— Я сказала «иди в задницу». Лёху лечить не надо, а на всё остальное мне плевать.

— Не нарывайся. А то в следующем бою я подкину ему убийцу, который изуродует его до конца жизни.

Нет, спасибо, я займусь этим лично.

— Ещё посмотрим, кто кого изуродует, — я откинулась на спинку дивана, стервозно прищурившись. — Не одолжишь мне пару сотен до послезавтра? Хочу сделать ставку.

Рашид неожиданно рассмеялся, покачал головой и с улыбкой погрозил мне пальцем:

— Одолжу! Вот одолжу, чтоб мне треснуть! Но если он проиграет, будешь расплачиваться натурой, учти.

— Не дождёшься.

— Тогда извини, — он развёл руками. — Уведите её.

Меня отвели в комнату, закрыли на ключ, принесли ужин. Попробую съесть, какая разница — давиться горячим сейчас или холодным потом?

Острые зубчики вилки опять привлекли внимание — жаль, ими сложно убить. У двери два охранника, без брони, но с пистолетами. Я представила, как бросаюсь на них с вилкой и истерично хохотнула — это предел будет!

А что делать? На Лёху, похоже, можно больше не рассчитывать — он прижился в этой дыре, научился получать удовольствие от боёв, даже шлюху ему Рашид организовал... вилка опять стала гнуться в сжатой от злости руке — я ему это припомню. Чтоб мне зарубежку не сдать, припомню!

Что я могу, одна и без оружия?

Взгляд заметался по голым стенам, зарешеченным окнам, единственной тухлявой табуретке, облупившейся двери в ванную... даже если я сниму крышку с бачка унитаза и попытаюсь огреть ею одного из охранников — второй схватит меня, пикнуть не успею. Ещё и сантехника потом придётся вызывать...

Я представила, как краснея, объясняю пожилому дядечке с ключами и вантузом, на кой я сломала унитаз. Опять захихикала, на глазах выступили слёзы — истерика близка, как никогда, пора что-то делать, пока мозги ещё не поплавились окончательно.

А если охранник будет один? Огрею его крышкой от бачка, заберу оружие, выползу как-нибудь из здания, найду телефон, позвоню Энверу. Ведь просто подобрать меня за воротами ему никто не запретит?

А Лёху вытащат потом, протянет пару дней как-нибудь, не помрёт. Выиграет ещё один бой, поразвлекается с ещё одной шлюхой...

Меня опять ошпарило дикой злостью — убью!

Очередной кусок встал поперёк горла, я отодвинула тарелку, забралась на кровать. Крепко завернулась в одеяло, закрыла глаза.

Рашид мне соврал. Ни с кем Лёха не был, он это сказал, чтобы меня позлить. И всё равно, так это или не так — я буду так считать, пока мы оба не окажемся на свободе и в безопасности. А тогда я его спрошу, и если что... убью!

***

Разобрать унитазный бачок оказалось не так-то просто, вилка всё-таки пригодилась. Приподняв крышку двумя руками, я уважительно качнула её вверх-вниз — отличный образец холодного оружия дробящего действия. Для большей драматичности включила душ на полную и облила пол в комнате, насколько хватило шланга, до самой двери. Потом долго прикручивала его к крану, чтобы вода текла в комнату, осмотрела картину от двери — блеск! На полу вода, из приоткрытой двери туалета хлещет струя, без сантехника не обойтись.

Еле удерживая крышку бачка одной рукой, я спрятала её за спину и стала колотить в дверь ногой:

— Помогите! Охрана!

— Что такое?

Зараза, через дверь отвечает. Я заголосила ещё жалобнее:

— Откройте, пожалуйста! У меня тут потоп, мне сантехник нужен!

В замке щелкнул ключ, в проёме появилась голова одного из охранников, он окинул взглядом мои художества, присвистнул:

— Ого... сейчас позову ремонтников, подожди.

Закрыв дверь на ключ и потопал по коридору, плохо, я думала, он зайдёт... что делать? Нужно как-то убрать хотя бы второго!

— Охрана! — я опять забарабанила в дверь. — Там что-то искрит, я боюсь!

— Сейчас придёт мастер, подожди.

Твою мать! Я несколько раз громко топнула, типа пошла в ванную, потом взвизгнула и грохнула об пол унитазной крышкой. Сработало — охранник стал открывать дверь:

— Эй, ты что там, упала?

— Да! Мне больно!

Когда он заглянул в комнату, я уже подобрала своё оружие, с запасом размахнулась из-за спины и с глухим стуком приложила так удачно подставленную макушку. Охранник

рухнул на пол, тряхнул головой и с чуть расфокусированным взглядом обернулся:

— Ты дура, что ли?

Да, я точно дура, если решила, что смогу уложить здорового мужика одним ударом. Подняла крышку и жажнула ещё раз.

Приподняла его голову за подбородок, повертела — всё, в отключке. Вытащила из кобуры пистолет, сняла с пояса рацию, ощупала карманы, достала ключи и мобильник. Пойдёт.

Взяла бессознательное тело под руки, молясь, чтобы в коридор никто не зашёл, затащила в комнату и закрыла её на ключ снаружи. Сняла пистолет с предохранителя, очень осторожно спрятала руку в карман пиджака — ходить по такому месту с оружием наизготовку не лучшая идея. Тихо пошла в сторону лестницы, противоположной той, по которой ушёл второй охранник. Здесь меня почти никто не знает в лицо, если очень повезёт, может быть удастся смяться незаметно. Мимо прошли какие-то девушки, покосились на мой некогда белый костюм, но ничего не сказали, а встретив мой прямой взгляд, мигом опустили глаза.

Я спустилась на этаж ниже, попыталась открыть дверь, не смогла. Ну и ладно, мне всё равно надо ещё ниже. На следующем этаже дверь опять не открылась. И на следующем. Может, этой лестницей никто не пользуется? Не зря же охранник ушёл за ремонтником в другую сторону... ладно, ступеньки всё равно идут ещё ниже, я просто посмотрю и если что, вернусь.

На последнем пролёте кто-то ходил, человек пять или больше, говорили, ругались, чем-то грохотали. Я осторожно выглянула из-за перил — ящики носят, большие и по-видимому тяжелые. Что бы это могло быть? Из их разговора стало ясно, что они сами не в курсе, и что ящиков ещё восемь штук, подожду пока доносят, может, потом уйдут и я смогу прошмыгнуть незаметно. Я с сомнением посмотрела на пыльные ступеньки, потом махнула рукой — мой костюм не раз по полу валяли вместе со мной, поздно его жалеть, — и уселась, достав руку с пистолетом из кармана.

В двух пролётах от меня здоровые мужики таскали какой-то явно криминальный груз, где-то четырьмя этажами выше ещё двое охранников уже, наверное, подняли тревогу... пистолет подрагивал в руке — нельзя так нервничать, нельзя. Успокойся.

От грохота пульса в ушах поначалу показалось, что звук шагов мне чудится. Но буквально через секунду я вскинула голову и увидела их — двоих охранников в бронежилетах, тихо спускающихся в двух этажах от меня. Шок прокатился по нервам, уши больно резануло звуком выстрела и только опустив глаза, я поняла, что это я стреляла. Пистолет вонял и дымился в моих руках, меня слышали, меня поймают!

Ни на что уже не обращая внимания, я кинулась вниз по лестнице, толкнула одного из грузчиков, он уронил ящик и попытался схватить меня за руку. Я на ходу прострелила ему ладонь, перепрыгнула через разваливающийся короб и помчалась дальше, краем глаза отметив, что у пострадавшего ящика отскочила одна стенка и из него посыпались автоматы. Вот бы прихватить один!

Хотя, они ведь без патронов, к тому же перевозятся, скорее всего, в консервационной смазке, а я не умею их чистить, да и времени нет. Жаль.

Выбежав с лестничной площадки, ожидаемого выхода я не увидела, одни бетонные стены и одинаковые деревянные ящики, несколько грузчиков что-то складировали, двое охранников в броне и с автоматами стояли у следующей двери. Мне надо мимо них, а значит

— две пули, два трупа и я бегу в следующее помещение, слыша топот за спиной. Надеюсь, меня не посмеют стрелять. Бегущая по прямой на шпильках девушка в белом костюме — по мне только слепой промажет!

В следующей комнате стояли грузовики, в один грузили ящики. В дальнем углу серебристый джип, на котором меня сюда привезли — почему я не умею водить?! — а дальше только ворота, открытые, распахнутые во всю ширь в тёплую лунную ночь... и я почти до них добежала.

Охранников было слишком много. Когда я поняла, что курок щелкает вхолостую, меня уже схватили минимум человека три. Дальше всё размылось в каком-то тошнотворном тумане, меня били, тащили по лестнице, вязали руки, совали в рот вонючий бинт... не помню точно, но по-моему я сопротивлялась даже когда была уже без сознания.

Последним воспоминанием была взбешённая физиономия Рашида, потом я отключилась окончательно.

***

Очнулась в той комнате, откуда обычно смотрела бои — диван, стол, балкон с витыми прутьями. К этим прутьям я была привязана за руки, меня растянули как на кресте, плечи дико болели в суставах — страшно подумать, сколько я так просидела. Свет нигде не горел, похоже, сейчас день. Очень тихо. Меня оставили тут помирать от голода? Пить, кстати, очень хочется... очень. И в туалет. Но вряд ли это кого-то заинтересует, после того, что я сотворила. На что я надеялась?

Время незаметно текло мимо, похоже, я опять задремала. Разбудил меня свет и шум — арену стали готовить к бою, официанты забегали вокруг столов, кто-то проверял микрофон. В двери провернулся ключ, вошёл почерневший, как демон преисподней, Рашид, с ходу пнул меня в живот, подождал пока прокашляюсь и вlepил кулаком в челюсть. Когда я осилила поднять взгляд, его глаза горели такой жаждой убийства, что я удивилась, почему он не забил меня до смерти как только поймал. Лицо перекашивало как в припадке, губы тряслись, нос раздувался и морщился, как у бешеного пса, но единственное, что он из себя выдавил было:

— Сука... восемь человек! Восемь! Лучше б хозяин тебя убил в первый же день!

Я молчала — что я ему скажу? Восемь патронов — восемь человек. Я не рассчитывала, что мне окажут такое сопротивление. Вследующий раз найду автомат с двойным рожком.

Рашида продолжало трясти, он присел напротив, чтобы заглянуть мне прямо в лицо и прошипел:

— До завтра сидишь тут. А завтра твоего хоря здесь размолотят в фарш, а ты будешь смотреть. И мне ничего от тебя не надо, ты будешь просто смотреть, как его убивают, сука, а потом... потом я сам тобой займусь, босс дал мне карт-бланш. И ты пожалеешь, что не застрелилась вчера.

Я уже жалею.

Он встал, бросил на пол кусок хлеба и ушёл.

***

Время текло мимо, почти меня не задевая — в голове проплывали видения из неслучившегося прошлого и невозможного будущего. Сначала я раз десять убила Рашида, с творческой изобретательностью, очень забавно. Потом надоело и пошли просто какие-то мечты, калейдоскоп улыбок родных людей, красивые места... Когда врубили прожектора, я даже разозлилась — свет и вопли Рашида вырвали сознание из блаженного оффлайна, вернув в реальную дерьмовую жизнь.

Арены я не видела — меня привязали спиной к решётке балкона, но внутри комнаты ожил экран, с нарезкой с камер и строчкой ставок. Сегодня Лёшка не дерётся, так что мне по большому счёту наплевать, кто кого на этот раз отделает, но игнорировать единственное светящееся пятно в комнате сложно, буду смотреть.

Первый бой прошёл скучно, второй мало чем отличался, Рашид в своём стиле, самое вкусное — на десерт... так и получилось. В третьем бою участвовали настоящие убийцы, внизу экрана высветились цифры их статистики, пошла нарезка из старых боёв, полных крови и смерти. Бой вышел коротким и жестоким, победитель ходил по арене с трупом на плечах и выглядел так, будто добыл для своей страны олимпийское золото. Меня перекосило от отвращения — это место делает из людей моральных уродов, если Лёшку не вытащить в ближайшее время, я рискую потерять парня навсегда.

Рашид пораспинался немного о великолепии только что увиденного и пригласил всех в другой зал для продолжения банкета, свет погас, по ярусам засуетились уборщики, ко мне никто не пришёл.

Через пару часов уже изрядно засохший кусок хлеба, брошенный Рашидом мне под ноги, стал казаться не таким уж и несъедобным. Ещё через час я убедилась, что донести его до рта только с помощью ног не получится — я не гимнастка. Растёртые веревками руки нещадно саднили, вывернутые плечи болели, желудок уже не просто хотел есть, а конкретно свернулся в узел. Если Рашид обещал начать «заниматься мной» только завтра после боя, то сегодня — это так, подготовка почвы. Похоже, мне стоит поискать способ безболезненного самоубийства. До завтра у меня море времени.

***

Не знаю, сколько я проспала и спала ли вообще — в таком положении попытка расслабиться приводила к ещё большей боли в плечах и я сразу просыпалась. Но от усталости всё тело гудело и в голове бесконечно сменялись звуковые и зрительные глюки, мне чудились разговоры, казалось, что кто-то вошёл, перед глазами летали цветные привидения и пол менялся местами со стенами.

Когда я в очередной раз пришла в себя, меня трясли за плечи и били по лицу, потом я опять отрубилась. В следующий раз была светлая комната и длинная тирада на чистом русском матерном, я аж головой завертела от удивления, пытаюсь понять, кто это так расходился. Голову от движения прошило болью, в глазах потемнело, но источник фантастических загибов я рассмотреть успела — немолодая женщина в медицинском халате, что-то смешивающая спиной ко мне. Она подошла, не прекращая ругаться, стала бинтовать мои руки, что-то прикладывает к животу, холодное, я зашипела и дёрнулась, чуть приоткрыла глаза. Врач перестала ругаться и погладила меня по голове:

— Тихо, малыш, тихо. Потерпи минутку, потом станет легче. Сейчас перестанет, сейчас мы тебя умоем, намажем... потерпи.

Я сглотнула, провела языком по губам, проговорила:

— Можно мне в туалет?

— Можно конечно, проводить?

— Да, пожалуйста, — я опять открыла глаза, с трудом встала с кушетки, опираясь о плечо доброго доктора, доковыляла до двери туалета, закрылась. Глянула на себя в зеркало и чуть не разревелась — предел, такого со мной ещё никогда не было... У Рашида привычка, что ли, бить всегда слева? Я похожа на Двуликого из фильма — рассечённая бровь, опухшая скула и челюсть, полузакрытый глаз с полопавшимися сосудами, треснувшая губа... и всё это наливается фиолетовым, боже, как я Лёшке на глаза покажусь?! Задрав майку, я осмотрела живот — здесь обошлось без синяков, но болело при каждом движении. Грёбанный Рашид, чтоб тебя самого так отделали!

Кое-как успокоившись, я всё-таки использовала туалет по назначению и вернулась к доктору, она обрабатывала моё лицо, вытирала ватой слёзы, называла «малышом» и «зайкой»... и ни о чём не спрашивала. Вообще. Как будто здесь такое каждый день.

Я вспомнила то видео из библиотеки дяди Халида, ту девушку, что встретила в коридоре, посмотрела на женщину в халате... Вполне возможно, что та девушка точно так же потом лежала на этой самой кушетке, а седая не по годам врачиха зашивала ей увечья.

Если бы я могла... если когда-нибудь у меня появится возможность разделаться с хозяевами этого места... я уверена, рука не дрогнет. И совесть мучить не будет. Даже если мне придётся резать их тупой пилой, я это сделаю качественно и с удовольствием.

Врачиха меня раздела, осмотрела и ощупала всё тело, дала таблетки, спросила, что ещё болит. Душа болит, но это таблетками не поправишь, эту боль я смогу утопить только в море крови.

Я вспомнила, как Лёшка смотрел на меня на корабле, недовольный жестокими решениями... потерпит. А как тут по-другому, что делать с больными на голову людьми, которых вылечит только таблетка калибра семь шестьдесят два?

Когда я оделась, женщина в последний раз на меня посмотрела полными сочувствия глазами и позвала охрану, меня отвели в ту же комнату над ареной, привязывать не стали — бинты на запястьях их, похоже, остановили. И на том спасибо. Засохший в камень хлеб валялся на том же месте, я подобрала его и медленно по кусочку сжевала, в кровь разодрав дёсна. Попить бы теперь...

На стене загорелся экран, пошли кадры с кровавыми боями, центральный персонаж повторялся, противники менялись. Странно, мне казалось, до боёв ещё куча времени, арену даже не начали убирать, на столы не накрывают... это лично для меня, что ли, крутят? По коридору протарахтели знакомые мелкие шаги, ноги короткие у Рашида, а ходит быстро. Открыв дверь, он окинул меня взглядом, ухмыльнулся:

— Оклемалась, принцесска? — я глянула на него как на пустое место, отвернулась, он подошёл и уселся рядом на диван. — Нравится, а? Впечатляющий отморозок, двадцать три боя, все до смерти, все так изуродованы, что прям нельзя не восхититься!

Он с удовольствием причмокнул, когда вышеозначенный отморозок на экране разнёс кому-то череп ржавой деталью машины, повернулся ко мне:

— Сегодня он убьёт твоего хахала. А потом я тебя ему отдам, на неделю, мужики уже

ставки делают, на сколько тебя хватит, — он опять с нежностью уставился в монитор, восторженно поджал губы и закатил глаза. — Он с тобой такое сделает... обычно девки день на третий дохнут, он просто виртуоз!

Я смотрела в стену, из космической глубины внутри медленно поднималась волна жгучей ненависти, закипала, бурлила, казалось, что я сейчас взглядом могу испепелить... я медленно повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза, дождалась, когда с отвратительной морды сползёт ухмылка и прошептала:

— Будь ты проклят, уродец, от всей души желаю тебе сдохнуть ещё хуже, чем все те, кого ты убил, вместе взятые.

Его лицо дёрнулось в нервном тике, он как-то жалко хохотнул, поднялся и попятился к двери, не отводя взгляда, промахнулся по ручке, потом всё же нащупал и смылся.

Я встала с дивана, выключила экран, подошла к решётке балкона.

Если Рашидов отморозок убьёт Лёшку, нырну отсюда вниз головой. Хуже всё равно уже не будет.

Кипящая внутри злость улеглась в мертвый, мертвый штиль.

***

Первые два боя я смотрела с одной мыслью — быстрее бы они разобрались. Сейчас мне хотелось только чтобы всё скорее решилось и я узнала результат. Прыжок с балкона казался чем-то правильным и почти решённым, нужна была только отмашка «можно!» и я прыгну без колебаний.

Когда Лёшка вышел, я впилась в него глазами так, чтобы впитать его всего, запомнить намертво вот таким — крепким, сильным, уверенным. Чтобы прыгать вниз, представляя, что он меня уже ждёт. Он опять поклонился противнику, боже, да забудь ты о церемониях! Неужели это настолько неистребимо?

Первый удар оказался за противником, второй тоже, но от третьего Лёшка уклонился, ударил сам, сразу отошел подальше — умничка, учится на ошибках. Следующим ударом он отправил отморозка на пол, отошел, как-то странно посмотрел на Рашида... по моей спине пробежали мурашки какого-то будоражащего предчувствия, что-то будет, что-то необычное...

И в этот момент противник поднялся и кинулся на Лёху, они оба упали, противник замахнулся чем-то, мне не видно, он сидел как раз спиной ко мне... потом закричал и слетел на пол, поднялся, сжимая собственную руку, у которой внезапно образовался второй локоть... У меня всё тело онемело от внезапного осознания, что этот человек больше не сможет драться, не убьёт моего Лёшку, ничего не сделает мне! Планы Рашида рухнули, мне не надо прыгать с балкона... я разжала вцепившиеся в перила пальцы, села на пол, с обожанием рассматривая своего парня.

Рашид требовал добить калеку, зал скандировал «кил хим!», я сидела и глупо улыбалась — не дождётесь, он не такой, я знаю... и тут он сорвался с места. У меня отпала челюсть, нет-нет-нет, он не станет... но Лёха и не думал трогать поломанного отморозка, он как белка взлетел на балкон Рашида и в секунду раскидал троих охранников! Двинул коротышку по морде...

Да, это мой парень!

...и из колонок по всему залу раздалось:

— Где моя Женька?! Где?

Рашид не отключил микрофон, тормоз. Я истерически хохотала, размазывая по лицу

слёзы, я тебя обожаю-обожаю-обожаю! Мы их всех сделаем, даже если их будет армия!

По ушам ударили выстрелы, я дёрнулась, но Лёшка только руки с шеи Рашида убрал — целый, стреляли мимо. Спустился с балкона, низко поклонился и ушёл с арены с прямой спиной и высоко поднятой головой. Крики и аплодисменты не смолкали ещё минуты две, охранники увели его противника, Рашид смылся, зажимая платком нос и рот, кто-то другой пригласил почтенную публику в другой зал.

Меня не отпускала наркотическая злая эйфория, казалось, что я парю в метре от земли — он не изменился, он не стал отморозком, он по-прежнему самый-самый! И наплевать, что там дальше, всё будет хорошо, я знаю.

Я улеглась на диван, закинув ноги на спинку и с улыбкой уставилась в потолок. Через пару минут меня отвели в комнату незнакомые охранники, унитаз успели починить, воду с пола тоже вытерли. Я сняла с подушки наволочку, намочила холодной водой и соорудила компресс на опухшую половину лица — меня наполняла уверенность, что скоро я увижусь с Лёшкой, пора готовиться.

Поесть мне никто не принёс, ну да голода я уже почти не чувствовала, только слабость, но это не смертельно. Ещё раз осмотрев комнату в поисках чего-нибудь, могущего сойти за оружие, принялась выковыривать гвозди из трухлявой табуретки — они оказались длинные и толстые, настоящее холодноеоружие. Рассовав их по карманам, я сменила компресс и с чувством выполненного долга улеглась спать.

***

Часть четвёртая

Двое в пещере, или «Получай, фашист, гранату!» (часть четвёртая, взрывоопасная)

Проснулся я рано, непонятно от чего — так бывает, когда забудешь поставить будильник и организм сам решает, когда вставать, по своим внутренним часам. По ощущениям было уже часов восемь, а то и девять, ну да в этом подземелье никак не проверишь, может, сейчас вообще ночь ещё. Большинство мужиков ещё спало, Андрюха храпел, как самый счастливый и беззаботный человек в мире, аж зависть берёт — почему я так не могу?

Я всё-таки попытался лечь и опять отключиться, до обеда куча времени, а когда удастся поспать в следующий раз, ещё неизвестно. Фиг там — голова была свежая и бодрая, мозг лихорадочно конструировал варианты нашего будущего побега, почему-то только провальные, я поплотнее завернулся в одеяло и попытался заставить себя мыслить позитивно.

Через пару часов я буду бегать по коридорам от толпы вооруженных людей, не зная плана здания, расположения охраны и путей отхода, надеясь только на себя, Андрюху и госпожу Удачу, которая, как известно, благоволит дуракам. Слабое какое-то утешение...

На очередном витке моих пессимистичных мыслей заворочался на своей койке Андрей, потянулся со смачным хрустом, встал. Оскалился мне так ободряюще, как будто мы с ним сегодня на рыбалку едем, оптимист хренов. Я перевернулся на другой бок, уставился на дверной замок, думая о том, как он собирается его открыть. Надёжный замок, проще прутья решётки разогнуть, чем сломать такой. Блин, на что мы надеемся?!

Васян тем временем шумно умылся, забрызгав полкомнаты и меня, хохотнул, глядя на мою недовольную морду, полез под матрас, пошуршал, открыл и протянул мне через прутья банку консервов:

— На, заправься.

Я выпучил глаза:

— Откуда?

— От доброго дяди Андрея, который умеет думать головой и специально не жрал несколько дней, чтобы не рвать когти на голодный желудок, — он косо улыбнулся на мой виновато-ошарашенный взгляд, махнул рукой, — лопай давай, потом сочтёмся. Если всёйдёт хорошо, накормишь меня в самом крутом кабаке, а если плохо — вся эта фигня не будет уже иметь значения.

И тут он прав. Япожал плечами и принялся есть, в очередной раз клянясь себе, что глотаю это дерьмо в последний раз в жизни. Через время стали просыпаться остальные бойцы, мы с Андрюхой непалевно заныкали пустые банки под кровати и отдыхали, прислушиваясь к движениям охраны в конце коридора.

Чтобы не маяться от безделья, я опять скатал матрас в макивару и принялся мягко молотить, представляя на его месте рожу Рашида... интересно, я ему что-нибудь сломал? Было бы неплохо.

Задумавшись, незаметно перешёл на привычную силу ударов. Дурень, сам же обещал

себе не уставать и не тратить зря силы... сел. В соседней клетке невозмутимо ковырял в зубах ногтем Андрюха — гад, ухмыляется сидит... я тоже лёг и изобразил невозмутимость.

Время, похоже, подошло к обеду — сосед мне подмигнул и я тоже обернулся ко входу, свет мелькнул, шаги, разговоры — охрана пошла есть. Время.

Сценарий мы разработали ещё ночью, но я всё равно дёрнулся, когда в решётку в полуметре от меня грохнула двухпудовая гиря. Конечно, между прутьями она не пролезла, чуть помяла арматуру, отлетела и упала с той стороны, но на шумела неслабо. Я вскочил с перекошенной рожой, глядя на Андрюху, который с нахальной ухмылкой подбрасывал одной рукой вторую такую же.

— Какого хрена ты творишь?

— Я упустил, — по его наглой роже было всё понятно, яснее некуда, но он ещё и руками развёл, — случайно.

И в очередной раз поймав гирю, швырнул её в ту же сторону.

Я заорал и схватил что-то из своего железа, маленькое, чтобы поместилось между перекладинами, прицельно метнул чуть левее Андрюхиных ног. Гантель покатила по полу, васян подхватил её и кинулся грудью на решётку, чуть-чуть не поймав меня за плечо, я успел отскочить, его рука вхолостую мазнула по груди. Он заорал и швырнул мне вдогонку мою гантельку, я еле увернуться успел, одарил его зверским взглядом: «ты дурак, что ли?».

Он на секунду с извиняющимся видом поджал губы: «упс...».

Народ в клетках уже орал, кто-то давал советы, кто-то прыгал и колотил по решётке. Круглосуточная скука сильно снижает планку допустимых развлечений, о, да... с задачей наделать шума мы справились на отлично.

Андрюха кивнул мне куда-то за спину, я обернулся, ухмыльнулся. Перепуганные рожи охранников выглядывали из-за угла, они что-то обсуждали между собой, пожимали плечами. Наконец, до чего-то договорились и осторожно двинулись по коридору, держась центра и оглядываясь на беснующихся в клетках здоровяков. Мужики бросались на решётки, тянули руки между перекладинами, кто-то с рёвом швырнул между прутьями крупный блин от гантели, попал охраннику в колено, он упал. Ржач, свист и вопли поднялись ещё сильнее, второй охранник подхватил первого под руку и матерясь, поволок обратно за угол.

Я улыбался во всю рожу, бойцы сходили с ума, Андрюха ревел как тарзан и колотил себя в грудь. Потом подошёл, подмигнул мне:

— Ну что, погнали?

— Ага. Только ты так и не рассказал, как собираешься открыть двери.

Он ухмыльнулся так гадостно, что я сразу заподозрил неладное, васянмахнул рукой в угол у дверей камеры:

— Давай сюда. Упирайся спиной в стену, — я упёрся, почувствовал, как к лопаткам прижимается его потная спина, поморщился, оглянулся на него:

— И?

— Теперь хватаешь руками пятый от себя прут, а в шестой упираешься ногой.

До меня стало доходить, я с охреневшей рожой обернулся к Андрею, собираясь сказать ему что-нибудь очень неприятное, но почувствовал, как прутья между нашими спинами стали выпирать в мою сторону и заткнулся. Да что я, не согну эту несчастную арматуру, что ли? На ржавом корабле вон разогнул ту, которой люк закрывался, и ничего. Правда, она тоньше была раза в полтора... или в два. Васян за спиной дышал как паровоз, его спина выгибала решётку, продавливая на моих лопатках борозды от прутьев, я напрягся...

— Лёх, блин, ты хотя бы спину крепко удержи, я свои разогну, потом если чё помогу.

Да пошел ты, разогнался!

Я от злости рванул арматуру так, что ключицы затрещали, в глазах постепенно темнело, гул в голове перекрыл ор вокруг... Как раз в тот момент, когда я решил, что глаза сейчас лопнут нафиг, прут упёрся в стоящий рядом, больно прижав пальцы. Я опустил руки, проморгался, ощупал прутья, прикидывая, пролезу или нет.

Всё качалось, в висках стучало, я перешагнул горизонтальную перекладину и стал протискиваться. Андрюха уже стоял с той стороны, грудь ободрана в хлам, но рожа довольная, схватился, стал отжимать перекладину с одной стороны, я наконец пролез, упёрся руками в колени, выдохнул:

— Погнали?

— Ага.

Пробегая мимо последних клеток в ряду, я заметил, что несколько человек тоже пытаются разогнуть прутья, ухмыльнулся — хренушки, это надо действительно вдвоём делать, а таким здоровым лосям, как мы с васяном, обычно договориться сложно.

Мы рванули в ту сторону, куда нас обычно вели драться, никто нам по дороге не попался, слава богу, я не знаю, как бы я сейчас отбивался — всё качается, грудь и лопатки ватные, в руках координации никакой. Перед последним поворотом остановились отдышаться, переглянулись, улыбнулись, кивнули друг другу и двинулись по коридору в медпункт. Дверь открыта, мы быстро закрыли её за собой и осмотрелись, я обернуться не успел, как у меня на шее повисло что-то цепкое и очень счастливое, у неё над плечом я видел, как Андрюха обнимает симпатичную пышную блондинку, как её отодвигает доктор Вика, наскоро мажет чем-то Андрюхину грудь и спину, смотрит на меня:

— У тебя такое же? Давай сюда.

Я с трудом отодвинул от себя Женьку, попытался заглянуть в лицо, но она отвернулась, прячась за волосами, внутри всё сжалось — я вспомнил, как Вика ревела у меня на груди: «девочка новенькая, лицо разбито»... Взял Женьку за подбородок и убрал с лица волосы, зубы сжались, в голове барабаном забились мысли — по кирпичу раскидаю эту богадельню к едрёным демонам, всех уродов нафиг перебью, всех и каждого!

Андрюха зашипел что-то сквозь зубы, Женька отодвинулась и опять спряталась за волосами. Вика намазала мне грудь и спину, взяла в каждую руку по наполненному шприцу, зажмурилась, вдохнула-выдохнула:

— Я зову.

Толкнула бедром дверь, высунулась в коридор:

— Охрана! Забирайте девочек.

Опять спряталась в комнату, её перепуганные глаза метались от меня к Андрюхе, но когда по коридору затопали, она уставилась надверь. Первого, кто сунулся, Андрюха схватил за ворот, втопнул внутрь и крепко скрутил, Вика воткнула ему в ногу шприц и мужик почти сразу обмяк. Второго я чисто рефлекторно двинул кулаком в зубы, потом тоже втопнул в комнату и предоставил Вике. В четыре руки мы их очень быстро раздели, я кайфанул от того, что на ногах наконец-то ботинки, а на заднице штаны. Андрюха повозмушался, что охранники пошли какие-то хилые, с трудом натянул на себя чужую футболку, поморщился, рванул горловину сзади почти до пояса, прикрыл камуфляжной курткой. Я подумал и сделал то же самое — шея у меня в общем-то влезла, но в груди давило.

Ещё один обмен многозначительными взглядами, кивки, пошши.

Андрюха с рукой на кобуре, слева Вика, за ними Ханна и Женька, я сзади, нервно глажу пистолет, весь превратившись в слух и обливаясь потом. Слышу, как Андрюха тихо спрашивает у Вики, куда дальше, она шепотом объясняет.

Поворот, ещё один, вверх по лестнице — здесь я никогда не был, интерьер вокруг резко превратился из галимого пост-совка в шик-модерн. Всё блестит, аж глаза режет, мне после недели в подвале окружающая роскошь казалась просто тошнотворной. Колонны, арки, зеркало во всю стену... а когда я в нём себя увидел, чуть не пальнул с перепугу — стрёмный тощий мужик в камуфле, рожа небритая и сильно битая, глаза как у маньяка. Хорошо, что мы быстро прошли этот зал. Вика указала на один из проходов, когда мы вошли, я не сразу узнал второй этаж сетки — столики, экраны, людей только нет, рано ещё. Мы прошли через половину зала, когда за спиной громко хлопнула дверь. Я увидел, как вздрогнул Андрюха, но не обернулся, только медленно потянул из кобуры пистолет... понял, что покрыт холодным потом весь, медленно выдохнул, стараясь не дернуться...

— Смотри, здесь надо вот эти сдвинуть, а этот убрать... эй, вы что здесь делаете?

— Обход! — крикнул Андрюха, я поморщился — зря он это сказал. Какой обход с тремя женщинами?

— Какой на хрен обход? Вы что, с бабами сюда припёрлись развлекаться?!

Я наконец решился обернуться, с виноватым видом пожал плечами:

— Ну некуда больше...

И увидел, с кем разговаривал обладатель незнакомого голоса — грёбаный недобитый Рашид меня сразу узнал, попытался что-то прохрипеть, тыкая пальцем. Второй мужик дико заорал «охрана!», из проёма с другой стороны галереи ломанулись мужики с автоматами, Андрюха сходу схватил двоих, но было ясно, что это только начало.

В голове как будто что-то рвануло, я вспомнил как в первый день ковырял пальцем потолок над сеткой, думая, что вполне смогу пробить его одним ударом... выстрелил в пол под ногами, потом со всей перепуганной дури долбанул кулаком. Доска хрустнула, я вырвал её и сразу же врезал ногой по следующей — дыра получилась достаточная, чтобы пролезли мы все, но застрял Рашид. Впрочем, вряд ли он туда полезет.

Я поймал взгляд Андрюхи, бешено вращающего глазами и выцеливающего обе двери по очереди, указал вниз, получил в ответ кивок и сиганул. Обернулся поймать девок, подождал васяна, мы рванули на выход и я наконец спросил:

— Ну и куда теперь?

— Отсюда только вниз, — он вытер лоб от пота, виновато скривился, — попали мы, вася.

— Внизу есть выход на гараж, — дернула меня за рукав Женька. — Я уже пыталась так убежать, там грузовики, ящики и джип. Только охраны много.

Я попытался представить её побег туда, где грузовики, ящики и охрана, чуть не разорался, готовый убить её сам за то, что она так рисковала. Вика переглянулась со мной и Андрюхой, пожалала плечами:

— Выбора всё равно нет.

Мы прежним порядком побежали на выход, наверху орал и требовали прислать ещё охранников. Выбежав из сетки, я закрыл гаражную дверь на засов, вряд ли это что-то решит, но вдруг.

Теперь вела Женя, пару раз мы слышали через закрытые двери звуки большого шухера, старались идти тише. Попавшихся на пути двоих охранников мы с васяном очень тихо

сложили у стеночки, забрали оружие, пошли быстрее. Незнакомые коридоры вывели к очень пыльной лестнице, Женька выглянула в пролёт и прошептала:

— В тот раз здесь носили большие ящики с автоматами, в помещение справа. Оттуда дверь в гараж, потом на улицу, — она потёрла синяк на щеке, — там меня поймали в прошлый раз.

Во мне опять поднялась волна ярости, Андрюха скорчил зверскую морду:

— Теперь мы их ловить будем... Ждите здесь, мы сходим глянем, всё почистим, потом вернёмся за вами. Не высовывайтесь, — он взял за плечо Ханну, — стой тут, стоп, поняла? Окей?

Она закивала, Женя нахмурилась, глядя на второй пистолет, торчащий у меня за поясом:

— Я тоже умею стрелять!

— Молодец, — Андрюха фыркнул на неё, толкнул меня плечом, — пошли.

Я вздохнул и отдал Женьке ствол, проникновенно заглянул в глаза:

— На крайний случай, — за моей спиной фыркнул Андрюха, я начал спускаться по ступенькам, еле слышно прошептал ему, — она перестреляла больше скотов, чем я, — ухмыльнулся на его недоверчивую физиономию, — выберемся, расскажу.

Мы медленно спустились и выглянули в комнату, два охранника у следующей двери и больше никого, штабели ящиков, клубы сигаретного дыма. Поднимать или не поднимать шум? Один из охранников что-то нам крикнул, я глянул на Андрюху, вопросительно указал на пистолет. Он качнул головой, уставился в потолок. Потом с независимым видом спрятал оружие и пошел прямо к стоящим в проходе мужикам. Я шел рядом с каменной мордой, стараясь не выдать, как сильно меня мандражит. Охранник что-то спросил не по-русски, васян кивнул ему и рванулся вперёд с тихим «давай!».

У меня как будто включился турборежим — в груди гудело пламя, я видел и замечал вокруг каждую мелочь, голова была холодная и пустая, но работала на рефлексах, как часики. Я нёсся на своего противника, медленно снимающего с плеча автомат, краем глаза следил за Андрюхой, который схватил своего за горло и наносил уже второй удар коленом по ребрам. В следующую секунду я бил своего противника — сначала выбить из рук автомат, потом дать ногой в грудак, сбивая дыхалку, потом выключить прямым в голову.

Локоть уходил назад для финального удара, мозг просчитывал скорость и силу, чтобы устроить противнику обморок, но не устроить черепно-мозговую... когда, краем глаза зацепив схватку Андрюхи, я вдруг осознал, что передо мной не противник, а враг. И ничего я ему не должен. Абсолютно. Я должен Андрюхе, Женьке, Вике, родителям, шести десяткам учеников, но никак не охраннику подпольного борделя. И в эту секунду я как-то очень чётко решил, что никого больше не пожалею, бить, значит бить, насмерть, так насмерть. У меня за спиной три женщины, а враги многочисленны и хорошо организованны, уж не мне им фору давать.

Время рванулось, в следующий миг я стягивал с трупа автомат, васян своего уже обшмонал, лыбится:

— Ну наконец-то ты включился, я уж бояться начал.

Я хмыкнул и промолчал, выглянул за дверь — пусто, тихо, ящики, машины... и закрытые ворота. Я только шагнул проверить, насколько надёжно они заперты, когда меня схватил за плечо Андрей, дёрнул назад, указал пальцем куда-то под потолок. Я поднял глаза, прищурился, понял... камеры, выйдем — засекут, Рашид уже стопудово всех на уши поставил.

— Что делать будем?

Я не успел ответить — с лестницы грохнули выстрелы и мы оба понеслись туда, сверху бегут Вика с Ханной, Женька палит по кому-то наверху. С верхней площадки пару раз стрельнули в никуда, донёлся голос Рашида:

— Вам всё равно не уйти, ворота закрыты, сдавайтесь и вам ничего не будет!

Я переглянулся с остальными, всё ясно — никто не верит, что нам это спустят. Значит — до конца и будь, что будет.

Лестница вниз была ещё более пыльной, васян кивнул мне на неё, подтолкнул Вику первой, сам высунулся и дал короткую очередь по верхней площадке. Мы побежали вниз, здесь было ещё страшнее, чем на этаже с клетками, стены из какого-то пористого камня, тусклый свет, затхлый влажный воздух. Впереди раздались выстрелы, я обогнал девчонок, Женья уже опускала пистолет, три выстрела — три трупа. Я погрозил ей пальцем и задвинул за спину, пошёл между штабелями ящиков, схватил с подвернувшегося трупа автомат, вручил просиявшей Женьке, оглянулся на лестницу. Андрюха уже бежал за нами, я кивнул на ближайший проход:

— Ты тут был?

— Я был с другой стороны, — он завертел головой, чертыхнулся. — Их на лестнице человек десять, я одного ранил, они подтягивают ещё людей. Всех поднимают...

В его глазах светилась одержимость обречённого, способного провисеть над пропастью сутки на одной руке, но неспособного подтянуться и выбраться. Я понял, что дальше дороги никто не знает, а значит — нет никакой разницы, куда идти. Уставился в пол, пошёл по протоптанной в пыли грязной тропинке, за мной побежали остальные. Зал кончился, проход в следующую комнату был похож не на дверь, а на проломленную в стене дыру, но за ним горел свет и я побежал туда.

Узкий коридор с ящиками, очередное большое помещение, пятеро охранников, которых мы с Женькой поснимали наперегонки, за спиной что-то грохнуло — похоже, Андрюха затрудняет путь нашим преследователям. Я не оглядываясь нёсся дальше, за спиной сопела Женья, тихо материлась Вика, хныкала Ханна. Очередное помещение было уже пустым, несколько выходящих из него коридоров почти не освещались, на одном была очень толстая железная дверь. Я радостно бросился к ней, открыл, обнаружил петли для замка с той стороны и быстро загнал внутрь девчонок. Андрюха нагнал нас через секунду, мы вдвоём с трудом и диким скрипом закрыли дверь, привалились к ней спиной, переглянулись. По его лицу тёк пот, он указал глазами вниз:

— Васян, затяни, а?

Я попытался рассмотреть в полумраке от мигающей лампы, что он от меня хочет, наклонился... понял, что Андрей пережал ремнём от автомата ногу под коленом, а ниже по штанине течёт тёмное, из сквозной дыры. Хорошо, что хоть сквозная, и на том спасибо.

Я присел, крепко затянул ремень, оторвал у себя полрукава, попытался примотать к ране. Уверенные жилистые руки отпихнули меня, забрали тряпку, Вика достала из нагрудного кармана скальпель, сняла зубами колпачок, срезала штанину. Я отвел глаза, посмотрел на его лицо. Андрюха ухмыльнулся:

— Только давай без глупых вопросов, ладно? Всё нормально, я твой леденец сгрыз.

— Его рассасывают, балда! — Вика хлопнула его по здоровому колену, продолжила бинтовать.

Я нерешительно посмотрел на Андрюху:

— Может, сдать?

— Не вздумай, — Женька невозмутимо смотрела на рану, подняла глаза. — Нас всё равно убьют. Рашид планировал, чтоб тебя убил тот патлатый. А после тебя — меня.

— Всё в порядке, — васян потоптался на прострелянной ноге, кивнул. — Я ещё побегаю. Куда?

— Да хоть куда, — я отвалился от двери, вытащил обойму из пистолета, бросил Женьке. Патрон из патронника поймал, сунул в карман — потом отдам, их у нас немного. Быстро разобрал, роняя запчасти на землю, вставил трубку дула в петлю для замка. Открывайте теперь, ага. Ещё раз посмотрев под ноги, побежал по самой затоптанной дорожке, отметил, что пол пошёл под углом вниз, да и стены из шлакоблочных превратились в откровенно топором тёсанные прямо в ракушечнике. Что это за катакомбы? Коридор сузился, те огромные ящики тут точно не пролезут, похоже, мы нашли какой-то тайный ход... хорошо бы наружу, а не в другой такой же притон. Тусклые лампы под потолком стали реже, потом на очередном повороте пропали совсем, я пошёл на ощупь, переложив автомат в левую руку. Сказал Женьке держаться за мой пояс, продвижение замедлилось — да, хорошенький выходит побег.

Мы топали молча, я слышал, как дышит за спиной вся компания, как спотыкается Андрюха — ой не так ему хорошо, как он хочет нас убедить... Коридор несколько раз поворачивал, я выбирал всегда самый правый, чисто на авось, дуракам везёт. Погони вроде бы не было. На самом деле я знал, конечно, что она есть, но не слышать её было хорошо. Вика несколько раз останавливалась подлатать Андрюху, блин, как же хреново получилось!

Он в очередной раз заверил всех, что может идти, все в очередной раз сделали вид, что верят. Из нас всех только я могу его поднять, да и то далеко не унесу. Что делать, что, что, что?!

В конце коридора вроде бы посветлело, я прибавил шаг, чуть не завопил от радости — на меня смотрело море! Сколько же мы прошли? Или сколько я проехал в серебристом джипе без сознания, лучше спросить? Да какая разница — мы на свободе! Накатившая эйфория подувала, когда я рассмотрел, что море облизывает не золотистый пляж, а каменный откос, затейливо спрятанный в узкой бухте. С моря эту дыру точно не видно, с воздуха, скорее всего, тоже — мало ли щелей в прибрежных скалах? По берегу не пройдёшь — нужно быть минимум горным козлом, чтобы не сорваться.

Я злобно грыз губу, в который раз обшаривая взглядом всё вокруг, ну зачем-то же ты меня сюда вывела, а, госпожа Удача?! Чем мне поможет этот грёбанный аппендикс моря?

— Смотрите, тут лодка!

Я обернулся, Женька, перекинув автомат за спину, тянула из кустов... м-да, лодкой она это опрометчиво окрестила. Корытце. Тазик о двух вёслах.

Нет, в принципе, я бы на такой за сетями сплавал, учитывая, что сам по себе плаваю аки лев морской. Но вот Женьку в такое убожество садить не стал бы, это точно.

На всякий случай отступив на два шага от лодочки (вдруг наступлю), я критически окинул её взглядом:

— А больше там ничего нет?

— Слазь и посмотри, — огрызнулась Женя, я пожал плечами и слазил. Нашёл пару вёсел, цепь с кирпичом и фонарик. Повздыхал. Вылез.

— Ну что, возвращаемся? — попытка пошутить провалилась, я замер, подняв указательный палец и вслушиваясь в шум моря и ветра. Все повернулись ко мне, сидящая на

земле Вика, колупающая пальцем борт лодки Женька, привалившийся к скале всян... и мы все это услышали. По нашим следам шли, не скрываясь, шумно и уверенно. Потому что они знали, что другого пути нет.

Все как один обернулись к лодке, все прикидывали и считали... и судя по взглядам, у всех получилось одно и то же.

— Максимум трое, — Вика спрятала мини-аптечку, ругнулась, выдохнула. — Залазьте, Ханна, Женя и ты, Лёш. Мы с Драконом всё равно не жильцы, а вы молодые, у вас получится. Если повезёт, вытащите нас потом.

— Я так не думаю, — я кивнул Ханне на лодку, — залезай!

Она забралась, забилась в самый нос, глядя на Андрюху перепуганными глазами. Я подошёл к нему, изобразил скорбную мину, тихо сказал:

— Васян, ты меня, наверное, никогда не простишь...

Чуть наклонился, чуть присел, глубоко вздохнул... и зарядил свой самый лучший в жизни апперкотище. Со всем уважением подпёр падающее тело плечом, вытащил из-за его пояса пистолет — им и одного вполне хватит, а я свой один Женьке отдал, один на замок пожертвовал. Отбуксировал Андрюху в лодку и аккуратно свалил по центру. Обернулся к Вике:

— Сама полезешь, или как его уложить?

— Ты! Ты какого, — она задыхалась от негодования, я поморщился, поднял ладонь:

— Тихо! Поздно уже, тут только мы с Женькой умеем стрелять, а ты нужна им, — я кивнул на лодку, в которой Ханна укладывала поудобнее бесчувственное Андрюхино тело. — И ещё я попрошу тебя нас спрятать, так, чтоб не видно было.

В наступившей тишине топот из тоннеля стал отчётливо слышен, Вика скривилась и выдохнула:

— Куда вас?

Женька кивнула:

— Вот тут если камни разгрести, неплохая щель. А сверху можно присыпать потом, под кустами будет невидно.

— Давай.

Я с готовностью прыгнул разгрести, Женя глянула на солнце, что-то прикинула, стала наставлять Вику, куда плыть и что делать потом. Я обливался потом, разгребая камни как заправский пёс, через минуту мы с Женькой уже сворачивались в три погибели, укладываясь в окоп, Вика художественно расставляла выдранные с корнем кусты и «делала как было».

Не знаю, что там у неё вышло, мне было жарко и душно и вообще не до того. Я превратился в слух, который с каждой секундой различал всё четче опасные чужие шаги.

Когда лодка проскрипела по камням и по воде захлюпали весла, мне казалось, что преследователи топчутся прямо по мне. Обманчивое время заворачивалось петлями, рядом сопела Женька, грудь давил автомат, палец подрагивал на курке... когда толпа вооруженных людей высыпала на каменный пятак, я уже не мог сказать, сон это или бред.

Они шумели, говорили, буцали камни, искали лодку, ходили чуть ли не по голове... С меня текло ручьями, нос чесался, автомат продавливал в ребрах свой отпечаток. Женя сидела тихая, как мышка, я даже боялся, что она потеряла сознание от духоты. Очень удивился, когда она толкнула меня и прошептала:

— Выглянем?

Я что, правда отключился? В голове тонко пицало на одной ноте, губы прилипли к

зубам, я провёл по ним языком и прошептал:

— Они ушли?

— Да. Долго спорили, сошлись на том, что мы всё равно далеко не уплывём, лодка дырявая и слабая, ею уже давно никто не занимался... Лёш, а вдруг, она правда утонет?

Я крепко зажмурился и прикусил щеку, сильно, аж солёным по языку дало, глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Сказал своим самым спокойным и добрым голосом:

— Жень, вот какое на данный момент лично для тебя это имеет значение? Чем ты можешь им помочь?

— Это имеет значение для нас обоих, — рыкнула она. — Если они доберутся до телефона, то нам с тобой нужно только продержаться до прихода спецназа, а если они... не доплыли, то никто за нами не придёт. И рассчитывать мы можем только на себя.

Она дёрнулась, освобождая присыпанные камнем руки, стала отряхивать голову, поправлять одежду. Я мысленно обозвал себя идиотом, тоже начал выбираться. Прищурился на небо, присвистнул:

— Сколько мы просидели?

— Много, — она осматривала автомат, старательно отворачиваясь от меня. — Скоро станет темно и холодно.

— Значит, нужно линять отсюда, — я ещё раз осмотрел скалы вокруг, опять пришёл к выводу, что далеко по ним не уйду. — Ты знаешь, где мы?

— К северу от города, к северо-западу, — она села на землю, стала по очереди снимать туфли и вытряхивать из них камешки. Я смерил белый каблук офигевшим взглядом:

— Ты в них всё время была?

— Да, я в них в аэропорт ехала, забыл? — она подняла на меня глаза, на миг улыбнулась и опять вернулась к туфлям.

— Как ты ноги не переломала в них? — я сел рядом, дёрнулся положить ладонь на её плечо, но не решился.

— Они удобные, — она опять кривовато улыбнулась, повернулась к дыре, из которой мы выползли. — Куда пойдём?

— У нас небольшой выбор, — я развёл руками, очерчивая море и камни. — Если за нами придут, то наша задача только дожидаться. Как думаешь, сколь времени у них займёт добраться?

Женя пожалала плечами, почесала шею:

— С Викой на вёслах они до ночи добираться будут, а там как повезёт — может, Дракон очнётся, может, их вообще кто-то подберёт и доставит, куда надо. А как только она позвонит следователю, бойцы будут тут через пять минут. В прошлый раз вообще оперативно сработали, я трубку только положила — они уже ворота выносили.

— В какой прошлый раз? — у меня в груди похолодело. — Тебя что, уже похищали?

Она качнула головой, хмыкнула:

— Нет, это со мной впервые... я просто тут на днях украла у большого дяди мобильник и позвонила Энверу в контору, это наш следователь, — она как-то невесело улыбнулась, без нужды поправила волосы. — Очень быстро во двор набилась толпа крупных мальчиков с собачками, стала вязать охрану и всячески обижать Рашида, я из окна видела.

По спине потянуло неприятным холодом. Судя по тому, что она всё ещё здесь — ничего у крупных мальчиков не вышло. Я молчал, ожидая продолжения, Женька смотрела в землю, потом судорожно вздохнула и разревелась. Я прижал её к себе, беззвучно матерясь, неужели

нельзя было дорассказать, а потом поплакать? Она пару минут посидела, плотно прижавшись ко мне, потом сама отодвинулась и стала рукавами вытирать лицо.

— В общем, ничего в тот раз не вышло. Прилетел вертолёт, из него вышел волшебник и разогнал всех.

Она что, бредит? Я наклонился, чтобы заглянуть ей в лицо:

— Какой волшебник?

— Ой, Лёш! Ну «прилетит вдруг волшебник, в голубом вертолёте»...

— Ага, и бесплатно раздаст звездулей, я понял, — я встал, протянул ей руку, — пошли, поищем закуток какой-нибудь, подождём твоих мальчиков с собаками... Всё равно надо где-то до утра кантоваться. А если их утром не будет, пойдём и сами всем звездулей раздадим. Бесплатных.

Она вроде бы наконец-то успокоилась, взяла мою руку, встала. Я осмотрел напоследок берег, с сомнением заглянул в тёмный провал пещеры:

— А где фонарик, который..?

— Я Вике отдала, им же надо чем-то сигналить.

— Да, надо... хреново.

Солнце скоро сядет, я стал на ощупь пробираться по стеночке, пытаюсь вспомнить, не проходили ли мы мимо каких-нибудь удобных мест, или складов еды, или хоть воды. Еда — хрен с ней, а вот от жажды горло уже шершавое, если мы не найдём воду, на утро я буду не в состоянии нормально драться.

На очередном шаге рука провалилась в неизвестность, темень вокруг уже стояла почти абсолютная, так что я мог полагаться только на слух и руки. Внимательно ощупав край дыры, убедился, что это всё-таки проход, сказал Женьке ждать здесь, шагнул по стенке вправо, вода свободной левой рукой насколько мог достать. Комнатка оказалась маленькая, шагов пять в длину и три в ширину, вдоль длинной стены стояли небольшие деревянные ящики, какие-то свёртки, замотанные тканью и полиэтиленом, шуршащие под рукой.

— Жень, заходи, — я взял её за руку, провёл к ящикам и усадил, чмокнул куда-то в плечо. — Сиди тут, я прогуляюсь дальше, посмотрю. Если вдруг что — кричи. Ну или стреляй, я услышу.

— Хорошо.

Я пополз прежним манером дальше по коридору, нашёл комнату побольше, обползал вдоль и поперёк. Наткнулся в одном месте на кучу пустых пластиковых бутылок, взял одну на всякий случай, попытался запихнуть в карман. Там что-то зазвенело, я замер, офигевший от того, что не додумался проверить карманы раньше, стал рыться, на ощупь узнавая вещи — ключи, брелок с открывашкой для пива, сигареты, зажигалка, что-то в бумаге, платок, мобильник, свёрнутые наушники. Во внутреннем кармане куртки обнаружился презерватив, я усмехнулся, сунул обратно. Достал самую бесценную находку, разблокировал, убедился что связи нет и выключил. Чиркнул зажигалкой, сощурился с непривычки, осмотрелся. Чуть не завопил от радости — в одной из разбросанных бутылок переливалась жидкость! Открыл, поморщился — из горла шибануло плесневелым хлебом, то ли прокисший квас, то ли плохое пиво. Пока пить не буду, но с собой возьму, вдруг, больше ничего не найду.

Газа в зажигалке оставалось меньше половины, я быстро пошуршал по комнате и потушил — экономнее надо с таким сокровищем. Пополз назад к Женьке, показал свои находки.

— Надо было Дракона попросить, чтоб тоже карманы проверил, — вздохнула она, я

поморщился.

— У него имя есть.

— Вася?

— Андрей.

— А почему ты звал его Вася?

— Это, хм... сложно объяснить. Так проще.

Она хохотнула в темноте, я поёрзал на ящиках, помолчал.

— Тебе не холодно? Могу отдать куртку.

— Нет, я тоже с рукавами.

Тишина опять повисла где-то в темени между нами, вязкая и влажная, заставляющая плечи передёргиваться от мурашек. Блин, я столько хочу ей сказать! И о стольком спросить. Как она провела все эти дни, что с ней было, о чём она думала... и какой вопрос ни формируется в моей голове, сразу же появляется куча причин прикусить язык. Где она была — да в плену, ясный перец, и пришлось ей там несладко. А виноват кто? Да, один тупой самовлюблённый я. Потому что не надо было нарываться в подворотне, не надо было выделываться после супермаркета, не надо было шухарить на «Чайке», да кучу всего не надо было! Жила-была красивая умная девочка, с богатым папой и хорошими перспективами в будущем, без всяких проблем... и вот однажды пошла в магазин со мной.

Перед глазами всплыло из памяти её разукрашенное лицо, видно, что синяки уже не напухшие, успело сойти. Какой гад посмел? Меня подмывало спросить, но я снова и снова сжимал челюсти — молчи, придурок, а вдруг её не только били? А что, если с ней сделали что-то ужасное и держится она на остатках силы воли и спортивной злости? И если я начну расспрашивать, она опять будет это переживать и ей будет плохо? Чёрт, у нас не то положение, чтобы распускать сопли, я готов слушать и утешать часами, но не прямо сейчас!

«Как ты себя чувствуешь?» я почти спросил. А потом подумал, что она спросит то же самое. И что соврать не получится, она видела мои руки и разбитую морду, она не дура. А я совсем не хочу рассказывать, чем занимался всю последнюю неделю. Гордиться там нечем, а жалость я ненавижу.

Пока сидел в засаде и шёл по катакомбам, думал — как только присяду, мигом усну. А сейчас сижу прямой и звонкий как стёклышко, сглатываю вопросы и жду, что она сама начнёт.

Через пару вечностей стало ясно, что никто ничего не начнёт, так и просидим молча до утра. Я расслабил шею и откинулся на стену, просто кайфуя от того, что я знаю, где она сейчас и что с ней всё более или менее нормально.

— Лёш...

— А?

— Расскажи что-нибудь, — она помолчала, почти шёпотом добавила, — мне страшно.

Я поднялся, сел к ней, обнял, обернул лапами своей куртки, выдохнул в волосы, попытался вспомнить что-нибудь никаким боком не относящееся к нашему хреновому положению и начал.

— Жили-были два дебила. А два дебила — это, как известно, сила, тем более, на руси. Я тебя со вторым дебилем познакомлю, кстати, он живёт рядом с общагой, в пяти минутах. Ну так вот, было дебилам лет по шесть и решили они халабуду строить...

Хватило моего ораторского таланта минут на пять, история закончилась пожаром и большой дракой, но я умудрился ввернуть пару безобидных шуток и сгладить ситуацию.

После слова «конец» она молча улыбалась, я чувствовал щекой. Потом потёрлась лицом о мою шею и прошептала:

— Лёш, я... так рада, что ты рядом, — коснулась губами моей шеи, пустив по коже волну мурашек, прижалась крепче. — Ты... когда мы вместе, я начинаю верить, что всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, — с максимальной твёрдостью сказал я, взял за плечи, упёрся лбом в её макушку. — Мы перебьём всех гадов и выберемся, я тебе обещаю. Ты мне веришь?

Она молчала. Было такое ощущение, что я балансирую на острие иглы в сотне метров над землёй и от малейшего дуновения ветра игла качается... и нет дороги назад, некуда идти вперёд, отсюда только падать или взлетать... а она молчит, всё больше расшатывая иглу, на которой я стою одной ногой, второй щупая бездну...

— Лёш, я видела твои бои.

...и моя хрупкая опора с треском начинает крениться. Грудь сдавливает ледяным ужасом высоты, я понимаю, что выхода нет...

— После того, как ты взлетел на балкон и выбил зубы Рашиду, что бы ты ни сказал — я тебе поверю.

...и за моей спиной хлопают крылья. И я понимаю, что никогда не упаду, пока держу её в руках.

А она улыбается и даже не догадывается, что я только что пережил. Я на миллиметр не сдвинулся даже, сижу молчу, излучаю спокойствие, играю под васяна. Женька завозилась в моих руках, повернулась лицом:

— Прикинь, за несколько дней до этого он пришёл ко мне, хотел взять номера наших знакомых в городе... а я дала ему номер дантиста и сказала, что он ему скоро пригодится! Он жутко разозлился. Я прямо пророком себя чувствую.

Я усмехнулся, дёрнув губой от злости — он разозлился и что? Откуда у неё синяки? Если б я только мог, я бы затрамбовал её себе под рёбра и ходил всю жизнь в бронеке, лишь бы знать, что ей тепло и никакая тварь до неё не доберётся. Потому что к моим рёбрам прилагается комплект из кулаков, а они, как я недавно успел убедиться, прекрасное средство от чужой неадекватности.

Сел поудобнее, обхватил её насколько хватило рук, уткнулся лицом в волосы, чувствуя её пальцы на своей груди... понял, что дико-бешено-до боли её хочу, сейчас, срочно. Попытался абстрагироваться и думать о возвышенном, закон Ома, площадь трапеции, формулы сокращённого умножения... не отпускало.

Она с усилием отодвинулась, поправила одежду.

— Лёш, может, поспишь? Я встала после обеда, ещё долго спать не захочу, а ты ложись, я покараулю.

— Ага.

Я осторожно улёгся прямо на ящики, вручил ей зажигалку и отвернулся к стене, обняв автомат. Задумался. Она отодвинулась, как только почувствовала моё состояние... это что-то ей напомнило? Ей было неприятно, страшно, плохо? Чёрт, надо разобраться, как-то узнать, понять... и в то же время я уверен, что никогда её об этом не спрошу.

Я попытался очистить голову от мыслей и незаметно уснул.

***

Проснулся от какого-то шороха, протёр глаза, сел. Было светло. Мне со сна вообще показалось, что тут капец какая иллюминация, но потом дошло, что это просто зажигалка в

руке у Женьки. Я попытался рассмотреть что она делает, наклонился, поворотил ногой гору бумаги и полиэтилена:

— Ты что творишь?

— Доброе утро, — она не стала отрываться от своего занятия, просто кивнула куда-то в пространство. — Прости, что разбудила, ложись опять, я больше шуметь не буду. Ты пару часов всего проспал.

Я наконец рассмотрел, что она делает, подофигел:

— Жень, ты не боишься, что нас найдут по этому бардаку?

Она не глядя качнула головой, улыбнулась, продолжая разгребать скомканные обрывки бумаги, наконец достала что-то, с огромной нежностью во взгляде погладила и протянула мне:

— Знаешь, что это?

Я повертел в руках холодную каменную статуэтку, пытаюсь понять, что такого она в ней нашла. Качество работы не очень — вон следы от резака не зашлифованы, да и вообще, честно сказать, художественная ценность этого булыжника значительно ниже среднего.

— И что же это?

— Это «Санта Эсмеральда» работы Рико Пинетти, ей больше сотни лет!

Её глаза сияли таким восторгом, что даже стыдно стало за то, что я не в курсе, кто такой этот товарищ и чем он так ценен. И как она вообще её опознала?

— Ты уверена, что это именно она?

— На все сто!

— Знаешь, я бы не рискнул судить при таком освещении...

Она хохотнула и постучала меня пальцем по лбу:

— Лёш, у меня же дальновзоркость, забыл? Я её не вижу. И зрительная память не супер, зато на ощупь помню каждую её царапинку, я держала её в руках в начале лета, — она забрала у меня статуэтку, погладила и прижала к груди. — Она принадлежит коллекции одного из папиных коллег, его обокрали недавно. А мы с тобой её нашли, представляешь?

Я вздохнул, ещё раз смерил взглядом чёртову Эсмеральду — каменюка весом грамм в четыреста, хрен с ней, пусть берёт, если она ей прям так дорога.

— Больше ты ничего бесценного не нашла?

— Да целую кучу! — она развела руками над горой обёрток, всё больше вгоняя меня в тоску. — Здесь есть вещи, которые я только в каталогах видела, не знаю, насколько они подлинные, но если "Санта Эсмеральда" настоящая, то и остальное, скорее всего, тоже. Мы нашли склад контрабанды, Лёш!

— Круто, молодцы мы, — я вздохнул, понимая, что сейчас будет сложный разговор. — А сейчас ты скажешь, что хочешь всё это взять с собой, да?

— Не всё, — понурилась она, грустно оглядела кучу древнего барахла и обёрток. — Только то, что вон там, я всё упаковала.

Я оценил размеры кучи, сложенной «вон там», прикрыл глаза и сделал пару глубоких вдохов:

— Жень, мы это не дотащим.

— Но это бесценные произведения искусства! — выдохнула она. — Ты посмотри вокруг, здесь сыро, грязно, бешеные суточные перепады температур! Тут нельзя хранить такие драгоценные вещи, они могут испортиться!

— Женя... — я подошёл к горе свёртков, взял самый маленький и протянул ей. — Всё.

Всё остальное остаётся здесь.

— Нет!

— Да. Жень, твоя гранитная Эсмеральда сто лет прожила неизвестно где и ещё столько же проживёт...

— Там есть картины! Старинные полотна...

— Жень!

— ...им нельзя находиться в такой сырости!

— Жень, послушай, — она замолчала и надулась, взяла из моей руки свёрток, сунула в мешок. — Ты их хорошо упаковала?

— Да.

— Значит, они вполне потерпят, пока мы не выберемся и не натравим на них экспертов.

Она сидела молча, отвернулась к стене и что-то трамбовала в мешок. И где она его выдрала? Ладно, потом спрошу. Уровень газа в зажигалке колебался миллиметрах в пяти от доньшка, я решил, что лучше этого не замечать — она мне ещё свою грёбаную Эсмеральду не простила.

— Ты спать не хочешь?

— Нет.

— Лучше ляг поспи, нам всё равно ещё рано выдвигаться, а когда поспим в следующий раз, неизвестно.

— Ладно.

Она отдала мне зажигалку, я чиркнул опять — хрен с ней, всё равно почти ничего не осталось. Жень отложила свой мешок, залезла на то место, с которого только что встал я, отвернулась к стене. Поставила пистолет на предохранитель и сунула под полу пиджака, не выпуская из рук... Да, скоро мы оба не сможем спать спокойно без оружия. Я погладил автомат, уложил его на колени дулом ко входу, стал рыться в мешке... несколько таблеток в пакете, шприцы, ампулы, бинт, баночка с чем-то, — Викины дары, небось, — заколка, запасная обойма и бумажный свёрток, который я выбрал из горы «бесценного искусства». Хоть гляну что там, интересно.

В бумаге оказался коробок с пол-ладони размером, тонкий, но тяжелый. В коробке поблёскивал крупный медальон на цепи, с одной стороны замысловатый иероглиф, с другой — взметнувшийся в атаке дракон. Везёт мне на драконов в последнее время... Интересно, как там васян? Надеюсь, зубы остались целы, иначе он меня в трубочку скатает потом, если нам обоим сказочно повезёт и мы останемся живы.

А вообще, на свежую голову идея отправить эту троицу в плаванье показалась мне изрядно тухлой — жалкое корыто, в нём не говорящая по-человечески девка, старая русская врачиха с неизвестно какой химией в карманах и здоровенный татуированный мужик в чужом камуфле, с контрабандным калашом и огнестрельным ранением... пипец компашка. Я бы сто раз подумал, прежде чем подобрать их и куда-то везти на своём корабле. Чёрт, надеюсь, они выберутся. Пусть не добьются аудиенции у ментов, так хоть сами не попадутся.

Я потушил зажигалку и спрятал в нагрудный карман, стал сидеть, тупо пуча глаза в темноту, подозревая, что если закрою, опять усну. Мысли бродили кругами, постоянно возвращаясь к нашему хреновому положению — куда отсюда ползти? Судя по тому, что хозяева притона даже засаду на нас не организовали, бежать отсюда некуда, а значит, нам придётся возвращаться той же дорогой, как только желание есть и пить пересилит чувство самосохранения... кстати, о пить. Загадочная жидкость в мутной бутылке тихо-скромно

стояла у меня в ногах, я опять отвинтил крышку, понюхал, скривился. Блин, а если после этой отравы у меня понос начнётся? Буду бегать нычкаться от Женьки по занорикам, оставлять Рашиду-энд-компани мины-сюрпризы... Прогуляться, что ли, опять по коридорам? Женька спит, слышно тут отлично, далеко уходить я не буду. В зажигалке ещё чуть-чуть осталось, на крайняк мобилкой подсвечу, решено — пойду.

Завернув медальон как было, я забросил за спину автомат, взял Женькин мешок и побрёл, только теперь не вправо, а влево для разнообразия, и по противоположной стене. Шёл довольно долго, после кривого поворота уже хотел вернуться, но рука в очередной раз провалилась в пустоту. Чиркнул зажигалкой, осмотрел кривоватые штабели деревянных ящичков, подошёл, попытался открыть один, не получилось. Достал связку ключей, выбрал самый крепкий на вид и сунул между крышкой и стенкой, стал расшатывать. Два ключа сломал, ну и хрен с ними — мне ими двери не открывать, зато ящик наконец поддался. Просунув пальцы под один угол, сорвал крышку, опять достал зажигалку, чиркнул... и охренел. В коробке ровненько, как яйца в лотке, лежали и поблёскивали клетчатými боками лимончики.

У меня аж дух перехватило, как представил, что с ними можно сделать! Набил от радости полные карманы, штаны стали сползать, ну конечно — по две с каждой стороны, два с половиной кило! В карманы на куртке влезло только по одной, маленькие какие-то карманы пошли. В других ящиках обнаружили ещё две разновидности гранат, ещё военные, корпуса кое-где ржавые. М-да, похоже, отголоски нашей второй мировой ещё погремят на не наших землях.

Ржавые я брать не стал — первоначальный азарт подугас, взял только несколько маленьких эргэдэшек, приподнял мешок, осмотрел остальные ящики... эти тоже надо вскрыть, по-любому. Ладно, я и так далеко ушёл, если Женька проснётся без меня, может испугаться. Резво преодолев обратный путь, я уже вообразил себя бэтменом, способным видеть в темноте, но в самом конце так приложился мизинцем с разгону о край проёма, что от боли аж ноги подкосились. Кое-как доковылял до ящика, сел, растирая раненую ступню, Женька зашелестела у стены, прошептала:

— Где ты был?

— На разведке. Я такое нашёл, с ума сойти можно!

— Что?

Она зашуршала, сползая с ящичков, нащупала мою спину, села рядом. Я гордо вложил в её руку ребристую эфку, представил:

— Граната!

Женька вздрогнула всем телом, сунула мне её обратно:

— Ты что так пугать! А вдруг бы я кольцо зацепила и она взорвалась!

Я заржал:

— Его надо не зацепить, а вытащить, а для этого надо приложить усилия, так что не парься, ей можно хоть орехи колоть.

Всё равно у нас тут орехов нету, ага.

Женька недоверчиво отодвинулась:

— В фильмах они зубами чеку выдёргивают...

— А ещё в фильмах друг друга лупят полтора часа и даже помада не размазывается.

— Ты просто не знаешь, на что способна настоящая, качественная помада!

— А ты не знаешь, как устроена настоящая советская граната! — Язахлопал по

карманам, чиркнул зажигалкой, стал тыкать пальцем и объяснять. — Чтобы вытащить чеку, надо разогнуть вот эти фигни, только потом тянуть. А чтобы вытащить её зубами не разгибая, надо плоскогубцы иметь вместо челюстей, или бесконечный кредит у стоматолога. Так что не бойся, случайно она точно не рванёт. — Женька осторожно взяла лимонку, стала крутить в ладони, я усмехнулся, — ты что, правда никогда её в руках не держала? Вроде с автоматом ты как с родным.

Она смущённо улыбнулась, вздохнула:

— Я же в тире училась, у охранников, мне нравилось с ними общаться. Они были единственные весёлые и искренние люди, остальные взрослые — сплошные дипломаты, одно подумают, другое скажут, третье будут иметь ввиду. — Улыбнулась, вернула мне гранату, пожала плечами, — ялет с восьми стреляла, даже ножи метать пробовала. Но гранаты в тире как-то не водились... Тяжёлая, кстати, я такую точно далеко не кину.

— А эту и не надо далеко, она оборонительная.

— В смысле?

— В смысле, осколки летят гораздо дальше, чем можно её забросить, если не спрятался — самого же и изрешетит.

— Зачем ты тогда их столько набрал?

Отличный вопрос... я почесал репу гранатой, шевельнул плечами:

— Пригодится.

Она, по-моему, всё поняла, хихикнула, пожала плечами:

— Как хочешь, тебе тащить.

Мне на секунду стало стыдно за её свёртки с искусством, потом я сам себя мысленно заверил, что гранаты нужнее и успокоился.

— Пойдём вместе пошуршим там, может что-то ещё найдём? Я не всё облазил.

— Пойдём.

Она взялась за мой пояс, я пошёл по памяти в норку с гранатами, зажёл свет. Сломав ещё один ключ, наловчился открывать ящики лёгким движением руки. Мы осмотрели всё, в двух последних нашли разные патроны, в том числе семь шестьдесят два, десять коробок по семьдесят штук, как раз для оставшегося нашего ТТ. Эти уже Женька гребла с горящими глазами, даже за пояс совала, запасливая моя. Таким порядком мы обошли ещё три минисклада, нашли взрывчатку, пулеметные ленты, броники и здоровенные пакованы с пачками баксов. Устали как собаки, завалились прямо там и уснули, безответственно не оставив часового.

***

Проснулся я резко и сразу бодрым, как по тревоге, только через секунду понял, что меня разбудило — мелкие частые шажки... сердце зашло в истерику, до дикого грохота в ушах — идиоты мы безголовые, расслабились, караул не выставили! Всё, сейчас нас тёпленькими возьмут.

Я до боли глубоко вдохнул, медленно выдохнул, пытаюсь унять сердце. Женька не храпит, я вроде бы тоже, значит — мы себя пока не выдали, они не знают, где нас искать. Если сидеть тихо, нас, может быть, не найдут... света нигде не видно, не на ощупь же они идут, фигня какая-то!

Ожидание затягивалось, вцепившиеся в автомат пальцы схватило нервной судорогой, шаги не приблизились ни капли... и тут до меня дошло — капли! Это не шаги, это дождь! Я растормошил Женьку, потащил бегом на выход, там уже светало. Вылил бурду из бутылки,

прополоскал в море, мы стали по капле собирать в неё дождевую воду, подставляя под широкие листья. Женька набрала целую охапку, соорудила кривобокую воронку, двухлитровая бутылка стала понемногу наполняться. Было столько счастья, мы улыбались как безумные, целовались, говорили какую-то ерунду, я рассказывал, какая она умная, находчивая и вообще молодец, она смеялась и подставляла лицо дождю... Грязные, голодные, в синяках и полной заднице, мы скакали вокруг этой бутылки как пещерные люди, которые наконец смогли урвать уголёк от сожжённого молнией дерева и верили, что теперь зима будет куда легче.

Мы успели два раза набрать до края и отпить половину, когда дождь закончился. Я бережно закручивал крышку, Женька расчёсывала мокрые волосы заколкой, улыбалась. Я посмотрел на темное небо, потом на неё, вздохнул и присел на камни рядом:

— Ты ещё веришь, что за нами придут? — она замерла и перестала улыбаться, заколола волосы, качнула головой:

— Ну... давай хотя бы пару часов ещё подождём, всё-таки рабочий день не начался.

— Жень, я есть хочу. И вот это мы выпьем за полдня, а со вторым дождём нам может и не повезти. Я не то чтобы такой нежный, просто хочу драться в нормальном состоянии, а не полумёртвым, понимаешь?

— Ждём рассвета и идём, хорошо?

Я вздохнул и снял автомат, стал заряжать все наши пистолеты и обоймы, от такого медитативного занятия в голову полезли мысли.

На что мы надеемся? Ну удалось нам каким-то чудом выбраться из клеток, ну сбежали мы, так потеряли же двоих бойцов... ну, бойца и врача, ладно, тоже плохо. С Андрюхой за спиной мне было куда как спокойнее, чем с Женькой, был бы со мной он — мы б уже в бронежилетах и с гранатами штурмовали подвалы... а на Женьку я напяливать броню не стал — для неё пять-десять кил добавочного веса могут стать большой проблемой. А брать себе и не брать ей — вроде как-то неправильно... хреновая, короче, ситуация. Ждать мифических спасателей задолбало, я не верю, что с последнего их вызова что-то изменилось, не придёт никто за нами, надо выкручиваться самим.

Солнце показало край из-за холма, мы собрались, по очереди сходили в кустики и двинулись обратно в пещеры.

***

Через пару часов я уже готов был рисовать план грёбанных катакомб по памяти, с указанием содержимого каждого занорика. А удалённость от железной двери определял с точностью до десятка метров по уровню освещённости — лампы есть только в самых широких коридорах, мы туда не ходили, но свет видели.

С каждым новым кругом, навёрнутым по подземельям, мы становились всё злее и молчаливее. Во мне крепла уверенность, что несмотря на происшествие с лодкой, нас всё равно пойдут искать, небольшим, хорошо вооружённым отрядом, как только проснётся кто-нибудь значительный и отдаст приказ. И нас найдут, потому как выход отсюда только один и находится он там же, где и вход — в подвале обшарпанного клуба-борделя. Мы не говорили об этом, но я чувствовал Женькино напряжение, старался не демонстрировать своё собственное, нервы у обоих были уже на пределе.

Когда я в очередной раз ощупывал стены какого-то дальнего тупика, пальцы наткнулись на гладкий камень, странно — мои руки уже привыкли к шершавости местных стен. Я решил потратить немного оставшегося газа и зажёл огонь, дернул Женю:

— Глянь сюда.

Тупичок оказался коридором, который зачем-то заложили кирпичом и камнем, абы как наляпанный раствор крошился под ногтем. Женька пощупала стену:

— Думаешь, там что-то есть?

— Ну зачем-то же его перегородили.

— Мы всё равно не разгребём эти каменюки.

— А нам и не надо, у нас гранаты есть.

— На звук взрыва сбежится вся охрана, — она вздохнула и села на пол у стены, положила рядом мешок. — Боже, как я устала...

Я тоже сел, в голове крутилось что-то шумное и офигенно привлекательное. Охрана, говоришь, сбежится? Пусть бежит, родимая, далеко не убежит...

Женька говорила, медленно и монотонно, что-то о том, как её всё задолбало, как и в чём конкретно она была неправа, что надо было сделать, чтобы всё случилось совсем не так и ещё много-много другого. Я не слушал, я тихо полез в карман и включил мобильный, притушил до минимума яркость экрана, включил диктофон, записал пару минут её монолога, сохранил, выключил.

— Время смотрел?

— Ага. Слушай, Жень... я щас сбегаю по делам, посиди тут, отдохни. Я быстро.

— Хорошо.

Я оставил ей автомат и куртку, пробежался до ближайшего схрона с ящиками, взял два на плечи, потащил в тупичок. Эти ящики мы признали бесполезными — нафига нам наркота? Ну или чем там ещё может бытьбелый порошок в пакетах, не муку же тут прячут? Повторил поход ещё несколько раз, выстраивая из тяжелых деревянных коробков бруствер между поворотом в тупичок и рукотворной стеной.

Пробежался до места, где видел броники, набрал сколько смог поднять и тоже отволок в наш тупичок. На Женькины вопросы отмахивался — меня подгоняло какое-то спинномозговое предощущение большого шухера, некогда болтать.

Взял куртку, пистолет и пошёл в противоположный конец катакомб, сел у большого проёма, за которым в прошлый обход нашёл упаковки взрывчатки. Достал из штанов лимонку, а из внутреннего кармана наушники, отгрыз штекер, осторожно разорвал на два длинных проводка и со злорадной гримасой потратил один на растяжку, переставив коробки ко входу. Второй проводок пошёл на ещё одну растяжку, в другом коридоре, поближе к железной двери. Сходил пополнить запас гранат, отнёс в тупичок, только пошёл дальше наводить порядок, как услышал знакомый скрип двери.

До Женьки далеко, ну да она не дура — будет сидеть тихо и искать меня не пойдёт. А я пойду кого-нибудь поищу, пожалуй.

План катакомб я уже нарисовал у себя в голове, посмотрю, куда они пойдут и пойду в обход. А пока сниму ботинки, и штаны с рукавами закачу, чтоб не шуршали... Ага, одна группа потопала в сторону моря, человека два-три, судя по шуму. Вторая неспеша и с шуточками поплелась по освещённым коридорам к проёму со взрывчаткой. Я знаю, как дойти туда быстрее, готовьтесь, гады.

Тихий и смертоносный, как ниндзя-черепашка, я нёсся к первой растяжке, включил телефон, поставил на непрерывный повтор Женькины жалобы на жизнь, сделал погромче и спрятал трубку в ящиках. Подсветил зажигалкой, переступил проводок и пошёл ко второй группе, здесь мне делать уже нечего — Женин голос всё организует.

Эти ребята уже сходили к морю, никого не нашли, но кустики, по ходу, унюхали — идут осторожно, говорят тихо... и даже по-русски. Я спрятался в один из занориков, замер и стал ждать, пока подойдут.

— ...блин, не думал, что они останутся тут. Я б на их месте своим ходом по морю уплыл, Рашид же их за такое на фильмы пустит, сто пудов.

— Ты по сторонам смотри лучше, Саныч сказал, у них оружие есть.

— Да они все патроны расстреляли на лестнице, ты же видел, а у нас полные рожки и фонари!

Ага, зато я тебя вижу, а ты меня — нет, идиот. Я подождал, пока они пройдут мимо, плавным бесшумным движением выскользнул из проёма, тщательно прицелился и прострелил головы обоим. Громко потопал к трупам, снял с одного рацию, уже зашипевшую:

— Что там, нашли?

Нажал единственную кнопку, постарался скопировать нахальный голос:

— Не, отбой, показалось. Крыса мелькнула.

— Идиот... давайте дуйте на выход.

— Идём.

Сунул трубку в карман, собрал рожки и побежал в наш тупичок, успокоил трясущуюся Женьку, сказал перебираться за коробки с наркотой. Нацепил на неё броник, вторым укрыл ноги, ещё один бросил на край бруствера козырьком над её головой. Сам тоже оделся, стал разгибать усики лимонки и выкладывать в ряд перед собой. Три под левую руку, три под правую — всё, ждём.

— Лёш, что творится?

— Мы линияем отсюда. Потихоньку.

— И чего мы ждём?

— Взрыва.

Она потёрла лицо ладонями, глубоко вздохнула:

— Это в тебя стреляли?

— Это я стрелял. Всё в порядке, всё идёт по плану. Когда скажу, хватай свой мешок и беги туда, — я ткнул пальцем в тупик, она кивнула. Намотала на левую ладонь верх мешка, сжала пистолет в правой, прикусила губу, голос дрожал.

— Всё будет хорошо?

— Конечно, будет.

Грохнул взрыв. Я схватил три гранаты, по очереди вытащил кольца и бросил в тупик, согнулся за коробками, накрывшись бронежилетами, считая шёпотом до четырёх. Рвануло знатно, с короткими интервалами, как я и хотел. Над головой пронеслась волна горячего воздуха, с края ящика сорвало броник, каменная мелочь застучала по стенам. Груды кирпичей раскатало на полпрохода, маленькая запылённая дыра у самого пола выходила куда-то в темноту, ну — хоть так. Я вытащил Женьку из-под броников и подтолкнул:

— Давай!

— А ты?

— Я за тобой!

Ещё три гранаты в руки, пробежаться до поворота, одну вперёд, одну за угол — и драпать. Автомат на плечо, один броник остался на Женьке, возьму ещё один, стодится.

Взрыв толкнул горячим в спину, я добежал до стены, на пузе протиснулся на ту сторону,

достал зажигалку, осмотрелся. Свалка мусорная какая-то, очень просторная, потолок периодически подпирают деревянные брусья, уже изрядно трухлявые. Похоже на давно заброшенную шахту. Женька успела отойти довольно далеко, я сказал ей уйти ещё дальше и спрятаться за самой большой кучей хлама, сам присмотрел себе кучу поближе и бросил последнюю гранату в проём, еле успев добежать до укрытия.

Грохнуло, из дыры ударил подсвеченный дым, как будто дракондохнул. С потолка посыпалась пыль и камни, зажигалка погасла и в темноте меня больно приложило чем-то большим по хребтине. Через пару секунд онемевшая под броником спина стала отходить, зато в плече начала нарастать боль, всё сильнее и сильнее, рука не слушалась, пришлось нащупывать зажигалку левой. Загорелось не с первой попытки, я рассмотрел за спиной расщепившийся брус, который раньше подпирал потолок, над головой опасно затрещало.

Заковылял к Женьке от греха подальше, почти ничего не видя от боли, она тащила меня за руку по прямой, уговаривая идти быстрее.

— Подожди, — я остановил её, хлопнул себя по груди непослушной ладонью. — У меня под повязками таблетки, достань, пожалуйста.

Она полезла под воротник, нащупала и скормила мне леденец, потом пощупала правую руку, охнула:

— Мне Вика обезболивающее дала, может, уколоть?

Я с трудом скосил глаза на плечо, офигел от того, насколько оно распухло, кивнул:

— Коли.

Закрыв глаза, укола даже не почувствовал, по земле пошла дрожь, сразу же пророкотал отдалённый взрыв, я улыбнулся — вторая растяжка, какая прелесть. Где-то за спиной свалился ещё один брус, над головой трещало, как будто рвалась плотная ткань. Я осторожно поднялся на ноги, боль отступала, взамен пришла странная лёгкость, я почти не чувствовал ног и рук, слушались они, тем не менее, нормально.

— Пошли.

Чиркнул зажигалкой, зажмурился — свет резал глаза. Женька опять тащила меня за руку, в голове постепенно стихал гул — уже лучше, выберемся. В кармане зашипела рация, заорала:

— Вадик! Вадик, вы где? Вы их видели?

Я дотянулся и нажал кнопку:

— Это не Вадик, Вадик больше никого не увидит. А ты передай привет Рашиду, скажи, мы с Драконом знаем, где он живёт, пусть готовится, сволочь.

Бросил рацию на пол, с пластиковым хрустом раздавил каблуком, уже увереннее пошёл за Женькой. Коридор сужался, скоро я заметил, что стало светлее, спрятал зажигалку, улыбнулся Женьке. Мы почти побежали к выходу — оттуда пробивался свет, подойдя ближе, я увидел зелень и сваленные у входа ржавые тачки, корыта, вёдра, какой-то хлам. Свет слепил, мы тёрли глаза, оглядывались назад в шахту, ничего не различая в полумраке, потом Женька вышла наружу, внимательно осмотрелась и уверенно кивнула:

— Я знаю, где мы.

— Класс. Нам надо где-то перекантоваться тихо и незаметно.

Я тоже вышел наружу, окинул мутным взглядом жиденский лес, спускающийся с холма вниз, стрёмные домишки, раздолбанную дорогу. Осмотрел себя и Женьку, вздохнул:

— Придётся бросить всё, кроме пистолетов и денег.

Она кивнула и стала стаскивать бронежилет, мы сложили автоматы и всё остальное в

шапте у входа, у меня остался пистолет за пояс и пара гранат в карманах, у неё — мешок и ещё один пистолет, который она сунула в штаны спереди и прикрыла пиджаком:

— Пойдём, отсюда можно уехать автобусом.

— А нас возьмут, таких пыльных?

— Куда они денутся, — она распустила волосы и зачесала их на одну сторону, прикрыв синяки, достала из кармана десятидолларовую купюру, — деньги пыльными не бывают.

— Ты же говорила, они фальшивые?

— Я говорила «может быть». К тому же, мы никому не скажем, — она подмигнула и потащила меня вниз по тропинке.

***

Поездку в автобусе я почти не запомнил, правая половина тела в какой-то момент отнялась напрочь, в голове шумело, кто-то нагло пялился на меня слева почти впритык, где-то на середине дороги я осознал, что слева — окно, и что смотрю я в пол, но почему-то кажется, что пол — это верх, а падаю я назад, вниз. Сосредоточиться на том, что Женька говорит, было очень тяжело, я всё время смотрел на её губы и у неё была радужная помада.

Когда мы вышли на свежий воздух, стало немного легче, но ноги продолжали заплетаться, Женя таскала меня за руку как маленького, с кем-то разговаривала, периодически трясла меня за плечи.

В первый раз я немного пришёл в себя в какой-то подворотне, в небольшом глухом тупике с мусорными ящиками. Осмотрелся, понял, что отрезвившее меня чувство — это злость, авызывает её здоровый чернокожий мужик, что-то неразборчиво тараторящий моей Женьке. Лицо у неё злобное, но малость перепуганное, судя по тону разговора, он что-то от неё хочет. Я попытался пошевелить правой рукой — фигня, небоеспособная конечность конкретно. Ладно, чи ни в первый раз.

Немного сменил стойку, дождался, когда в его речи опять мелькнуло нервное «бич» и несильно зарядил левой в подбородок. Мужик чуть покачнулся, с подофигевшим видом задёргал ртом, выдохнул предложение, которое я оборвал ещё одним прямым в рыло, сразу после первого мата. Намотал на кулак ворот его футболки, притянул поближе и очень тихо и вежливо сказал:

— Show some respect, o'key?

Не знаю из какой задницы подсознания я выдрал эту фразу, скорее всего, из тех самых гундосых боевиков, которые смотрел в детстве — никаким другим способом английский язык в мой мозг не просачивался. Но мужик после этой фразы как-то ростом даже меньше стал, проблеял слабое «окей» и покосился на Женю. Она поморщилась и что-то сказала мне по-английски, я сделал вид, что понял и опустил руку. Уставился невидящим взглядом перед собой, сознание опять поплыло. Они вроде бы договорились, она подцепила меня под локоть и потащила куда-то, завела в тускло-желтое помещение, в котором я с трудом опознал гостиничный холл, быстро переговорила с мужиком за стойкой, взяла у него ключ, сунула деньги и побуксировала меня вверх по лестнице.

Когда она два раза провернула в двери ключ и с облегчением уронила свой мешок на пол, я вдруг понял, насколько сам устал. Мы доковыляли до широкой кровати и рухнули поперёк, разбросав руки в стороны. Переглянулись. В её глазах было столько всего... и всё такое не женское. Я опять почувствовал себя последней сволочью, отвернулся, уставился в потолок. Потолок качало, как будто он в море перекупался, никогда больше не буду мешать стимуляторы с обезболивающим.

— Почему ты не говорил, что знаешь английский?

Я косо улыбнулся и пожал плечами. Точнее — плечом, левым, правое не двигалось и похоже, от распухания на всю комнату его удерживал только рукав. Надо его снять.

— Помоги, пожалуйста, — я перекатился на бок, стал стаскивать свою разнорукавную куртку, Женька тоже схватилась, вдвоём мы с ней как-то справились, бросили на пол. Стукнуло громко — две гранаты и пистолет, я теперь безоружный. Женя тоже вытащила свой, положила на тумбочку, не вставая стянула пиджак и блузку, оставшись в майке. Села по-турецки, участливо заглянула мне в лицо:

— Тебе сильно плохо?

Я опять пожал плечом, понял, что её такой ответ не устраивает и буркнул:

— Нормально. Качает немного, а так — уже лучше. Тебе Вика ничего про передоз от этой фигни не рассказывала?

— Нет, у нас времени не было.

— Ясно.

Мы помолчали, она немного повертелась и опять заглянула мне в глаза, почему-то виновато:

— Лёш... а почему ты промолчал тогда, в лимузине?

Вот же ж не было печали! И что ей сказать? О чём они там говорили, в лимузине, таком, что у неё лицо виноватое и она удивляется, что я промолчал? Ещё одно пожатие плечом, хитрый усталый взгляд, такой, умудрённый жизнью:

— Не хотел вас перебивать, вы так душевно общались.

Она отвела взгляд и буркнула:

— Я его ненавижу.

— Я тоже.

— Нет, я его раньше знала. Он такое чмо...

— По нему видно. Не переживай, и до него доберёмся, — я подмигнул ей. — Я тебе даже позволю лично его пристрелить, хочешь?

Она довольно заскакала на месте с улыбкой ребёнка, получившего огромный яркий подарок:

— Правда?! Ты такой лапочка!

— Только я ему ноги сначала переломаю, я Вике обещал.

Она перестала кривляться и посерьёзнела:

— А что он ей сделал?

— Я не расспрашивал. Но судя по всему, это он занимается подбором кандидатов для гастарбайтинга...

За дверью что-то громко щёлкнуло, мы дёрнулись и через секунду сидели оба напряжённые и с пистолетами, у меня по виску ползла капля пота, сердце ломилось из груди наружу. В дверь постучали и женский голос что-то крикнул. Женя выдохнула и опустила пистолет, нервно улыбнулась, ответила на том же языке и женщина ушла, скрипя половицами. Я поднял бровь, Женька пояснила:

— Обслуживание номеров, предлагали завтрак заказать.

Мы оба криво усмехнулись, трясущимися руками молча отложили оружие, опять улеглись, я стёр ладонью пот. Она подползла поближе, осторожно положила голову мне на плечо:

— Не больно?

— Нет. Укол, наверно, ещё действует, — я повернул голову и поцеловал её куда дотянулся — в макушку. Её волосы пахли гарью и пылью, ещё немного порохом, но вполне возможно, мне это просто приглючилось. Трапециевидные стены я созерцал уже минут десять, а вращение, как на большой карусели, ощущал с самой шахты. Ну хоть дошёл, и на том спасибо.

Женька прижалась ко мне крепче, я ощутил, как быстро колотится её сердце — позднее зажигание, наконец-то и её пробрало. Хоть бы в истерику не ударилась... Я с трудом перевернулся на бок и обнял её, она уткнулась лицом мне в грудь, вытирая слёзы о футболку. Зря она это, футболка грязная как чёрт знает что, ещё воспаление какое-нибудь себе на глазах натрёт.

— Жень, ты б сходила умылась. Я грязный, занесёшь заразу.

— Не-а, — она потрясла головой, крепче вжимаясь в меня, — ягрохнусь по дороге.

Я выдохнул — сам хорош, если бы сказал ей умыться, как только воши, смог бы сам отвести, а сейчас, когда уже упали и расслабились, встать действительно нереально. Надо бы скормить ей успокоительного, если есть.

— Ты как себя чувствуешь? — я приподнял её подбородок, заглянул в глаза. Глаза были дикие и красные, она их сразу закрыла.

— Не знаю. Мне страшно.

Я прижал её к себе, целуя лоб и щеки, постарался обернуть её дрожащее тело со всех сторон, отогреть и успокоить:

— Дурочка... в катакомбах бояться надо было, когда нас стреляли и взрывали, а не сейчас. — Она всхлипнула, плечи передёрнулись, её шея под моими пальцами покрылась гусиной кожей. Я стал наглаживать и нацеловывать её волосы, лицо, шею, — ну не реви, в порядке же всё. Выбрались, спрятались, никто нас не найдёт. Ну Жень...

Она повернулась, ловя мои губы, путешествующие по её щеке, прикусила, провела языком, обхватила меня за шею и стала целовать так яростно, как будто это было её спасением. Чёртово обезболивающее творило беспредел с рецепторами, от чуть прикушенной губы меня прошило разрядом до самых пальцев ног, грудь воспламенилась, как хорошо проспиртованная вата, рукам стало мало этой крошечной девушки, они заскользили по её спине, пытаюсь оплести и поглотить её всю, в штанах творилось такое, что не знаю, как они ещё не лопнули. Я опёрся на локти, навалившись на неё всем корпусом, ощущая как дрожит подо мной её худенькое тело, она была такая солёная, как будто я только что достал её из Чёрного моря. Я провёл языком по её щеке, по уху, прошептал:

— Ты солёная, как дельфинчик.

Она улыбнулась по-настоящему в первый раз за... не помню. Раздери меня черти, моя девушка перестала улыбаться, как только начала со мной встречаться! Я выдохнул, зарывшись носом в её волосы:

— Я не знал, что всё так получится...

Она извернулась подо мной, задирая голову выше и закрыла мне рот поцелуем:

— Молчи... я тоже виновата, и мои родители, и вообще... молчи. И поцелуй меня.

Я целовал. Атмосфера накалялась, в голове гремело и штормило, Женька вытворяла что-то невероятное, запустила руки под мою надорванную футболку и легонько водила ногтями по пояснице, от чего по всему телу бегали колючие волны, я и не думал, что могу такое чувствовать. Её майка задралась почти до груди, голая полоска кожи жгла мой живот, раздражала, дразнила... Я рванул чёртову тряпку вверх, прижался щекой, обводя языком чуть

заметные линии пресса, маленький пупок, родинку между восхитительно упругих полушарий, тёмный твёрдый сосок... и замер. Так, куда-то меня занесло малость не туда. Команда была «молчи и целуй», команды «возьми меня» не было.

Думать с таким отвлекающим фактором в зубах было крайне сложно, Женькины пальцы у меня в волосах дрожали, бешеное сердце разламывало грудь, я крепко зажмурился, чувствуя, что балансирую как канатоходец на последней точке невозвращения — если она меня сейчас не остановит, то через минуту я уже остановиться не смогу. Нечеловеческим усилием оторвавшись от её груди, я поднялся к лицу, крепко, до синяков целуя шею и подбородок, встретился взглядом с её тёмными бешеными глазами, в которых не нашёл ни капли страха, смущения или недовольства. Одно лишь старое «молчи и целуй», только теперь степени этак в десятой, вроде «заткнись и...».

Она и не подумает меня останавливать.

Майка затрещала, молнию я тоже умею расстёгивать одной рукой и очень быстро. Мои штаны полетели следом, сверху футболка, какие-то размотавшиеся бинты, отклеившийся пластырь, лишняя подушка, я сметал всё, что нас разделяло, что мешало прижаться к ней везде. Она обхватила меня ногами за пояс, приподнялась на локтях, прошептала:

— Лёш...

На этот раз я закрыл ей рот поцелуем. Теперь ты молчи, милая, поздно разговаривать. Если она сейчас начнет сопротивляться, я её просто изнасилую. Она поняла, или просто сама передумала болтать, обняла... Энергия, разрывавшая изнутри, наконец-то нашла выход, я двигался бешено, выхватывая такие ощущательные глюки, что сам прозревал. Долго копившееся напряжение, стресс, укол, адреналин, её запах, её чёртов нереальный солёный вкус — всё в миг наложилось одно на другое и вылилось в такие ощущения, что я почувствовал себя зелёным пацаном, в первые узнавшим, что такое секс, как будто всё, что было до этого раза — так, бледное детское баловство. Напряжение нарастало волнами, кажется всё, сейчас... а нет — ещё выше, и выше, и куда-то вдаль, в космос, грёбаная химия, да когда ж ты меня отпустишь!

Накрыло непривычно медленно, сознание порвало в лохмотья, я только держался за мысль, что нельзя расслабить руки — Женьку раздавлю, такая туша... Осторожно отполз, упал на бок, подгрёб её, прижал к себе, попытался поцеловать. Мимо губ точно промазал, куда попал — хрен его знает, точки в глазах, нифига не видно. Она сама меня целовала, гладила, прижималась... Боже, как же хорошо.

Плохо только, что без резинки, ну да ладно, завтра куплю ей таблеточку, надо не забыть...

***

Сознание возвращалось медленно, поначалу я решил, что шум за стеной мне глючится, потом расчехлился что это всё-таки реал, к тому же рука заболела, а боль мне никогда не снится, её и наяву хватает. Попытавшись подняться, понял, что обезболивающее выдохлось окончательно, забил на поднятие, улёгся удобней. Подушка была мокрая, покрывало тоже, хорошо, что мы не укрылись ничем... кстати, а где Женька? На ощупь она не нашлась, повернув голову и приоткрыв один глаз, я убедился, что кровать вся в моём распоряжении. Ага, вот что шумит — она в ванной. Мне тоже надо, и футболку постирать, и трусы неделю ношу... Вот только встану как-нибудь, ага.

Время тикало, солнце ещё немного поднялось, пятно света на полу доползло до тумбочки. Женя из ванной не выходила, я уже забеспокоился — может, она ушла куда-то, а

воду выключить забыла? Я стиснул зубы, только представив, что она куда-то вышла без меня, встал, схватился за стену, осторожно перебирая по ней руками, пошёл к двери... понял, что от руки на стене остался след, присмотрелся... чё за хрень? Обе ладони были грязные, живот, ноги... на простыне размазанные красные пятна, несколько капель на полу... у неё что, месячные начались?

Добрёл до ванной, постучал:

— Заяц, у тебя всё в порядке?

— Всё нормально, не заходи!

— Мне руки помыть надо, я пять секунд, — открыл двери, успел увидеть её голую спину и летящее в лицо полотенце.

— Дверь закрой!

— Да ладно тебе...

— Я сказала, закрой дверь!!!

Закрыл. И чего она? Полотенце было наполовину мокрым, я пожал плечами и обтёр им кровь с рук, чистым углом вытер лицо, остальное под одеждой не видно. Осмотрел кровать — постельному хана, надо попросить, чтоб поменяли. Оторвал у куртки лишний рукав, оделся, напялил ботинки, пересчитал деньги — схожу в магазин, всё равно спускаться. Заодно Женьке девчачьих расходников куплю.

— Жень, я пойду куплю поесть, никуда не выходи, двери никому не открывай, даже если скажут, что комнату убирать. Хорошо?

— Хорошо. Сладкого купи.

Я улыбнулся — это да, они в такие дни жрут за троих. Надо не забыть.

Магазин я нашёл быстро, немолодая дама за прилавком, увидев доллары, стала очень сообразительной, без проблем взвесила мне колбасы и сыра, накидала пакет фруктов, шоколада и печенек, и даже выбрала пачку прокладок, чудом уразумев, что мне надо, по жестам и нелепой пантомиме. Дивная женщина, я б так не смог. Сдачу со стабаксов она не дала, да я и не настаивал — подмигнул и сделал ручкой «пока-пока», она расплылась в улыбке и что-то сказала по-английски. Обязательно выучу этот грёбаный язык.

В фойе гостиницы я долго колотил по звоночку, заспанному мужику, явившемуся на звон, попытался объяснить про постельное, но он оказался не таким сообразительным, как дама из магазина. Отчаявшись показать простынь жестами, я увидел возле телефона пыльный блокнот, выдрал оттуда страницу и стал малевать лежащей рядом ручкой кривую кровать:

— Вот, — я злобно ткнул в рисунок пальцем, — кровать, понимаешь? — сложил ладони под щекой, закрыл глаза, — спать, кровать! — Мужик закивал, я нарисовал на кровати пятиугольную (так получилось) простынь и подушки, широко перечеркнул крестом, бросил ручку, не удержался и порвал листок надвое, — хана нафиг! Андэстенд мой шпрэхэн?

— О, рюськи хана! — радостно закивал он. — Андэстэнд, да! Понимать! Хана — понимать! — я облегчённо выдохнул, мужик ушёл, вернулся со стопкой белья и почти без акцента заявил, — десять долларов!

Я пожал плечами, бросил на стойку мятую купюру, не моё — не жалко, подхватил бельё и поднялся в номер.

Женька всё ещё была в ванной. Я нахмурился, вытащил из пакета прокладки, постучал и приоткрыл дверь, старательно отвернувшись, раз уж она такая стеснительная, мне не сложно:

— Жень, я тебе покрывало купил, — протянул руку в щель, дверь неожиданно открылась на всю, Женя вышла, на ходу вытирая волосы маленьким полотенцем. Большое оборачивало её от подмышек до колен, я залюбовался, как переливаются капли на её плечах, застыл с протянутыми прокладками и глупой улыбкой.

Она нахмурила брови, перестала вытираться, посмотрела на упаковку в моей руке, потом на моё лицо, опять на упаковку... потёрла лоб, опустила голову и прошептала:

— Ой дурааак...

Отвернулась и отошла к окну, продолжая вытирать волосы. Так, я чего-то не знаю?

Повертев коробку в руках, я бросил её на кресло — нормальная коробочка, проблема не в ней. А в чём? До секса она вела себя вполне нормально, а после я её не видел — она ушла в ванную. Спали мы не долго, меньше часа, солнце подняться не успело, не могло за это время что-то случиться... Или могло? Или не после секса? Да ну на фиг, во время секса ей всё нравилось, я помню.

— Жень? — я подошёл, обнял её, на руку капнуло несколько холодных капель и одна горячая. — Ты что, плачешь?! — Яразвернул её к себе, заглянул в лицо, стал вытирать слёзы. — Да что случилось?! Женя, блин, будь человеком, я щас с ума сойду!

Она посмотрела на меня долгим, грустным, чуть насмешливым взглядом, потом перевела глаза на кровать... на мятую, окровавленную кровать. Твою ж дивизию! Я хлопнул себя по лбу.

— Ой дурааак! — обнял её, заглянул в лицо, — ты что, девственница?

— Уже нет.

— Прости, я... — я прижал её к себе, задыхаясь от слов, потом опять отодвинул, чтобы заглянуть в лицо, — почему ты не сказала?

— Я пыталась.

— Блин, я дурак, прости...

— Да ладно, мне понравилось.

— Не злишься?

— Всё нормально.

— Чего ревёшь тогда? — она молчала, я отбуксировал её к кровати, усадил себе на колени, опять повернул её лицо к себе. — Болит? — она отрицательно покачала головой. — Родители строгие?

— Да нормальные родители, — она сбросила с подбородка мою руку, положила голову на плечо, — просто... не знаю, я думала это будет как-то... по-другому.

Опа, минус десять к самоуверенности, молодой человек... внутренний голос обрёл руки и засадил мне двойку печень-солнышко, больно, гад такой.

— Как по-другому? — голос у меня стал очень-очень спокойный, Женя дёрнулась и виновато чмокнула меня в щеку:

— Да ладно, забудь, всё в порядке, — ага, так я тебе и поверил, стояла тут плакала, а до этого два часа в душе отмывалась. — Лёш, ну чего ты? — теперь уже она заглядывала мне в лицо, ища там что-то, видимо, нашла не то, что хотела, опять принялась целовать, — Лёш, всё хорошо. Мне всё понравилось, правда, очень, честно-честно! — Обняла за шею и прошептала в ухо, — повторим?

Вот теперь меня отпустило, облегчение протекло по мышцам тёплой волной, я улыбнулся и обнял её, потёрся носом о шею... она такая чистая, а я как из пещеры вылез, так и хожу. Надо и мне в душ.

— Повторим. Сейчас в душ схожу и сразу повторим.

— Может, вечером? — ступевалась она, я поднял брови, Женька пожала плечами, — ну, я боюсь, вдруг чего...

— А ты не бойся, — я расплылся в разбойничьей улыбке, — во «вдруг чего» я не полезу. Я так, рядышком, осторожненько.

Она покраснела и спрятала лицо, я засмеялся, ссадил её на кровать, кивнул в сторону кресла:

— Я постельное новое принёс, застелишь?

— Хорошо, — она тоже посмотрела на кресло, зацепилась взглядом за яркую упаковку прокладок, захихикала. Я тоже прыснул, подхватил коробку.

— Я выкину.

— Дай сюда! — она выхватила и спрятала за спину, показала язык, — пригодится скоро.

Я покачал головой и рассмеялся, ушёл в ванную. Когда вышел, она уже накрыла журнальный столик бутерами и чаем, я чуть слюнями не захлебнулся. Уселся на стул прямо в полотенце, схватил в каждую руку по куску и набил полный рот, замычал от удовольствия, прожевал, отдышался:

— Я мечтал об этом всю последнюю неделю!

— Вас что, не кормили? — она неспеша откусывала от маленького бутерброда, потягивала сок из чашки.

— Кормили, но таким дерьмом.

— А меня наоборот, заставляли есть, — она долила себе сока, пододвинула мне всё блюдо с бутербродами. — В меня не лезет просто, когда нервы, я неделями могу не есть.

Я промычал с что-то набитымртом, запил, долил ещё. В очередной раз засмотрелся на неё, подумал, как это поделикатнее сформулировать, потом плюнул и спросил прямо:

— Жень, сколько тебе лет?

Она косо улыбнулась:

— Не бойся, уже не статья, ни дома, ни здесь.

— А конкретнее?

— Восемнадцать.

Я приподнял брови, пожал плечами:

— Ну ладно. Ядумал, больше.

— Мне все больше дают, из-за роста и очков.

А ещё потому, что ты разговариваешь как училка, но я тебе этого не скажу, мне и так нравится.

— А как так получилось, что ты в свои восемнадцать лет... — она поджала губы, укоризненно на меня глянула, я поднял ладони, делая честную моську, — ну, просто, ты такая красивая, умная, по заграницам моталась, куча знакомых, всё такое. Я просто не понимаю, из-за чего так получилось.

И из-за чего у меня так просто получилось. И что мне теперь за это будет, если чё.

Она погрустнела, пожала плечами:

— Я училась в школе для девочек, там нет мужчин. На отдыхепарни были — они у всех были, но все прекрасно понимали, что это закончится тогда же, когда закончится отдых — через две недели. А за две недели отношения сильно не разовьёшь. Дома то же самое, парень на одно лето — как-то... а на следующее лето у него уже есть другая девушка, или он уехал,

или сильно изменился, — она вздохнула. — Не получалось у меня, в общем, с отношениями.

— Никогда бы не подумал, — я взял последний бутер, прошёлся взглядом по её голым коленям, вверх до лица, хитро улыбнулся. — Ты так целуешься, я думал у тебя опыта немеряно.

— Это врождённый талант! — она рассмеялась, стала нарезать ещё хлеб, скорчила шкодную моську, — не переживай, я тебя научу.

Хм, это она так деликатно дала понять, что мне ещё учиться и учиться? Я крепко задумался, под это дело сжевал ещё пару бутеров, потом чего-то вспомнилось:

— А что от тебя хотел тот негр?

— Это я от него хотела, он меняла. Нелегальный, поэтому давал гораздо меньше курса.

— Нифига себе у вас дебаты, — я хмыкнул, качнул головой. — И ты прям так сражалась за какой-то курс? Можно подумать, ты их адским трудом зарабатывала.

Она нахмурилась:

— Ну знаешь ли... какое кому дело, откуда эти деньги? Сделка есть сделка, нужно соблюдать профессиональную этику.

Я опять ухмыльнулся, вспоминая свой мегаэтичный прямой в челюсть, она тоже улыбнулась:

— Ну, после твоей реплики всё пошло куда лучше. Но я всё равно малость продешевила.

Я опять усмехнулся, но промолчал.

— Много поменяла?

— На основные вещи и билеты.

— Какие билеты?

Она посмотрела на меня, как на неадекватного, подняла брови:

— Домой билеты.

— Какой домой? — я аж бутер положил от удивления. — Жень, а кто ситуацию разруливать будет? Мы же хотели тут всех говнюков порешить, всех хороших спасти, глисту в костюме ноги переломать?

Она вздохнула, подняла брови ещё выше:

— Ты что, не помнишь?

— Что?

— Я же при тебе звонила Энверу.

Я нахмурился, копаясь в памяти. Ну да, кому-то звонила. Вот только мне в этот момент было совсем не до того — от меня хотела убежать левая нога, приходилось держать её двумя руками.

— И что он тебе сказал?

Она виновато прикусила губу, почти прошептала:

— Он не сможет нам помочь. Его уволили, после того случая, когда я позвонила ему с ворованного мобильника. Кто там вместо него сейчас, я не в курсе, но, — она чуть презрительно хмыкнула, — можно давать сто процентов, что нам он помогать точно не будет. К послу я не пойду — Ник его племянник, к дяде Халиду тоже не пойду — у него на компе куча видео, снятого в том клубе. Идти просто в полицию — это ещё круче, чем пальцем в небо, — на длинной лестнице от дежурного до тех, кто принимает решения, точно попадётся кто-нибудь из той же системы. — Она зябко сунула ладони между колен, пожалала плечами, — копии наших документов есть в ячейке аэропорта, оттуда же позвоню родителям, попрошу чтобы нас встретили дома. А эта грёбаная страна пусть разбирается со

своими проблемами сама.

Я сидел молча и смотрел в чашку. И ясно видел чёрные глаза красивой девушки Кристины, глубокие, умные, всё понимающие...

«— Почему у меня такое ощущение, что ты здесь ненадолго?

— Потому что я уже выбрался с корабля. И отсюда выберусь.

— Нет. Потому что ты не выглядишь смирившимся.»

Я же ей ничего не обещал. Почему у меня такое ощущение, что я ей по гроб жизни должен? Может потому, что в том хаосе тотального беспредела она подарила мне час покоя и уверенности, что выход есть. Сколько их там, молодых, красивых, всё ещё на что-то надеющихся?

— Раньше ты так не считала, — я попытался поймать её взгляд, но она упорно смотрела в пол. — Ты с такой яростью отстреливала работорговцев, такая вся идейная.

— Раньше ты не был ранен, — она стрельнула глазами на моё распухшее плечо, опять сжалась в комок и опустила глаза, — и у нас была поддержка, закон был на нашей стороне...

— Так он до сих пор на нашей стороне! Надо только донести всё это дерьмо до закона.

— Нам никто не поможет, Лёш, там всё давно куплено, — она вытерла щеку плечом, облизала губы, — Энвер хотел устроить мощную провокацию и поймать этого урода с поличным, чтобы осветить через прессу, испортить репутацию. Видишь, что из этого получилось? Даже его достали. Так кто Энвер и кто мы.

— Кто мы? — я медленно переплёл пальцы, рассматривая бесчисленные шрамы на костяшках, как годовые кольца, блин, новые поверх старых, с каждым годом всё уродливее. — Мы, Жень, те, кто смог смыться и организовать большому дяде проблемы. И это без подготовки, без оружия, без планов и всего остального, на голом энтузиазме. И не знаю, как ты, а я собираюсь сходить туда ещё разок — я обещал глисту ноги переломать и ещё кое-кому всякого, по мелочи. А ты, если не хочешь — не ходи. Езжай домой, так будет даже лучше.

Она обожгла меня злобным взглядом:

— Ты в героя решил поиграть? Ты ранен!

— Ничего, я крепкий.

— Лёш, ты ходишь с трудом, какое вернуться?

— Я отдохну, завтра всё будет в порядке.

— У тебя правая рука почти не работает.

— У меня левая есть и две ноги.

— Лёш, я серьёзно! Какая, к чертям, левая?!

Я с психом отодвинул стол, развернулся и двинул кулаком в стену между комнатой и ванной, рука ушла в дыру до середины предплечья, с той стороны посыпались обломки. Осторожно вытащив ладонь из пролома, я растопырил пальцы и показал ей чистые костяшки:

— Вот эта левая. Я не играю в героя, Жень, я прекрасно знаю, что могу, а что нет. И я туда пойду, а ты иди куда хочешь.

У неё было такое лицо, как будто она сейчас скорую мне побежит вызывать. Сдержат рвущийся наружу гнусный ржач было очень сложно, но я сумел — стенка деревянная, я ещё когда в душе купался заметил. А в том месте, куда я ударил, вообще с той стороны огромная трещина, я полчаса назад её ногтем колупал, удивляясь, почему под слоем сухой штукатурки внутри пустота. С покерфейсом вернулся за стол, специально правой рукой взял чашку, стал

неспеша пить, на каменной морде ни на секунду не отразилось, чего мне это стоит. Она выдохнула, потёрла лицо ладонями, раздражённо поджала губы:

— Хватит выделываться. Возьми в левую, я и так знаю, что ты умеешь терпеть боль.

Я не двинулся, она покачала головой и отвернулась. Мы молчали, звенящая тишина медленно, как питон, заглатывала мою решимость. Когда от неё почти ничего не осталось, Женя всё-таки заговорила:

— Ладно. Хорошо. Мы пойдём туда и что дальше?

— Устроим им всем веселье, — она изобразила беззвучный презрительный фырк, я поправился, — я устрою. А ты выведешь бойцов и девок, организуешь им встречу с каким-нибудь местным прокурором, против такого количества свидетелей никто не попрёт. Можно там, не знаю, телевиденье вызвать...

Женя всё-таки не выдержала, фыркнула в голос, снисходительно качнула головой:

— Вот с чего ты взял, что телевиденье приедет снимать, как ты геройствуешь один против целой службы безопасности? Что прокурор не куплен давным-давно, что всех этих свидетелей кто-то станет слушать?

Я обиженно выпятил челюсть, скривился:

— Ну и что ты предлагаешь, такая умная?

— Надо заходить с другой стороны, люди никого не интересуют, — она сделала загадочное лицо и мхатовскую паузу, — весь мир помешан на вещах, вещдоки не врут, а там их полные катакомбы! Мы очень, очень тихо проберёмся туда, кое-что возьмём с собой, остальное снимем на камеру, отдадим материалы Энверу...

— Да что ты в него вцепилась? — я перебил её, она так говорит об этом мужике, что он мне уже заочно не нравится. — Что, других мало? Должен быть какой-то специальный отдел по борьбе с торговлей людьми, или там с контрабандой, не знаю. Зачем тебе именно этот следак?

— Он — то, что надо, поверь, я разбираюсь в людях. — Она опять поправила волосы, каким-то таким кокетливым жестом, не для прически, а просто чтобы поправить... ух, как же мне это не нравится!

— Что он такого может, чего не могут остальные?

— Я ему доверяю. Одно то, что он приехал, когда я позвала и то, что его за это уволили, уже о многом говорит-скажешь, нет?

Я не нашёл, что возразить. Она победно сложила руки на груди:

— Как думаешь, тот проход, через который мы ушли, завалило?

— Скорее всего.

— Тогда пойдём через море, нужно взять напрокат катер и наверное, акваланги... купить хорошую камеру с подсветкой, вообще взять мощные фонари и запас воды. — Она рассуждала с таким видом, как будто на пикник собирается, я покачал головой, запрокинул лицо к потолку:

— Женя, не выйдет туда прийти и всё пофоткать. После того, что мы устроили, там скорее всего натыкают охраны, камер и датчиков движения, нам всё равно придётся прорываться с боем. Сходим к шахте и заберём оружие...

— Оно не понадобится, — она махнула рукой, судя по взгляду, продолжая составлять список для пикника, — зачем лишний вес таскать, пистолетов вполне хватит.

— Женя, блин!

Глубокий вдох и...

«...чашка летит с размаху об пол, разбивается, забрызгивая оранжевым драный ковёр. — Молчи и делай как я сказал, женщина! Я лучше знаю, как воевать с мужиками!

Она смотрит на меня расширенными от страха и удивления глазами, молчит и...»

...выдох. Я открываю глаза, очень, очень осторожно ставлю чашку на стол. Не поднимаю взгляд, не дай бог увидит — испугается.

Я никогда так не сделаю и такого не скажу. И не только потому, что это не комильфо — так себя вести... просто я знаю, где-то глубоко в душе даже уверен, что последствия от такого поступка будут очень болезненны для моего самолюбия. Потому что она не будет молчать и делать, она конкретно и без купюр объяснит мне, кто я тут без неё такой. Битый ногами и жизнью голодранец без документов, без знакомых, без денег, культуры не знаю, языка не знаю, ни местного, ни какого другого. И никому не нужен, никто за меня не поручится, никто не будет искать. Пропал человек — вышел из дома такого-то числа и не вернулся, всё, закрыли дело. И если бы не она, меня прикопали бы ещё на «Чайке», или утопили на яхте, или мы бы просто не связались с полицией, или нас бы нашли и ещё месяц выясняли, кто мы такие и надо ли нам помогать. Я, может, вообще бы в тюрьме местной уже сидел, за многочисленные убийства граждан страны... А так — пришла девочка-Женечка, поулыбалась кому надо, на ихнем пошпыхала — порядок, мы лучшие друзья, заходите-располагайтесь.

Она молча смотрела на меня, потом качнула головой:

— Делай как хочешь.

Поднялась, стала собирать посуду со стола. Я пару минут понаблюдал, потом тоже начал помогать, мы вместе вынесли пластиковые тарелки и стаканчики в мусор, вернулись в комнату, я догнал её и крепко обхватил сзади, прижался лицом к плечу. Она пыталась вырваться, но как-то нерешительно, я не пустил.

— Жень, давай спать ложиться, а? Завтра на свежую голову всё обсудим и решим что-то среднее, хорошо? — звучало как-то неубедительно, я решил отыграть умирающего лебедя и добавил в голос надрыва, — зайка, я так устал... у меня всё болит, я не в состоянии сейчас что-то решать.

Есть контакт! Вокруг меня поднялся квохкот и уси-пуси, я с полным кайфом позволил себя уложить, чем-то намазать, укутать одеялом, обнять и уснуть.

***

Просыпался я медленно, как на выходных, когда уже выспался, но вставать ещё незачем, идти никуда не надо, планов никаких нет и с постели поднять может только желание что-нибудь сожрать или в туалет сходить. Солнце гладило ресницы, бегало зайчиком по щекам, на другой стороне кровати раздался скрип, я приоткрыл глаза, расплылся в ленивой улыбке. Да, просыпаться с девушкой — офигенно. Она лежала завёрнутая в одеяло до подбородка, мне остался сиротливый уголок, в настоящий момент греющий левое колено-ладно, мне не жалко.

— Давно проснулась?

— Ага, — она улыбалась так, как будто случилось что-то хорошее, я потянулся, развалился поудобнее.

— Чего не разбудила? — она пожала плечами, продолжая внимательно меня рассматривать, я прям смутился. — Ну что ты на меня смотришь? — ещё одно пожатие плечами с хитрой улыбкой, я придвинулся к ней ближе, она тут же отодвинулась на то же расстояние, я нахмурился, — что такое?

— Нет, ничего, ладно, — она сама подползла ко мне, укрыла и обняла. — Просто на таком расстоянии я лучше всего вижу.

Ага. Ясно. Представляю, видел вчера в зеркале... страшный, небритый, в синяках, в ссадинах, швы полузажившие и опять разошедшиеся — красавчик! И утверждение, что мужик должен быть чуть симпатичнее обезьянки, нифига не утешает — я хочу, чтобы ей было приятно на меня смотреть.

Она там временем погладила пальчиком мою щеку:

— Что это?

— Что?

— Пятнышки.

— А. Оспой в детстве переболел, — какая прелесть, она и это видит... а я уж надеялся. Желание постучаться лбом в стену не осуществилось только по причине того, что для этого нужно встать, а я не хочу — меня тут обнимают.

— Что такое?

— Не рассматривай меня так, ладно?

— Чего? — она так искренне удивилась, я фыркнул и изобразил колупание пальцем одеяла:

— Ты меня смущаешь.

Она рассмеялась и полезла целоваться, я был только за — что угодно лучше таких разговоров, а уж это...

Через полчаса мы всё-таки поднялись, доели что осталось и собрались по магазинам. О планах никто пока не заговаривал, но есть вещи, которые по-любому нужны. В аптеке я заказал целый список, она переводила, иногда поглядывая на меня с удивлением, особенно когда поймала хитрый взгляд продавщицы, пробивающей те волшебные таблеточки, которые «после». Когда мы вышли, я открыл воду, достал одну таблетку и протянул Женьке:

— На, это для тебя. Через двенадцать часов вторую выпьешь.

— А от чего это?

Она что, правда не знает? Я смутился:

— От неприятных последствий приятного процесса.

Она замерла с расширенными глазами, потом всё-таки взяла таблетку, выпила. Забрала у меня коробку, стала читать вкладыш, надолго замолчала. Я перебирал упаковки, думал, что ещё нужно, затащил её ещё в пару магазинов. Только когда мы вернулись в гостиницу, обратил внимание, что она молчит уже несколько часов.

— Что-то случилось?

— А? Нет, просто думаю.

Так, а вот это мне не нравится, по опыту известно — чем больше они молча думают, тем более абсурдные идеи в результате рожают. И тем больше потом проблем. Надо это прекращать.

— Давай лучше помоги мне со списком покупок, я запутался.

— Что там такое?

— Что это за фигня? — я ткнул пальцем в какую-то строчку чека, она бросила короткий взгляд, ответила:

— Бинт.

— А чё так дорого? — я взял из пакета упаковки с широким и узким бинтом, стал вертеть в руках, пытаюсь найти в них что-нибудь особенное. Не нашел. Она ухмыльнулась:

— Ты так говоришь, как будто адским трудом их зарабатывал.

Я скривил морду, показывая, что шутку оценил, вернулся к чеку и пакетам, стал разбирать, по очереди выкладывая упаковки на стол. Антисептик, обезболивающее в таблетках и ампулах, пять шприцев, эластичный и марлевый бинт, вата, лента пластыря, заживляющая мазь... надо глянуть в Женькин мешок, кстати, там тоже что-то было по теме. Я дотянулся, положил на колени и стал выкладывать всё в ещё одну кучу. Рука внезапно наткнулась на что-то, чего тут быть точно не должно. Я с грохотом поставил проклятую Эсмеральду на стол, молча посмотрел на Женю. Она чуть стушевалась, потом изобразила кота из Шрека, пожала плечами:

— Я не смогла её там оставить.

Я вздохнул, покачал головой, осмотрел мешок — вроде, больше ничего не взяла. В принципе, сам виноват... но могла бы и сказать, я что тут, для мебели?

— Жень, мы встречаемся?

— Ну... наверное, да.

— Ещё раз мне соврешь — перестанем.

У неё расширились глаза, я с каменной мордой продолжил выкладывать вещи из мешка, на автомате отмечая, что нужно купить пару рюкзаков, а это страшилище выкинуть к чертям. Конечно, я её не брошу, я это прекрасно знаю и уже одним этим я сам ей соврал. Плюс пробитая стена, плюс мои этюды «раненый боец нуждается в тепле и ласке»... я вообще по жизни тот ещё брехун, но когда хоть капельку врут мне — ненавижу.

— Ты уже решила, где будем снарягу покупать?

— Да, я всё узнала. Перекусим и пойдём, — голос у неё как с эшафота, я сделал виноватое лицо и похлопал по колену:

— Иди сюда, — она села, я обнял её и тихо сказал, — я знаю, что у меня ужасный характер и сдерживаю его изо всех сил, но их не всегда хватает. Не обижайся и постарайся меня понять.

— Ладно.

Вроде успокоилась. Хорошо сидим, самое время обсудить планы.

— Ты думала по поводу нашего будущего рейда?

— Да. Наверное, всё-таки придётся вернуться за автоматами и жилетами.

— Там около десяти кило, ты уверена, что потянешь?

— Устану — брошу. Но я думаю, что выдержу. Камеру всё-таки купим имобильник с интернетом — прямо оттуда отошлём видео Энверу, пусть начинает работать как можно раньше.

— В пещерах нет связи.

— Выйдем на минутку, ничего страшного. Возьмём фонари и батареи, воду, еду... оттуда вещи уносить не будем, и так много тащить.

Мы оба очень старательно не посмотрели на Эсмеральду, у меня лично аж шея заболела от старания.

— Ты не знаешь, где можно купить оружие?

— Нет. И не советую узнавать, скорее всего, на нас уже разослали ориентировки всем реализаторам — я бы на месте Рашида уже это сделала.

— Ну да, логично... Значит, едем за автоматами, потом в катакомбы, потом шлём видео следователю, потом смотрим по ситуации.

— Да. Ты обещал мне Никки, не забудь, — в её глазах опять разгоралось то чёрное

пламя, что я видел на белой яхте и безрезультатно пытался забыть.

— Не забуду. Собирайся.

***

Проснулся от какого-то шороха, протёр глаза, сел. Было светло. Мне со сна вообще показалось, что тут капец какая иллюминация, но потом дошло, что это просто зажигалка в руке у Женьки. Я попытался рассмотреть что она делает, наклонился, поворошил ногой гору бумаги и полиэтилена:

— Ты что творишь?

— Доброе утро, — она не стала отрываться от своего занятия, просто кивнула куда-то в пространство. — Прости, что разбудила, ложись опять, я больше шуметь не буду. Ты пару часов всего проспал.

Я наконец рассмотрел, что она делает, подофигел:

— Жень, ты не боишься, что нас найдут по этому бардаку?

Она не глядя качнула головой, улыбнулась, продолжая разгребать скомканные обрывки бумаги, наконец достала что-то, с огромной нежностью во взгляде погладила и протянула мне:

— Знаешь, что это?

Я повертел в руках холодную каменную статуэтку, пытаюсь понять, что такого она в ней нашла. Качество работы не очень — вон следы от резака не зашлифованы, да и вообще, честно сказать, художественная ценность этого булыжника значительно ниже среднего.

— И что же это?

— Это «Санта Эсмеральда» работы Рико Пинетти, ей больше сотни лет!

Её глаза сияли таким восторгом, что даже стыдно стало за то, что я не в курсе, кто такой этот товарищ и чем он так ценен. И как она вообще её опознала?

— Ты уверена, что это именно она?

— На все сто!

— Знаешь, я бы не рискнул судить при таком освещении...

Она хохотнула и постучала меня пальцем по лбу:

— Лёш, у меня же дальновзоркость, забыл? Я её не вижу. И зрительная память не супер, зато на ощупь помню каждую её царапинку, я держала её в руках в начале лета, — она забрала у меня статуэтку, погладила и прижала к груди. — Она принадлежит коллекции одного из папиных коллег, его обокрали недавно. А мы с тобой её нашли, представляешь?

Я вздохнул, ещё раз смерил взглядом чёртову Эсмеральду — каменюка весом грамм в четыреста, хрен с ней, пусть берёт, если она ей прям так дорога.

— Больше ты ничего бесценного не нашла?

— Да целую кучу! — она развела руками над горой обёрток, всё больше вгоняя меня в тоску. — Здесь есть вещи, которые я только в каталогах видела, не знаю, насколько они подлинные, но если "Санта Эсмеральда" настоящая, то и остальное, скорее всего, тоже. Мы нашли склад контрабанды, Лёш!

— Круто, молодцы мы, — я вздохнул, понимая, что сейчас будет сложный разговор. — А сейчас ты скажешь, что хочешь всё это взять с собой, да?

— Не всё, — понурилась она, грустно оглядела кучу древнего барахла и обёрток. — Только то, что вон там, я всё упаковала.

Я оценил размеры кучи, сложенной «вон там», прикрыл глаза и сделал пару глубоких

ВДОХОВ:

— Жень, мы это не дотащим.

— Но это бесценные произведения искусства! — выдохнула она. — Ты посмотри вокруг, здесь сыро, грязно, бешеные суточные перепады температур! Тут нельзя хранить такие драгоценные вещи, они могут испортиться!

— Женя... — я подошёл к горе свёртков, взял самый маленький и протянул ей. — Всё. Всё остальное остаётся здесь.

— Нет!

— Да. Жень, твоя гранитная Эсмеральда сто лет прожила неизвестно где и ещё столько же проживёт...

— Там есть картины! Старинные полотна...

— Женя!

— ...им нельзя находиться в такой сырости!

— Женя, послушай, — она замолчала и надулась, взяла из моей руки свёрток, сунула в мешок. — Ты их хорошо упаковала?

— Да.

— Значит, они вполне потерпят, пока мы не выберемся и не натравим на них экспертов.

Она сидела молча, отвернулась к стене и что-то трамбовала в мешок. И где она его выдрала? Ладно, потом спрошу. Уровень газа в зажигалке колебался миллиметрах в пяти от доньшка, я решил, что лучше этого не замечать — она мне ещё свою грёбаную Эсмеральду не простила.

— Ты спать не хочешь?

— Нет.

— Лучше ляг поспи, нам всё равно ещё рано выдвигаться, а когда поспим в следующий раз, неизвестно.

— Ладно.

Она отдала мне зажигалку, я чиркнул опять — хрен с ней, всё равно почти ничего не осталось. Женя отложила свой мешок, залезла на то место, с которого только что встал я, отвернулась к стене. Поставила пистолет на предохранитель и сунула под полу пиджака, не выпуская из рук... Да, скоро мы оба не сможем спать спокойно без оружия. Я погладил автомат, уложил его на колени дулом ко входу, стал рыться в мешке... несколько таблеток в пакете, шприцы, ампулы, бинт, баночка с чем-то, — Викины дары, небось, — заколка, запасная обойма и бумажный свёрток, который я выбрал из горы «бесценного искусства». Хоть гляну что там, интересно.

В бумаге оказался коробок с пол-ладони размером, тонкий, но тяжелый. В коробке поблёскивал крупный медальон на цепи, с одной стороны замысловатый иероглиф, с другой — взметнувшийся в атаке дракон. Везёт мне на драконов в последнее время... Интересно, как там васян? Надеюсь, зубы остались целы, иначе он меня в трубочку скатает потом, если нам обоим сказочно повезёт и мы останемся живы.

А вообще, на свежую голову идея отправить эту троицу в плавание показалась мне изрядно тухлой — жалкое корыто, в нём не говорящая по-человечески девка, старая русская врачиха с неизвестно какой химией в карманах и здоровенный татуированный мужик в чужом камуфле, с контрабандным калашом и огнестрельным ранением... пипец компашка. Я бы сто раз подумал, прежде чем подобрать их и куда-то везти на своём корабле. Чёрт,

надеюсь, они выберутся. Пусть не добьются аудиенции у ментов, так хоть сами не попадутся. Я потушил зажигалку и спрятал в нагрудный карман, стал сидеть, тупо пуча глаза в темноту, подозревая, что если закрою, опять усну. Мысли бродили кругами, постоянно возвращаясь к нашему хреновому положению — куда отсюда ползти? Судя по тому, что хозяева притона даже засаду на нас не организовали, бежать отсюда некуда, а значит, нам придётся возвращаться той же дорогой, как только желание есть и пить пересилит чувство самосохранения... кстати, о пить. Загадочная жидкость в мутной бутылке тихо-скромно стояла у меня в ногах, я опять отвинтил крышку, понюхал, скривился. Блин, а если после этой отравы у меня понос начнётся? Буду бегать нычкаться от Женьки по занорикам, оставлять Рашиду-энд-компани мины-сюрпризы... Прогуляться, что ли, опять по коридорам? Женька спит, слышно тут отлично, далеко уходить я не буду. В зажигалке ещё чуть-чуть осталось, на крайняк мобилкой подсвечу, решено — пойду.

Завернув медальон как было, я забросил за спину автомат, взял Женькин мешок и побрёл, только теперь не вправо, а влево для разнообразия, и по противоположной стене. Шёл довольно долго, после кривого поворота уже хотел вернуться, но рука в очередной раз провалилась в пустоту. Чиркнул зажигалкой, осмотрел кривоватые штабели деревянных ящичков, подошёл, попытался открыть один, не получилось. Достал связку ключей, выбрал самый крепкий на вид и сунул между крышкой и стенкой, стал расшатывать. Два ключа сломал, ну и хрен с ними — мне ими двери не открывать, зато ящик наконец поддался. Просунув пальцы под один угол, сорвал крышку, опять достал зажигалку, чиркнул... и охренел. В коробке ровненько, как яйца в лотке, лежали и поблёскивали клетчатými боками лимончики.

У меня аж дух перехватило, как представил, что с ними можно сделать! Набил от радости полные карманы, штаны стали сползать, ну конечно — по две с каждой стороны, два с половиной кило! В карманы на куртке влезло только по одной, маленькие какие-то карманы пошли. В других ящиках обнаружили ещё две разновидности гранат, ещё военные, корпуса кое-где ржавые. М-да, похоже, отголоски нашей второй мировой ещё погремят на не наших землях.

Ржавые я брать не стал — первоначальный азарт подугас, взял только несколько маленьких эргэдэшек, приподнял мешок, осмотрел остальные ящики... эти тоже надо вскрыть, по-любому. Ладно, я и так далеко ушёл, если Женька проснётся без меня, может испугаться. Резво преодолев обратный путь, я уже вообразил себя бэтменом, способным видеть в темноте, но в самом конце так приложился мизинцем с разгону о край проёма, что от боли аж ноги подкосились. Кое-как доковылял до ящика, сел, растирая раненую ступню, Женька зашелестела у стены, прошептала:

— Где ты был?

— На разведке. Я такое нашёл, с ума сойти можно!

— Что?

Она зашуршала, сползая с ящичков, нащупала мою спину, села рядом. Я гордо вложил в её руку ребристую эфку, представил:

— Граната!

Женька вздрогнула всем телом, сунула мне её обратно:

— Ты что так пугать! А вдруг бы я кольцо зацепила и она взорвалась!

Я заржал:

— Его надо не зацепить, а вытащить, а для этого надо приложить усилия, так что не

парься, ей можно хоть орехи колоть.

Всё равно у нас тут орехов нету, ага.

Женька недоверчиво отодвинулась:

— В фильмах они зубами чеку выдёргивают...

— А ещё в фильмах друг друга лупят полтора часа и даже помада не размазывается.

— Ты просто не знаешь, на что способна настоящая, качественная помада!

— А ты не знаешь, как устроена настоящая советская граната! — Язахлопал по карманам, чиркнул зажигалкой, стал тыкать пальцем и объяснять. — Чтобы вытащить чеку, надо разогнуть вот эти фигни, только потом тянуть. А чтобы вытащить её зубами не разгибая, надо плоскогубцы иметь вместо челюстей, или бесконечный кредит у стоматолога. Так что не бойся, случайно она точно не рванёт. — Женька осторожно взяла лимонку, стала крутить в ладони, я усмехнулся, — ты что, правда никогда её в руках не держала? Вроде с автоматом ты как с родным.

Она смущённо улыбнулась, вздохнула:

— Я же в тире училась, у охранников, мне нравилось с ними общаться. Они были единственные весёлые и искренние люди, остальные взрослые — сплошные дипломаты, одно подумают, другое скажут, третье будут иметь ввиду. — Улыбнулась, вернула мне гранату, пожала плечами, — ялет с восьми стреляла, даже ножи метать пробовала. Но гранаты в тире как-то не водились... Тяжёлая, кстати, я такую точно далеко не кину.

— А эту и не надо далеко, она оборонительная.

— В смысле?

— В смысле, осколки летят гораздо дальше, чем можно её забросить, если не спрятался — самого же и изрешетит.

— Зачем ты тогда их столько набрал?

Отличный вопрос... я почесал репу гранатой, шевельнул плечами:

— Пригодится.

Она, по-моему, всё поняла, хихикнула, пожала плечами:

— Как хочешь, тебе тащить.

Мне на секунду стало стыдно за её свёртки с искусством, потом я сам себя мысленно заверил, что гранаты нужнее и успокоился.

— Пойдём вместе пошуршим там, может что-то ещё найдём? Я не всё облазил.

— Пойдём.

Она взялась за мой пояс, я пошёл по памяти в норку с гранатами, зажёг свет. Сломав ещё один ключ, наловчился открывать ящики лёгким движением руки. Мы осмотрели всё, в двух последних нашли разные патроны, в том числе семь шестьдесят два, десять коробок по семьдесят штук, как раз для оставшегося нашего ТТ. Эти уже Женька гребла с горящими глазами, даже за пояс совала, запасливая моя. Таким порядком мы обошли ещё три минисклада, нашли взрывчатку, пулеметные ленты, броники и здоровенные пакованы с пачками баксов. Устали как собаки, завалились прямо там и уснули, безответственно не оставив часового.

***

Проснулся я резко и сразу бодрым, как по тревоге, только через секунду понял, что меня разбудило — мелкие частые шажки... сердце зашло в истерику, до дикого грохота в ушах — идиоты мы безголовые, расслабились, караул не выставили! Всё, сейчас нас тёпленькими возьмут.

Я до боли глубоко вдохнул, медленно выдохнул, пытаюсь унять сердце. Женька не храпит, я вроде бы тоже, значит — мы себя пока не выдали, они не знают, где нас искать. Если сидеть тихо, нас, может быть, не найдут... света нигде не видно, не на ощупь же они идут, фигня какая-то!

Ожидание затягивалось, вцепившиеся в автомат пальцы схватило нервной судорогой, шаги не приблизились ни капли... и тут до меня дошло — капли! Это не шаги, это дождь! Я растормошил Женьку, потащил бегом на выход, там уже светало. Вылил бурду из бутылки, прополоскал в море, мы стали по капле собирать в неё дождевую воду, подставляя под широкие листья. Женька набрала целую охапку, соорудила кривобокую воронку, двухлитровая бутылка стала понемногу наполняться. Было столько счастья, мы улыбались как безумные, целовались, говорили какую-то ерунду, я рассказывал, какая она умная, находчивая и вообще молодец, она смеялась и подставляла лицо дождю... Грязные, голодные, в синяках и полной заднице, мы скакали вокруг этой бутылки как пещерные люди, которые наконец смогли урвать уголёк от сожжённого молнией дерева, и верили, что теперь зима будет куда легче.

Мы успели два раза набрать до края и отпить половину, когда дождь закончился. Я бережно закручивал крышку, Женька расчёсывала мокрые волосы заколкой, улыбалась. Я посмотрел на темное небо, потом на неё, вздохнул и присел на камни рядом:

— Ты ещё веришь, что за нами придут? — она замерла и перестала улыбаться, заколола волосы, качнула головой:

— Ну... давай хотя бы пару часов ещё подождём, всё-таки рабочий день не начался.

— Жень, я есть хочу. И вот это мы выпьем за полдня, а со вторым дождём нам может и не повезти. Я не то чтобы такой нежный, просто хочу драться в нормальном состоянии, а не полумёртвым, понимаешь?

— Ждём рассвета и идём, хорошо?

Я вздохнул и снял автомат, стал заряжать все наши пистолеты и обоймы, от такого медитативного занятия в голову полезли мысли.

На что мы надеемся? Ну удалось нам каким-то чудом выбраться из клеток, ну сбежали мы, так потеряли же двоих бойцов... ну, бойца и врача, ладно, тоже плохо. С Андрюхой за спиной мне было куда как спокойнее, чем с Женькой, был бы со мной он — мы б уже в бронежилетах и с гранатами штурмовали подвалы... а на Женьку я напяливать броню не стал — для неё пять-десять кил добавочного веса могут стать большой проблемой. А брать себе и не брать ей — вроде как-то неправильно... хреновая, короче, ситуация. Ждать мифических спасателей задолбало, я не верю, что с последнего их вызова что-то изменилось, не придёт никто за нами, надо выкручиваться самим.

Солнце показало край из-за холма, мы собрались, по очереди сходили в кустики и двинулись обратно в пещеры.

***

Через пару часов я уже готов был рисовать план грёбанных катакомб по памяти, с указанием содержимого каждого занорика. А удалённость от железной двери определял с точностью до десятка метров по уровню освещённости — лампы есть только в самых широких коридорах, мы туда не ходили, но свет видели.

С каждым новым кругом, навёрнутым по подземельям, мы становились всё злее и молчаливее. Во мне крепла уверенность, что несмотря на происшествие с лодкой, нас всё равно пойдут искать, небольшим, хорошо вооружённым отрядом, как только проснётся кто-нибудь значительный и отдаст приказ. И нас найдут, потому как выход отсюда только один и находится он там же, где и вход — в подвале обшарпанного клуба-борделя. Мы не говорили об этом, но я чувствовал Женькино напряжение, старался не демонстрировать своё собственное, нервы у обоих были уже на пределе.

Когда я в очередной раз ощупывал стены какого-то дальнего тупика, пальцы наткнулись на гладкий камень, странно — мои руки уже привыкли к шершавости местных стен. Я решил потратить немного оставшегося газа и зажёл огонь, дернул Женю:

— Глянь сюда.

Тупичок оказался коридором, который зачем-то заложили кирпичом и камнем, абы как наляпанный раствор крошился под ногтем. Женька пощупала стену:

— Думаешь, там что-то есть?

— Ну зачем-то же его перегородили.

— Мы всё равно не разгребём эти каменюки.

— А нам и не надо, у нас гранаты есть.

— На звук взрыва сбежится вся охрана, — она вздохнула и села на пол у стены, положила рядом мешок. — Боже, как я устала...

Я тоже сел, в голове крутилось что-то шумное и офигенно привлекательное. Охрана, говоришь, сбежится? Пусть бежит, родимая, далеко не убежит...

Женька говорила, медленно и монотонно, что-то о том, как её всё задолбало, как и в чём конкретно она была неправа, что надо было сделать, чтобы всё случилось совсем не так и ещё много-много другого. Я не слушал, я тихо полез в карман и включил мобильный, притушил до минимума яркость экрана, включил диктофон, записал пару минут её монолога, сохранил, выключил.

— Время смотрел?

— Ага. Слушай, Жень... я щас сбегаю по делам, посиди тут, отдохни. Я быстро.

— Хорошо.

Я оставил ей автомат и куртку, пробежался до ближайшего схрона с ящиками, взял два на плечи, потащил в тупичок. Эти ящики мы признали бесполезными — нафига нам наркота? Ну или чем там ещё может бытьбелый порошок в пакетах, не муку же тут прячут? Повторил поход ещё несколько раз, выстраивая из тяжелых деревянных коробков бруствер между поворотом в тупичок и рукотворной стеной.

Пробежался до места, где видел броники, набрал сколько смог поднять и тоже отволок в наш тупичок. На Женькины вопросы отмахивался — меня подгоняло какое-то спинномозговое предощущение большого шухера, некогда болтать.

Взял куртку, пистолет и пошёл в противоположный конец катакомб, сел у большого проёма, за которым в прошлый обход нашёл упаковки взрывчатки. Достал из штанов

лимонку, а из внутреннего кармана наушники, отгрыз штекер, осторожно разорвал на два длинных проводка и со злорадной гримасой потратил один на растяжку, переставив коробки ко входу. Второй проводок пошёл на ещё одну растяжку, в другом коридоре, поближе к железной двери. Сходил пополнить запас гранат, отнёс в тупичок, только пошёл дальше наводить порядок, как услышал знакомый скрип двери.

До Женьки далеко, ну да она не дура — будет сидеть тихо и искать меня не пойдёт. А я пойду кого-нибудь поищу, пожалуй.

План катакомб я уже нарисовал у себя в голове, посмотрю, куда они пойдут и пойду в обход. А пока сниму ботинки, и штаны с рукавами закачу, чтоб не шуршали... Ага, одна группа потопала в сторону моря, человека два-три, судя по шуму. Вторая неспеша и с шуточками поплелась по освещённым коридорам к проёму со взрывчаткой. Я знаю, как дойти туда быстрее, готовьтесь, гады.

Тихий и смертоносный, как ниндзя-черепашка, я нёсся к первой растяжке, включил телефон, поставил на непрерывный повтор Женькиной жалобы на жизнь, сделал погромче и спрятал трубку в ящиках. Подсветил зажигалкой, переступил проводок и пошёл ко второй группе, здесь мне делать уже нечего — Женин голос всё организует.

Эти ребята уже сходили к морю, никого не нашли, но кустики, по ходу, унюхали — идут осторожно, говорят тихо... и даже по-русски. Я спрятался в один из занориков, замер и стал ждать, пока подойдут.

— ...блин, не думал, что они останутся тут. Я б на их месте своим ходом по морю уплыл, Рашид же их за такое на фильмы пустит, сто пудов.

— Ты по сторонам смотри лучше, Саныч сказал, у них оружие есть.

— Да они все патроны расстреляли на лестнице, ты же видел, а у нас полные рожки и фонари!

Ага, зато я тебя вижу, а ты меня — нет, идиот. Я подождал, пока они пройдут мимо, плавным бесшумным движением выскользнул из проёма, тщательно прицелился и прострелил головы обоим. Громко потопал к трупам, снял с одного рацию, уже зашипевшую:

— Что там, нашли?

Нажал единственную кнопку, постарался скопировать нахальный голос:

— Не, отбой, показалось. Крыса мелькнула.

— Идиот... давайте дуйте на выход.

— Идём.

Сунул трубку в карман, собрал рожки и побежал в наш тупичок, успокоил трясущуюся Женьку, сказал перебираться за коробки с наркотой. Нацепил на неё броник, вторым укрыл ноги, ещё один бросил на край бруствера козырьком над её головой. Сам тоже оделся, стал разгибать усики лимонки и выкладывать в ряд перед собой. Три под левую руку, три под правую — всё, ждём.

— Лёш, что творится?

— Мы линияем отсюда. Потихоньку.

— И чего мы ждём?

— Взрыва.

Она потёрла лицо ладонями, глубоко вздохнула:

— Это в тебя стреляли?

— Это я стрелял. Всё в порядке, всё идёт по плану. Когда скажу, хватай свой мешок и

беги туда, — я ткнул пальцем в тупик, она кивнула. Намотала на левую ладонь верх мешка, сжала пистолет в правой, прикусила губу, голос дрожал.

— Всё будет хорошо?

— Конечно, будет.

Грохнул взрыв. Я схватил три гранаты, по очереди вытащил кольца и бросил в тупик, согнулся за коробками, накрывшись бронежилетами, считая шёпотом до четырёх. Рвануло знатно, с короткими интервалами, как я и хотел. Над головой пронеслась волна горячего воздуха, с края ящика сорвало броник, каменная мелочь застучала по стенам. Грудь кирпичей раскатало на полпрохода, маленькая запылённая дыра у самого пола выходила куда-то в темноту, ну — хоть так. Я вытащил Женьку из-под броников и подтолкнул:

— Давай!

— А ты?

— Я за тобой!

Ещё три гранаты в руки, пробежаться до поворота, одну вперёд, одну за угол — и драпать. Автомат на плечо, один броник остался на Женьке, возьму ещё один, стодится.

Взрыв толкнул горячим в спину, я добежал до стены, на пузе протиснулся на ту сторону, достал зажигалку, осмотрелся. Свалка мусорная какая-то, очень просторная, потолок периодически подпирают деревянные брусья, уже изрядно трухлявые. Похоже на давно заброшенную шахту. Женька успела отойти довольно далеко, я сказал ей уйти ещё дальше и спрятаться за самой большой кучей хлама, сам присмотрел себе кучу поближе и бросил последнюю гранату в проём, еле успев добежать до укрытия.

Грохнуло, из дыры ударил подсвеченный дым, как будто дракондохнул. С потолка посыпалась пыль и камни, зажигалка погасла и в темноте меня больно приложило чем-то большим по хребтине. Через пару секунд онемевшая под броником спина стала отходить, зато в плече начала нарастать боль, всё сильнее и сильнее, рука не слушалась, пришлось нащупывать зажигалку левой. Загорелось не с первой попытки, я рассмотрел за спиной расщепившийся брус, который раньше подпирал потолок, над головой опасно затрещало.

Заковылял к Женьке от греха подальше, почти ничего не видя от боли, она тащила меня за руку по прямой, уговаривая идти быстрее.

— Подожди, — я остановил её, хлопнул себя по груди непослушной ладонью. — У меня под повязками таблетки, достань, пожалуйста.

Она полезла под воротник, нащупала и скормила мне леденец, потом пощупала правую руку, охнула:

— Мне Вика обезболивающее дала, может, уколоть?

Я с трудом скосил глаза на плечо, офигел от того, насколько оно распухло, кивнул:

— Коли.

Закрыв глаза, укола даже не почувствовал, по земле пошла дрожь, сразу же пророкотал отдалённый взрыв, я улыбнулся — вторая растяжка, какая прелесть. Где-то за спиной свалился ещё один брус, над головой трещало, как будто рвалась плотная ткань. Я осторожно поднялся на ноги, боль отступала, взамен пришла странная лёгкость, я почти не чувствовал ног и рук, слушались они, тем не менее, нормально.

— Пошли.

Чиркнул зажигалкой, зажмурился — свет резал глаза. Женька опять тащила меня за руку, в голове постепенно стихал гул — уже лучше, выберемся. В кармане зашипела рация,

заорала:

— Вадик! Вадик, вы где? Вы их видели?

Я дотянулся и нажал кнопку:

— Это не Вадик, Вадик больше никого не увидит. А ты передай привет Рашиду, скажи, мы с Драконом знаем, где он живёт, пусть готовится, сволочь.

Бросил рацию на пол, с пластиковым хрустом раздавил каблуком, уже увереннее пошёл за Женькой. Коридор сужался, скоро я заметил, что стало светлее, спрятал зажигалку, улыбнулся Женьке. Мы почти побежали к выходу — оттуда пробивался свет, подойдя ближе, я увидел зелень и сваленные у входа ржавые тачки, корыта, вёдра, какой-то хлам. Свет слепил, мы тёрли глаза, оглядывались назад в шахту, ничего не различая в полумраке, потом Женька вышла наружу, внимательно осмотрелась и уверенно кивнула:

— Я знаю, где мы.

— Класс. Нам надо где-то перекантоваться тихо и незаметно.

Я тоже вышел наружу, окинул мутным взглядом жиденький лес, спускающийся с холма вниз, стрёмные домишки, раздолбанную дорогу. Осмотрел себя и Женьку, вздохнул:

— Придётся бросить всё, кроме пистолетов и денег.

Она кивнула и стала стаскивать бронежилет, мы сложили автоматы и всё остальное в шахте у входа, у меня остался пистолет за поясом и пара гранат в карманах, у неё — мешок и ещё один пистолет, который она сунула в штаны спереди и прикрыла пиджаком:

— Пойдём, отсюда можно уехать автобусом.

— А нас возьмут, таких пыльных?

— Куда они денутся, — она распустила волосы и зачесала их на одну сторону, прикрыв синяки, достала из кармана десятидолларовую купюру, — деньги пыльными не бывают.

— Ты же говорила, они фальшивые?

— Я говорила «может быть». К тому же, мы никому не скажем, — она подмигнула и потащила меня вниз по тропинке.

***

Поездку в автобусе я почти не запомнил, правая половина тела в какой-то момент отнялась напрочь, в голове шумело, кто-то нагло пялился на меня слева почти впритык, где-то на середине дороги я осознал, что слева — окно, и что смотрю я в пол, но почему-то кажется, что пол — это верх, а падаю я назад, вниз. Сосредоточиться на том, что Женька говорит, было очень тяжело, я всё время смотрел на её губы и у неё была радужная помада.

Когда мы вышли на свежий воздух, стало немного легче, но ноги продолжали заплетаться, Женя таскала меня за руку как маленького, с кем-то разговаривала, периодически трясла меня за плечи.

В первый раз я немного пришёл в себя в какой-то подворотне, в небольшом глухом тупике с мусорными ящиками. Осмотрелся, понял, что отрезвившее меня чувство — это злость, авызывает её здоровый чернокожий мужик, что-то неразборчиво тараторящий моей Женьке. Лицо у неё злобное, но малость перепуганное, судя по тону разговора, он что-то от неё хочет. Я попытался пошевелить правой рукой — фигня, небоеспособная конечность конкретно. Ладно, чи ни в первый раз.

Немного сменил стойку, дождался, когда в его речи опять мелькнуло нервное «бич» и несильно зарядил левой в подбородок. Мужик чуть покачнулся, с подофигевшим видом задёргал ртом, выдохнул предложение, которое я оборвал ещё одним прямым в рыло, сразу после первого мата. Намотал на кулак ворот его футболки, притянул поближе и очень тихо и вежливо сказал:

— Show some respect, o'key?

Не знаю из какой задницы подсознания я выдрал эту фразу, скорее всего, из тех самых гундосых боевиков, которые смотрел в детстве — никаким другим способом английский язык в мой мозг не просачивался. Но мужик после этой фразы как-то ростом даже меньше стал, проблеял слабое «окей» и покосился на Женю. Она поморщилась и что-то сказала мне по-английски, я сделал вид, что понял и опустил руку. Уставился невидящим взглядом перед собой, сознание опять поплыло. Они вроде бы договорились, она подцепила меня под локоть и потащила куда-то, завела в тускло-желтое помещение, в котором я с трудом опознал гостиничный холл, быстро переговорила с мужиком за стойкой, взяла у него ключ, сунула деньги и побуксировала меня вверх по лестнице.

Когда она два раза провернула в двери ключ и с облегчением уронила свой мешок на пол, я вдруг понял, насколько сам устал. Мы доковыляли до широкой кровати и рухнули поперёк, разбросав руки в стороны. Переглянулись. В её глазах было столько всего... и всё такое не женское. Я опять почувствовал себя последней сволочью, отвернулся, уставился в потолок. Потолок качало, как будто он в море перекупался, никогда больше не буду мешать стимуляторы с обезболивающим.

— Почему ты не говорил, что знаешь английский?

Я косо улыбнулся и пожал плечами. Точнее — плечом, левым, правое не двигалось и похоже, от распухания на всю комнату его удерживал только рукав. Надо его снять.

— Помоги, пожалуйста, — я перекатился на бок, стал стаскивать свою разнорукавную куртку, Женька тоже схватилась, вдвоём мы с ней как-то справились, бросили на пол. Стукнуло громко — две гранаты и пистолет, я теперь безоружный. Женя тоже вытащила

своей, положила на тумбочку, не вставая стянула пиджак и блузку, оставшись в майке. Села по-турецки, участливо заглянула мне в лицо:

— Тебе сильно плохо?

Я опять пожал плечом, понял, что её такой ответ не устраивает и буркнул:

— Нормально. Качает немного, а так — уже лучше. Тебе Вика ничего про передоз от этой фигни не рассказывала?

— Нет, у нас времени не было.

— Ясно.

Мы помолчали, она немного повертелась и опять заглянула мне в глаза, почему-то виновато:

— Лёш... а почему ты промолчал тогда, в лимузине?

Вот же ж не было печали! И что ей сказать? О чём они там говорили, в лимузине, таком, что у неё лицо виноватое и она удивляется, что я промолчал? Ещё одно пожатие плечом, хитрый усталый взгляд, такой, умудрённый жизнью:

— Не хотел вас перебивать, вы так душевно общались.

Она отвела взгляд и буркнула:

— Я его ненавижу.

— Я тоже.

— Нет, я его раньше знала. Он такое чмо...

— По нему видно. Не переживай, и до него доберёмся, — я подмигнул ей. — Я тебе даже позволю лично его пристрелить, хочешь?

Она довольно заскакала на месте с улыбкой ребёнка, получившего огромный яркий подарок:

— Правда?! Ты такой лапочка!

— Только я ему ноги сначала переломаю, я Вике обещал.

Она перестала кривляться и посерьёзнела:

— А что он ей сделал?

— Я не спрашивал. Но судя по всему, это он занимается подбором кандидатов для гастарбайтинга...

За дверью что-то громко щёлкнуло, мы дёрнулись и через секунду сидели оба напружиненные и с пистолетами, у меня по виску ползла капля пота, сердце ломилось из груди наружу. В дверь постучали и женский голос что-то крикнул. Женя выдохнула и опустила пистолет, нервно улыбнулась, ответила на том же языке и женщина ушла, скрипя половицами. Я поднял бровь, Женька пояснила:

— Обслуживание номеров, предлагали завтрак заказать.

Мы оба криво усмехнулись, трясущимися руками молча отложили оружие, опять улеглись, я стёр ладонью пот. Она подползла поближе, осторожно положила голову мне на плечо:

— Не больно?

— Нет. Укол, наверно, ещё действует, — я повернул голову и поцеловал её куда дотянулся — в макушку. Её волосы пахли гарью и пылью, ещё немного порохом, но вполне возможно, мне это просто приглючилось. Трапезиевидные стены я созерцал уже минут десять, а вращение, как на большой карусели, ощущал с самой шахты. Ну хоть дошёл, и на том спасибо.

Женька прижалась ко мне крепче, я ощутил, как быстро колотится её сердце — позднее зажигание, наконец-то и её пробрало. Хоть бы в истерику не ударилась... Я с трудом перевернулся на бок и обнял её, она уткнулась лицом мне в грудь, вытирая слёзы о футболку. Зря она это, футболка грязная как чёрт знает что, ещё воспаление какое-нибудь себе на глазах натрёт.

— Жень, ты б сходила умылась. Я грязный, занесёшь заразу.

— Не-а, — она потрясла головой, крепче вжимаясь в меня, — ягрожусь по дороге.

Я выдохнул — сам хорош, если бы сказал ей умыться, как только вошли, смог бы сам отвести, а сейчас, когда уже упали и расслабились, встать действительно нереально. Надо бы скормить ей успокоительного, если есть.

— Ты как себя чувствуешь? — я приподнял её подбородок, заглянул в глаза. Глаза были дикие и красные, она их сразу закрыла.

— Не знаю. Мне страшно.

Я прижал её к себе, целуя лоб и щеки, постарался обернуть её дрожащее тело со всех сторон, отогреть и успокоить:

— Дурочка... в катакомбах бояться надо было, когда нас стреляли и взрывали, а не сейчас. — Она всхлипнула, плечи передёрнулись, её шея под моими пальцами покрылась гусиной кожей. Я стал наглаживать и нацеловывать её волосы, лицо, шею, — ну не реви, в порядке же всё. Выбрались, спрятались, никто нас не найдёт. Ну Жень...

Она повернулась, ловя мои губы, путешествующие по её щеке, прикусила, провела языком, обхватила меня за шею и стала целовать так яростно, как будто это было её спасением. Чёртово обезболивающее творило беспредел с рецепторами, от чуть прикушенной губы меня прошило разрядом до самых пальцев ног, грудь воспламенилась, как хорошо проспиртованная вата, рукам стало мало этой крошечной девушки, они заскользили по её спине, пытаюсь оплести и поглотить её всю, в штанах творилось такое, что не знаю, как они ещё не лопнули. Я опёрся на локти, навалившись на неё всем корпусом, ощущая как дрожит подо мной её худенькое тело, она была такая солёная, как будто я только что достал её из Чёрного моря. Я провёл языком по её щеке, по уху, прошептал:

— Ты солёная, как дельфинчик.

Она улыбнулась по-настоящему в первый раз за... не помню. Раздери меня черти, моя девушка перестала улыбаться, как только начала со мной встречаться! Я выдохнул, зарывшись носом в её волосы:

— Я не знал, что всё так получится...

Она извернулась подо мной, задирая голову выше и закрыла мне рот поцелуем:

— Молчи... я тоже виновата, и мои родители, и вообще... молчи. И поцелуй меня.

Я целовал. Атмосфера накалялась, в голове гремело и штормило, Женька вытворяла что-то невероятное, запустила руки под мою надорванную футболку и легонько водила ногтями по пояснице, от чего по всему телу бегали колючие волны, я и не думал, что могу такое чувствовать. Её майка задралась почти до груди, голая полоска кожи жгла мой живот, раздражала, дразнила... Я рванул чёртову тряпку вверх, прижался щекой, обводя языком чуть заметные линии пресса, маленький пупок, родинку между восхитительно упругих полушарий, тёмный твёрдый сосок... и замер. Так, куда-то меня занесло малость не туда. Команда была «молчи и целуй», команды «возьми меня» не было.

Думать с таким отвлекающим фактором в зубах было крайне сложно, Женькины пальцы у меня в волосах дрожали, бешеное сердце разламывало грудь, я крепко зажмурился,

чувствуя, что балансирую как канатоходец на последней точке невозвращения — если она меня сейчас не остановит, то через минуту я уже остановиться не смогу. Нечеловеческим усилием оторвавшись от её груди, я поднялся к лицу, крепко, до синяков целуя шею и подбородок, встретился взглядом с её тёмными бешеными глазами, в которых не нашёл ни капли страха, смущения или недовольства. Одно лишь старое «молчи и целуй», только теперь степени этак в десятой, вроде «заткнись и...».

Она и не подумает меня останавливать.

Майка затрещала, молнию я тоже умею расстёгивать одной рукой и очень быстро. Мои штаны полетели следом, сверху футболка, какие-то размотавшиеся бинты, отклеившийся пластырь, лишняя подушка, я сметал всё, что нас разделяло, что мешало прижаться к ней везде. Она обхватила меня ногами за пояс, приподнялась на локтях, прошептала:

— Лёш...

На этот раз я закрыл ей рот поцелуем. Теперь ты молчи, милая, поздно разговаривать. Если она сейчас начнет сопротивляться, я её просто изнасилую. Она поняла, или просто сама передумала болтать, обняла... Энергия, разрывавшая изнутри, наконец-то нашла выход, я двигался бешено, выхватывая такие осязательные глюки, что сам прозревал. Долго копившееся напряжение, стресс, укол, адреналин, её запах, её чёртов нереальный солёный вкус — всё в миг наложилось одно на другое и вылилось в такие ощущения, что я почувствовал себя зелёным пацаном, в первые узнавшим, что такое секс, как будто всё, что было до этого раза — так, бледное детское баловство. Напряжение нарастало волнами, кажется всё, сейчас... а нет — ещё выше, и выше, и куда-то вдаль, в космос, грёбаная химия, да когда ж ты меня отпустишь!

Накрыло непривычно медленно, сознание порвало в лохмотья, я только держался за мысль, что нельзя расслабить руки — Женьку раздавлю, такая туша... Осторожно отполз, упал на бок, подгрёб её, прижал к себе, попытался поцеловать. Мимо губ точно промазал, куда попал — хрен его знает, точки в глазах, нифига не видно. Она сама меня целовала, гладила, прижималась... Боже, как же хорошо.

Плохо только, что без резинки, ну да ладно, завтра куплю ей таблеточку, надо не забыть...

***

Сознание возвращалось медленно, поначалу я решил, что шум за стеной мне глючится, потом расчехлился что это всё-таки реал, к тому же рука заболела, а боль мне никогда не снится, её и наяву хватает. Попытавшись подняться, понял, что обезболивающее выдохлось окончательно, забил на поднимание, улёгся удобней. Подушка была мокрая, покрывало тоже, хорошо, что мы не укрылись ничем... кстати, а где Женька? На ощупь она не нашлась, повернув голову и приоткрыв один глаз, я убедился, что кровать вся в моём распоряжении. Ага, вот что шумит — она в ванной. Мне тоже надо, и футболку постирать, и трусы неделю ношу... Вот только встану как-нибудь, ага.

Время тикало, солнце ещё немного поднялось, пятно света на полу доползло до тумбочки. Женя из ванной не выходила, я уже забеспокоился — может, она ушла куда-то, а воду выключить забыла? Я стиснул зубы, только представив, что она куда-то вышла без меня, встал, схватился за стену, осторожно перебирая по ней руками, пошёл к двери... понял, что от руки на стене остался след, присмотрелся... чё за хрень? Обе ладони были грязные, живот, ноги... на простыне размазанные красные пятна, несколько капель на полу... у неё что, месячные начались?

Добрёл до ванной, постучал:

— Заяц, у тебя всё в порядке?

— Всё нормально, не заходи!

— Мне руки помыть надо, я пять секунд, — открыл двери, успел увидеть её голую спину и летящее в лицо полотенце.

— Дверь закрой!

— Да ладно тебе...

— Я сказала, закрой дверь!!!

Закрыл. И чего она? Полотенце было наполовину мокрым, я пожал плечами и обтёр им кровь с рук, чистым углом вытер лицо, остальное под одеждой не видно. Осмотрел кровать — постельному хана, надо попросить, чтоб поменяли. Оторвал у куртки лишний рукав, оделся, напялил ботинки, пересчитал деньги — схожу в магазин, всё равно спускаться. Заодно Женьке девчачьих расходников куплю.

— Жень, я пойду куплю поесть, никуда не выходи, двери никому не открывай, даже если скажут, что комнату убирать. Хорошо?

— Хорошо. Сладкого купи.

Я улыбнулся — это да, они в такие дни жрут за троих. Надо не забыть.

Магазин я нашёл быстро, немолодая дама за прилавком, увидев доллары, стала очень сообразительной, без проблем взвесила мне колбасы и сыра, накидала пакет фруктов, шоколада и печенек, и даже выбрала пачку прокладок, чудом уразумев, что мне надо, по жестам и нелепой пантомиме. Дивная женщина, я б так не смог. Сдачу со стабаксов она не дала, да я и не настаивал — подмигнул и сделал ручкой «пока-пока», она расплылась в улыбке и что-то сказала по-английски. Обязательно выучу этот грёбаный язык.

В фойе гостиницы я долго колотил по звоночку, заспанному мужику, явившемуся на звон, попытался объяснить про постельное, но он оказался не таким сообразительным, как дама из магазина. Отчаявшись показать простынь жестами, я увидел возле телефона

пыльный блокнот, выдрал оттуда страницу и стал малевать лежащей рядом ручкой кривую кровать:

— Вот, — я злобно ткнул в рисунок пальцем, — кровать, понимаешь? — сложил ладони под щекой, закрыл глаза, — спать, кровать! — Мужик закивал, я нарисовал на кровати пятиугольную (так получилось) простынь и подушки, широко перечеркнул крестом, бросил ручку, не удержался и порвал листок надвое, — хана нафиг! Андэстенд мой шпрэхэн?

— О, рюськи хана! — радостно закивал он. — Андэстэнд, да! Понимать! Хана — понимать! — я облегчённо выдохнул, мужик ушёл, вернулся со стопкой белья и почти без акцента заявил, — десять долларов!

Я пожал плечами, бросил на стойку мятую купюру, не моё — не жалко, подхватил бельё и поднялся в номер.

Женька всё ещё была в ванной. Я нахмурился, вытащил из пакета прокладки, постучал и приоткрыл дверь, старательно отвернувшись, раз уж она такая стеснительная, мне не сложно:

— Жень, я тебе покрывал купил, — протянул руку в щель, дверь неожиданно открылась на всю, Женя вышла, на ходу вытирая волосы маленьким полотенцем. Большое оборачивало её от подмышек до колен, я залюбовался, как переливаются капли на её плечах, застыл с протянутыми прокладками и глупой улыбкой.

Она нахмурила брови, перестала вытираться, посмотрела на упаковку в моей руке, потом на моё лицо, опять на упаковку... потёрла лоб, опустила голову и прошептала:

— Ой дурааак...

Отвернулась и отошла к окну, продолжая вытирать волосы. Так, я чего-то не знаю?

Повертев коробку в руках, я бросил её на кресло — нормальная коробочка, проблема не в ней. А в чём? До секса она вела себя вполне нормально, а после я её не видел — она ушла в ванную. Спали мы не долго, меньше часа, солнце подняться не успело, не могло за это время что-то случиться... Или могло? Или не после секса? Да ну на фиг, во время секса ей всё нравилось, я помню.

— Жень? — я подошёл, обнял её, на руку капнуло несколько холодных капель и одна горячая. — Ты что, плачешь?! — Яразвернул её к себе, заглянул в лицо, стал вытирать слёзы. — Да что случилось?! Женя, блин, будь человеком, я щас с ума сойду!

Она посмотрела на меня долгим, грустным, чуть насмешливым взглядом, потом перевела глаза на кровать... на мятую, окровавленную кровать. Твою ж дивизию! Я хлопнул себя по лбу.

— Ой дурааак! — обнял её, заглянул в лицо, — ты что, девственница?

— Уже нет.

— Прости, я... — я прижал её к себе, задыхаясь от слов, потом опять отодвинул, чтобы заглянуть в лицо, — почему ты не сказала?

— Я пыталась.

— Блин, я дурак, прости...

— Да ладно, мне понравилось.

— Не злишься?

— Всё нормально.

— Чего ревёшь тогда? — она молчала, я отбуксировал её к кровати, усадил себе на колени, опять повернул её лицо к себе. — Болит? — она отрицательно покачала головой. —

Родители строгие?

— Да нормальные родители, — она сбросила с подбородка мою руку, положила голову на плечо, — просто... не знаю, я думала это будет как-то... по-другому.

Опа, минус десять к самоуверенности, молодой человек... внутренний голос обрёл руки и засадил мне двойку печень-солнышко, больно, гад такой.

— Как по-другому? — голос у меня стал очень-очень спокойный, Женя дёрнулась и виновато чмокнула меня в щеку:

— Да ладно, забудь, всё в порядке, — ага, так я тебе и поверил, стояла тут плакала, а до этого два часа в душе отмывалась. — Лёш, ну чего ты? — теперь уже она заглядывала мне в лицо, ища там что-то, видимо, нашла не то, что хотела, опять принялась целовать, — Лёш, всё хорошо. Мне всё понравилось, правда, очень, честно-честно! — Обняла за шею и прошептала в ухо, — повторим?

Вот теперь меня отпустило, облегчение протекло по мышцам тёплой волной, я улыбнулся и обнял её, потёрся носом о шею... она такая чистая, а я как из пещеры вылез, так и хожу. Надо и мне в душ.

— Повторим. Сейчас в душ схожу и сразу повторим.

— Может, вечером? — стусевалась она, я поднял брови, Женька пожала плечами, — ну, я боюсь, вдруг чего...

— А ты не бойся, — я расплылся в разбойничьей улыбке, — во «вдруг чего» я не полеку. Я так, рядышком, остороженько.

Она покраснела и спрятала лицо, я засмеялся, ссадил её на кровать, кивнул в сторону кресла:

— Я постельное новое принёс, застелишь?

— Хорошо, — она тоже посмотрела на кресло, зацепилась взглядом за яркую упаковку прокладок, захихикала. Я тоже прыснул, подхватил коробку.

— Я выкину.

— Дай сюда! — она выхватила и спрятала за спину, показала язык, — пригодится скоро.

Я покачал головой и рассмеялся, ушёл в ванную. Когда вышел, она уже накрыла журнальный столик бутерами и чаем, я чуть слюнями не захлебнулся. Уселся на стул прямо в полотенце, схватил в каждую руку по куску и набил полный рот, замычал от удовольствия, прожевал, отдышался:

— Я мечтал об этом всю последнюю неделю!

— Вас что, не кормили? — она неспеша откусывала от маленького бутерброда, потягивала сок из чашки.

— Кормили, но таким дерьмом.

— А меня наоборот, заставляли есть, — она долила себе сока, пододвинула мне всё блюдо с бутербродами. — В меня не лезет просто, когда нервы, я неделями могу не есть.

Я промычал с что-то набитымртом, запил, долил ещё. В очередной раз засмотрелся на неё, подумал, как это поделикатнее сформулировать, потом плюнул и спросил прямо:

— Жень, сколько тебе лет?

Она косо улыбнулась:

— Не бойся, уже не статья, ни дома, ни здесь.

— А конкретнее?

— Восемнадцать.

Я приподнял брови, пожал плечами:

— Ну ладно. Ядумал, больше.

— Мне все больше дают, из-за роста и очков.

А ещё потому, что ты разговариваешь как училка, но я тебе этого не скажу, мне и так нравится.

— А как так получилось, что ты в свои восемнадцать лет... — она поджала губы, укоризненно на меня глянула, я поднял ладони, делая честную моську, — ну, просто, ты такая красивая, умная, по заграницам моталась, куча знакомых, всё такое. Я просто не понимаю, из-за чего так получилось.

И из-за чего у меня так просто получилось. И что мне теперь за это будет, если чё.

Она погрустнела, пожалала плечами:

— Я училась в школе для девочек, там нет мужчин. На отдыхепарни были — они у всех были, но все прекрасно понимали, что это закончится тогда же, когда закончится отдых — через две недели. А за две недели отношения сильно не разовьёшь. Дома то же самое, парень на одно лето — как-то... а на следующее лето у него уже есть другая девушка, или он уехал, или сильно изменился, — она вздохнула. — Не получалось у меня, в общем, с отношениями.

— Никогда бы не подумал, — я взял последний бутер, прошёлся взглядом по её голым коленям, вверх до лица, хитро улыбнулся. — Ты так целуешься, я думал у тебя опыта немеряно.

— Это врождённый талант! — она рассмеялась, стала нарезать ещё хлеб, скорчила шkodную моську, — не переживай, я тебя научу.

Хм, это она так деликатно дала понять, что мне ещё учиться и учиться? Я крепко задумался, под это дело сжевал ещё пару бутеров, потом чего-то вспомнилось:

— А что от тебя хотел тот негр?

— Это я от него хотела, он меняла. Нелегальный, поэтому давал гораздо меньше курса.

— Нифига себе у вас дебаты, — я хмыкнул, качнул головой. — И ты прям так сражалась за какой-то курс? Можно подумать, ты их адским трудом зарабатывала.

Она нахмурилась:

— Ну знаешь ли... какое кому дело, откуда эти деньги? Сделка есть сделка, нужно соблюдать профессиональную этику.

Я опять ухмыльнулся, вспоминая свой мегаэтичный прямой в челюсть, она тоже улыбнулась:

— Ну, после твоей реплики всё пошло куда лучше. Но я всё равно малость продешевила.

Я опять усмехнулся, но промолчал.

— Много поменяла?

— На основные вещи и билеты.

— Какие билеты?

Она посмотрела на меня, как на неадекватного, подняла брови:

— Домой билеты.

— Какой домой? — я аж бутер положил от удивления. — Жень, а кто ситуацию разруливать будет? Мы же хотели тут всех говнюков порешить, всех хороших спасти, глисту в костюме ноги переломать?

Она вздохнула, подняла брови ещё выше:

— Ты что, не помнишь?

— Что?

— Я же при тебе звонила Энверу.

Я нахмурился, копаясь в памяти. Ну да, кому-то звонила. Вот только мне в этот момент было совсем не до того — от меня хотела убежать левая нога, приходилось держать её двумя руками.

— И что он тебе сказал?

Она виновато прикусила губу, почти прошептала:

— Он не сможет нам помочь. Его уволили, после того случая, когда я позвонила ему с ворованного мобильного. Кто там вместо него сейчас, я не в курсе, но, — она чуть презрительно хмыкнула, — можно давать сто процентов, что нам он помогать точно не будет. К послу я не пойду — Ник его племянник, к дяде Халиду тоже не пойду — у него на компе куча видео, снятого в том клубе. Идти просто в полицию — это ещё круче, чем пальцем в небо, — на длинной лестнице от дежурного до тех, кто принимает решения, точно попадётся кто-нибудь из той же системы. — Она зябко сунула ладони между колен, пожалала плечами, — копии наших документов есть в ячейке аэропорта, оттуда же позвоню родителям, попрошу чтобы нас встретили дома. А эта грёбаная страна пусть разбирается со своими проблемами сама.

Я сидел молча и смотрел в чашку. И ясно видел чёрные глаза красивой девушки Кристины, глубокие, умные, всё понимающие...

«— Почему у меня такое ощущение, что ты здесь ненадолго?

— Потому что я уже выбрался с корабля. И отсюда выберусь.

— Нет. Потому что ты не выглядишь смирившимся.»

Я же ей ничего не обещал. Почему у меня такое ощущение, что я ей по гроб жизни должен? Может потому, что в том хаосе тотального беспредела она подарила мне час покоя и уверенности, что выход есть. Сколько их там, молодых, красивых, всё ещё на что-то надеющихся?

— Раньше ты так не считала, — я попытался поймать её взгляд, но она упорно смотрела в пол. — Ты с такой яростью отстреливала работяг, такая вся идейная.

— Раньше ты не был ранен, — она стрельнула глазами на моё распухшее плечо, опять сжалась в комок и опустила глаза, — и у нас была поддержка, закон был на нашей стороне...

— Так он до сих пор на нашей стороне! Надо только донести всё это дерьмо до закона.

— Нам никто не поможет, Лёш, там всё давно куплено, — она вытерла щеку плечом, облизала губы, — Энвер хотел устроить мощную провокацию и поймать этого урода с поличным, чтобы осветить через прессу, испортить репутацию. Видишь, что из этого получилось? Даже его достали. Так кто Энвер и кто мы.

— Кто мы? — я медленно переплёл пальцы, рассматривая бесчисленные шрамы на костяшках, как годовые кольца, блин, новые поверх старых, с каждым годом всё уродливее. — Мы, Жень, те, кто смог смыться и организовать большому дяде проблемы. И это без подготовки, без оружия, без планов и всего остального, на голом энтузиазме. И не знаю, как ты, а я собираюсь сходить туда ещё разок — я обещал глисту ноги переломать и ещё кое-кому всякого, по мелочи. А ты, если не хочешь — не ходи. Езжай домой, так будет даже лучше.

Она обожгла меня злобным взглядом:

— Ты в героя решил поиграть? Ты ранен!

— Ничего, я крепкий.

— Лёш, ты ходишь с трудом, какое вернуться?

— Я отдохну, завтра всё будет в порядке.

— У тебя правая рука почти не работает.

— У меня левая есть и две ноги.

— Лёш, я серьёзно! Какая, к чертям, левая?!

Я с психом отодвинул стол, развернулся и двинул кулаком в стену между комнатой и ванной, рука ушла в дыру до середины предплечья, с той стороны посыпались обломки. Осторожно вытащив ладонь из пролома, я растопырил пальцы и показал ей чистые костяшки:

— Вот эта левая. Я не играю в героя, Жень, я прекрасно знаю, что могу, а что нет. И я туда пойду, а ты иди куда хочешь.

У неё было такое лицо, как будто она сейчас скорую мне побежит вызывать. Сдержаться наружу гнусный ржач было очень сложно, но я сумел — стенка деревянная, я ещё когда в душе купался заметил. А в том месте, куда я ударил, вообще с той стороны огромная трещина, я полчаса назад её ногтем колупал, удивляясь, почему под слоем сухой штукатурки внутри пустота. С покерфейсом вернулся за стол, специально правой рукой взял чашку, стал неспеша пить, на каменной морде ни на секунду не отразилось, чего мне это стоит. Она выдохнула, потёрла лицо ладонями, раздражённо поджала губы:

— Хватит выделываться. Возьми в левую, я и так знаю, что ты умеешь терпеть боль.

Я не двигался, она покачала головой и отвернулась. Мы молчали, звенящая тишина медленно, как питон, заглатывала мою решимость. Когда от неё почти ничего не осталось, Жень всё-таки заговорила:

— Ладно. Хорошо. Мы пойдём туда и что дальше?

— Устроим им всем веселье, — она изобразила беззвучный презрительный фырк, я поправился, — я устрою. А ты выведешь бойцов и девок, организуешь им встречу с каким-нибудь местным прокурором, против такого количества свидетелей никто не попрёт. Можно там, не знаю, телевиденье вызвать...

Женья всё-таки не выдержала, фыркнула в голос, снисходительно качнула головой:

— Вот с чего ты взял, что телевиденье приедет снимать, как ты геройствуешь один против целой службы безопасности? Что прокурор не куплен давным-давно, что всех этих свидетелей кто-то станет слушать?

Я обиженно выпятил челюсть, скривился:

— Ну и что ты предлагаешь, такая умная?

— Надо заходить с другой стороны, люди никого не интересуют, — она сделала загадочное лицо и мхатовскую паузу, — весь мир помешан на вещах, вещдоки не врут, а там их полные катакомбы! Мы очень, очень тихо проберёмся туда, кое-что возьмём с собой, остальное снимем на камеру, отдадим материалы Энверу...

— Да что ты в него вцепилась? — я перебил её, она так говорит об этом мужике, что он мне уже заочно не нравится. — Что, других мало? Должен быть какой-то специальный отдел по борьбе с торговлей людьми, или там с контрабандой, не знаю. Зачем тебе именно этот следак?

— Он — то, что надо, поверь, я разбираюсь в людях. — Она опять поправила волосы, каким-то таким кокетливым жестом, не для прически, а просто чтобы поправить... ух, как же мне это не нравится!

— Что он такого может, чего не могут остальные?

— Я ему доверяю. Одно то, что он приехал, когда я позвала и то, что его за это уволили, уже о многом говорит-скажешь, нет?

Я не нашёл, что возразить. Она победно сложила руки на груди:

— Как думаешь, тот проход, через который мы ушли, завалило?

— Скорее всего.

— Тогда пойдём через море, нужно взять напрокат катер и наверное, акваланги... купить хорошую камеру с подсветкой, вообще взять мощные фонари и запас воды. — Она рассуждала с таким видом, как будто на пикник собирается, я покачал головой, запрокинул лицо к потолку:

— Женя, не выйдет туда прийти и всё пофоткать. После того, что мы устроили, там скорее всего натыкают охраны, камер и датчиков движения, нам всё равно придётся прорываться с боем. Сходим к шахте и заберём оружие...

— Оно не понадобится, — она махнула рукой, судя по взгляду, продолжая составлять список для пикника, — зачем лишний вес таскать, пистолетов вполне хватит.

— Женя, блин!

Глубокий вдох и...

«...чашка летит с размаху об пол, разбивается, забрызгивая оранжевым драный ковёр.

— Молчи и делай как я сказал, женщина! Я лучше знаю, как воевать с мужиками!

Она смотрит на меня расширенными от страха и удивления глазами, молчит и...»

...выдох. Я открываю глаза, очень, очень осторожно ставлю чашку на стол. Не поднимаю взгляд, не дай бог увидит — испугается.

Я никогда так не сделаю и такого не скажу. И не только потому, что это не комильфо — так себя вести... просто я знаю, где-то глубоко в душе даже уверен, что последствия от такого поступка будут очень болезненны для моего самолюбия. Потому что она не будет молчать и делать, она конкретно и без купюр объяснит мне, кто я тут без неё такой. Битый ногами и жизнью голодранец без документов, без знакомых, без денег, культуры не знаю, языка не знаю, ни местного, ни какого другого. И никому не нужен, никто за меня не поручится, никто не будет искать. Пропал человек — вышел из дома такого-то числа и не вернулся, всё, закрыли дело. И если бы не она, меня прикопали бы ещё на «Чайке», или утопили на яхте, или мы бы просто не связались с полицией, или нас бы нашли и ещё месяц выясняли, кто мы такие и надо ли нам помогать. Я, может, вообще бы в тюрьме местной уже сидел, за многочисленные убийства граждан страны... А так — пришла девочка-Женечка, поулыбалась кому надо, на ихнем пошпрехала — порядок, мы лучшие друзья, заходите-располагайтесь.

Она молча смотрела на меня, потом качнула головой:

— Делай как хочешь.

Поднялась, стала собирать посуду со стола. Я пару минут понаблюдал, потом тоже начал помогать, мы вместе вынесли пластиковые тарелки и стаканчики в мусор, вернулись в комнату, я догнал её и крепко обхватил сзади, прижался лицом к плечу. Она пыталась вырваться, но как-то нерешительно, я не пустил.

— Жень, давай спать ложиться, а? Завтра на свежую голову всё обсудим и решим что-то среднее, хорошо? — звучало как-то неубедительно, я решил отыграть умирающего лебедя и добавил в голос надрыва, — зайка, я так устал... у меня всё болит, я не в состоянии сейчас что-то решать.

Есть контакт! Вокруг меня поднялся квохкот и уси-пусси, я с полным кайфом позволил себя уложить, чем-то намазать, укутать одеялом, обнять и уснуть.

***

Просыпался я медленно, как на выходных, когда уже выспался, но вставать ещё незачем, идти никуда не надо, планов никаких нет и с постели поднять может только желание что-нибудь сожрать или в туалет сходить. Солнце гладило ресницы, бегало зайчиком по щекам, на другой стороне кровати раздавался скрип, я приоткрыл глаза, расплылся в ленивой улыбке. Да, просыпаться с девушкой — офигенно. Она лежала завёрнутая в одеяло до подбородка, мне остался сиротливый уголок, в настоящий момент греющий левое колено-ладно, мне не жалко.

— Давно проснулась?

— Ага, — она улыбалась так, как будто случилось что-то хорошее, я потянулся, развалился поудобнее.

— Чего не разбудила? — она пожала плечами, продолжая внимательно меня рассматривать, я прям смутился. — Ну что ты на меня смотришь? — ещё одно пожатие плечами с хитрой улыбкой, я придвинулся к ней ближе, она тут же отодвинулась на то же расстояние, я нахмурился, — что такое?

— Нет, ничего, ладно, — она сама подползла ко мне, укрыла и обняла. — Просто на таком расстоянии я лучше всего вижу.

Ага. Ясно. Представляю, видел вчера в зеркале... страшный, небритый, в синяках, в ссадинах, швы полузажившие и опять разошедшиеся — красавчик! И утверждение, что мужик должен быть чуть симпатичнее обезьянки, нифига не утешает — я хочу, чтобы ей было приятно на меня смотреть.

Она там временем погладила пальчиком мою щеку:

— Что это?

— Что?

— Пятнышки.

— А. Оспой в детстве переболел, — какая прелесть, она и это видит... а я уж надеялся. Желание постучаться лбом в стену не осуществилось только по причине того, что для этого нужно встать, а я не хочу — меня тут обнимают.

— Что такое?

— Не рассматривай меня так, ладно?

— Чего? — она так искренне удивилась, я фыркнул и изобразил колупание пальцем одеяла:

— Ты меня смущаешь.

Она рассмеялась и полезла целоваться, я был только за — что угодно лучше таких разговоров, а уж это...

Через полчаса мы всё-таки поднялись, доели что осталось и собрались по магазинам. О планах никто пока не заговаривал, но есть вещи, которые по-любому нужны. В аптеке я заказал целый список, она переводила, иногда поглядывая на меня с удивлением, особенно когда поймала хитрый взгляд продавщицы, пробивающей те волшебные таблеточки, которые «после». Когда мы вышли, я открыл воду, достал одну таблетку и протянул Женьке:

— На, это для тебя. Через двенадцать часов вторую выпьешь.

— А от чего это?

Она что, правда не знает? Я смутился:

— От неприятных последствий приятного процесса.

Она замерла с расширенными глазами, потом всё-таки взяла таблетку, выпила. Забрала у меня коробку, стала читать вкладыш, надолго замолчала. Я перебирал упаковки, думал, что ещё нужно, затащил её ещё в пару магазинов. Только когда мы вернулись в гостиницу, обратил внимание, что она молчит уже несколько часов.

— Что-то случилось?

— А? Нет, просто думаю.

Так, а вот это мне не нравится, по опыту известно — чем больше они молча думают, тем более абсурдные идеи в результате рожают. И тем больше потом проблем. Надо это прекращать.

— Давай лучше помоги мне со списком покупок, я запутался.

— Что там такое?

— Что это за фигня? — я ткнул пальцем в какую-то строчку чека, она бросила короткий взгляд, ответила:

— Бинт.

— А чё так дорого? — я взял из пакета упаковки с широким и узким бинтом, стал вертеть в руках, пытаюсь найти в них что-нибудь особенное. Не нашёл. Она ухмыльнулась:

— Ты так говоришь, как будто адским трудом их зарабатывал.

Я скривил морду, показывая, что шутку оценил, вернулся к чеку и пакетам, стал разбирать, по очереди выкладывая упаковки на стол. Антисептик, обезболивающее в таблетках и ампулах, пять шприцев, эластичный и марлевый бинт, вата, лента пластыря, заживляющая мазь... надо глянуть в Женькин мешок, кстати, там тоже что-то было по теме. Я дотянулся, положил на колени и стал выкладывать всё в ещё одну кучу. Рука внезапно наткнулась на что-то, чего тут быть точно не должно. Я с грохотом поставил проклятую Эсмеральду на стол, молча посмотрел на Женьку. Она чуть стушевалась, потом изобразила кота из Шрека, пожала плечами:

— Я не смогла её там оставить.

Я вздохнул, покачал головой, осмотрел мешок — вроде, больше ничего не взяла. В принципе, сам виноват... но могла бы и сказать, я что тут, для мебели?

— Жень, мы встречаемся?

— Ну... наверное, да.

— Ещё раз мне соврётся — перестанем.

У неё расширились глаза, я с каменной мордой продолжил выкладывать вещи из мешка, на автомате отмечая, что нужно купить пару рюкзаков, а это страшилище выкинуть к чертям. Конечно, я её не брошу, я это прекрасно знаю и уже одним этим я сам ей соврал. Плюс пробитая стена, плюс мои этюды «раненый боец нуждается в тепле и ласке»... я вообще по жизни тот ещё брехун, но когда хоть капельку врут мне — ненавижу.

— Ты уже решила, где будем снарягу покупать?

— Да, я всё узнала. Перекусим и пойдём, — голос у неё как с эшафота, я сделал виноватое лицо и похлопал по колену:

— Иди сюда, — она села, я обнял её и тихо сказал, — язнаю, что у меня ужасный характер и сдерживаю его изо всех сил, но их не всегда хватает. Не обижайся и постарайся меня понять.

— Ладно.

Вроде успокоилась. Хорошо сидим, самое время обсудить планы.

— Ты думала по поводу нашего будущего рейда?

— Да. Наверное, всё-таки придётся вернуться за автоматами и жилетами.

— Там около десяти кило, ты уверена, что потянешь?

— Устану — брошу. Но я думаю, что выдержу. Камеру всё-таки купим имобильник с интернетом — прямо оттуда отошлём видео Энверу, пусть начинает работать как можно раньше.

— В пещерах нет связи.

— Выйдем на минутку, ничего страшного. Возьмём фонари и батареи, воду, еду... оттуда вещи уносить не будем, и так много тащить.

Мы оба очень старательно не посмотрели на Эсмеральду, у меня лично аж шея заболела от старания.

— Ты не знаешь, где можно купить оружие?

— Нет. И не советую узнавать, скорее всего, на нас уже разослали ориентировки всем реализаторам — я бы на месте Рашида уже это сделала.

— Ну да, логично... Значит, едем за автоматами, потом в катакомбы, потом шлём видео следователю, потом смотрим по ситуации.

— Да. Ты обещал мне Никки, не забудь, — в её глазах опять разгоралось то чёрное пламя, что я видел на белой яхте и безрезультатно пытался забыть.

— Не забуду. Собирайся.

***

Отступление единственное, миниатюрное

Я тихо лежала, завернувшись в одеяло до подбородка, Лёшка раскрылся, все попытки его укутать заканчивались тем, что он отпихивал смятое в ком одеяло и отодвигался от него подальше. Я перестала пытаться, мне нравилось на него смотреть, было такое ощущение, что ко мне в постель забралась скульптура Микеланджело, дышащая, тёплая, пронизанная сумеречным светом раннего утра. Не верилось, что я сейчас имею на него полное право, могу дотронуться и мне ничего за это не будет — непривычное ощущение. Если мы завтра умрём, я хотя бы буду знать, что в моей жизни было кое-что особенное.

Первый автобус отходит в семь утра, мы решили на нем не ехать — много народу, а мы всё-таки приметные. Поедем на час-два позже, ничего страшного. Купленный вчера вечером бэушный, но современный мобильник показывал шесть сорок семь, я неслышно выбралась из-под одеяла и оделась, проверила предохранитель, сунула пистолет под блузку. Замазала синяки, взяла немного денег и завернутую в бумагу Санта Эсмеральду и тихо, как привидение, вышла из комнаты.

Раннее утро быстро взбудрило, я зашла в убогий галантерейный на краю рынка, купила большую открытку в конверте и ручку, села на лавку в ближайшем дворике, вздохнула.

Дорогой Энвер.

Мы два самоуверенных идиота, нас скорее всего убьют, но по-хорошему — мы это заслужили. Я не смогла его остановить и не решила оставить одного, мы идём туда сегодня в восемь утра, с фонарями и пистолетами. Будем снимать для тебя неоспоримые доказательства, пришлём имэйл, жди;) Чёткого плана нет, почему-то все наши планы вечно идут прахом. Если удастся выбраться, я позвоню — я наконец выучила твой телефон. Если не удастся, передай моим родителям, что я их люблю. Похоже, это самое лучшее лето в моей жизни.

Посылаю тебе единственное доказательство нашего пребывания в том притоне, которое я смогла унести, будь с ней осторожен — это бесценное произведение искусства. Если суда по нашему делу не будет и она не понадобится, пусть её вернут хозяину (отдашь моей маме, она разберётся). Было приятно познакомиться с тобой, надеюсь, ещё увидимся.

Я:)

Медленно перечитав написанное, я воровато оглянулась и на миг прижалась губами к бумаге, заклеила конверт, поплотнее завернула Эсмеральду, проверила время. Вышла на основную улицу, тормознула битую машину такси, заглянула:

— Доставишь посылку в центр?

— Не вопрос. Куда?

Я назвала адрес кафе напротив здания департамента, дала крупную купюру и сказала отдать посылку человеку по имени Энвер, точно в час ноль пять. Таксист игриво поднял бровь, я загадочно улыбнулась и добавила ещё купюру, сказала, что адресат даст столько же. Он укатил с таким довольным видом, что я сразу поняла, что переборщила. Впрочем, я их не зарабатывала. Надеюсь, Энвер всё ещё обедает там. Он говорил, что его перевели на какую-то жалкую должность, уволить совсем из его департамента нельзя — все сотрудники столько знают, что до смерти должны быть под надзором, а в здании легче наблюдать за ними и их

контактами.

Не чувствуя ног от нервов, я спотыкаясь вернулась в гостиницу, быстро разделась, нырнула под одеяло, взлохматила волосы и попыталась уснуть.

***

Дальше четвёртая часть

Всё происходит как будто во сне. Солнце слепит глаза, на нас таращатся люди, но отводят взгляд, стоит только посмотреть на них в упор. За спиной позвякивает полупустой рюкзак, что-то плохо упаковал, не проблема — всё равно перекидывать потом, когда подберём оружие. Женька сонная и какая-то задумчивая, разговаривать не о чем, поэтому мы молчим с самого утра.

Где-то в груди, у самого позвоночника, гнездится ледяная змея страха... она уже знает, что это мой последний рассвет. Но я всё равно иду, потому что не могу не идти. Моё внутреннее "я" уже два дня говорит голосом Кристины.

Иногда мне кажется, что я вот-вот сойду с ума.

Иногда кажется, что не успею — всё равно умру раньше.

Иногда ядовитая совесть начинает облизывать душу, напоминая, что Женю с собой можно было и не брать. Я предлагаю совести сказать это Женьке в лицо и она трусливо затыкается. Слабачка.

Я отдал бы всё что угодно, лишь бы узнать, о чём она сейчас думает. У неё такое лицо, как будто она знает, что в её крови яд, который гарантированно убьёт её часов через десять и не парится об этом. Интересно, у меня такое же лицо?

Мы поднимаемся по тропинке, входим в пещеру шахты, поднимаем тачку, под которой оставили оружие... а его там нет. Только тут я замечаю следы в пыли, много, разных.

О чём мы думали... зачем мы вообще сюда попёрлись?

Женя достаёт из-под блузки ТТ, снимает с предохранителя, косо улыбается:

— Я же говорила, что не стоит сюда идти.

Я внимательнее вглядываюсь в следы, считаю — раз левая-правая, два левая-правая, три, четыре, пять разных пар ног, самые большие где-то как у Женьки, есть даже вроде как каблук небольшой.

— Жень, это не охранники. Это, по ходу, дети, или какие-то бродяги, не знаю. Но точно не наши.

Она тоже села, прищурилась, потом замотала головой:

— Ладно, я тебе так поверю... надо было купить очки. Ну что, идём или вернёмся?

Я достал фонарь, включил, всмотрелся в тот конец шахты, ничего нового не увидел. Перевёл на малую мощность, опять присел, изучая следы в глубокой рыжей пыли. Вот наши с Женькой, её каблуки и мои шаркающие заплетающиеся ботинки, никто их не затоптал — детские следы заканчиваются в паре метров от входа, а других тут нет. Неужели дуболомы Рашида так и не поняли, куда мы смылись? Хотя, им там было вчера чем заняться — я изрядно нашумел. И если сдетонировал хотя бы тот ящик взрывчатки, в который я спрятал гранату, там один из проходов завалило напрочь. А из разведчиков, посланных за нами, никто не вернулся, Рашид после моего послания небось кирпичами обделался, прячется где-нибудь, не до поисков ему. Было бы неплохо, если так.

Я позвал Женю, тихо пошёл к пролому, походя наградив пинком покалечивший меня вчера крепёжный брус — чтоб ты сгорел, гад! — заглянул в тёмный провал, ничего не рассмотрел, кроме каменного крошева и битых кирпичей.

Почему в жизни нельзя сохраниться?

— Лезем? — я глянул на Женьку, она решительно кивнула и достала свой фонарь, поползла вслед за мной в дырку, я слышал её дыхание за спиной. С фонарём ходить тут оказалось гораздо приятнее, я по-хозяйски осмотрел свой самодельный бруствер, истыканный осколками с этой стороны, пнул броник, внимательно изучил следы в пыли. Никто тут после нас не бродил, ну и хорошо. Женька достала камеру, с умным видом водила объективом вокруг.

— Можешь открыть какой-нибудь ящик?

— Ага, — я полез за ключом-открывашкой, подцепил и сорвал верх у ближайшего короба, Женя поднесла камеру поближе, сунула один из немаленьких пакетов в свой рюкзак, усмехнулась мне:

— Первый вещдок.

— Броник для истории захватить не хочешь, восемь килл всего? — съязвил я, она не обратила внимания, обошла коробки и стала снимать с другой стороны.

— Устану — выброшу.

— Как хочешь. Искусство твоё пойдём снимать?

— Веди, сусанин.

Я пошёл в сторону моря, изрядно перетрухнул, наткнувшись на мертвых, потом вспомнил, откуда они и успокоился. Обшарил карманы, пожалел, что в прошлый раз снял рожки — автоматы теперь бесполезны, а как быгодились... Женя перешагнула трупы, как кашку на тротуаре, с брезгливой физиономией, пропавшей через секунду. Я не знал, что думать по этому поводу — вроде, классно, было бы хуже, если бы ударились в слёзы и вопли: «Боже, труп!». Но такое безразличие тоже настораживает.

— Жень, ты в анатомическом музее была когда-нибудь?

— Была. Меня не стошнило, если ты об этом.

Вот язва... Я хмыкнул, но промолчал. Мы неспеша дошли до первого своего пристанища в этом месте, я попинал бумагу на полу, Женя засняла каждый грёбанный камушек, что-то из собственноручно упакованной кучи бесценного барахла сунула в рюкзак, я покачал головой, но смолчал — он у неё пока лёгкий, я почти всё себе закинул. Прогулялись до схрона с гранатами, я опять с щенячьей радостью набрал полные карманы, бросил в рюкзак несколько коробок патронов, Женя тоже прибарахлилась. Попытка пройти к пещере со взрывчаткой провалилась — там, по ходу, просел потолок, завал из камней начинался метров за пять до входа, мы туда не полезли.

Я достал воду, сел у стены, отхлебнул, протянул Женьке:

— Ну что, хватит тебе материала, следователь юный?

— Да, пожалуй, — она уселась рядом, попила воды, стала рыться в карманах рюкзака и разматывать длинный шнур. — Сейчас перепишу всё на мобильный и отправлю.

Мы замолчали, втыкая в медленно ползущую строчку прогресса, где-то раздался скрип, по спине прокатились холодные мурашки, я замер и показал Женьке жестом «сиди тихо». Через минуту мы оба поняли, что не почудилось, потушили фонари, она спрятала мобильник под пиджак. Где-то далеко, не скрываясь, шла группа людей. Я вертел в мозгах план катакомб, всё больше паникуя — если этот выход завалило, то путь из подвала только один и он пересекается с нашим выходом к тупичку. Если эта группа идёт к морю или в какой-то схрон рядом, они сто процентов пройдут мимо нас. А идти нам некуда — тут нет укромных мест.

Я взял оба рюкзака, подтолкнул Женьку дальше в заваленный проход, прямо по камням,

она споткнулась на своих проклятых каблуках, говорил же — купи другие... ладно, поздно жалеть. Мы пролезли так далеко в завал, как только могли, тут уже были глыбы больше нас, можно спрятаться. Прикопав наскоро рюкзаки, я затолкал Женьку в подходящую по размеру щель, прикрыл камнями, сам свернулся буквой «зю» у стены — нету больше щелей, хоть тресни, если ребятки догадаются посветить и внимательно посмотреть, я буду как на ладони. Остаётся только надеяться, что не посветят.

— Жень, — в ответ на мой шепот сверкнули только глаза, молодец, не дёрнулась даже. — Сиди тихо и представляй себя камушком, выйдешь только после меня.

Я потушил фонарь, сунул за камень, снял пистолет с предохранителя и превратился в слух. Они были ещё далеко, но меня уже мандражило — а если заметят? Один всех не перестреляешь...

Шаги и разговоры приближались, я различил льющийся из-за поворота свет, казалось, даже почувствовал движение воздуха... крепко зажмурился и ментально растёкся по всему коридору, нет у меня тела, я сплошное облако бесшумного ничего... я стена, я камень, я воздух, нет меня, нет-нет-нет, здесь только пустой засыпанный проход...

По глазам сквозь веки мазнул луч фонаря, ушёл в сторону, многочисленные ноги затопали мимо, кто-то тихо говорил не по-русски, мои лёгкие горели, где-то в солнечном сплетении медленно вращалась чёрная дыра, затягивающая внутренности... вдоль позвоночника неспеша ползла капля пота, вызывая дикое желание почесаться.

Пришедший слева свет и топот удалялся вперёд, исчез, скрывшись за поворотом, я наконец-то открыл глаза и включил фонарь, подхватил рюкзак:

— Женя, погнали, быстро!

Они вернутся очень скоро, а на обратном пути будут светить как раз на то место, где мы сейчас сидим. Единственный вариант — уйти туда, откуда они пришли. Мы понеслись к железной двери, я мысленно матерился, как грузчик — здесь почти нет занориков, в которых можно спрятаться, а те, что есть, насквозь просвечиваются из-за больших проёмов. Дорога только вперёд, а сзади уже возвращаются те мужики, куда мне, куда, куда...

— Лёщ, видео докачалось. Надо выйти и отправить.

— Угу, я понял.

Щас прям побежим, попросим охранников подождать нас минуточку...

Коридор уже светился, можно прятать фонари, а прятаться всё ещё негде, я уже видел железную дверь с раздолбанным дуплом возле проушин замка — долго мой подарочек выбивали, гады... Ну не в дверь же нам бежать, так?

Блин, я же изначально туда и хотел, вот засада! Обернулся, Женька потная и красная, дышит с трудом, вопросительно подняла брови. От двери послышался скрип, показавшееся тело в камуфле она лихо прострелила не целясь, я схватился за голову — всё, нас услышали. Теперь только вперёд и храни нас, дураков, госпожа Удача.

Со всех ног бросившись в двери, я отпихнул ногой труп, закрыл за Женькой засов, осмотрел пустое подвальное помещение, решил, что вверх по лестнице идти — самоубийство, оттуда уже раздавались вопросительные крики. Побежал в другую сторону, к следующему подвальному коридору, пустил Женьку вперёд, стал обрушивать за собой штабели ящиков, стоящих у стены. Сзади орали и топали, впереди на Женькиной спине подпрыгивал рюкзак, очередной проём вывел в просторное помещение с колоннами и тюками белых пакетов, таких же, как тот, что она взяла как вещдок. Когда мы почти добежали до следующего выхода, грохнули выстрелы, под ногами брызнул камень, я толкнул

Женьку за штабель пакетов, прыгнул туда же сам, стал стрелять наугад. Пальба с той стороны прекратилась, я рискнул выглянуть на секунду и чуть не остался без скальпа — пуля дёрнула за рюкзак, выбила крошку из кирпичей за спиной. Зато я запомнил картинку, стал стрелять одиночными почти не высовываясь, кто-то вскрикнул, Женька рядом тоже запищала, из солидарности надо полагать, у них, женщин, так принято... прямо в ухо, твою мать, аж звенит теперь.

Она протянула мне полную обойму и второй пистолет, я выщелкнул пустую, вжался мордой в пакеты, пережидая очередной шквал пуль над головой. Девчонка тихо скулила, но тянула руку за упавшей между пакетами с наркотой пустой обоймой, вроде достала, героиня, блин... Охранники опять стреляли, я слышал, как в заслоняющий нас ряд тюков входят пули, застревая где-то внутри, в воздухе висела тонкая белая пыль. Я отстреливался, пока не кончились патроны, на автомате сбросил пустую обойму, чертыхнулся, вспомнив, что больше нету, но Женька её уже нашла и спрятала. Пока никто не стрелял, с той стороны разговаривали, я безуспешно шарил по карманам, потом сунул пистолеты сзади за пояс, толкнул Женьку в проход и сразу перекатился следом. Пока они очухались, она была уже за стеной, зато в меня чудом не попали, свинец щелкал по полу так близко, что волосы на ногах шевелились.

Блин, если выберусь, сто пудов заработаю миллион и построю храм богини Удачи, пусть туда ходят студенты и солдаты, им нужнее всего.

Коридор за дверью был прямой и пустой, без боковых дверей, я прислонился к стене, достал две гранаты, дёрнул кольца и швырнул за дверь, побежал за Женькой, медленно считая в уме. На два кто-то тонко завизжал, на три рвануло и криков стало больше. Женька обернулась на бегу, тут же споткнулась и чуть не покатилась, я подхватил её под локоть и толкнул вперёд:

— Двигайся давай!

Впереди показалась лестница вверх, мы взлетели через ступеньку на два пролёта, я ломанулся с нахрапа в двери, чуть не сломал ключицу и чертыхнувшись, кинулся ещё выше. На следующем этаже пробовал дверь осторожнее, но и она оказалась заперта, снизу топали и хрипло дышали, Женька уже бежала дальше вверх, я следом. На этот раз повезло — открылось, из-за двери ближайшей комнаты доносились голоса и лился яркий свет, я отметил, что дверь стальная и новая, и что других таких вблизи нет, сказал Женьке «стой тут» и вломился в комнату.

Первого попавшегося бугая приложил мордой о какую-то полку, второй сидел за столом и получил ногой по уху, через секунду я выдернул его за ноги из-под стола и помог дognаться хорошим прямым в рыло. Затащил Женьку в комнату, закрыл дверь и придвинул туда громадный шкаф, благо дверь внутрь открывается. На всякий случай пнул ещё по разу оба бессознательных тела и наконец осмотрелся внимательнее.

Комната маленькая, без окон, какие-то полки вдоль стен, на полках детальки, проводки, всякое слесарно-механическое барахло, книги, в углу ящик с запчастями, крышка прислонена рядом, на столе, из-под которого я вытащил вторую жертву, лежит разобранный калаш. Значит, он его чистил или ремонтировал... я подошел к столу, повернул магазин, выдохнул — полный! А значит — тридцать волшебниц калибра семь шестьдесят два, способных летать сквозь стены, бери и пользуйся, да!

В двери начали ломиться, шкаф зашатался, Женька сползла на пол, тихо поскуливая и роясь в рюкзаке. Я схватил автомат, трясущимися руками стал собирать, ну же, давайте,

руки, вы в армии это за семнадцать секунд делали! Грёбаная кривая пружина влезла с третьей попытки, по виску сползла капля пота, магазин стал на место и я по привычке бросил автомат на стол, потом схватил и выстрелил прямо сквозь шкаф, короткой очередью. От толчка в плечо чуть не взвыл — забыл про ушиб напрочь, зато с той стороны двери вскрикнули, потом притихли. Я сел на пол и замер, Женька заряжала уже второй пистолет, её трясло как в припадке. Загнав обойму и прижав пистолеты к груди, как самое ценное произведение искусства, она смотрела в пространство перед собой и крупно трусилась, я держал на прицеле дверь, но с той стороны молчали. В наступившей на пару секунд тишине неуместно, как из другого измерения, завибрировал мобильный. Женька тряхнула головой, взгляд стал более осмысленным, как от сердца отрывая, она отложила один пистолет, порылась в рюкзаке, достала телефон и подняла на меня офигевшие глаза:

— Файл отправлен. Здесь есть сеть.

— Ну и какой нам с того..?

Меня перебил мощный толчок, от которого медленно вздрогнул пол, свет мигнул и погас, где-то далеко глухо застрочили выстрелы. Я включил фонарь, мы опять переглянулись с ничего не понимающими физиономиями, у Женьки заиграл телефон, озарив лицо кошмарным синим светом.

— Алло, — дальше пошла тарабарщина, она повернулась ко мне, голос дрожал, — где мы?

Я крепко зажмурился, пытаюсь собраться с мыслями, так, три подъёма с минус третьего, это по логике...

— На первом этаже, в центре, вроде как, за гаражом.

Она кивнула и опять затараторила в трубку, потом без сил опустила её на колени и повернулась ко мне лицом, смертельно уставшим иничего не выражающим:

— Энвер пришёл за нами.

Я позволил себе на секунду закрыть глаза и расслабиться. Потом опять собрался — ничего ещё не кончилось, я отложу автомат только тогда, когда вокруг будет два десятка вооруженных ментов. Где-то далеко грохотали выстрелы, что-то билось, взрывалось, кто-то кричал. Потом совсем рядом промаршировали тяжелые шаги, подошли вплотную к двери, раздался стук и голос:

— Женья!

Потом что-то нерусское, она заголосила в ответ, замахала на меня руками:

— Это наши, открывай двери!

Я отложил автомат, с трудом встал на ноги и смерил шкаф взглядом... подохренел. Как я вообще умудрился его с места сдвинуть? Скрытые резервы организма, не иначе. Примерился и чуть толкнул его, шкаф качнулся, но остался стоять где стоял. Я покосился на ожидающую чуда Женьку, почесал репу — неудобно как-то получается... ладно, попытка номер два. Со второй попытки шкафина отодвинулась сантиметров на десять, в приоткрытую дверь я увидел лицо высокого сурового дядьки в космонавтском шлеме и прохрипел «хелп ми», дядька кивнул и просунул руку в щель. Вдвоём мы как-то умудрились оттащить грёбаный кусок дерева настолько, чтобы в дверь можно было протиснуться. Женька вылезла первой, я подал ей рюкзаки и выбрался сам.

Нас окружили человек пять бойцов, все не ниже меня и выглядят огромными в своей штурмовой снаряге, грязные, но довольные и спокойные. Кто-то хлопнул меня по больному плечу и что-то ободряюще протараторил на своё, другой совал пальцы в дырки от пуль на

моём рюкзаке, все улыбались, мне дали попить и повели куда-то по коридору, усадили, укрыли, говорили что-то... Я внимательно посчитал добрых молодцев, обнял автомат и улёгся лицом к стене.

А давайте вы дальше всё сами, а? А я тут, можно, лягу и на часик умру?

***

**Двое в дамках,
или «Несогласные — за борт!»
(часть пятая, холодная, как месть)**

Мы стояли в шикарном зале с диванчиками, колоннами и зеркалами, сейчас по большей части разбитыми или простреленными, кое-где заляпанными кровью. Вдоль одной стены сидели на полу связанные пленники, вдоль другой лежали раненые, пара ребят в форме, но уже без бронежилетов и автоматов, бегала от одного к другому, бинтуя и зашивая. Я заметила в углу красивый столик, смела с него цветы и высыпала всё содержимое Лёшкиного рюкзака, побросав обратно только гранаты и коробки патронов, щедрым жестом указала врачу на всё это великолепие — пользуйтесь. Хорошо, что нам не пригодилось.

Лёшка спал на какой-то кушетке, мы с Энвером неспеша прохаживались по грязному паркету. Как только мы оказались более-менее наедине (Лёшка уснул, а десяток спецназовцев не в счет — они очень заняты), я бросилась ему на шею и обняла так крепко, как будто хотела задушить:

— Боже, Энвер, как я рада тебя видеть! Тебя всё-таки восстановили в должности и поручили опять это дело?

Он ухмыльнулся и покачал головой:

— Нет, Женя. Я сам сюда пришёл.

Я нахмурилась, оглядела бойцов, оружие, машины во дворе.

— То есть? Ты хочешь сказать, что это не официальное дело?

Он улыбнулся ещё печальнее, развёл руками:

— Да. И мы не официальные представители госструктуры. Мы, как бы это... — он косо улыбнулся и пожал плечами, — организованная преступная группировка, хорошо вооружённая и очень злая.

Я в шоке нащупала ближайшую поверхность и села, округлив глаза:

— И... Как это вообще получилось?

Он тоже сел, сделал комично серьёзное лицо и принялся загибать пальцы:

— Мы саботировали работу отдела, сбежав со службы. Украли оружие и экипировку (свою, нам чужого не надо), угнали государственные машины (тоже свои), похитили служебных собак, — он хохотнул и понизил голос, — на самом деле, мы им посвистели и сетку приподняли, они сами выползли. Ну так вот... потом мы украли из кабинета шефа две видеокамеры, взломав дверь, а это незаконное проникновение, на минуточку. На самом деле, это мой кабинет и у меня был дубликат ключа, но кого это интересует? — Я всё-таки чуть расслабилась и засмеялась, он продолжил, — потом мы незаконно проникли на дачу уважаемого законопослушного человека, поломали его собственность, покалечили его охранников, производили видеосъёмку без его согласия, а скоро вообще незаконно отберём впечатляющую часть его дорогостоящего имущества. Как там с имуществом, кстати?

— Отлично! — я порылась в рюкзаке, стала выкладывать прямо на пол пачку наркоты, сувенир двух тысяч лет отроду, патроны, гранаты. Энвер подозвал бойца с видеокамерой, тот подробно снял всё, включая мои комментарии к каждой находке, я протянула ему свою камеру, он ушёл довольный, сел за комп. Энвер отправил пятерку бойцов искать остальное

по описанному мной маршруту.

— Что делать будем, раз мы все тут такие незаконные? — я смотрела вокруг, считала бойцов — никак не меньше пятнадцати человек, и это ещё неизвестно, сколько стоит снаружи в оцеплении и бродит по зданию. Энвер поймал мой взгляд, сделал гордое недовольное лицо:

— Они все добровольцы! Я никого не заставлял, они сами меня подбили. — Ухмыльнувшись в ответ на мои вскинутые брови, он довольно сложил руки на груди. — Меня уволили, но друзья мои остались в отделе. И когда на несуществующий номер пришёл сигнал от тебя, уже во второй раз, его протоколировать никто не стал, а просто скинули мне запись и попросили подробности, — он ещё более хитро ухмыльнулся, — не для дела, а так, по дружбе.

— С вами связалась Вика? — улыбнулась я, он качнул подбородком:

— Андрей. Он сказал, что если мы ничего не предпримем, от виллы останется обугленная воронка, а отвечать придётся мне, — я хохотнула, да, Кровавый Дракон умеет объяснять, Энвер продолжил, — мы их подобрали, неофициально, разумеется, спрятали и допросили. Всё подробно записали, но опять же неофициально, без числа и подписи. Установили слежку за виллой, понемногу собирали компромат, уже готовилась группа подсадных девочек и бойцов, — он вздохнул, укоризненно посмотрел на меня, — если честно, все думали, что вы уйдёте и ляжете на дно в городе, мы проследили, как вы выбрались из шахты, вроде бы всё, все свободны и довольны... Но нет, вас потянуло на подвиги!

— Это не я, — опустила глаза я, — это он.

Энвер покачал головой, потёр лицо:

— Слава богу, ты додумалась послать мне письмо... Твоего таксиста заметили сидящим в машине у входа в кафе, признали подозрительным и аккуратно взяли. После полутора часов допроса мы убедились, что он просто таксист, заплатили и отпустили.

Я не знала, смеяться или плакать, просто глубоко вдохнула и выдохнула в потолок.

— А дальше?

— А дальше тридцать три богатыря и дядька, — он хохотнул и похлопал себя по груди, — по вашей милости стали преступниками.

— Мне жаль, что так получилось.

— Я сам виноват, — он отвёл глаза и погрустнел. — Не стоило вообще замахиваться на таких серьёзных людей. И вас втягивать в провокацию не стоило.

Мой взгляд поймал прекрасную картину и я отвлеклась, потянув Энвера за рукав:

— А это не один ли из серьёзных людей?

Он посмотрел в ту же сторону, увидел, как двое бойцов ведут под руки психующего и орущего Рашида, что удивительно — не мятого и не битого. Видимо, сопротивления серьёзного не оказал. Энвер фыркнул и дернул плечом:

— Да какой он серьёзный, сопка.

— Тогда можно я ему нос сломаю? — я посмотрела на него как ребёнок, выпрашивающий леденец. — Можно-можно-можно?! Ну пожалуйста!

Он ухмыльнулся и махнул рукой:

— Бог с тобой, ломай, — крикнул конвоирам, — ребята, вы с этого момента ничего не видите.

Я походкой сытой кошки подошла к Рашиду, заглянула сияющим взглядом прямо в

глаза, взяла за галстук и со всей силы долбанула лбом в переносицу, потом коленом между ног, потом другим коленом в наклонившуюся до пояса морду. Широко улыбнулась его охранникам, бойцы и некоторые раненные свистели и смеялись, я отвесила грациозные поклоны во все стороны и вернулась к Энверу:

— Спасибо большое, я мечтала об этом целую вечность.

Он с улыбкой покачал головой:

— Кто тебя научил таким пируэтам?

— Лёшка, — я кивнула на спящего парня, потом заметила в ряду пленников знакомую морду и остановилась напротив. — А это что, Ник?

— Не похож? — Энвер ухмыльнулся. — Не повезло ему, под раздачу попал. У меня пацаны размашистые, бьют — не жалеют... некоторые, видишь, не выдерживают.

— Вижу, — я наклонилась к нему, достала мобильный и включила камеру. Пнула пару раз легонько в колено, когда он поднял туманный взгляд, спросила манерным голосом телеведущей, — скажите, Николай, как вам удалось получить такие травмы и как вы себя чувствуете теперь, когда ваше крысиное личико похоже на вареник с вишней? — Он промычал что-то ругательное, я отошла подальше, захватывая весь ряд пленников. — К сожалению, Николай не может сейчас говорить, мы побеседуем с ним в следующий раз. До новых встреч.

— Это для кого такое интервью?

— Да есть одна женщина, — я спрятала телефон, пожала плечами, — Лёшка обещал ей, что переломает ему ноги, но я подумала, что так ей тоже будет приятно. Вы, кстати, выяснили, какую скрипку он играл в этой системе?

Энвер качнул головой:

— Разбираемся, эти уроды ни чёрта, ни бога не боятся — всё думают, что большой дядя их отмажет.

— И как, отмажет?

— Пока не знаю, замминистра отвертится точно, начальник специального отдела по борьбе с коррупцией тоже. Шестёрка насажаем полные тюрьмы, а большие дяди, как обычно, прикроют себя и своих ближайших сотрудников. — Он увидел моё скисшее выражение лица, фыркнул, — аты как думала, всё просто? Это работа не на один год, милая. Пойдём, вон ваши автобусы приехали, девочек уже выводят. Давай, это для тебя дело привычное — познакомиться, перевести, разместить, проследить, информацию собрать, — я замучено улыбнулась и кивнула, оглянулась на Лёшку, спящего на куцей кушетке в обнимку с автоматом, Энвер проследил за моим взглядом, — пусть спит, мы его попозже привезём.

Я попрощалась и пошла знакомиться с девочками.

***

Солнце медленно опускалось за небоскрёбы, я листала какой-то модный журнал о путешествиях, обращая внимание только на картинки — читать сил уже не было. Лёшка храпел без задних ног, положив голову мне на колени, мягкий свет и тишина одиночной вип-палаты нагоняли сон. В кармане махрового халата завибрировал мобильный, я ответила, непривычно возбуждённый голос Энвера прокричал:

— Женя! Включи телевизор, немедленно! Первый канал!

Я дотянулась до пульта, нажала, уменьшила звук. В новостях рассказывали о прекрасно проведённом штурме бандитского притона, организованном отрядом элитного спецназа. Мелькали кадры захвата помещений, потом некоторые лично мной снятые моменты, в

бегущей строке сообщалось, сколько конкретно оружия и наркотиков было изъято. Я улыбнулась в трубку:

— Поздравляю. Новую звёздочку дали?

— О, мне много чего дали, но если я тебе расскажу, то половину отберут! — он рассмеялся, я тоже улыбнулась. — Жень, у нас осталось тут чуть-чуть бумажной работы, мы к вам придём завтра и послезавтра, в среду улетите домой, билеты уже заказаны.

— Спасибо. Как там наши главари, удалось что-нибудь накопать?

— Ой, — он вздохнул, помолчал, — твой любимый жирный дядюшка из министерства получит награду за курирование этого дела.

— Дядя Бекир? — я аж задохнулась от возмущения, — но он же... Это беспредел, так нельзя!

— Так получается, Женя. Мне тут предлагали его отравить на церемонии вручения, но мне статус не позволяет марать руки лично, — он хохотнул. — Пойдёшь, кстати? Последняя возможность для нас увидеться лично и не по делу. Там будет много прессы и влиятельных людей, красивые платья, красная дорожка...

Я прикрыла глаза, наслаждаясь его мурлыкающим голосом, улыбнулась:

— Да, пожалуй, приду. Когда?

— Я пришлю приглашение, там всё написано. Встретимся там?

— Да, до свиданья.

— Счастливо.

Я положила трубку, бросила журнал на диван, откинулась на мягкую спинку. Перед глазами переплетались сотни вариантов вечера, один другого круче, я представила Лёшку в костюме, задумалась, чем закамуфлировать синяки... и какую сумочку выбрать, чтобы она была как бы вечерней, но при этом вместила пистолет, две обоймы, косметичку и кое-что ещё.

***

Я вертелась перед огромным зеркалом, придирчиво осматривая каждый шов свежеподогнанного жемчужного платья, столпившиеся вокруг продавцы и консультанты осыпали меня ахами и вздохами, я хорошо подумала и решила им поверить — да, я прекрасно выгляжу. Визажист старался так, что ему помощница пот вытирала, как ассистент хирургу, причёску тоже из моих замученных волос соорудили весьма приличную. С сумочкой вышел напряг, но деньги, как обычно, решили всё в мою пользу, одев в жемчуга в тон платью просторную обычную сумку — влезла и косметичка, и расчёска, и пистолет с двумя обоймами... и кое-что ещё. О, да.

Лёшка, полностью одетый и готовый, уже два часа спал на диване для vip-клиентов, положив голову на круглое плечо охранника. Его костюм подгонять не пришлось, как сказала швея пускающим слюни продавщицам, у него идеальное модельное тело. Я тут же вздёрнула нос — утритеесь, дамочки, он мой.

До открытия церемонии ещё пять минут, но мы, пожалуй, эффектно опоздаем на часик, как раз будет время пролистать разговорник.

В ближайшем ресторане, не шикарном, зато тихом, нас накормили и обслужили по высшему разряду, Лёха уминал деликатесы за обе щеки, я отхлёбывала сок и напевала под нос китайские скороговорки, иногда подсматривая в словарь.

— Что ты там читаешь? — Лёха в тёмно-синем был шикарен, я не сразу поняла, что он спрашивает, потом хитро улыбнулась и кивнула натарелку:

— Будешь моё? Я не голодная.

— Ну не знаю, я вроде перекусил...

— Смотри, фуршет — не банкет, туда ходят общаться, а не есть.

— Ладно, давай, — я протянула ему тарелку и опять углубилась в фонетику.

После ужина белый лимузин доставил нас к красной дорожке, я не разжимая зубов прошипела Лёхе:

— Улыбайся! Сделай вид, что ты тут постоянно бываешь и все эти люди — твои лучшие друзья.

Он мгновенно изобразил голливудскую улыбку, я прямо восхитилась — какой партнёр! Энвер поймал нас возле входа, мы обменялись парой фраз, во время которых я сканировала зал. Как только нашла делегацию китайцев, внимательно изучила пути наступления и просчитала, с кем сколько нужно по пути проговорить, чтобы на пересечении маршрутов мы с китайцами оказались одновременно.

И пошла.

Это было похоже на вальс. Раз-два-три, «здравствуйте», «как ваш сын?», «удачи вам»... улыбаемся, кланяемся.

Или на шахматную партию. Шаг-размен, ход конём, «как отдохнули?», «правда? Это великолепно!», «разве там сейчас курортный сезон?»... спасибо за игру, было очень приятно.

Или на фехтование. Allez! Поклон, туше, «как неожиданно видеть вас», «она так поправилась», «поговаривают, там что-то нечисто»... снимаем маски,жимаем руки.

Да, снимаем маски. Потому что сейчас я буду говорить только правду и я хочу, чтобы он это видел.

Allez! Здравствуй, старый умный ювелир Ки Вонг. Давай пообщаемся. Давай я расскажу тебе, как моя мама любит резной нефрит, как каждый год летает к вам на местный аналог ЮвелирЭкспо, какой восхитительный чёрный бриллиант фантазийной огранки она недавно купила. Ты будешь гордиться своим делом и своей страной, скажешь что-нибудь о многолетней исторической ювелирной традиции, о сокровищах семьи Ки, я повосхищаюсь и поблагодарив за приятную беседу, уйду здороваться с дядей Бекиром.

Медленно, чтобы не испугать его своим напором, раз-два-три, поворот, дружеские объятия:

— Здравствуйте, дядя Бекир! Я так рада вас видеть в добром здравии после всего, что произошло.

— Йэвгеша, милая! — его глаза неуверенно бегают, ища подвох, я улыбаюсь, глажу его отвратительно мягкие жирные плечи, потом опускаю голову:

— Ой, мне, кажется, в глаз что-то попало, — лезу за косметичкой, не отпуская его рукав, не сбежишь, дядюшка, не надейся. Улыбайся, гад, улыбайся! Недолго тебе осталось. — Дядя Бекир, посмотрите, я убрала ресничку?

Закатываю глаза, прижимаясь к нему поплотнее, чувствую, как старый извращенец потеет, хватая меня за талию, убираю в сумку косметичку, а то, что было в ней, опускаю во внутренний карман дядюшкиного пиджака. Порядок, улыбаемся, кланяемся!

— До встречи, дядя Бекир!

Пробежаться в ритме вальса до самых ворот, зацепить тощего мальчика с камерой и бейджиком «пресса», улыбнуться гориллоподобному охраннику «он со мной», внимательно посмотреть прямо в глаза, дождаться, пока покраснеет и улыбнуться:

— Видишь полного мужчину в сером костюме? Будешь снимать его весь вечер, только его, понял? Он мой дядя, он хочет познакомиться с одним человеком и чтобы это было на плёнке. Деньгами не обижу.

Подмигнуть и сунуть в нагрудный карман свёрнутую купюру и визитку Энвера — всё равно ему потом будет не до того. Пробежаться к изрядно скучающим в компании друг друга мужчинам, осветить их вечер улыбкой и приказным тоном прошептать на ухо Энверу:

— Попроси у дяди Бекира визитку, только стань так, чтобы не заслонять обзор вон той толпе китайцев и вон тому мальчику с камерой.

— Что ты задумала?

— Испорчу уроду бизнес, тебе понравится, — Лёшка дёргает меня за рукав и не разжимая зубов, сквозь голливудскую улыбку шепчет:

— У тебя такое пламя в глазах только тогда, когда патрон досылаешь. Потом обычно кому-то больно.

— В этот раз я тоже не промахнусь, — Энвер смотрит на нас обоих, качает головой и что-то тихо говорит своим часам.

В ту же секунду к Бекиру подходит неприметный молодой человек и что-то спрашивает, став именно так, как нужно. Толстяк растерянно роется во внутреннем кармане и с недоумевающим видом достаёт на свет божий... сверкающий золотой медальон с замысловатым иероглифом с одной стороны и чёрным драконом с другой.

Медальон вращается на цепочке, восхищенно-ошарашенный вздох прокатывается по толпе волной, китайцы каменеют лицами и ровные, как истуканы, строем выходят из зала. Проходя мимо Бекира, старый умный ювелир Ки Вонг бросает сквозь зубы только одну короткую фразу. Его никто не слышит, но я и так знаю, что он сказал.

«Никакого бизнеса».

И скорее всего, никогда. Теперь жирному уроду закрыт путь на восток, дедушку Вонга все уважают и к его мнению прислушаются.

Потому что старый китаец гордится своей историей. Потому что его род уже много поколений собирает императорские реликвии. Потому что он искал этого дракона больше двадцати лет. Потому что все знали, что семья Ки не скупится на такие реликвии и очень ими дорожит... а человек, которому на них наплевать, много лет не подавал вида, что знает, где медальон, и вот так запросто таскает бесценный артефакт в кармане.

И кстати теперь, когда у дедушки Вонга слился основной зарубежный партнёр, он обратит благосклонный взор на других, таких, как моя обожаемая маман. Собью с неё подарок.

Зал шумит, репортёры щелкают и тараторят, я отворачиваюсь и неспеша пью белое вино, я его не люблю, оно просто подходит к платью.

— Поехали отсюда?

Лёшка смотрит на меня устало, я киваю и мы под руку уходим из зала. Я оборачиваюсь через плечо, чтобы в последний раз улыбнуться умному бульдожке Энверу и незаметно послать воздушный поцелуй.

Мы сидели в самолёте уже полчаса, я извертелся, пытаюсь пристроить свою болящую спину и ушибленную руку, которую добрый доктор завернул в бинты и вложил в специальный фиксирующий карман. Как калека с ним выгляжу, честное слово. Морда опять штопанная-перештопанная, пальцы не разгибаются, торчат как деревянные, костяшки стёсаны — всё как обычно, короче. Красавчик, хоть куда.

Женька наоборот буквально за два дня так похорошела, что если бы своими глазами не видел её разбитое лицо, ни за что бы не поверил. На ней, наверное, тонна косметики, хотя так сразу и не скажешь — лицо как лицо. Завибрировал телефон, она поморщившись достала трубку, сказала два слова и отключилась. Потом с виноватым видом повернулась ко мне:

— Энвер сказал, что только что взял снайпера на вон той крыше, — я проследил за её взглядом, оценил крышу, пожал плечами.

— Выходит, ничего ещё не кончилось?

— Не знаю... Он думает, что нас будут ловить дома те же уроды. Сейчас связывается с коллегами из наших краёв, но всё равно рекомендует, чтобы нас встретили в аэропорту и проводили до дома.

Я вздохнул, попытался приподнять руки, сдался через пару секунд — я теперь не боец как минимум на неделю. Глянул на её телефон:

— У тебя хватит денег домой позвонить?

— На, у меня безлимит. — Ячуть не уронил трубку корявыми пальцами, с трудом набрал код и единственный номер, который никогда не забуду, дождался бодрого «алло» и вздохнул:

— Сань, привет, это Лёха. Дружище, мне неудобно тебя просить второй раз, но, блин, я в полной заднице.

***

Всю дорогу я проспал. Проснулся только когда меня Женька пристёгивала перед самой посадкой, понял, что обезболивающее выдохлось, но просить у неё ещё таблетку не решился. На скользкой плитке в зале прибытия два раза чуть не свалился, стал внимательно смотреть под ноги, наверное поэтому не сразу их заметил.

Шумная и весёлая толпа здоровых мужиков, изменившиеся с возрастом, но всё ещё узнаваемые лица. Санёк машет мне двумя руками, заставляя улыбнуться, несмотря на болящие швы, вся толпа раздражается приветственными воплями. Все двадцать шесть человек — мне не нужно их считать, я точно помню, сколько нас было в группе. И они все пришли. Внутри потеплело как от алкоголя, мне жали руки, хлопали по спине. Я наткнулся взглядом на неуместное здесь лицо, только хотел что-то спросить, как он подошел поближе и вполсилы вмазал мне по морде. Я проморгался, хлопнул его по плечу:

— Васян, прости. У меня не было выбора.

— Урод ты, вот кто, — Андрюха злобно выдохнул и ухмыльнулся, смерив меня взглядом, — хотя, я смотрю, тебе и без меня наваляли.

Я косо улыбнулся и промолчал.

Женька представила мне секретаря своего папика, я посадил её в машину с впечатляюще толстыми дверями, к которой прилагалось двоещё более

впечатляющих амбалов в костюмах. Машина медленно укатила с парковки и меня тут же потащил к себе в машину Андрей. Я только тут обратил внимание, что машин как-то слишком много. Димон постучал в окно одной из них, что-то сказал, три одинаковых серых бэхи выехали вперёд, ещё три завелись и когда мы выехали, пристроились за нами. Мы с Сашкой, Андреем и Димоном сели в машину, поехали, Дима постоянно вертел головой, иногда кому-то звонил, я наклонился к Сашке и непалевно прошептал:

— Где ты взял такую толпу народу за такое время?

Он заразительно хитро улыбнулся и прищурил один глаз:

— Лучше спроси, где я взял время, чтобы каждый будний день проводить две тренировки для твоих юных орлов.

— О боже... блин, я тебе по гроб жизни должен.

— Сочтёмся. А я собрал, кстати, только наших с тренировки. Шесть машин вооружённых бугаёв пригнал Димка.

— Кем он работает?

— Не знаю и спрашивать не советую.

— Да я и не скажу, — Дима в очередной раз выглянул в окно. — Лучше скажите мне, откуда взялись вот эти ребята на джипах, я их не знаю.

— Это мои, — Андрей довольно оскалился и почесал пузо. — Заберут мою бессознательную тушу, сразу после самого крутого кабака в городе, — он прицелился в меня пальцем, — ты мне должен.

— Я помню, — я хохотнул. — А там нет того друга, который тебе дракона подарил?

— Есть, а что, ты определился?

— Да, — я вспомнил золотой медальон, вращающийся в руках жирного уroda, ухмыльнулся. — Я решил, что хочу наколоть.

У Саньказа играл мобильный, он ответил, потом пихнул меня плечом:

— Мужики, раз уж мы такой компанией, может, съездим Виталича навестим? Когда мы в следующий раз все соберёмся?

Дима фыркнул:

— А ты уверен, что нас к нему пустят таким табором? Он уже три года не тренер, а рок-звезда, нужны мы ему?

Я выпучил глаза:

— Чё, серьёзно?

— А ты что, афиши не видел? «Гранд Каньон» супер шоу, вчера концерт был на стадионе.

— Так, спокойно, — ваян поднял ладони, — «Гранды» с арены?

— Да, он их басист.

— Ща всё будет пучком, я знаю их барабанщика. — Андрюха с хитрой лыбой достал мобильник, набрал номер. — Здоров, ушастый. Бери свою банду и валите в кабак. Да в какой хочешь, только чтоб мы туда все поместились. А хрен его знает, человек с полсотни, — он прикрыл трубку и прошептал Димону, — твоих сколько?

— Они не будут пить, они на работе.

— Злой ты, дядя, — он опять заорал в трубку, — Вася, твою мать, меня не интересует! Через полчаса чтоб были все в кабаке!

Он бросил телефон и довольно потёр ладони:

— Пацаны, всё в ажуре. Готовьте печень, это будет хард-кор!

Я откинулся на спинку, как дурак улыбаясь темнеющему небу и родным небоскрёбам. Я давно не чувствовал себя настолько дома.

***

Просыпался я медленно и тяжело, пол слегка качало, шумела вода. Блин, меня что, опять связали и умыкают морем? Ну почему я не могу хоть раз тихо-мирно проснуться в постели и не связанный?

Попытавшись открыть глаза, я понял, что вокруг светло, но очень мутно. Закрыв, стал вспоминать, чем всё вчера кончилось. Так, кабак, коньяк, рокеры... мы с Андрюхой танцевали на рояле, били об голову бутылки с вином... я что, правда это делал? Понемногу подняв руку и пощупав лоб, я убедился, что делал — шишка была охренительная. Потом вроде как я рассказывал, за что должен васяну... и даже изъявил желание съесть с ним банку скумбрии на брудершафт. Официант охренел от нашего заказа, блин, вспомнить бы, ели мы её всё-таки или нет? Судя по ощущениям во рту, ели. И не только её.

Потом мы с Виталичем играли на гитарах и пели, мне так понравилось... учитывая, что это был первый раз в жизни, когда я держал в руках музыкальный инструмент. Да и петь я не умел никогда... до вчерашнего вечера, ага. Дальше были танцы, купание в декоративном бассейне с лилиями, тагуированный друг Андрюхи что-то искал в интернете и тыкал мне в лицо ноутбуком... зачем? Блин, давно я так не напивался.

Попытавшись ещё раз открыть глаза, я понял, что не связан, просто руки-ноги онемели от лежания в неудобной позе. По мне текла вода, насквозь пропитавшая одежду и ботинки, хорошо протерев глаза, я понял, что лежу на полу в общажной душевой. И что вода очень, очень холодная. С трудом поднявшись, я переключил на горячую и опять улёгся, как кайфово лежать на полу под душиком, благодать...

Что я ещё вчера делал? Катался по ночным улицам в огромном джипе, высунувшись по пояс из люка и вопя, как люблю свой город. Потом сидел голый в неудобной позе в каком-то очень цветном помещении и надо мной колдовал Андрюхин друг и ещё два каких-то мужика. Потом — всё, провал. Надо встать и попытаться привести себя в порядок, может, что-то ещё вспомню. Поднялся, держась за стены, выключил воду, доковылял до туалета, расстегнул штаны... понял, что что-то не так, присмотрелся, с трудом фокусируя взгляд... с протяжным стоном опёрся о стену и постучался в неё головой, от чего она взорвалась болью пуще прежнего. «Я люблю Женю». Изящным готическим шрифтом, во всю длину. Твою мать, а болит-то как...

Еле-еле дополз до кровати, стащил одежду, понял, что футболка в крови. Спина болит, к зеркалу идти влом, а через плечо не видно, что там такое... боже, пусть мне это снится. Кое-как сняв всё остальное, я завернулся в одеяло и опять отрубился.

***

— Вставай, алкоголик.

Меня качали за плечо, спасибо, хоть за здоровое. Приоткрыв глаза, я увидел банку кефира, страстно застонал и присосался к ней, пока она не опустела. Потом поднял глаза на Женьку, стало очень стыдно, я спрятал наглуую морду под одеяло:

— Я больше не буду...

— Ещё бы. Ты в зеркало себя видел?

— Нет.

— Показать?

— Я щас тебе кое-что покруче покажу, — я откинул одеяло и продемонстривал,

насколько я её люблю.

Она потрясённо выдохнула и зажала рот руками, пуча глаза и всё больше заливаясь краской. Потом протянула мне зеркальце:

— На шею свою глянь.

Я глянул. За левым ухом спускался по шее столбик иероглифов, окружённый красной напухшей кожей.

— Ты можешь это прочитать?

— Не очень... тут что-то про драконов, смерть и войну.

— Ну, хоть так.

Я с трудом поднялся, Женька ахнула и указала на мою спину, я добрёл до ванной, глянул в большое зеркало — тут набили то, что надо, тот самый, с медальона, только художественно детализированный. Хорошо нарисовали.

— Жень, когда я пришёл?

— Тебя принесли близнецы, в семь утра. И дали вот это, — она протянула маленький картонный прямоугольник, я взял. Незнакомые имя и фамилия, номер телефона какой-то странный, без кода и цифр слишком мало. На обороте ручкой наискось: «Нельзя сделать то, что ты сделал, и спокойно жить дальше. Позвони мне».

Вот и узнали, кем работает Сашкин брат... Ладно, проблемы надо решать по мере их возникновения. А сейчас меня больше интересует, остался ли ещё кефир.

***

Розовый блокнот на замке, последняя страница (или мечтайте осторожнее — мечты сбываются)

Часто бывает так, что придумывая какой-то идеальный образ и страстно желая его всем сердцем, мы в глубине души уверены, что он не существует в реальном мире. Потому что идеал в принципе не должен быть воплощен, во-первых, воплотить его невозможно, во-вторых — воплощая, мы перестаём считать его совершенством.

Когда после вечерней молитвы я уходила в комнату и тайно просила всевышнего о дерзком и храбром красавце, способном преодолеть три ограды и сигнализацию ради свидания со мной, я чувствовала себя принцессой из сказки, запертой в замке с драконом в ожидании героя. И только в редкие моменты откровенности с самой собой признавала, что сказки — это всего лишь сказки. В нашем мире и в наше время, принцесса скорее умрёт от старости, чем дождётся такого отчаянно глупого принца.

Но лично я умирать не собиралась, я готовилась убить дракона пилочкой и сама проложить себе путь на свободу. Выгодно продать шкуру и зубы, сдать замок в аренду, на выручку нанять небольшую армию и двинуться на завоевание собственного королевства, украшая придорожные столбы головами некондиционных принцев.

Вот только когда твоё оружие годно только на то, чтобы делать маникюр, ибо меча принцессе не положено, приходится учиться владеть пилочкой на уровне мастера кун-фу.

Единственное, что у меня есть в этой жизни — это я сама. И я всю жизнь оттачивала себя так, чтобы разорвать дракона обстоятельств голыми руками.

Прошло много времени, мой идеальный герой так и не добрался до моего окна, школа кончилась и я опять оказалась в непривычно тёплой, почти забытой родной стране. Монастырские стены сменились корпусами универа, уютная комната с видом на парк — половиной блока в обшарпанной общаге, богатая глупышка-соседка... пожалуй, это был самый большой сюрприз.

Когда, проснувшись, я увидела в постели соседки полуголового здоровяка, моё мировоззрение, в которое годами вбивали нормы приличия, получило такой удар кувалдой, к которому было совершенно не готово. А он вдобавок оказался хамом и грязнулей, за что убить его ночью пилочкой стало моим навязчивым желанием.

Но стоило только посмотреть на него — и всё. Пилочка уже не поднималась, злобные комментарии застревали в горле и сердце начинало плясать ираспеватьбравые марши... Высокий, тонкий в талии как мультяшный герой, с широкой грудью и сильными плечами, с дерзким взглядом озорных серых глаз. Его горячие руки сметали все логические доводы, а глубокий бархатный голос уносил на седьмое небо!

Похоже, мой волшебный принц всё-таки забрался ночью в мою комнату, но против ожидания — не через окно. Моя воплощённая мечта на поверку оказалась полна мелких недостатков, но глупая влюбленность от этого почему-то не проходила. После каждой его выходки становилось ужасно обидно и больно за то, что он грубой реальностью опошляет мою чистую мечту.

Во время тайных молитв лунными ночами мне и в голову не приходило, что после забираяния в окно и радостных объятий должно что-то следовать, что храбрый принц бывает

неправ, резок и груб, что у него может что-то болеть или не получаться, что у него так же, как у всех людей, идёт кровь и наливаются синяки. Что у героя вполне могут быть враги, нажитые до меня. И что принимая его таким, какой он есть, я получаю всё это в довесок.

Но я решилась, я встала не за спиной, а рядом и мы вместе пошли по нашему общему пути. Я поддерживала и ободряла, бинтовала раны и прикрывала спину, и моя острая пилочка стала хоть слабенькой, но всё же поддержкой его мечу. За долгий путь я сотню раз успела его возненавидеть, но восхищалась и прощала всё же немного больше. Мы перебили всех драконов и прошагали многие километры, но я всё так же его люблю. Моего смелого, храброго и катастрофически реального принца.

(приписка ниже другим почерком)

Я тебя тоже очень люблю, моя отважная принцесса-воин. Помни, пожалуйста, об этом, когда будешь тыкать меня пилочкой за то, что читал твой дневник:)

P.S. Я что, правда хам и грязнуля?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net